

22

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

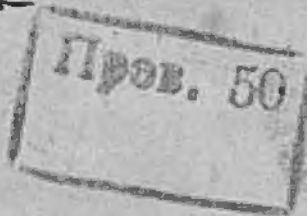
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ

№ 9, 10

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о).

На Страстномъ бульварѣ.

1871.

Л
И
Б
Р
А
Р
И
А
Т
Е
Р
С
К
А
Я
Б
И
О
Т
Е
К
А

РАСКИНЪ БРАТНУ

ВЪЗРАЖЕНІЕ

НА ПИСЬМО КЪ РАСКИНУ

М. РАСКИНУ

ПОСЛАНОЕ КЪ РАСКИНУ

2. 10

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪЗРАЖЕНІЕ НА ПИСЬМО КЪ РАСКИНУ

ПОСЛАНОЕ КЪ РАСКИНУ

1871

УРОКИ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

I.

Франція представляла въ послѣднее время такое зрѣлище изумленному міру что было бы въ высшей степени трудно приискать для него сколько-нибудь вѣрную аналогію. Чего только не видали мы менѣе чѣмъ въ теченіи одного года? Сдача въ плѣнъ цѣлыхъ армій, вмѣстѣ съ императоромъ и всѣми маршалами; революціонный переворотъ измѣнившій форму правленія; осада и капитуляція Парижа, отторженіе двухъ лучшихъ провинцій, уплата нѣсколькихъ милліардовъ контрибуціи, междоусобная война, наконецъ варварское разрушеніе столицы—вотъ событія слѣдовавшія одно за другимъ съ быстротой которая встрѣчается только въ волшебныхъ сказкахъ и низведенія одно изъ могущественнѣйшихъ государствъ Европы до послѣдней степени униженія. Подъ бременемъ этихъ неслыханныхъ несчастій, Французскому народу суждено было испытать самыя противоположныя ощущенія: въ первое время онъ всецѣло предавался чувству непримиримой вражды ко вѣншему непріятелю, и этотъ непріятель нанесъ ему такіе тяжкіе удары что, по общему убѣжденію, вражда не могла утихнуть съ прекращеніемъ борьбы, что ею должны были проникнуться грядущія поколѣнія до тѣхъ поръ пока не удастся имъ

отмстить за гибель отечества. Но наступила минута когда даже это весьма естественное чувство едва не изгладилось въ сердцѣ Французской націи. Она подверглась бѣдствіямъ которыя были едва ли не хуже бѣдствій уже обрушившихся на нее; она недоумѣвала кого слѣдуетъ ненавидѣть сильнѣе, Нѣмцевъ ли, все еще стоявшихъ на ея почвѣ, или шайки собственныхъ согражданъ съ примѣсю негодяевъ и искателей приключеній, свившихъ себѣ гнѣздо въ ея главномъ городѣ. Фактъ невѣроятный, еслибы сами Французы не засвидѣтельствовали о немъ: во многихъ мѣстностяхъ жители были до такой степени уstraшены парижскими сатурналіями что присутствіе чужеземныхъ солдатъ служило для нихъ ручательствомъ безопасности и спокойствія! Какой другой народъ находился когда-нибудь въ такомъ критическомъ положеніи? Гдѣ можно найти что-либо подобное участи постигшей Парижъ? Примѣры этого событія нужно искать въ отдаленной древности — въ разрушеніи Вавилона, Карфагена, Иерусалима, Рима, — но всѣ они не могутъ быть вполне примѣнимы къ тому что произошло на нашихъ глазахъ: названныя нами столицы древнихъ государствъ пострадали отъ враждебныхъ силъ, которыя нисколько не были заинтересованы въ ихъ процвѣтаніи, но чтобы нація набросилась сама на себя и стала терзать себя собственными руками, въ виду побѣдоноснаго непріятеля, это, дѣйствительно, еще небывалое явленіе въ исторіи.... Оно должно было глубоко смутить всякаго кто сохранилъ вѣру въ будущія судьбы Французской націи. Насъ поражаетъ отчаянный вопль Джона Лемуана: „Finis patriae! у Французовъ нѣтъ болѣе отечества, — Франція погибла въ кораблекрушеніи“, но вопль этотъ понятенъ. Все что пережила несчастная страна въ послѣднее время обнаруживаетъ признаки тяжкой хронической болѣзни.

Само французское общество начинаетъ сознать эту истину. Не желаютъ уразумѣть ее только люди привыкшіе объяснять великія событія ничтожными причинами. Они все еще не въ состояніи добраться до корня совершающихся нынѣ явленій. Такъ, на примѣръ, весьма часто приходится слышать что главнымъ и чуть ли не единственнымъ виновникомъ теперешняго уладка Франціи былъ Наполеонъ III. Конечно, онъ много способствовалъ ея растлѣнію. Уже самый *coup d'état* 2го декабря долженъ былъ имѣть губительное дѣйствіе на массы, которыя, видя какъ легко искатели приклю-

ченій захватили громадную власть и какъ люди бывшіе въ нищетѣ вдругъ сдѣлались богачами, привыкли къ мысли что нѣтъ ничего выше успѣха и матеріальной силы. Мы полагаемъ что никому еще не удавалось въ немногихъ словахъ очертить съ такою яркостію пагубныя стороны Наполеонскаго режима какъ извѣстному англійскому писателю г. Лабушеру: „Правительство Наполеона во Франціи было, говоритъ онъ, отрицаніемъ Бога на землѣ. Его совѣтниками были безчестные люди, вѣчно интриговавшіе другъ противъ друга и соединявшіеся лишь для одной общей цѣли — наживаться на счетъ страны. Дворъ его былъ настоящимъ эльдорадо для прислужниковъ и паразитовъ, для сводниковъ и распутниковъ. Цѣлая восемнадцать лѣтъ власть, которую онъ пріобрѣлъ клятвенарушеніемъ и насиліемъ, удерживалъ онъ въ своихъ рукахъ, потворствуя самымъ грубымъ страстямъ народа организованною системой обмановъ и шпіонства. Подъ его блистательнымъ правленіемъ, Француженки старались превзойти одна другую въ самыхъ невоздержныхъ излишествахъ, а Французы постепенно теряли то мужество которымъ хотя отчасти искупалось ихъ легкомысліе. Находились, правда, и тогда честные граждане которые возвышали голосъ противъ этой непрерывной сатурналии торжествующаго порока, но немногіе внимали ихъ рѣчамъ. Все что было добраго, благороднаго, великодушнаго въ народѣ чахло въ этой испорченной атмосферѣ. Языкъ Паскаля и Корнеля обращенъ былъ въ средство развращенія умовъ. Событіемъ дня считалась новая піеса обоготворявшая развратницу и прелюбодѣйку, или подвигъ какой-нибудь актрисы изобрѣтшей новое средство оскорблять общественную нравственность. Парижъ обратился во всемірный рынокъ куда стекались со всѣхъ концовъ земнаго шара самые лустые, самые бездѣльные и самые развратные люди. Для мужчинъ разбогатѣть, а для женщинъ попасть въ милость какого-нибудь императорскаго чиновника, вотъ что служило рекомендаціей для успѣха въ обществѣ. Границы между добродѣтелью и порокомъ сгладились. Придворная дама улыбалась публичной женщинѣ и старалась подражать ей въ одеждѣ и манерахъ. Шулера, биржевые игроки, искатели приключеній и государственные люди были между собою задушевными друзьями. Ни у одного изъ тѣхъ которые оскорбляли скромный трудъ своею тщеславною роскошью никто не спрашивалъ какимъ путемъ добыто его богатство.

Честъ и истинное благородство были отброшены какъ предразсудки стараго времени. Мы знаемъ теперь какія были послѣдствія этого прискорбнаго положенія дѣлъ....“ Такова поразительная картина, нарисованная рукой мастера, но если даже допустить что картина эта отличается безупречною вѣрностью своихъ красокъ, то все-таки возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить что подобный порядокъ вещей могъ утвердиться во Франціи? Гдѣ разгадка того необычайнаго явленія что Наполеонъ III, за которымъ, особенно теперь, не хотятъ признать даже обширнаго ума, энергіи и способностей, успѣлъ до такой степени захватить страну въ свои руки что она безпрекословно склонилась подъ его игомъ? Любопытно также разсмотрѣть была ли гнусная система правленія которую водворилъ этотъ человѣкъ слѣдствіемъ испорченности его натуры, его дурныхъ инстинктовъ или, напротивъ, онъ не могъ идти по другому пути еслибы даже и дѣлалъ для того попытки.

До самой послѣдней минуты французское общество было твердо убѣждено что революція прошлаго столѣтія воскресила его къ новой жизни, поставила его на недосыгаемую высоту и обезпечила ему благотворное политическое и гражданское развитіе. На какую-нибудь Пруссію, которая еще не освободилась, по его мнѣнію, отъ средневѣковыхъ преданій и гдѣ верховная власть ссылается на свое божественное происхожденіе, привыкло оно смотрѣть свысока. Возникаетъ, однако, столкновеніе между революціонною Франціей и консервативною Пруссіей—и Франція раздавлена. Она понесла разгромъ о какомъ и не запомнить при прежнихъ своихъ короляхъ до 1789 года. И, что замѣчательно, подобный разгромъ постигаетъ ее уже не впервые послѣ революціи: она была завоевана теперь, точно такъ же какъ была завоевана въ 1815 году, и кромѣ того уже три раза, сначала генераль Кавеньякъ, потомъ Лудовикъ - Наполеонъ и наконецъ маршаль Макъ-Магонъ должны были прибѣгать къ страшнымъ мѣрамъ чтобы „спасти“ ее отъ анархіи. А между тѣмъ не болѣе восьмидесяти лѣтъ протекло послѣ ея знаменитой революціи. Не доказываетъ ли это что хотя старый порядокъ вещей сопряженъ былъ съ возмутительными злоупотребленіями, было въ немъ нѣчто недостающее новой Франціи, и что безусловный разрывъ съ прошедшимъ не пошелъ ей въ прокъ?

Революція конца прошлаго столѣтія ознаменована была страшными злодѣйствами. Многіе писатели старались доказать

что нечего смущаться ими, что они были неизбежнымъ послѣдствіемъ болѣзненнаго кризиса, что по мѣрѣ того какъ общество будетъ усвоивать провозглашенные революціей новыя начала политическаго и соціальнаго развитія, оно легко восторжествуетъ надъ анархическими элементами. Позволительно ли утѣшать себя подобными надеждами послѣ всего что мы видѣли теперь? Не обнаружили ли событія послѣднихъ лѣтъ что зло не только не уменьшается, но постоянно возрастаетъ? Трудно, конечно, рѣшить вопросъ, кому слѣдуетъ отдать преимущество, террористамъ ли 1793 года или героямъ парижской коммуны, тогдашнимъ *tricoteuses* или нынѣшнимъ *petroleuses*, комиссарамъ конвента, пытавшимся стереть съ лица земли Ліонъ и Тулонъ, или достойнымъ ихъ потомкамъ, которые хладнокровно и обдуманно приняли мѣры для сожженія Парижа: если необходимо, однако, сдѣлать различіе между тѣми и другими, то предпочтеніе должно быть отдано людямъ 1793 года. Несмотря на свои отвратительныя теоріи и постулки, они все-таки дорожили государственнымъ единствомъ и умѣли стоять грудью противъ чужеземнаго нашествія. Новѣйшіе ихъ послѣдователи давно уже отказались отъ этихъ предрасудковъ. Отечество утратило для нихъ всякій смыслъ. „Нѣтъ болѣе родины, да здравствуетъ человѣчество, говорила коммуна въ одной изъ своихъ прокламацій: родина не болѣе какъ призракъ, пустой звукъ; человѣчество—фактъ и истина. Франція умерла; отнынѣ начинается господство космополитизма“.... Имѣетъ ли право Франція гордиться своею цивилизаціей если въ средѣ ея развиваются, крѣпнутъ и пріобрѣтаютъ многочисленныхъ адептовъ такіа чудовищныя ученія?

Хуже всего то что не одна часть, а весь организмъ зараженъ опасною болѣзью. Можно было бы не приходить въ отчаяніе отъ безобразныхъ порывовъ анархическихъ элементовъ, еслибы все остальное общество сохранило вѣру въ идеалы и шло, съ неуклонною энергіей, по опредѣленному и вѣрному пути. Къ несчастію, этого-то и не замѣчаемъ мы въ современной Франціи. Не знаемъ что готовить ей будущее, но въ настоящемъ она обнаружила несостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ уже цѣлыхъ три четверти столѣтія какъ судорожно стремится она утвердить у себя политическую свободу, и тяжкія, кровавыя жертвы которыя приносила она для достиженія этой цѣли пораждали лишь глубокое разочарованіе. Наука ея находится въ упадкѣ; литература давно

уже утратила то значеніе которое нѣкогда имѣла въ Европѣ. Тьеръ замѣтилъ, въ 1848 году, что если сравнить тогдашнее учредительное собраніе съ учредительнымъ собраніемъ 1789 года, то нельзя не изумиться до какой степени современная Франція уступаетъ Франціи XVIII вѣка по обширности и основательности свѣдѣній, и этотъ фактъ становится еще ощутительнѣе въ настоящую минуту. Что касается общественной нравственности, то чтобы судить о ней, достаточно прислушаться къ приговорамъ лучшихъ представителей французскаго общества. „Смертельное разочарованіе и глубокая усталость, говоритъ Прево-Парадоль, — вотъ какой нынѣ темпераментъ у нашей нѣкогда столь пылкой націи. Послѣ цѣлаго ряда неудававшихся опытовъ и обманутыхъ надеждъ, возникло у насъ какое-то особенное общественное настроеніе, которое можно лучше всего опредѣлить сказавъ что оно составляетъ совершенную противоположность настроенію 1789 года. Сколько тогда Франція была готова увлекаться самыми великодушными надеждами, столько теперь относится она недовѣрчиво къ самымъ скромнымъ начинаніямъ. Неспособная ни къ ненависти, ни къ любви, чуждая всякихъ страстей и главное, лишенная всякой вѣры, она относится къ своимъ правительствамъ и къ заботамъ ихъ излѣчить ее или поправиться ей совершенно такъ же какъ безнадежные больные, которые съ спокойнымъ равнодушіемъ слушаютъ всѣхъ докторовъ и принимаютъ съ меланхолическою улыбкой ихъ совѣты. Эта безвыходная грусть заразила одинаково и молодыхъ и старыхъ, и тѣмъ сильнѣе она гложетъ человѣка чѣмъ болѣе возвышается онъ надъ другими своимъ патріотизмомъ и талантами“. 1848 годъ можно назвать послѣднимъ періодомъ когда Франція увлекалась еще пылкими надеждами, когда люди различныхъ партій вѣрили что страна выступаетъ на новый путь блестящаго развитія и достойна служить предметомъ подражанія для Европы, но уже и тогда нашелся писатель который имѣлъ мужество разрушить это самообольщеніе. Ромьё, въ извѣстной своей брошюрѣ, объявилъ удивленной публикѣ что нравственныя силы Франціи израсходованы, что наступило время физической силы, а съ нею періодъ кесарей. Эти слова показались тогда неслыханною дерзостью, тѣмъ болѣе что они исходили отъ человѣка весьма сомнительной нравственности, но послѣдующія событія не замедлили оправдать Ромьё. Вліяніе ихъ на лучшихъ людей

французскаго общества было чрезвычайно сильно. Исслѣдованіе симптомовъ той болѣзни отъ которой страдала Франція, — вотъ что сдѣлалось ихъ задачей, и на ряду съ безнравственною, легкомысленною, зловредною литературой, вполне справедливо заслужившею суровый о ней приговоръ знаменитаго германскаго историка Момзена, возникла литература внушающая полное къ себѣ сочувствіе, но которую нельзя назвать иначе какъ литературой отчаянія. „Мы больны, мы заражены страшнымъ недугомъ“, не переставала твердить она и была бессильна указать на средства излѣчиться отъ недуга или указывала на такія средства которыя свидѣтельствовали только что она сама утратила всякую вѣру въ возможность исцѣленія. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ писателей, г. Эрнестъ Ренанъ, прямо высказалъ что всѣ надежды должны опираться отнынѣ на грубую силу. Упомянувъ именно о широкомъ развитіи которое получило теперь военное искусство, онъ замѣчаетъ: „Усовершенствованіе вооруженія окажетъ важныя услуги не въ борьбѣ только со внѣшнимъ врагомъ, но и во внутреннемъ быту государства, ибо оно послужитъ въ пользу правительства. Когда изобрѣтена была артиллерія, то первымъ ея дѣломъ было разрушить одинъ за другимъ феодальныя замки; въ настоящее время залпъ изъ усовершенствованныхъ орудій можетъ остановить цѣлую революцію. Въ отдаленныя отъ насъ эпохи, каждый гражданинъ равнялся солдату, но съ тѣхъ поръ какъ средства употребляемыя для войны сдѣлались предметомъ науки и требуютъ спеціальной подготовки чтобы умѣть владѣть ими, солдатъ получилъ огромный перевѣсъ надъ безоружною массой. Все понуждаетъ слѣдовательно думать что революціи будутъ подавляемы отнынѣ въ самомъ зародышѣ. Вотъ истина которую давно уже поняли, съ обычною своею проникательностью, іезуиты, старающіеся пристроиться къ Полетихнической и Сень-Сирской школамъ: они знаютъ что будущее принадлежитъ тѣмъ въ чьемъ распоряженіи находятся оружіе и дисциплинованныя силы.“ * Вотъ гдѣ видитъ Ренанъ спасеніе отъ періодическихъ смутъ терзающихъ его несчастное отечество...

* *Philosophie de l'histoire contemporaine* въ *Revue des deux Mondes*, 1 nov. 1869.

Европа была поражена безпримѣрною катастрофой которой подверглась Франція, но во всякомъ случаѣ эту катастрофу нельзя считать неожиданною. Давно уже чужлось ея приближеніе. Просвѣщенное меньшинство французскаго общества видѣло что избѣгнуть ея почти невозможно, а между тѣмъ даже оно не было въ состояніи, при обсужденіи ея причинъ, отрѣшиться отъ предубѣжденій.

II.

Многіе стараются снять отвѣтственность съ Франціи за неслыханную революцію разыгравшуюся въ стѣнахъ Парижа. Они говорятъ что это дикое явленіе было однимъ изъ симптомовъ тяжкаго недуга который терзаетъ не одну только Францію, но почти всю Европу. Развѣ пролетаріатъ не свирѣлствуетъ также въ Англіи, слышимъ мы, и развѣ не грозитъ онъ тамъ выставить ежеминутно многочисленную дружину, которая не задумалась бы, конечно, потрясти всѣ основы политическаго и общественнаго устройства этой страны? Отнюдь не лучше и положеніе Германіи, особенно Пруссіи, гдѣ союзы рабочихъ, установленные съ цѣлію способствовать развитію благосостоянія этого сословія путемъ строгой экономіи и системы взаимнаго вспомошествованія, видимо поддаются вліянію социализма; на митингахъ рабочихъ въ Вѣнѣ и въ другихъ большихъ европейскихъ центрахъ, не разъ уже выражалось явное сочувствіе къ парижской коммунѣ. Могла ли бы наконецъ эта коммуна держаться такъ долго, еслибы не опиралась на Международную Ассоціацію Рабочихъ (Internationale), считающую, по слухамъ, своихъ приверженцевъ не тысячами, а милліонами и имѣющую Англію своимъ главнымъ притономъ? Зло распространено слѣдовательно повсюду, и если проявилось съ разрушительною силою въ Парижѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, то единственно потому что на французской почвѣ обстоятельства оказались благопріятными для враговъ общественнаго спокойствія, потому что страна, подавленная и разоренная войной, не успѣла поставить отпора ихъ варварскимъ замысламъ. Франція напрягла, однако, послѣднія силы, и подавивъ мятежъ, она не только сама избавилась отъ опасности, но оказала великую услугу всей Европѣ. Повторяемъ, многіе

держатся этого взгляда, и между прочимъ онъ весьма краснорѣчиво изложенъ въ извѣстномъ циркулярѣ г. Жюль Фавра отъ 6го іюня.

Но едва ли можно согласиться съ нимъ. Конечно, было бы легкомысленно умалять опасность которая постоянно угрожаетъ западной Европѣ со стороны революціонныхъ и социалистическихъ ученій, но при всемъ томъ попрежнему остается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему именно во Франціи ученія эти находятъ столь широкое для себя поприще? Ссылки на войну, со всѣми ужасами которыя повлекла она за собою, могутъ быть основательны только до извѣстной степени. Впервые, несчастныя войны веда въ послѣдніе годы не одна лишь Франція, а между тѣмъ нигдѣ еще анархія, въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, не была неизбѣжнымъ ихъ слутникомъ; во вторыхъ, было время когда Франція наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, когда о войнахъ не было и помину, и все таки она не убереглась отъ революціонныхъ смуть, приводившихъ въ изумленіе Европу. Для примѣра, не говоря уже о страшныхъ возстаніяхъ въ Ліонѣ и Парижѣ при Лудовикѣ-Филиппѣ, достаточно упомянуть объ іюльскихъ дняхъ 1848 года, когда Парижъ былъ также залитъ кровью и на баррикадахъ его дрались разъяренныя толпы, готовящіяся къ тѣмъ же самымъ дѣйствіямъ какъ и приверженцы теперешней коммуны. Не ясно ли что въ виду этихъ фактовъ трудно сваливать отвѣтственность исключительно на проиcки Международной Ассоціаціи?

Углубляясь въ причины разсматриваемаго нами явленія, мы невольно убѣждаемся что оно могло возникнуть только на французской почвѣ. Можно, конечно, указать на то или другое государство въ которомъ нѣтъ недостатка въ анархическихъ элементахъ, но повсюду эти элементы встрѣчаютъ твердый отпоръ со стороны большинства общества, проникнутаго здоровыми, разумными началами, которыми общество французское не обладаетъ, и въ этомъ состоитъ величайшее его несчастіе. Вотъ почему, хотя г. Жюль Фавръ и утверждалъ что Международная Ассоціація повсюду раскинула свои сѣти и что даже главный ея центръ находится въ Лондонѣ, она все-таки избрала не Англію, а Францію сценой для своихъ отвратительныхъ подвиговъ. Она была увѣрена что именно тутъ можетъ болѣе всего разчитывать на успѣхъ. Мы удивляемся грубому, животному матеріализму, которымъ

проникнуты были многочисленныя полчища коммуны, но явление это было возможно лишь въ странѣ гдѣ и высшее образованное общество заражено матеріализмомъ и давно уже утратило политическіе и нравственные идеалы; въ обществѣ которое, устами своихъ передовыхъ людей, постоянно воспѣвало гимны революціи и только въ ней видѣло надежный путь къ развитію; которое въ концѣ прошлаго столѣтія употребило всю свою энергію чтобы расшатать основы государства, а теперь содрогается въ виду враждебныхъ покушеній противъ существенныхъ основъ соціального порядка; въ обществѣ которое непрерывно стремилось къ политической свободѣ и не имѣетъ понятія о самыхъ необходимыхъ ея условіяхъ; которое не переставало требовать для себя сильнаго правительства и страдаетъ, однако, отсутствіемъ всякаго уваженія ко власти; въ обществѣ дошедшемъ до такой степени апатіи что нѣсколько тысячъ негодяевъ и искалеченій приключеній могли захватить въ свои руки его столицу и господствовать надъ ея громаднымъ населеніемъ....

Если французская публика готова считать подобное событіе чѣмъ-то чуть ли не случайнымъ и объяснять его посторонними причинами, то происходитъ это, намъ кажется, оттого что она не въ состояніи отнестись свободно къ своему прошедшему. Въ исторіи ея есть одна эпоха оцѣнка которой остается еще до сихъ поръ камнемъ преткновенія для ея писателей и политическихъ людей: мы говоримъ о революціи конца XVIII вѣка. Одни безусловно преклоняются предъ нею и считаютъ ее величайшимъ событіемъ въ исторіи не только своего отечества, но всей Европы. Самыя дикія и необузданныя проявленія демократіи нисколько не пугаютъ ихъ, а что касается диктатуры Наполеона I и Наполеона III, то это были, по ихъ мнѣнію, лишь временныя остановки и колебанія на пути прогресса, по которому неуклонно стремится Франція. Другіе проводятъ рѣзкую черту между двумя направленіями обнаружившимися въ революціонномъ движеніи истекшаго столѣтія: учредительное собраніе 1789—1791 годовъ провозгласило вполнѣ разумныя начала политическаго и гражданскаго порядка, и еслибы Франція, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сообразовалась съ этими началами, то была бы избавлена отъ испытанныхъ ею неудачъ и бѣдствій; такъ-называемые принципы 1789 года служатъ символомъ вѣры

даже для тѣхъ изъ Французовъ которые сознають до какой степени опасно перестраивать государственнѣй бытъ на основаніи отвлеченныхъ теорій; къ несчастію, говорятъ они, эти принципы были подавлены другими, породившими деспотизмъ массъ, презрѣніе къ свободѣ и ко всѣмъ установленнымъ правамъ. Такимъ образомъ революція вмѣщала въ себѣ и добро, и зло; воплощеніемъ добра было учредительное собраніе, а зла — конвентъ; тѣ же самыя противоположныя начала отразились и на всемъ послѣдующемъ развитіи Франціи: торжествомъ однихъ были кратковременныя періоды когда страна обольщала себя надеждами что ей удастся на революціонной почвѣ примирить господство порядка со свободой, а неизбѣжнымъ послѣдствіемъ другихъ были деспотизмъ Наполеоновъ и своеволие черни. Большинство просвѣщеннѣйшихъ французскихъ писателей держится этого взгляда, и не остался чуждъ ему даже Кине, которому удалось, послѣ Токвилля, написать самое замѣчательное сочиненіе о современныхъ судьбахъ его отечества.

Мы полагаемъ что воззрѣніе Зибеля, въ классическомъ трудѣ его о французской революціи, несравненно глубже. Германскій историкъ не думаетъ отрицать тѣ плодотворныя результаты которые извлекъ для себя Французскій народъ изъ этой революціи, а также громадное вліяніе ея на Европу. Она возвѣстила идеи которыя были до того времени чужды политическому и гражданскому строю большинства европейскихъ государствъ, хотя эти идеи были достояніемъ не одной Франціи, а плодомъ умственного движенія всей Европы въ XVIII вѣкѣ, и хотя въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Англіи и въ только-что возникавшей тогда республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, онѣ получили уже практическое примѣненіе. Почему же Европѣ послужили онѣ въ пользу, а въ примѣненіи къ самой Франціи оказались несостоятельными? Чѣмъ объяснить что заявленіе правъ человѣка (*déclaration des droits de l'homme*), которое почти буквально согласовалось съ подобнымъ же заявленіемъ въ Америкѣ; не помѣшало тамъ образоваться могущественному и благоустроенному государству, а во Франціи породило свирѣпый деспотизмъ черни? Зибель объясняетъ это тѣмъ что Франція была уже заражена тяжкимъ недугомъ, когда стала стремиться къ возрожденію, и что усвоивая новыя начала, она не освободилась отъ того зла которое привело ее къ упадку: при господствѣ стараго порядка вещей развились

эгоизмъ и взаимная вражда ея сословіи, неомѣрная централизація, подавившая всѣ зачатки самоуправленія, преклоненіе предъ грубою силой и презрѣніе къ праву и законности—и все это перенесла она съ собою въ революцію. Къ этому присоединилось опасное самообольщеніе что можно сызнова начать историческую жизнь, порвавъ всякія связи съ прошедшимъ,—самообольщеніе подъ вліяніемъ котораго было разрушено даже то что можно и слѣдовало спасти изъ 'прежняго государственнаго строя. Вотъ почему между тѣмъ какъ остальные страны идутъ путемъ постепенныхъ преобразованій и стараются согласовать нововведенія съ своими вѣковыми преданіями и обычаями, французскіе законодатели руководятся лишь теоріями и затѣмъ приходятъ въ ужасъ когда ничѣмъ не обузданная масса народа дѣлаетъ изъ этихъ теорій примѣненіе какого они не имѣли конечно въ виду. Говорятъ что учредительное собраніе 1789 года отличалось истиннымъ либерализмомъ и вѣрнымъ пониманіемъ свободы, но мы не думаемъ чтобы кто-нибудь, ознакомившись внимательно съ превосходнымъ трудомъ Зибея, рѣшился отрицать что на этомъ собраніи дежитъ отвѣтственность за всѣ послѣдующія невзгоды Франціи, что оно виновно если вмѣсто отмѣны стѣснительныхъ преградъ въ экономическомъ быту проложенъ былъ путь къ нарушенію собственности, если вмѣсто политической равноправности развилась ненависть къ высшимъ классамъ, вмѣсто религіозной вѣротерлимости преслѣдованіе духовенства, если подъ свободой разумѣлся дикій произволъ, а подъ равенствомъ систематическое преслѣдованіе всего что возвышалось надъ обычнымъ уровнемъ не только происхожденіемъ, но образованіемъ и талантами. Такимъ образомъ, французская революція была болѣзненнымъ явленіемъ, и болѣзненнымъ было также все послѣдующее развитіе Франціи. Но этого она никакъ не хотѣла понять до сихъ поръ. Напротивъ, она продолжала преклоняться предъ своею революціей, и низвергнувъ, въ теченіе менѣе чѣмъ одного столѣтія, нѣсколько правительствъ, ставила всѣмъ имъ въ вину что они уклонились отъ великихъ принциповъ завѣщанныхъ концомъ прошлаго вѣка, и олять-таки въ этомъ переворотѣ искала указаній для своего дальнѣйшаго развитія. Результаты были одни и тѣ же, то-есть новое разочарованіе и новыя неудачи. Французскому обществу тяжело было разстаться съ мыслью что въ 1789 году воплощенная политическая

мудрость снизошла на землю, и что необходимо лишь проникнуться истиннымъ смысломъ ея откровенія. Эмиль Ожье, въ какой-то изъ своихъ комедій, вложилъ весьма остроумное замѣчаніе въ уста одного изъ своихъ героев: „мы похожи на человѣка у котораго было, въ короткое время, семь насморковъ, и онъ вылѣчился отъ всѣхъ кромѣ перваго. Точно такъ же и Франція оправилась отъ всѣхъ своихъ революцій, но только не отъ первой.“

III.

Нельзя отрицать что въ теченіе послѣдней войны Франція вовсе не обнаружила того энтузіазма котораго можно было бы ожидать въ виду постигшихъ ее несчастій. Мы имѣемъ нынѣ множество свѣдѣній которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно настроенія ея народа: въ иныхъ мѣстахъ онъ съ какою-то непробудною апатіей покорялся своей горькой участи, въ другихъ предавался отчаянію, но нигдѣ не обнаружилось тѣхъ стремительныхъ порывовъ, того геройскаго мужества и готовности къ самопожертвованію которые въ критическія минуты спасаютъ государство. Еще поразительнѣе былъ недостатокъ въ способныхъ и энергическихъ руководителяхъ. Тщетно искала Франція „человѣка“, тщетно бросалась въ объятія всякому кто возбуждалъ надежды что можетъ спасти ее отъ бѣды,—такой человѣкъ не явился до самой послѣдней минуты. И въ позднее время, послѣ того какъ къ ужасамъ внѣшней войны присоединилось еще страшное междоусобіе, съ радостью схватилась она за семидесятилѣтняго Тьера, хотя Тьеръ, несмотря на всѣ свои заслуги, несетъ на себѣ не малую долю отвѣтственности за тѣ превратныя понятія въ которыхъ были воспитаны его соотечественники. Такого безлюдья не видимъ мы даже въ самыя печальныя времена старинной Франціи: какъ ни возмутителенъ былъ деспотизмъ Лудовика XIV, какимъ развратомъ ни отличались дворъ и высшая администрація при Лудовикѣ XV, все-таки и въ эти эпохи, заслужившія безпощадно строгій приговоръ исторіи, можно указать на цѣлый рядъ личностей которыми страна имѣла полное право гордиться. То ли же видимъ мы теперь? И если революція XVIII вѣка

считается благотворнымъ событіемъ въ жизни Французскаго народа, то чѣмъ же объяснить что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого событія Франція представляетъ столь печальную картину отсутствія гражданскихъ доблестей и замѣчательныхъ характеровъ?

Причинъ тому очень много, и мы постараемся указать на главнѣйшія.

Если до громаднаго переворота о которомъ идетъ рѣчь существовалъ уже разрывъ между низшими и высшими классами народа, то революція постаралась увеличить и даже окончательно закрѣпить его. Мало того, — она сдѣлала, съ политической точки зрѣнія, совершенно невозможнымъ положеніе того землевладѣльческаго сословія которое, во всѣхъ другихъ странахъ, стоитъ во главѣ сельскаго люда и служить ему руководителемъ. Это сословіе подверглось въ концѣ прошлаго столѣтія такимъ ударамъ отъ которыхъ трудно было ему оправиться. Въ ряду ихъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ законы противъ эмигрантовъ, число коихъ, послѣ всѣхъ безчисленныхъ казней, простиралось до 170.000. Всякій попавшій въ этотъ списокъ обреченъ былъ на гражданскую смерть, лишался права завѣщаній и наслѣдства, имущество его конфисковалось въ казну, и онъ самъ долженъ былъ оставаться въ изгнаніи, если не хотѣлъ заплатить головою за возвращеніе въ отечество. Законъ гласилъ, однако, что если онъ не могъ предъявлять права свои на наслѣдство, то права эти сохранялись въ полной силѣ относительно республики, которая являлась, такимъ образомъ, его представительницей; вслѣдствіе того не только помѣстья долженствовавшія перейти къ нему поступали тотчасъ же въ казну, но казна налагала секвестръ даже на имущество его родственниковъ и распоряжалась имъ произвольно. Этихъ варварскихъ мѣръ было совершенно достаточно чтобы потрясти французское дворянство.

Но это еще не все. Не менѣе, а быть-можетъ и болѣе сильный ударъ нанесенъ былъ ему законами о правѣ наслѣдованія, которые съ конца прошлаго столѣтія вошли въ плоть и кровь Французской націи. Революція совершившаяся во имя равенства и братства была въ высшей степени враждебна старому порядку вещей, при которомъ владѣлецъ могъ располагать своимъ имуществомъ въ пользу одного или нѣсколькихъ членовъ своего семейства, за исключеніемъ всѣхъ другихъ, съ

цѣлю не дробить земель. Уже Мирабо, который въ этомъ случаѣ руководился лишь воспоминаніями о семейныхъ своихъ раздорахъ, доказывалъ, въ учредительномъ собраніи, необходимость ограничить волю завѣщателя. „Неужели обществу недостаточно, говорилъ онъ, терпѣть отъ капризовъ и страстей живыхъ людей чтобы сообразоваться съ ихъ капризами когда они сошли даже въ могилу? Развѣ не тяготѣютъ на немъ, съ незапамятныхъ временъ и до нынѣшняго дня, гибельныя послѣдствія грубаго произвола завѣщателей? Неужели слѣдуетъ присоединить къ этому новыя невзгоды, которыя не замедлятъ возникнуть въ будущемъ отъ странныхъ, нерѣдко даже противоестественныхъ распоряженій посмертнымъ имуществомъ? Законъ уничтожаетъ такъ-называемыя завѣщанія *ab irato*, но оставляетъ въ силѣ всѣ другія, которыя можно было бы назвать *a deserto*, *a moroso*, *ab imbecile*, *a delirante*, *a superbo* и т. д. Сколько такихъ актовъ въ которыхъ не знаешь чему болѣе удивляться—глупости или самодурству: актовъ о которыхъ завѣщатель посовѣстился бы и заикнуться кому-нибудь при жизни, но тѣмъ не менѣе награждаетъ ими потомство, разчитывая что въ могилѣ не услышитъ уже ни упрековъ, ни насмѣшекъ“.... Учредительное собраніе и тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, будучи вынуждено сдѣлать выборъ между двумя принципами—принципами равенства и свободы,—избрало средній путь: оно отмѣнило многія изъ постановленій клонившихся ко вреду младшихъ членовъ семейства, утвердило законъ по которому, если не было завѣщанія, имущество дѣлилось поровну между всѣми родственниками одной и той же линіи, но все-таки предоставило завѣщателю право распоряжаться свободно значительною частью своего достоянія. Конвентъ пошелъ гораздо далѣе. Подъ вліяніемъ крайнихъ теорій, направлявшихъ его дѣятельность, онъ уничтожилъ разомъ все что было установлено обычаями и старымъ законодательствомъ: изданный имъ законъ 17 нивоза II года (6го января 1794) однимъ ударомъ подвергъ все частное право коренному разгрому. Въ основѣ новаго законодательства лежалъ принципъ равенства безъ малѣйшихъ ограниченій. Воля завѣщателя не ставилась ни во что: по смерти главы семейства имѣніе дѣлилось поровну между прямыми его наследниками. „Благодаря Конвенту, говоритъ Зибель, не существовало отнынѣ никакой возможности сохранить родовое помѣстье неприкосновеннымъ въ рукахъ трехъ смѣняющихся поколѣній.

Такимъ образомъ основы гражданскаго общества лишились всякой прочности; лицомъ къ лицу съ властію стояли не сомкнутыя группы, а отдѣльныя личности, вслѣдствіе чего рушились самыя надежныя гарантіи политической свободы. Все это не замедлило принести весьма печальныя плоды: въ то время какъ въ Англіи и въ Сѣверо-Американской республикѣ господствуетъ полная свобода завѣщаній, Наполеонъ I счелъ долгомъ сохранить въ цѣлости, лишь за весьма немногими измѣненіями, систему Конвента, ибо, по собственнымъ его словамъ, система эта служить надежнѣйшею опорой неограниченной власти. А въ вопросахъ подобнаго рода можно, конечно, положиться на авторитетъ Наполеона.“

Легко понять какое вліяніе оказали исчисленныя нами мѣры на положеніе дворянства. Значительная часть помѣстій принадлежавшихъ прежде дворянскому сословію перешли къ поселянамъ. Непріязненность отношеній не только не сгладилась, но еще увеличилась. Сельскій людъ, и безъ того относившійся враждебно къ дворянству по старой памяти о временахъ до 1789 года, былъ систематически воспитываемъ въ понятіяхъ что всѣ кто возвышается надъ нимъ происхожденіемъ и богатствомъ должны считаться естественными ихъ врагами. При настоящемъ положеніи, дворянскія помѣстья дробятся съ каждымъ поколѣніемъ, и законъ явно препятствуетъ искорененію этого зла, которое вліяетъ самымъ невыгоднымъ образомъ на политическое значеніе высшаго землевладѣльческаго сословія. Замѣчательнѣйшіе изъ политическихъ людей Франціи доказываютъ необходимость возстановить свободу завѣщаній въ томъ видѣ какъ она существуетъ, на примѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, но французское общество, всегда готовое принести всякія соображенія въ жертву необузданной жадности равенства, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго сочувствія къ попыткамъ такого рода. „Тщетно старался бы писатель, замѣтилъ по этому поводу Токвиль, противодѣйствовать ложнымъ понятіямъ которыя растлѣваютъ нашъ соціальный организмъ; ратуя за истину, онъ достигъ бы лишь того что окончательно погубилъ бы себя въ общественномъ мнѣніи.“ *

Никто не станетъ оспаривать той несомнѣнной истины что однимъ изъ главныхъ условій прочности государства служить

* *La réforme sociale en France*, par F. Le Play, t. II.

тѣсная связь между всеми классами его общества. Эта связь была поколеблена уже при старомъ порядкѣ вещей, но, какъ мы замѣтили сейчасъ, революція еще болѣе расширила пропасть между ними. Франція лишена тѣхъ услугъ которыя въ другихъ странахъ зажиточные землевладѣльцы оказываютъ именно своимъ вліяніемъ на низшіе слои населенія. Они не играютъ самостоятельной политической роли, потому что не имѣютъ опоры въ народѣ, а народъ очутился безъ вождей и служить безмолвнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи и революціи. Прево-Парадолъ совершенно справедливо видитъ въ этомъ одну изъ главныхъ язвъ своего отечества: „Конечно, говоритъ онъ, всякій разбогатѣвшій Французъ не прочь вмѣшиваться въ политику и пріобрѣсти болѣе или менѣе видное положеніе въ государствѣ; его прельщаетъ званіе депутата или генеральнаго совѣтника, но не болѣе какъ внѣшнее отличіе и придатокъ къ его богатству; очевидно однако что столь тщеславныя поползновенія не заслуживаютъ названія *честолюбія* въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, и непрерывно видимъ мы что кандидатъ на выборахъ заискиваетъ поддержки у правительства, хотя по личному своему положенію могъ бы обойтись и безъ нея. Такимъ образомъ формировались палаты второй имперіи, зрѣлище коихъ не можетъ не возбуждать живѣйшаго безпокойства за будущность страны. Эти удивительныя палаты состояли изъ гражданъ имѣвшихъ полное право, по своему богатству и положенію въ обществѣ, служить естественными представителями Франціи; они соединяли въ себѣ, повидимому, всѣ необходимыя условія весьма законнаго честолюбія и политической независимости, а между тѣмъ безъ покровительства имъ со стороны администраціи не значили ровно ничего, и такъ же мало осмѣливались въ палатѣ выступать противъ офиціальнаго оратора, какъ въ своемъ департаментѣ противъ префекта. Вотъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ симптомовъ нравственнаго упадка въ которомъ находится нынѣ наше отечество: матеріальная обезпеченность не порождаетъ независимости, и богатство не влечетъ за собою желанія управлять общественными дѣлами.“ * Замѣчаніе Прево-Парадоля весьма справедливо, но оно относится не ко второй только имперіи, но и къ прежнему времени: развѣ, напримѣръ, при Лудовикѣ-Филиппѣ не слышались

* *La France nouvelle*, par Prevost-Paradol.

жалобы что палата депутатовъ состояла по большей части изъ чиновниковъ, что въ ней находилось очень мало независимыхъ людей, посвящавшихъ себя общему дѣлу? Иначе не могло и быть. Г. Тьеръ говорилъ какъ-то въ одной изъ своихъ рѣчей что онъ отнюдь не жалѣетъ объ исчезновеніи стараго дворянства, что оно съ большою выгодой для страны было замѣнено дворянствомъ новымъ, воспитаннымъ въ идеяхъ великой революціи; но все современное развитіе Франціи краснорѣчиво свидѣтельствуется объ ошибочности этого взгляда. Конечно, другіе землевладѣльцы явились на мѣстѣ прежнихъ, но имъ не достаетъ прочной, освященной давностью связи съ окружающимъ ихъ населеніемъ. Такая связь, скажутъ намъ, исчезла задолго до 1789 года: не споримъ, но въ такомъ случаѣ нечего и восхищаться революціей, если она не только не способствовала къ сліянію сословій, но усугубила разрывъ между ними. Чѣмъ же другимъ объяснить тотъ низкій уровень политическихъ дѣятелей, отъ котораго страдаетъ нынѣ Франція?

IV.

Если высшее землевладѣльческое сословіе лишено подобающаго ему значенія во Франціи, то отнюдь не въ болѣе выгодномъ свѣтѣ представляются и крестьяне. Число мелкихъ собственниковъ въ этой странѣ простирается болѣе чѣмъ до 4 милліоновъ семействъ. Хотя значительная ихъ часть существовала уже до революціи, несомнѣнно однако что революція весьма сильно содѣйствовала ихъ умноженію, посредствомъ продажи имуществъ духовенства и эмигрантовъ, которыя нарочно были раздробляемы на такіе участки что пріобрѣтеніе ихъ становилось доступно всякому покупателю. Французскіе публицисты видятъ въ этомъ одно изъ важныхъ преимуществъ своей страны, особенно по сравненію съ сосѣднею Англіей, гдѣ земля сосредоточивается въ рукахъ лишь 30.000 владѣльцевъ: еще недавно г. Лавеле * доказывалъ что это самый надежный оплотъ противъ соціалистическихъ ученій, пропаганда коихъ въ провинціяхъ неминуемо вызоветъ сильный

* *La question agraire en Irlande et en Angleterre*, par E. de Laveleye.

отпоръ со стороны крестьянъ-собственниковъ. Все это весьма справедливо, но лишь до известной степени. Если прислушаться къ тому что происходитъ нынѣ во Франціи, то слѣдуетъ заключить что социализмъ не ограничивается городами, но начинаетъ дѣлать завоеванія и въ деревняхъ. „Въ нѣкоторыхъ селахъ, говоритъ Ренанъ, положеніе фермеровъ и ихъ работниковъ представляетъ поразительное сходство съ положеніемъ хозяевъ и рабочихъ въ большихъ мануфактурныхъ центрахъ; крестьяне проповѣдуютъ тамъ доктрины красной, радикальной и разрушительной политики съ такою же самоувѣренностію какъ рабочіе Белльвильскаго и Сентъ-Антуанскаго предмѣстьевъ. Твердая увѣренность что безусловное равенство должно господствовать въ обществѣ; что къ правительству не слѣдуетъ питать ни уваженія, ни признательности; что люди не учившіеся равно ничему нисколько не глупѣе тѣхъ что управляютъ государствомъ, а высшая политическая мудрость состоитъ просто-на-просто въ томъ чтобы сообразоваться съ волей большинства,—вотъ какое направленіе распространяется въ нашихъ деревняхъ.“ Ренанъ писалъ эти слова въ 1869 году, не подозревая что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они будутъ подтверждены цѣлымъ рядомъ поразительныхъ событій: нѣкоторые изъ нашихъ читателей обратили, быть-можетъ, вниманіе на замѣчательную статью *Revue des deux Mondes* (*Les paysans et l'esprit des campagnes* par Eugène Liébert, № 15 sept. 1870), сообщавшую любопытныя свѣдѣнія о настроеніи которое овладѣло французскими крестьянами въ теченіе недавней войны,—свѣдѣнія подтвержденныя также корреспондентами англійскихъ газетъ. Еще задолго до коммуны, и когда всѣ усилія страны были направлены противъ чужеземнаго врага, Франція имѣла достаточно поводовъ страшиться междоусобной войны. Крестьяне готовы были подняться противъ горожанъ и владѣльцевъ замковъ; если ненависть ихъ въ концѣ прошлаго столѣтія обращена была противъ дворянъ, эмигрантовъ и священниковъ, то теперь они преслѣдовали ея всякаго кто сколько-нибудь возвышался надъ общимъ уровнемъ своимъ образованіемъ или матеріальными средствами. Безпрерывно слышались угрозы поджоговъ и грабежа. Хотя причиной этого было въ значительной степени невѣжественное сожалѣніе о павшемъ правительствѣ, но на ряду съ нею дѣйствовали и другія, гораздо болѣе тревожнаго свойства: „Къ сожалѣнію нужно сознаться,

говорить авторъ статьи *Revue des deux Mondes*, что крестьяне выдѣляютъ въ особую категорію, къ которой относятся съ враждой, завистью и страхомъ, лицъ живущихъ своими доходами, зажиточныхъ землевладѣльцевъ, чиновниковъ, словомъ, всѣхъ у кого не закрубили руки и не болитъ спина отъ работы.“ Вотъ поистинѣ удивительный фактъ! Въ Англіи земля сосредоточена въ обладаніи малочисленнаго меньшинства, и если крестьянское сословіе не можетъ быть тамъ довольно своею участію, то все-таки мы еще не видимъ чтобъ оно прибѣгло къ дѣйствіямъ которыя имѣли бы цѣлю разрушеніе установленнаго порядка вещей; во Франціи существуетъ, напротивъ, огромное количество мелкихъ собственниковъ, а между тѣмъ уже и въ ихъ средѣ социализмъ встрѣчаетъ многочисленныхъ приверженцевъ. Что же доказываетъ этотъ фактъ? Говорить ли онъ исключительно въ пользу крупнаго землевладѣнія? Сохрани Богъ отъ подобной нелѣпости, но, смѣемъ думать, онъ вполне убѣдительно подтверждаетъ высказанную нами выше мысль что во Франціи находятся особыя условія, присущія именно этой странѣ, которыя способствуютъ успѣшному распространенію самыхъ вредныхъ ученій въ низшихъ слояхъ населенія.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что революція, содѣйствуя переходу имуществъ дворянства и духовенства въ руки крестьянъ, обезпечила матеріальное довольство этого послѣдняго сословія, но такъ какъ всѣ ея мѣры запечатлѣны были возмутительнымъ произволомъ, то проклятіе легло и на ту о которой мы говоримъ теперь. Лучше всего объяснено было это г. Эдгаромъ Кинне въ его замѣчательной книгѣ о французской революціи. Когда Сулла, а послѣ него Цезарь и Августъ, говоритъ онъ, —

„раздавали земли своимъ приверженцамъ, что было неминуемымъ послѣдствіемъ этого событія? Новые владѣльцы отнюдь не усвоили духа независимости своихъ предшественниковъ; сдѣлавшись собственниками, они прониклись только однимъ чувствомъ,—чувствомъ страха; они боялись лишиться своего пріобрѣтенія. Чтобъ оградить себя на этотъ счетъ, они готовы были отдаться душой и тѣломъ всякому кто могъ имъ обезпечить обладаніе доставшеюся имъ землей.... Распредѣленіе земель во время французской революціи породило почти то же самое явленіе. Въ періодъ времени отъ 1791 до 1800 года новые владѣльцы не переставали трепетать за свое достояніе, потому ли что сомнѣвались сами въ его законности или потому что ждали новаго насильственнаго

поворота въ родѣ тѣхъ которые уже были ими пережиты. Какъ величайшей милости жаждали они чтобъ имъ была обезпечена не свобода, а безмятежное обладаніе собственностью; безпрерывно призывали они деспотическую власть которая оградилъ бы ихъ своимъ мечомъ противъ прежнихъ помѣщиковъ. Въ большей части государствъ правительство опирается на землевладѣльцевъ; во Франціи же землевладѣльцы вынуждены были опираться на правительство. Оно все еще казалось имъ недостаточно сильнымъ пока не поглотило всю политическую и общественную жизнь. Пріобрѣтеніе національныхъ имуществъ послужило такимъ образомъ, подобно *donativum* въ послѣднія времена Римской республики, звеномъ соединявшимъ новыхъ собственниковъ съ какою угодно властью которая стояла на стражѣ ихъ интересовъ. Никакая другая идея не связана съ этимъ событіемъ.*

Приведенныя нами слова г. Кине относятся не къ лицамъ только высшаго класса которыя пріобрѣли земли принадлежавшія прежде духовенству и дворянству, но также и къ крестьянскому сословію. Оно погрязло въ глубокомъ невѣжествѣ до 1789 года и продолжаетъ погрязать въ немъ до сихъ поръ, ибо мнимые его доброжелатели, предоставивъ ему всевозможныя политическія права, не считали нужнымъ научить его пользоваться ими. Оно ненавидѣло прежде тѣхъ кто возвышался надъ нимъ образованіемъ и богатствомъ и, быть-можетъ, еще сильнѣе ненавидитъ ихъ теперь. Значительная часть этого сословія превратилась въ землевладѣльцевъ, но такъ какъ собственность досталась ему вслѣдствіе революціонныхъ бурь, когда съ ножомъ въ рукахъ отнимали ее у однихъ чтобъ отдать другимъ, то чувство страха, раболѣпіе и грубый эгоизмъ всецѣло овладѣли имъ. Французскій крестьянинъ не знаетъ и не хочетъ знать ничего внѣ того тѣснаго міра въ которомъ вращается его всеневная жизнь. Ни какіе высшіе интересы, еслибы даже дѣло шло о спасеніи государства, недоступны ему, ибо служеніе этимъ интересамъ требуетъ жертвъ, а онъ на нихъ неспособенъ. Всѣ эти люди отличаются одинаковою нравственною физіономіей; всѣ они проникнуты одними и тѣми же предразсудками и страстями; въ обыкновенное время они молятъ лишь о томъ чтобы ничто не нарушало ихъ спокойствія, а въ критическихъ обстоятельствахъ болѣе чѣмъ когда-нибудь овладѣваетъ ими апатія

* *La révolution par E. Quinet; t. II.*

и упадокъ духа. Стремясь избѣгнуть печальныхъ послѣдствій закона о раздѣлѣ наслѣдства по равнымъ частямъ между дѣтьми, крестьяне заботятся чтобы дѣтей было у нихъ какъ можно меньше, чтобы число ихъ не превышало двухъ. Понятно какъ сильно должна страдать отъ этого нравственность, и здѣсь же лежитъ отчасти разгадка того что численность народонаселенія во Франціи возрастаетъ крайне туго, а именно оно удваивается тамъ въ теченіи 150, въ Германіи же въ 50 лѣтъ; въ 1816 году во Франціи приходилось на квадратную милю 500 жителями болѣе чѣмъ въ Германіи (за исключеніемъ Австріи), а въ 1861 наоборотъ, Германія считала 300 человекъ на томъ же пространствѣ болѣе чѣмъ Франція; при Наполеонѣ I число дѣтей простиралось до 4,1 на семейство, а при Наполеонѣ III лишь до 3,14. Замѣчено что народонаселеніе уменьшается преимущественно въ деревняхъ. Мы указали сейчасъ на одну изъ причинъ этого явленія; другая же состоитъ въ томъ что, по установившемуся обычаю, крестьяне не владѣющіе клочкомъ земли предпочитаютъ или даже бываютъ вынуждены искать себѣ работы въ городахъ. Это самый безпокойный разрядъ людей. Въ Парижѣ, Ліонѣ и другихъ большихъ центрахъ они тотчасъ же усваиваютъ социалистическія теоріи, столь присущія типу французскаго *ouvrier*, и становятся въ ряды пролетаріата. Всякій насильственный переворотъ въ высшей степени желателенъ для нихъ, ибо обѣщаетъ имъ поживу. Такимъ образомъ низшіе слои населенія составляютъ въ селахъ консервативный элементъ (мы упоминали сейчасъ въ какой мѣрѣ можно однако на него полагаться), а въ городахъ—элементъ разрушительный. Но источникъ того и другаго совершенно одинъ и тотъ же, а именно грубый эгоизмъ.

V.

Слѣдя за упадкомъ гражданскихъ доблестей въ характерѣ Французской націи, Токвилль замѣтилъ что революція породила не болѣе какъ „чинныхъ буржуа и малодушныхъ гражданъ“ (*des bourgeois rangés et des lâches citoyens*), и послѣ всего сказаннаго нами приговоръ этотъ отнюдь не кажется слишкомъ строгимъ. При томъ глубокомъ разрывѣ который существовалъ между различными классами ея народа, Франція была мало способна къ политической свободѣ, но любопытно

что страна столь легко подчиняющаяся деспотизму является вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени революціонною. Этого свойства не замѣчаемъ мы въ прежней ея исторіи, изъ чего можно безошибочно заключить что оно было результатомъ переворота пережитого ею въ концѣ прошлаго столѣтія.

И дѣйствительно такъ. Въ 1789 году Французы прониклись мыслью что единственное спасеніе для нихъ заключается въ коренномъ, безусловномъ разрывѣ съ прошедшимъ и въ пересозданіи государственнаго и гражданскаго строя на отвлеченныхъ теоретическихъ основахъ. Не было примѣра націи которая съ такимъ самодовольствомъ отрекалась бы отъ своей исторіи. Это чувство сохранила она и до сихъ поръ. Не далѣе какъ на дняхъ, одинъ изъ ея публицистовъ выразился такимъ образомъ: „Мы знаемъ что вся исторія Франціи, отъ самаго начала и до конца прошлаго столѣтія, весьма мало пригодна для политическаго воспитанія ея народа. Что такое она въ самомъ дѣлѣ какъ не исторія постепеннаго развитія неограниченной власти? Коммуны, дворянство, генеральныя штаты, вольности провинціальныя, мѣстныя, церковныя—развѣ все это не служило лишь подножіемъ для деспотизма? Мало уроковъ политической нравственности извлечетъ наша молодежь изъ изученія прошедшихъ судебъ своего отечества, мало завѣщали онѣ ей спасительныхъ уроковъ“. Если Франція разсуждаетъ такимъ образомъ теперь, когда у нея не осталось даже надеждъ которыя обольщали ее въ 1789 году, на другой день послѣ страшнаго разгрома, долженствовавшаго, кажется, открыть ей глаза, то нечего удивляться ольпаненію которое овладѣло ею съ первыхъ дней революціи. Началась неистовая ломка. Расшатаны были всѣ основы государственнаго зданія, созидавшагося въ теченіе вѣковъ, и открылось поле для самыхъ отважныхъ экспериментовъ.

Прежде всего пострадала отъ этого верховная власть. Съ конца истекшаго столѣтія каждое изъ правительствъ возникавшихъ во Франціи было не болѣе какъ правительствомъ той или другой партіи, и не было ни одного которое могло бы назваться вполнѣ національнымъ и опиралось бы на единодушное признаніе всего народа. Вина въ этомъ лежитъ не на демагогахъ только 1793 года, но и на конституантахъ, политическая мудрость которой вызываетъ еще до сихъ поръ восторженные похвалы французской публики. Выработанная

этимъ собраніемъ конституція дѣлалась невозможнымъ какое бы то ни было правительство—монархическое или республиканское. Напрасно болѣе чуткіе люди какъ Мирабо старались остановить его на скользкомъ пути: „Мы не дикари, которые голые приходятъ съ береговъ Ориноко чтобы присоединиться къ государству, говорилъ этотъ ораторъ; мы старая нація и безъ сомнѣнія слишкомъ старая для нашего времени. У насъ есть правительство, король, извѣстные предразсудки. Все это мы должны, насколько возможно, приурочить къ совершившемуся перевороту и предупредить внезапность перехода.“ Эти мудрыя предостереженія не встрѣчали никакого отголоска. Защитники конституанты указываютъ на то безвыходное положеніе въ которомъ это собраніе находилось, стремясь обуздать анархическія страсти и въ то же время страшась замысловъ со стороны короля противъ зарождавшейся свободы; но едва ли объясненіе это справедливо. Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться что знаменитая *Constituante* лишила королевскую власть всякаго ореола, всякой дѣйствительной силы, подорвала всякое къ ней уваженіе и поставила ее затѣмъ лицомъ къ лицу съ самыми страшными демократическими элементами которые когда-либо существовали въ образованномъ государствѣ. Слѣдствіемъ этого было то что Франція, до послѣдняго времени, страдала отъ недуга о которомъ извѣстный писатель, Александръ Гамилтонъ, выразился слѣдующимъ образомъ: „Нація безъ національнаго правительства представляетъ страшное и отвратительное зрѣлище.“

Говорятъ что законодатели 1789 года боролись, по мѣрѣ силъ, съ разгуломъ народныхъ страстей. Дѣйствительно, мы видимъ много попытокъ въ этомъ родѣ, а между тѣмъ не менѣе справедливо что французская демократія, со всѣми отвратительными своими свойствами — отсутствіемъ дисциплины, завистью, нетерпимостью и невѣжествомъ — имѣетъ полное право считать ихъ своими праотцами. Предъ началомъ революціи Франція менѣе всего способна была къ самоуправленію; высшія ея сословія отличались безпримѣрнымъ развратомъ; народъ погрязалъ въ мрачномъ невѣществѣ; къ тому же онъ былъ проникнутъ жаждой мести за всѣ невзгоды которые были имъ испытаны въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, и лишь только почувалъ свободу, далъ полную волю своимъ разрушительнымъ инстинктамъ. Призвать подобный народъ къ

участвію въ политической жизни было дѣломъ требовавшимъ крайней осторожности, но люди руководившіе движеніемъ думали иначе. Они обольщались примѣромъ Сѣверной Америки только-что утвердившей у себя республику, хотя американское общество вынесло изъ старой Англіи привычки къ самоуправленію, отличалось искреннею религіозностью и чистотой семейныхъ нравовъ, то-есть обладало именно тѣми условіями которыхъ во Франціи не существовало. Конституанта не остановилась предъ этими препятствіями, и первымъ ея дѣломъ было знаменитое заявленіе о правахъ человѣка (*droits de l'homme*). Всѣ люди свободны и равны; только общій интересъ можетъ установить различіе между ними. Всѣ люди имѣютъ право сопротивляться угнетенію. Всякая власть имѣетъ свой источникъ въ народѣ, и ни одинъ гражданинъ не въ состояніи пользоваться ею безъ формальнаго полномочія: таковы были основныя положенія изъ которыхъ, по мнѣнію Лафайета (формуловавшаго ихъ) и его друзей, вытекали свобода совѣсти, свобода печати, безопасность лицъ и имуществъ, повиновеніе закону со стороны каждаго кто участвовалъ въ составленіи этого закона самъ или чрезъ своихъ представителей и т. д. Не трудно понять къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ должно было привести заявленіе подобнаго рода. вмѣсто равенства предъ закономъ оно установило прирожденное равенство гражданъ и всѣмъ имъ одинаково предоставляло политическія права, не разбирая могутъ они или нѣтъ пользоваться ими; оно гласило о неотъемлемомъ правѣ подданныхъ сопротивляться угнетенію; оно распространяло въ ихъ средѣ опасную доктрину о самодержавіи массъ. Всѣ эти понятія вдругъ проникли въ массу народа невѣжественнаго, который уже безъ того не считалъ нужнымъ обуздывать свои раздраженныя страсти. Ему твердили только о правахъ, но никто не упоминалъ объ обязанностяхъ, и вопросъ о томъ какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться правами зависѣлъ совершенно отъ его усмотрѣнія. Право законнаго сопротивленія всякому гнету: по мнѣнію конституанты, оно должно было служить орудіемъ противъ королевской власти, но вскорѣ послужило орудіемъ противъ самого этого учредительнаго собранія! Чернь считала невыносимымъ угнетеніемъ всякую несправившуюся ей мѣру, хотя бы таковая исходила не изъ дворца, а и изъ среды представителей народа, и въ этомъ случаѣ, точно такъ же какъ въ другихъ,

была твердо убѣждена что она сообразуется лишь съ принципомъ торжественно заявленнымъ въ 1789 году. Всѣ люди равны: въ послѣдствіи само учредительное собраніе поняло къ какимъ ложнымъ толкованіямъ можетъ повести этотъ афоризмъ и послѣшило прибавить „равны въ правахъ“. Это было конечно гораздо опредѣленнѣе, но далеко не устраняло опасности. Если конституанта полагала что ни нищета, ни крайнее невѣжество не заграждаютъ дороги для политической дѣятельности на ряду съ образованіемъ и богатствомъ, то слѣдовало ожидать что явятся агитаторы которые пойдутъ гораздо дальше. Они постараются объяснить народу что онъ не обладаетъ настоящимъ равенствомъ, если преклоняется предъ какимъ бы то ни было превосходствомъ, что нѣтъ истиннаго равенства тамъ гдѣ существуетъ неравномѣрное распредѣленіе богатствъ. А что низшіе слои Французскаго народа были чрезчуръ доступны внушеніямъ подобнаго рода, эго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такимъ образомъ 1793 годъ былъ неминуемымъ послѣдствіемъ 1789 года. Не даромъ говорили Робеспьеръ и Маратъ что единственная заслуга конституанты есть провозглашеніе основныхъ правъ человѣка.

Задача крайнихъ революціонеровъ была опредѣлена весьма ясно съ самаго начала революціи. Для нихъ „народомъ“, въ истинномъ значеніи эгого слова, были только тѣ классы общества которые погрязали въ развратѣ и невѣжествѣ и, не имѣя терять ровно ничего, служили всегда готовымъ элементомъ для волненій и смутъ; этому народу были приписаны всевозможныя добродѣтели; началось неистовое обожаніе его, долженствовавшее глубоко развратить его. „Сила разума и сила народа—одно и то же (*la force de la raison et la force du peuple sont la même chose*), восклицали ораторы Конвента, и какъ ни бессмысленна эга фраза, она является логическимъ выводомъ изъ тѣхъ доктринъ которыя были провозглашены въ 1789 году. Французская чернь, съ отличавшимъ ее чувствомъ зависти, легко поддавалась эгой лести. Въ 1789 году она дала волю своей ненависти противъ угнетавшаго ее духовенства и дворянства. Вотъ какимъ образомъ историкъ той эпохи описываетъ картину которую представляла Франція: „На сѣверѣ, гдѣ большая часть земель находилась въ рукахъ зажиточныхъ фермеровъ, которые имѣли въ услуженіи работниковъ, получавшихъ хорошее содержаніе

и пищу, народъ удовольствовался тѣмъ что отказался отъ всякихъ повинностей, налоговъ, десятины и барщины, вслѣдствіе чего и помѣщики и фермеры подверглись внезапному разоренію; крестьяне поселялись также на землѣ которая принадлежала господамъ, но по крайней мѣрѣ щадили жизнь и жилища этихъ послѣднихъ. Но въ центрѣ и на югѣ королевства ярость и ожесточеніе крестьянъ не знали никакихъ границъ. Въ Оверни и въ Дофине они начали съ того что собирались въ горахъ и оттуда, вооружившись чѣмъ попало, спускались въ долины, грабили, опустошали, предавали огню замки и монастыри, умерщвляли дворянъ, если успѣвали захватить ихъ, а иногда подвергали ихъ мучительнымъ истязаніямъ. Въ провинціи Франшъ-Конте сожигали, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, ежедневно по одному замку; гражданская милиція Везуля пыталась прекратить эти неистовства, но потерпѣла пораженіе, и затѣмъ самый городъ былъ взятъ приступомъ толпами крестьянъ. Въ Маконской провинціи, шайка подобныхъ же негодяевъ, состоявшая изъ 6.000 чело-вѣкъ, разрушивъ жилища 230 крестьянъ, предала всѣхъ ихъ смерти, за то что они не хотѣли присоединиться къ ней, и кромѣ того не болѣе какъ въ двѣ недѣли сожгла 72 замка. Кровавые потоки анархіи покрывали все королевство* *. Конституанта была бессильна бороться съ этимъ зломъ; вмѣсто того чтобы положить ему конецъ и совокупно съ королевскою властью приступить къ отмѣнѣ порядка вещей который осуждалъ страну на банкротство, а народъ на нищету, она старалась узаконить самыя дикія проявленія анархіи; что касается конвента, то систематически потворствуя имъ и не переставая твердить что всѣ дѣйствія черни запечатлѣны рѣдкою мудростью и безкорыстіемъ, онъ довелъ эту чернь до того что, по выраженію одного писателя, „аристократами считались уже не Монморанси и Ноали, а прикащики магазиновъ, клерки прокуроровъ и нотариусовъ: революція обратилась даже противъ этого новаго патриціата“. Легко представить себѣ какъ должны были подѣйствовать нѣсколько лѣтъ подобной практики на настроеніе народа. Онъ сдѣлался совершенно неузнаваемъ. „Куда исчезло уваженіе къ какому бы то ни было авторитету? восклицаетъ Кине. Гдѣ то время когда простая трехцвѣтная ленточка

* Zuber: Geschichte der Revolutionszeit, t. I.

сдерживала толпу и не допускала ее преступить извѣстныя границы? Этотъ развратъ не прекратился вплоть до настоящей минуты, ибо возникли легенды имѣвшія цѣлью увѣрить народъ что никогда еще не былъ онъ такъ великъ какъ въ мрачную эпоху 93 года. Есть, конечно, писатели во Франціи относящіеся съ отвращеніемъ и ужасомъ къ террору, но не много такихъ которые не были бы искренно убѣждены что все-таки терроръ былъ ознаменованъ славными подвигами и спасъ Францію отъ величайшей опасности въ ея жизни. Стоить именно раскрыть любую исторію этой страны, и почти въ каждой изъ нихъ можно встрѣтить что Франція не думала, въ концѣ прошлаго столѣтія, вызывать Европу на войну, а ополчалась лишь для законной обороны, и что дѣла ея шли плохо до той самой минуты пока *la sainte canaille* не отозвалась на призывъ своихъ вождей, умѣвшихъ точно волшебнымъ магіемъ создать армію санкюлотовъ, изумившихъ міръ неслыханнымъ геройствомъ. Въ настоящее время, послѣ капитальныхъ изслѣдованій германскихъ историковъ, не позволительно сомнѣваться что все это не болѣе какъ миражъ. Вполнѣ доказано что не было никакого особеннаго геройства, и что Франція осталась побѣдительницей только потому что Европа представляла жалкое зрѣлище безсилія, неурядицы и соперничества. Какъ бы то ни было, ужасы демагогіи были освящены въ глазахъ народа воспоминаніями о мнимыхъ доблестяхъ обнаруженныхъ имъ во время террора, и мы видѣли что еще весьма недавно г. Гамбетта не нашелъ ничего лучше какъ обратиться къ этимъ воспоминаніямъ чтобъ отразить нашествіе прежняго врага, но уже не такого раздробленнаго и слабаго какимъ онъ былъ въ эпоху революціи.

Такова школа чрезъ которую прошелъ Французскій народъ. Сначала онъ былъ воспитанъ монархическимъ деспотизмомъ подъ которымъ крылась революція, а потомъ уличною демагогіей и терроромъ. Подобные уроки должны были принести свой плодъ, и дѣйствительно онъ вступаетъ въ XIX столѣтіе со всѣми тѣми недугами которые довели его теперь до катастрофы. Нѣтъ ни одного явленія въ современной исторіи Франціи которое не было бы ей завѣщено революціей.

Долго существовало, напримѣръ, мнѣніе будто бы революція конца прошлаго столѣтія была исключительно политическою, и что впервые Бабефъ пытался осуществить на практикѣ теорію социализма. Теперь едва ли кто сомнѣвается на

этотъ счетъ. Гораздо важнѣе сказать что нѣтъ въ наше время такихъ соціалистическихъ ученій которыя не были бы проповѣдуемы при господствѣ террора. Правда, тогдашніе демагоги остерегались открыто формулировать ихъ, хотя и это справедливо только до известной степени. „Все необходимое для поддержанія жизни, говорилъ Робеспьеръ, составляетъ совокупную собственность цѣлаго общества, только излишекъ противъ этого необходимаго есть личная собственность, которая и предоставляется людямъ для наживы“. Подобными афоризмами были испещрены рѣчи героевъ 1793 года, начиная съ Робеспьера до Марата, съ Сень-Жюста до Баррера и т. д. Но гораздо важнѣе то что на практикѣ они примѣняли самый грубый соціализмъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Конвентъ распоряжался личностью и собственностью гражданъ, рѣшалъ вопросы нужно ли имъ вѣрить въ Бога или нѣтъ, и какъ именно, налагалъ контрибуціи на богатыхъ, давалъ милліоны на прокормленіе „благонамѣренныхъ“ праздношатающихся и во все не защищалъ людей отъ организованнаго грабежа и воровства, устанавливалъ цѣны на хлѣбъ, непрерывно обращаясь къ конфискаціямъ, — словомъ, частная собственность не значила для него ровно ничего, и онъ распоряжался ею, точно также какъ жизнью гражданъ, совершенно по произволу, съ цѣлью установить такое общежитіе на землѣ при которомъ всѣ люди были бы безусловно равны и наслаждались бы въ одинаковой степени матеріальнымъ довольствомъ. „Къ чему всѣ эти слоры о республикѣ и монархіи? говорилъ Робеспьеръ. Установите такое правительство которое заботилось бы о нуждахъ бѣднаго населенія и отняло бы у богатыхъ ихъ излишекъ — и вы тотчасъ же достигнете идеала“.... Развѣ это не коммунизмъ? Развѣ не то же самое, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, проповѣдывали инсургенты овладѣвшіе Парижемъ? Нѣкоторые историки были поражены замыслами Бабефа какъ совершенно необычайнымъ явленіемъ, а между тѣмъ эти замыслы вытекали вполне естественно изъ всего что было пережито Франціей начиная съ 1789 года. Удивительными представляются они только при поверхностномъ на нихъ взглядѣ: шесть или семь совершенно неизвѣстныхъ личностей, изъ которыхъ только самъ Бабефъ пользовался посредственною репутаціей въ журнальномъ мірѣ, устраиваютъ заговоръ не для ниспроверженія только правительства и конституціи своей страны, но съ цѣлью подвергнуть

радикальному разгрому все общественное устройство. Главная основа этихъ программы состоитъ въ отмѣнѣ всякой частной собственности. Государство должно забрать всю собственность въ свои руки и затѣмъ обезлечить гражданамъ равномерное пользованіе матеріальными благами жизни, чтобы на будущее время не было ни бѣдныхъ, ни голодныхъ, чтобы никто не работалъ болѣе другаго и чтобы всѣ обладали одинаковымъ достаткомъ. Планъ поистинѣ безумный, но Бабефъ имѣлъ полное основаніе сказать что онъ отнюдь не предлагалъ чего-либо совершенно новаго: въ теченіи цѣлаго 1793 года террористы прибѣгали къ мѣрамъ отнюдь не лучшимъ чѣмъ тѣ которыя онъ считалъ необходимыми чтобы расшатать весь социальный организмъ Франціи. Правда, можно было опасаться что общество не захочетъ подвергнуться столь отчаяннымъ экспериментамъ, но для устраненія этого препятствія Бабефъ и его друзья имѣли опять таки предъ собою весьма поучительный примѣръ якобинцевъ. На словахъ якобинцы преклонялись предъ самодержавіемъ народа и постоянно твердили что всѣ вопросы должны быть рѣшаемы не иначе какъ поголовною подачей и большинствомъ голосовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали слѣдующую оговорку: народъ глубоко развращенъ понятіями которыя наслѣдованы имъ отъ стараго порядка вещей; онъ не достигъ до яснаго сознанія своихъ интересовъ; нужно слѣдовательно различать между временемъ когда еще онъ только стремится пріобрѣсти „настоящую“ свободу или уже успѣлъ утвердить ее. Только въ послѣднемъ случаѣ наслаждается онъ миромъ; предыдущее же время должно считать переходнымъ и уподоблять его войнѣ, а въ войнѣ каждый обязанъ слѣпо повиноваться своимъ вождямъ. Отсюда истекаетъ необходимость вручить неограниченную власть нѣсколькимъ личностямъ, которыя обращаются съ этимъ народомъ, ради вящаго его блага, какъ съ бездушною массой, насилуютъ его понятія, привычки, образъ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются увѣрить что этотъ невыносимый деспотизмъ освященъ его собственнымъ согласіемъ. Такъ дѣйствовалъ конвентъ; по тому же самому пути хотѣлъ идти Бабефъ, и едвали кто станетъ отрицать что подобныя же теоріи руководили всѣми послѣдующими французскими социалистами.

Конечно, во всякой другой странѣ встрѣчается не мало опасныхъ теоретиковъ которые убѣждены что нѣтъ ничего

легче какъ произвести самый радикальный переворотъ въ обществѣ, но несчастіе Франціи заключается именно въ томъ что она представляетъ особенныя, весьма благопріятныя условія для этихъ отчаянныхъ попытокъ. Такая глубокая рознь существуетъ между низшими и высшими ея классами, такъ мало вліянія принадлежитъ зажиточному землевладѣльческому классу и такимъ невѣжествомъ и эгоизмомъ отличается народъ, что злонамѣренное меньшинство всегда можетъ разчитывать на успѣхъ. Всѣ революціи ея произведены были ничтожнымъ меньшинствомъ. Возьмемъ для примѣра,—и конечно это будетъ примѣръ самый поразительный,—революцію прошлаго столѣтія: низверженіе королевской власти, провозглашеніе республики, терроръ—все это было дѣломъ лишь немногочисленной партіи, распоряжавшейся судьбами страны при индифферентизмѣ или запуганности населенія. Зибель говоритъ что въ 1792 году по крайней мѣрѣ четыре пятыхъ всей націи не только не сочувствовали паденію престола, но желали сильнаго и твердаго правительства, которое даровало бы странѣ спокойствіе и міръ. „Мы уже достаточно свободны, слышалось со всѣхъ сторонъ, къ чему новыя волненія? Къ чему служатъ основныя права (*droits de l'homme*), когда каждый можетъ безпрепятственно запускать руку въ кошелекъ своего сосѣда?“... — „Республика, признавался одинъ изъ жирондистовъ, утверждена 10го августа не болѣе какъ тремя тысячами работниковъ. Всѣ заявленія въ ея пользу вызваны только страхомъ гильотины“. А между тѣмъ республика не только утвердилась, но когда начались выборы въ конвентъ, то большинство оказалось на сторонѣ отчаянныхъ республиканцевъ. Любопытнѣе всего что даже Вандея, которая вскорѣ должна была ополчиться на защиту алтарей и престола, послала отъ себя радикальныхъ депутатовъ. До какой степени можно было судить по этимъ фактамъ о настроеніи народа, показываютъ откровенныя признанія самихъ террористовъ. „Весь народъ противъ насъ, говорилъ Робеспьеръ младшій въ якобинскомъ клубѣ, мы можемъ полагаться только на Парижъ“. — „Увы друзья и братья, отвѣчалъ Дефьё, не довѣряйтесь и этой надеждѣ; вполне несомнѣнно что даже въ Парижѣ мы понесли бы пораженіе на выборахъ, еслибы существовала тайная подача голосовъ“.... И нельзя ему не повѣрить, потому что въ столицѣ девять десятыхъ средняго сословія (*bourgeoisie*) отказались вовсе отъ подачи голосовъ. Подобные факты

объясняютъ очень многое въ послѣдующей исторіи Франціи: такъ, напримѣръ, нисколько уже не удивляетъ насъ что февральскій переворотъ 1848 года былъ не болѣе какъ случайностью, что главную роль играло въ немъ ничтожное меньшинство, которое само удивлялось своему успѣху, а нація все-таки подчинилась безпрекословно этому меньшинству, во главѣ коего стояли люди извѣстные ей лишь за болѣе или менѣе талантливыхъ фразеровъ. Отнюдь не удивительно также что по окончаніи послѣдней войны овладѣли Парижемъ пройдохи и искаатели приключеній, и огромная масса зажиточныхъ и образованныхъ людей сносили ихъ чудовищную диктатуру.

Еслибы революція 1789 года была дѣйствительно благотворнымъ событіемъ для Французскаго народа, то онъ вышелъ бы изъ нея съ богатымъ запасомъ силъ для всесторонняго развитія, но именно этого-то мы и не видимъ. Переворотъ предпринятый во имя свободы, равенства и братства до такой степени изнурилъ націю что въ ней какъ бы замерло одушевленіе ко всякимъ благороднымъ и высокимъ интересамъ. Она жаждала лишь восстановленія вѣшняго порядка, какою бы ни былъ онъ купленъ цѣной, и диктатура Наполеона, даровавшая ей этотъ порядокъ, была явленіемъ законнымъ. „Такая фанатическая жажда спокойствія, говоритъ Зибель, * не представляетъ ничего привлекательнаго и отраднато; въ охладѣвшихъ сердцахъ исчезло всякое стремленіе къ идеалу, и черствый эгоизмъ совершенно овладѣлъ кажется людьми. То были признаки тяжелой политической болѣзни, но нужно только сожалѣть о несчастныхъ которые были заражены ею, а не обвинять ихъ. Недугъ явился неминуемымъ послѣдствіемъ революціоннаго разгрома, отвѣтственность за который падаетъ не на жертвы, а главнымъ образомъ на руководителей. Тамъ гдѣ во имя новаго государственнаго идеала разрушаются всѣ основы гражданскаго быта, нѣтъ ничего удивительнаго если граждане проникаются исключительно заботами о своихъ частныхъ интересахъ. Одна крайность порождаетъ другую. Когда политическій прогрессъ гонитъ гражданина изъ дому и со двора, то гражданинъ естественно не хочетъ и слушать ни о политикѣ, ни о прогрессѣ. Прежде чѣмъ помышлять о свободѣ, нужно быть увѣреннымъ въ безопасности своей жизни.“ Вотъ гдѣ кроется корень

* Зибель, *Gesch. der Revol.* T. IV.

того матеріалістическаго настроенія которое овладѣло французскимъ обществомъ! Оно проявилось въ ужасающихъ размѣрахъ въ девяностыхъ годахъ, но тогда еще позволительно было обольщаться на его счетъ: лучшіе политическіе умы находили весьма естественнымъ что послѣ страшнаго переворота страна нуждалась въ отдохновеніи и спокойствіи, и для примѣра указывали на Англію, гдѣ революція 1640—1660 годовъ породила почти одинаковое явленіе. Но кризисъ давно уже миновалъ, а недугъ отнюдь не исцѣлился. Мало того, онъ постоянно усиливается, и чтобы судить объ его симптомахъ мы не можемъ сдѣлать ничего лучше какъ привести слова французскаго писателя, который считается однимъ изъ представителей крайней демократической партіи въ своемъ отечествѣ. Вотъ что говоритъ Кине:

„И въ прежней Франціи были выскочки (*parvenus*), но лишь отдѣльными личностями, а теперь цѣлые классы приняли фазіономію свойственную людямъ которые чванятся тѣмъ что вышли изъ ничтожества. Повидимому существуетъ только одно средство возвыситься—деньги. Остается слѣдовательно не пренебрегать никакими мѣрами чтобы пріобрѣсти ихъ. Но такъ какъ всякій готовъ продать себя, то цѣнность человѣческой души понизилась почти до нуля; нужно обладать гениемъ чтобы изобрѣсти какую-нибудь еще неслыханную подлость и прельстить покупателя. Въ странѣ гдѣ я нашелъ нынѣ убѣжающе * рабочіе классы, расширяя свое вліяніе, пріобрѣтаютъ участіе въ управленіи государственными дѣлами, но не могло не поразить меня что выйдя изъ зависимости, они не носятъ на себѣ отпечатка который составляетъ принадлежность выскочекъ. Они не ищутъ смѣшаться съ тѣми кому прежде принадлежало господство, не отказываются отъ своихъ предковъ, не отрицаютъ своего прошедшаго, не находятъ нужнымъ подражать дворянству и добившись власти сохраняютъ чувства, понятія, принципы которые усвоили себѣ въ прежнемъ быту. Совершенно противоположное зрѣлище представляетъ Франція, гдѣ люди измѣняютъ не только образъ мыслей, но, кажется, самую душу, вмѣстѣ съ переменой своего положенія. Здѣсь отчаяннѣйшими врагами народныхъ интересовъ являются люди вышедшіе изъ низшихъ слоевъ народа: такъ сильно страшатся они опять упасть туда. Лучшимъ признакомъ благородства считается у нихъ поруганіе надъ своимъ происхожденіемъ. Если не принимать въ разчетъ небольшой кружокъ избранныхъ личностей, то можно опредѣлить слѣдующими чертами тотъ общественный идеалъ на который мы осуждены отнынѣ: простота народнаго правленія безъ народа; демократія безъ демоса; затишье безъ спокойствія;

* Авторъ писалъ свою статью въ Швейцаріи.

грубость нравовъ безъ свободы; Беотія въ Византіи... Во Франціи каждая степень богатства и нищеты усвоиваетъ собственную систему воззрѣній, которая не поддается никакому вліянію краснорѣчія и аргументовъ. Люди держатся извѣстнаго образа мыслей не потому что убѣждены въ нихъ, а потому что принадлежатъ къ тому или другому слою общества, гдѣ эти идеи получили право гражданства. Дабы познакомиться съ политическимъ символомъ вѣры различныхъ личностей, не стоитъ заглядывать въ ихъ душу, а нужно только узнать въ какомъ этажѣ живутъ они. Достаточно взглянуть на ихъ платье чтобъ опредѣлить тотчасъ же все ихъ міровоззрѣніе начиная съ нашей планеты и кончая звѣздой Сиріуса...”

Мы привели мнѣніе Кюне, но нѣтъ почти ни одного изъ сколько-нибудь замѣчательныхъ писателей современной Франціи который не раздѣлялъ бы въ сущности того же самого взгляда на положеніе своего отечества. Всѣ они одинаково согласны что главная характеристическая черта Французскаго народа, какимъ онъ вышелъ изъ революціи, есть завистливое чувство равенства, причемъ никто не хочетъ терпѣть никакого превосходства надъ собою, а также исключительное преобладаніе эгоистическихъ, матеріальныхъ интересовъ. Подобное настроеніе не могло не породить крайне печальныхъ результатовъ и въ политикѣ, и въ литературѣ. Если масса образованныхъ людей постоянно возрастаетъ во Франціи, то со стороны солидности образованія теперешнее время положительно уступаетъ прежнему. Талантовъ является все менѣе, знаніе становится все скуднѣе. „Франція разучилась читать, говорилъ недавно талантливый сотрудникъ *Journal des Débats*, г. Луи Ратисбоннъ. Въ наше время читаютъ несравненно меньше чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ. Лѣтъ сто тому назадъ цѣлые классы общества занимались еще внимательнымъ изученіемъ многотомныхъ и серьезныхъ твореній, а теперешніе ихъ потомки довольствуются романами и газетами, да еще какими газетами! Въ XVІІІ столѣтіи существовало множество превосходныхъ частныхъ библиотекъ, а нынѣ это считаютъ совершенно излишнею роскошью. Въ старину всякій сколько-нибудь зажиточный землевладѣлецъ, промышленникъ, медикъ, адвокатъ, имѣлъ привычку покупать произведенія Вольтера, Бюффона, Руссо, Монтескье, Дидро, Верто, Кондильяка, и конечно не для того только чтобъ эти книги лежали на полкахъ; нынѣшніе представители такъ-называемаго образованнаго общества предпочитаютъ заботиться объ удовлетвореніи другихъ, далеко

не столь почтенныхъ вкусовъ, хотя обладаютъ несравненно бѣльшимъ матеріальнымъ достаткомъ.... Въ старой Франціи кругъ читателей былъ ограниченнѣе чѣмъ теперь, но за то вкусы его были гораздо требовательнѣе. Что бы ни говорили о развратѣ тогдашняго общества, романы въ родѣ *Фоблаза* представляются совершенно невинными въ сравненіи съ произведеніями Александра Дюма сына и другихъ современныхъ беллетристовъ, подъ перомъ которыхъ порокъ пересталъ быть наивнымъ и прикрывается личиною самой утонченной добродѣтели. Вообще наплывъ невѣжественной демократіи оказалъ губительное вліяніе на французскую литературу. Писатели проникнутые безкорыстнымъ служеніемъ наукѣ и искусству составляютъ исключеніе: для огромнаго ихъ большинства нужны прежде всего популярностъ и успѣхъ, а успѣхъ обезпеченъ въ томъ лишь случаѣ если произведеніе ума отличается не глубиной содержанія, а легкою, заманчивою формою и потворствуетъ инстинктамъ толпы. Такимъ образомъ возникла дѣлая литература которая дѣйствуетъ на фантазію массъ развивая въ различныхъ формахъ одни и тѣ же мотивы, а именно что истинную нравственность нужно искать въ невѣжествѣ и нищетѣ, что люди возвышающіеся надъ уровнемъ своимъ происхожденіемъ или богатствомъ непременно развратники и эгоисты, и что правительство должно нести отвѣтственность за всѣ невзгоды постигающія общество.“

VI.

Въ превосходномъ своемъ трудѣ: *L'ancien régime et la révolution*, Токвиль доказалъ вполне несомнѣнно что административная централизація, которую привыкли считать созданіемъ революціи, отнюдь не была порождена, а только развита ею до крайнихъ размѣровъ. Уже до 1789 года она подорвала всякую мысль о самостоятельности и самоуправленіи и развила самыя дерзкія требованія отъ государственной власти и ея вмѣшательства. Провинціи были осуждены на прозябаніе; въ нихъ замеръ общественный духъ, и умственная ихъ дѣятельность была совершенно поглощена столицей. „Парижъ пожираетъ всѣ доходы королевства, говорилъ Мирабо; Парижъ—гнѣздо фискальной системы которая такъ омерзительна провинціямъ; Парижъ создалъ государственный долгъ; Парижъ

похоронилъ своимъ пагубнымъ ажіотажемъ общественный кредитъ и омрачилъ честь націи; столичная чернь разъ возбужденная непреодолима....“

Еслибы для Франціи дѣйствительно наступило возрожденіе, еслибы хотѣла она утвердить прочное благоустройство съ господствомъ широкой политической свободы, то главная задача ея состояла бы въ томъ чтобъ устранить указанное зло. Происходить, однако, совершенно противное. Административная опека, породившая уже много печальныхъ явленій при старомъ порядкѣ вещей, особенно усиливается со времени революціи. Всѣ попытки противодѣйствовать ей были несовмѣстны съ тѣмъ духомъ который восторжествовалъ въ 1789 году. Такъ, напримѣръ, учредительное собраніе задумало даровать странѣ муниципальное и общинное устройство, при которомъ всѣ должности были бы замѣщаемы не иначе какъ по выбору. Это казалось вполне надежною гарантіею для самостоятельнаго развитія городовъ и селъ. Но въ то же самое время учредители озаботились чтобы ничто, начиная съ названій, не напоминало о прежнихъ провинціяхъ: они раздѣлили страну на департаменты чисто внѣшнимъ образомъ, не принимая въ разчетъ историческихъ преданій, не сообразуясь съ различіемъ или сходствомъ исконныхъ условій жизни и руководствуясь только географическими границами. Справедливо было замѣчено что при всѣхъ своихъ безобразіяхъ старинный провинціальный духъ сохранилъ еще много здоровыхъ свойствъ, но вслѣдствіе механическаго дробленія областей, о которомъ мы говоримъ, онъ былъ окончательно подавленъ. Одинъ изъ мудрецовъ 1789 года, аббатъ Сій-есть, предлагалъ даже не давать департаментамъ особыхъ наименованій, а обозначать ихъ по нумерамъ. Не забудемъ при этомъ что вѣковыя корпораціи исчезли съ самаго начала революціоннаго движенія, и что масса народа относилась весьма враждебно къ тѣмъ классамъ которые, по своему богатству и образованію, возвышались надъ общимъ уровнемъ. При существованіи такихъ условій, хотя страна и получила, повидимому, весьма либеральныя учрежденія, но съ самаго начала они были уже обречены на смерть. Какую пользу могла принести система выборовъ когда люди съ самостоятельнымъ и независимымъ положеніемъ отнюдь не могли разчитывать чтобы выборъ остановился на нихъ? Подъ вліяніемъ преслѣдовавшаго ихъ недоброжелательства, они слѣшили, на-

противъ, удалиться отъ дѣлъ, старались заставить забыть о себѣ, а что касается до низшихъ слоевъ народа, то трудно было найти въ ихъ средѣ достаточно личностей которыя бы обладали благороднымъ честолюбіемъ и всѣми необходимыми условіями чтобы посвятить себя съ пользой общему дѣлу. Кромѣ того, муниципальное и общинное устройство созданное въ началѣ революціи отличалось еще однимъ важнымъ недостаткомъ. „Избирали уже слишкомъ много, говоритъ нѣмецкій историкъ Гейссеръ. Нужно замѣтить что и самого лучшаго не слѣдуетъ преувеличивать. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ предъ вами народъ который былъ лишенъ доселѣ самыхъ ничтожныхъ правъ въ управленіи собственными дѣлами, а теперь вдругъ былъ втянутъ въ безпрестанные выборы. Вѣчно поглощенный назначеніемъ своихъ представителей, онъ могъ получить отвращеніе къ этому занятію.“ Удивительно ли же что при общемъ индифферентизмѣ съ успѣхомъ дѣйствуетъ революціонное меньшинство, что на выборахъ постоянно торжествуетъ только одна партія, незначительная своею численностью, но сильная отвагой и страстью къ агитаціи?

Всѣмъ этимъ какъ нельзя болѣе ловко воспользовался конвентъ. Въ старой Франціи сохранились, судя по внѣшности, до самаго 1789 года, старинныя муниципальныя учрежденія, но давно уже оказались они совершенно несостоятельными, и управленіе провинціями перешло мало-по-малу въ руки королевскихъ интендантовъ, которые не знали никакихъ границъ своему произволу. Конвентъ поступилъ точно такъ же. Онъ не думалъ посягать на новыя муниципальныя власти, назначаемыя по выборѣ, но на ряду съ этими властями поставилъ своихъ чрезвычайныхъ комиссаровъ, бывшихъ органами самаго крайняго деспотизма. При нихъ-то административная централизація достигла своего крайняго развитія. Затѣмъ Наполеону, шедшему по стопамъ конвента, ничего уже не стоило уничтожить всѣ эфемерные слѣды мѣстнаго самоуправленія, и Французы не только не тяготились установленнымъ порядкомъ вещей, но до послѣдняго времени не переставали повторять, говоря объ административной олекѣ: *cette belle conquête de la révolution que l'Europe nous envie....*

Вотъ, между прочимъ, гдѣ можно наглядно убѣдиться какое глубокое различіе существуетъ между Франціей и другими народами въ пониманіи принциповъ и условій политической свободы! Не болѣе какъ черезъ десять лѣтъ послѣ французской

революціи, Пруссія приступила къ реформамъ, долженствовавшимъ обновить ея политическій и гражданскій строй: говорятъ что она предприняла эту задачу подъ вліяніемъ не только постигшаго ея разгрома, но также тѣхъ идей которыя были провозглашены Французскою націей, и упомянутое мнѣніе не лишено конечно основанія, а между тѣмъ эти идеи, въ примѣненіи къ той и другой почвѣ, принесли совершенно различные результаты. Знаменитый государственный человѣкъ Пруссіи, Штейнъ, понялъ очень вѣрно что, говоря его собственными словами, „отчужденіе гражданъ отъ общественныхъ дѣлъ способно подорвать въ народѣ всѣ благородныя его свойства и приучаетъ его лишь къ заботѣ о мелкихъ матеріальныхъ интересахъ и чувственныхъ наслажденіяхъ“; Штейна отнюдь нельзя назвать поклонникомъ аристократіи, но тѣмъ не менѣе онъ цѣнилъ по достоинству значеніе высшихъ классовъ, если они хотятъ посвятить себя служенію общему дѣлу, и вотъ почему, стараясь создать такой государственный порядокъ который опирался бы на широкое самоуправленіе провинцій и общинъ, онъ отводилъ въ этомъ самоуправленіи видное мѣсто зажиточному землевладѣльческому элементу. Нигдѣ въ его планѣ не видимъ мы и слѣдовъ того неуваженія къ историческимъ преданіямъ, той завистливой нетерпимости которыя составляютъ главное отличіе французской демократіи. Штейнъ хотѣлъ привлечь одинаково всѣ классы общества къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, причемъ тѣмъ изъ нихъ что возвышались надъ другими образованіемъ и независимымъ положеніемъ должна принадлежать преобладающая роль: только подъ этимъ условіемъ считалъ онъ возможнымъ „возвысить гражданскій долгъ, установить согласіе между взглядами и потребностями націи и государственныхъ властей, пробудить чувство патріотизма, самостоятельности и національной чести.“ Если не всѣ предначертанія славнаго реформатора осуществлены были тотчасъ же какъ они возникли въ его головѣ, то въ послѣдствіи Пруссія снова обратилась къ нимъ и шла постепенно по этому пути, хотя и въ настоящее время ей предстоитъ еще сдѣлать очень многое для развитія у себя самоуправленія. Недавнія событія доказали имѣетъ ли она право гордиться тѣмъ что не усвоила французскихъ порядковъ, что, по словамъ одного изъ лучшихъ ея историковъ, Дальмана, „благородный стыдъ не допускалъ ее видѣть во

всемъ что возвышается надъ общимъ уровнемъ препятствіе къ утвержденію свободы“.

При томъ чудовищномъ развитіи которое получила административная централизація во Франціи, весьма понятно почему всѣ попытки конституціоннаго правленія въ этой странѣ оказывались доселѣ неудачными. Лучшие умы трудились надъ сочиненіемъ, какъ кто-то называлъ ихъ весьма мѣтко, бумажныхъ конституцій, но всѣ эти конституціи не въ силахъ были устоять противъ малѣйшаго порыва вѣтра. *La charte, toute la charte et rien que la charte*, твердили французскіе либералы, отнюдь не подозревая что самая лучшая хартія не можетъ обезпечить политической свободы если она не приучаетъ гражданъ заботиться о собственныхъ нуждахъ и не развиваетъ духъ общественной инициативы. Дѣло въ томъ что по низверженіи Наполеона всѣ быстро смѣнявшіеся одно за другимъ правительства бережно охраняютъ установленный имъ порядокъ вещей. „*On a couché dans le lit de Napoléon*“, слышалось со всѣхъ сторонъ при воцареніи Бурбоновъ; „*L'empire dure encore*“, повторялъ Поль-Луи Курье, и общій голосъ обвинялъ въ этомъ Людовика XVIII и его пріемника, хотя корень зла лежалъ отнюдь не въ дурныхъ намѣреніяхъ лицъ, а въ дурныхъ учрежденіяхъ. Многочисленная бюрократія занимала совершенно самостоятельное положеніе относительно палатъ, судовъ и общества. Огромному большинству государственныхъ людей казалось святотатствомъ посягнуть на знаменитую 75 ст. Наполеоновской конституціи, по которой никто изъ гражданъ не имѣлъ права преслѣдовать чиновниковъ предъ обыкновеннымъ судомъ за нарушеніе ими своихъ частныхъ правъ; для этого требовалось предварительное разрѣшеніе (*autorisation préalable*) государственнаго совѣта, который въ разрѣшеніи почти всегда отказывалъ. На ряду съ непомѣрною властью чиновничества существовали, правда, другія власти: такъ напримѣръ при префектахъ находились генеральные совѣты, при ихъ помощникахъ — окружные, а при мерахъ совѣты общинные, члены коихъ во время реставраціи, назначались правительствомъ изъ списка кандидатовъ составленнаго жителями, но они вовсе не обладали самостоятельнымъ значеніемъ. Имъ принадлежалъ только совѣщательный голосъ, до такой степени что общинный совѣтъ не имѣлъ даже права обсуждать и утверждать бюджетъ своей общины. Префекты и ихъ помощники обращались съ членами этихъ

корпораций какъ начальники съ подчиненными. Вся власть сосредоточивалась въ ихъ рукахъ, они всѣмъ завѣдывали и распоряжались, между тѣмъ какъ совѣты были собираемы одинъ разъ въ годъ и то на весьма короткое время. Какъ мало тяготилась французская публика подобнымъ порядкомъ вещей лучше всего показываетъ задуманная въ 1829 году министерствомъ Мартильяна реформа мѣстнаго управленія: по проекту этой реформы предполагалось чтобы генеральные и общинные совѣты были выборными, а не по назначенію правительства, и проектъ былъ отвергнутъ, причемъ оппозиція особенно настаивала на расширеніи избирательнаго права, но не обратила никакого вниманія на самый корень зла, то-есть на безсильное и зависимое положеніе упомянутыхъ совѣтовъ относительно бюрократіи. Вообще заботы о мѣстномъ самоуправленіи казались дѣломъ слишкомъ прозаическимъ, и люди либеральнаго образа мыслей были убѣждены что только жгучіе вопросы общей политики достойны возбуждать ихъ интересъ.

Правительство Бурбоновъ пало и было замѣнено правительствомъ Лудовика-Филиппа, который хвалился тѣмъ что онъ самъ былъ сыномъ революціи. *Désormais la charte sera une vérité*, съ удовольствіемъ твердила французская публика, утѣшая себя мыслию что невзгоды постигшія ее были вызваны только недобросовѣстнымъ исполненіемъ конституціи. Въ этой конституціи сдѣланы были кое-какія весьма легкія измѣненія, и всѣ были убѣждены что дѣло пойдетъ какъ нельзя лучше, хотя въ сущности все осталось попрежнему. Перемѣна состояла въ томъ что чиновники прежняго *режима* были удалены и на мѣстѣ ихъ явились другіе, требовавшіе казеннаго содержанія какъ награды за непреклонную, по словамъ ихъ, вѣрность тѣмъ идеямъ которыя восторжествовали въ іюлѣ 1830 года. Такъ какъ главная опора новаго либеральнаго правительства, подобно предшедшему, заключалась въ бюрократіи, то оно считало долгомъ всячески усиливать ее; полнѣе достовѣрныя свѣдѣнія утверждаютъ что въ теченіи восемнадцати лѣтъ создало оно 35.000 новыхъ должностей, изъ коихъ бѣольшая часть были совершенно бесполезны, а возникли единственно для того чтобъ удовлетворить по возможности безчисленныя просьбы о мѣстахъ и повышеніяхъ. *Organisation papérasnière* достигла Геркулесовыхъ столбовъ. Французы имѣли наивность жаловаться что при іюльской

монархіи чиновники наводнили палату депутатовъ, что изъ 459 ея членовъ болѣе 200 считались на государственной службѣ и получали содержаніе отъ казны, но удивительнаго въ этомъ не было ровно ничего. При томъ могуществѣ которымъ пользовалась бюрократія, весьма понятно что представители ея легко имѣли перевѣсъ надъ людьми съ независимымъ положеніемъ, а съ другой стороны, можно ли было требовать отъ любого министерства чтобы, располагая цѣлою арміею чиновнаго люда, оно не прибѣгало, при парламентскихъ выборахъ, къ его услугамъ съ цѣлію удержаться на мѣстѣ? Когда упрекали за это Гизо, онъ весьма спокойно отвѣчалъ своимъ противникамъ: „въ томъ что вы считаете злоупотребленіемъ, я вижу только весьма законную и позволительную дѣятельность администраціи.“ А между тѣмъ общественный духъ въ странѣ падалъ все ниже. При отсутствіи всякой самостоятельной инициативы въ гражданахъ развивалась склонность рабскаго подчиненія какому угодно произволу, происходилъ ли онъ отъ революціонныхъ партій или отъ администраціи. Вотъ почему немногіе проникательные люди не переставали дѣлать мрачныя предсказанія даже въ то время когда конституціонное правленіе во Франціи казалось болѣе прочнымъ чѣмъ когда-нибудь: „еще я не вижу никого, воскликнулъ Токвилль въ 1842 году, въ палатѣ депутатовъ, кто обладалъ бы достаточнымъ могуществомъ чтобы сдѣлаться нашимъ властелиномъ, но рано или поздно этотъ властелинъ явится неминуемо“. Нельзя сказать чтобы вопросъ о самоуправленіи не занималъ вовсе избранную часть французскаго общества: въ 1835 году появился знаменитый трудъ Токвилля (*De la démocratie en Amérique*), одного изъ глубочайшихъ политическихъ мыслителей какого произвела Франція со временъ Бодена и Монтескье, но понятія и нравы публики сложились такимъ образомъ что это классическое произведеніе не могло быть, при появленіи своемъ, оцѣнено по достоинству. Лучшіе государственные люди, которыми гордилась Франція, любили потолковать о необходимости общественной инициативы, указывали въ своихъ рѣчахъ и книгахъ на поучительный примѣръ Англичанъ, но ни изъ чего не видно чтобы они принимали эти идеи слишкомъ близко къ сердцу. Вотъ между прочимъ какъ они относились къ нимъ: Леонъ Фоше былъ конечно одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей своего времени и въ извѣстной

своей книгѣ *Etudes sur l'Angleterre* явился горячимъ поборникомъ англійскаго *selfgovernment*, что не помѣшало ему однако нѣсколько поздне, а именно когда при республикѣ былъ онъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, отказаться отъ своихъ прежнихъ убѣжденій. Кавуръ не задумался указать ему на это волюющее противорѣчіе. „Какъ быть, отвѣчалъ Фоме, идеи децентрализаціи очень хороши пока находишься въ оппозиціи, но ихъ приходится выбросить за окно лишь только дѣлаешься министромъ.“ При упомянутыхъ условіяхъ, и во время іюльской монархіи, точно такъ же какъ во время реставраціи Бурбоновъ, весь политическій интересъ сосредоточенъ былъ на безплодной борьбѣ партій, къ которой огромное большинство населенія относилось совершенно равнодушно; буржуазія, занимавшая привилегированное положеніе, прониклась грубымъ эгоизмомъ и не хотѣла слышать о бѣдствіяхъ и страданіяхъ низшихъ классовъ, а народъ смотрѣлъ съ полнѣйшимъ безучастіемъ на пресловутую *jeu des institutions*, которая не могла принести ему ни малѣйшаго облегченія его судьбы. Въ сущности повсюду господствовала прежняя взаимная вражда, апатія, разыгрывались самыя дурныя страсти. Нельзя не удивляться крайнему оптимизму такого глубокаго мыслителя какъ Гизо, которому тогдашнее положеніе Франціи представлялось въ самомъ радужномъ свѣтѣ: „Отнынѣ, говорилъ онъ, прекратилась борьба между различными классами, ибо въ обществѣ не существуетъ враждебныхъ интересовъ. Цивилизація еще ни разу не представляла намъ столь утѣшительнаго явленія.“ Король Лудовикъ-Филиппъ былъ гораздо проникательнѣе своихъ министровъ. „Вы — послѣдніе Римляне, твердилъ онъ имъ: машина угрожаетъ лопнуть каждую минуту; возможно ли мечтать объ утвержденіи либеральнаго правительства среди этихъ деспотическихъ преданій и революціонныхъ страстей?....“

Событія не замедлили оправдать престарѣлаго короля. Достаточно было нѣсколькихъ часовъ уличнаго бунта чтобы монархія которая была идеаломъ просвѣщеннѣйшихъ и талантливейшихъ представителей французскаго общества рухнула не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Министръ Наполеона III, Руэръ, назвалъ какъ-то февральскую революцію „гибельною катастрофой“, и слова его вызвали вопль негодованія со стороны либеральной партіи, а между тѣмъ они были вполне справедливы. Если было что-нибудь замѣчательнаго

въ упомянутомъ событіи, такъ это поразительное безсиліе и апатія обнаруженныя образованными и зажиточными классами предъ замыслами толпы демагоговъ и соціалистовъ. Никто почти не явился на защиту установленнаго порядка вещей, и это вовсе не потому, какъ старались увѣрить тотчасъ послѣ февральскихъ дней, будто бы онъ былъ осужденъ общественнымъ мнѣніемъ. Провозглашена была республика, но прежняя административная централизація, прелятствовавшая развитію свободы, сохранилась неизмѣнною. Новые правители признали политическую правоспособность всѣхъ гражданъ безъ изъятія, установивъ поголовную подачу голосовъ, но попрежнему считали ихъ недостаточно совершеннолѣтними чтобы заниматься самостоятельно мѣстными ихъ интересами и нуждами. Имъ казалось что вліять на судьбы государства—дѣло гораздо болѣе легкое и не требовавшее даже какихъ-нибудь знаній. Республиканскій министръ Карно объявилъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ что если до 1848 года полагали что представителямъ народа нужно обладать образованіемъ и имуществомъ, то при новомъ порядкѣ вещей пора разстаться съ этимъ реакціоннымъ предразсудкомъ.

Только со второю имперіей начинается благотворный переворотъ въ общественномъ мнѣніи страны. Франція очутилась въ такомъ бѣдственномъ положеніи что наступила для нея пора вдуматься глубже въ причины терзавшихъ ее золъ. Если политическіе люди старой школы полагали что единственное спасеніе для нея заключается въ возвратѣ къ парламентаризму, то молодое поколѣніе было напротивъ убѣждено что парламентарная система, при тѣхъ условіяхъ которыя окружали ее до 1848 года, не принесетъ Франціи свободы и не ослабитъ антагонизмъ раздиравшій ея общество. Дѣйствительно, при бюрократической подкладкѣ система эта неминуемо вела къ деспотизму той или другой партіи, приверженцамъ которой удавалось стать во главѣ правленія. Идеи развитыя Токвиллемъ находили все болѣе и болѣе приверженцевъ. Образовалась цѣлая школа изъ людей разнородныхъ партій одинаково убѣжденныхъ въ необходимости самоуправленія: Одилонъ Барро и Лабуле, Родо и Демаре, Реньйо, Прево-Парадоль и бонапартистъ Бодрильяръ ревностно старались распространять эти идеи въ массѣ французской публики. Любопытно что радикальная пресса не переставала ратовать, несравненно

запальчивѣе чѣмъ офиціозные органы второй имперіи противъ всякой реформы въ упомянутомъ смыслѣ, и не было оскорбленій которымъ такъ-называемая *école de Nancy* не подвергалась бы со стороны *Siècle* и *Opinion Nationale*. Французскіе радикалы не измѣнили этой роли до послѣдней минуты, ибо въ самое недавнее время г. Луи Бланъ съ его единомышленниками явились ожесточенными противниками проекта закона о децентрализаціи, обсуждавшагося въ версальскомъ собраніи. Нельзя не замѣтить при этомъ что Наполеонъ III хорошо понималъ условія разумнаго *selfgovernment*: онъ внимательно изучалъ его въ Англіи и затѣмъ въ сочиненіяхъ его разсѣяно множество весьма вѣрныхъ и практическихъ замѣчаній по этому предмету; въ послѣдствіи, сдѣлавшись императоромъ, онъ не пропускалъ ни одного случая разглагольствовать о необходимости „*favoriser l'initiative individuelle*“, но слова эти оставались лишь словами, подобно многимъ другимъ фразамъ которыми изобиловало офиціальное краснорѣчіе того времени. Правда, законъ 18го іюля 1866 года расширилъ автономію генеральныхъ совѣтовъ въ дѣлѣ наблюденія за департаментскимъ хозяйствомъ, но на практикѣ автономія эта оказалась весьма ограниченою; въ началѣ 1870 года назначена была, подъ предсѣдательствомъ г. Одилона Барро, многочисленная коммиссія, которая имѣла порученіе изслѣдовать со всѣхъ сторонъ вопросъ о децентрализаціи, но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ усиленныхъ трудовъ коммиссія эта была распущена, и резолюціямъ выработаннымъ ею не дано никакого хода. Положеніе дѣлъ не только не измѣнилось, слѣдовательно, при Наполеонѣ III, но приняло худшій чѣмъ когда-нибудь оборотъ: весьма быть можетъ что Наполеонъ и мечталъ о серьезныхъ реформахъ въ этой области, но такъ какъ правительство его болѣе всѣхъ другихъ было правительствомъ партіи, такъ какъ ему приходилось постоянно вести борьбу съ оппозиціей, отрицавшею всякую мысль о примиреніи съ его династіей, то онъ не имѣлъ духу ослабить бюрократическую опеку и уменьшить ряды многочисленной арміи чиновниковъ, съ помощію которой удерживалъ общество въ повиновеніи.

Вотъ, слѣдовательно, въ какой школѣ воспитывалась Франція съ исхода прошлаго столѣтія! Возможно ли, поэтому, удивляться той безпомощности, апатіи и отсутствію инициативы которыя она обнаружила въ послѣднюю войну, угрожавшую ей

существованію какъ великой державы? Мы видѣли предъ собой изумительное зрѣлище: въ большей части городовъ префекты спасались бѣгствомъ отъ приближавшейся опасности или становились покорными слугами непріятеля; порвалась всякая связь между ними и населеніемъ, судьбами котораго они были призваны до тѣхъ поръ распоряжаться безпрекословно до ничтожныхъ мелочей; масса общества не умѣла ничего предпринять, чувствовала себя совершенно безсильною и, застигнутая въ располхъ, утѣшала себя надеждами что явится наконецъ власть которая спасетъ ее отъ бѣды. Иностранцы изумлялись что г. Гамбетта, не болѣе какъ за годъ предъ тѣмъ начавшій обращать на себя вниманіе своимъ адвокатскимъ краснорѣчіемъ, сдѣлался вдругъ властелиномъ почти всей страны, назначалъ и увольнялъ префектовъ и генераловъ, сочинялъ планы военныхъ дѣйствій, не позволялъ газетамъ говорить о созывѣ народнаго собранія, и самыя дикія проявленія его диктатуры встрѣчаемы были повсюду съ раболѣпною покорностью: съ перваго взгляда все это могло показаться дѣйствительно крайне страннымъ, но во Франціи бывали еще и не такія чудеса. Привычка преклоняться предъ властью, въ чьихъ бы она ни очутилась рукахъ, порождала иногда въ высшей степени куріозныя явленія. Въ 1848 году Коссидьеръ, отчаянный анархистъ, назначенъ былъ префектомъ полиціи и старался водворить, по собственному его выраженію, „порядокъ посредствомъ безпорядка“ (*il faisait de l'ordre par le désordre*). Парижане роптали противъ этого безобразія и все-таки подчинялись ему, ибо лишь только Коссидьеръ вступилъ въ префектуру, онъ сдѣлался въ ихъ глазахъ сановникомъ. Еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ недавнее господство коммуны. „Было въ Парижѣ много людей, говоритъ *Journal des Débats*, не интригановъ и перебѣщиковъ, а по принципу приверженцевъ всякаго правительства, которые весьма яавно стояли за коммуну, за анархію, единственно по той причинѣ что коммуна захватила власть. Организованный грабѣжъ успѣлъ утвердиться въ городѣ, но такъ какъ искатели прѣключеній руководившіе имъ присвоили себѣ названіе министровъ и издавали декреты, то весьма почтенные консервативы и друзья порядка послѣшили стать на ихъ сторонѣ. Правда, говорили они, это правительство не красиво,—но что же дѣлать, если нѣтъ другаго?..“

Въ послѣднее время версальское національное собраніе занималось обсужденіемъ проекта реформы департаментскаго управленія,—реформы весьма либеральной, главныя основанія коей заимствованы изъ Бельгіи. Законъ имѣетъ несомнѣныя достоинства, но мало издать его,—нужно еще привести его въ исполненіе, а тутъ должны неминуемо встрѣтиться большія трудности. „Централизація—это не мѣстная, а общая болѣзнь, говорилъ Прево-Парадоль. Она коренится не въ томъ или другомъ городѣ, а въ нравахъ и привычкахъ общества. Во Франціи несравненно легче ниспровергнуть престолъ чѣмъ канцелярію, и чиновники болѣе долговѣчны у насъ чѣмъ короли и императоры.“ Реформа встрѣтитъ сильное противо-дѣйствіе со стороны бюрократіи, но это еще не бѣда; опасность заключается въ томъ что пройдетъ много времени прежде чѣмъ само общество научится цѣнить ее по достоинству. Весьма вѣроятно даже что нѣкоторые его слои, и преимущественно такъ-называемое „четвертое сословіе“, отнесется къ преобразованію съ явнымъ недоброжелательствомъ. „Самоуправленіе, справедливо замѣтилъ Трейчке *, обходится не дешево, оно требуетъ отъ гражданъ значительныхъ жертвъ, а потому правительство должно отчасти прибѣгнуть къ принужденію чтобы ввести его. Но если въ 1808 году законная монархія въ Пруссіи была въ состояніи утвердить его основы среди народа спокойнаго и привыкшаго къ повиновенію, то французскому правительству не слѣдуетъ забывать что оно имѣетъ дѣло съ обществомъ не знающимъ дисциплины, которое считаетъ себя въ правѣ всего требовать отъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ само расходовать какъ можно менѣе.“ Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что будущность Франціи много зависитъ отъ реформы къ которой съ похвальною энергіей приступила она тотчасъ послѣ постигшаго ее разгрома. Возбужденіе общественной инициативы — вотъ единственный путь къ разумной политической свободѣ, за которою она гонялась такъ долго и безъ всякаго успѣха. До тѣхъ поръ пока общественныя силы не будутъ обладать достаточною самостоятельностью, свобода печати неизбѣжно поведетъ къ анархіи, а расширеніе правъ народнаго представительства къ деслотизму партій. Бюрократія тогда только откажется отъ своего невыносимаго вмѣшательства во всѣ по-

* *Frankreichs Staatsleben und der Bonapartismus.*

дробности мѣстнаго управленія, когда образованные и владѣльческіе классы примутъ въ немъ участіе, а серьезно заинтересуются, они имѣтъ въ томъ лишь случаѣ если не будутъ оеуждены на пассивную роль. Не иначе какъ подъ этимъ условіемъ разовьется та здоровая публичная жизнь, въ отсутствіи которой нужно видѣть главный источникъ всѣхъ золъ испытанныхъ Франціей.

VII.

Трудно найти между французскими радикалами хотя одного который согласился бы что Наполеонъ III былъ законнымъ избранникомъ народа. Каждый изъ нихъ готовъ доказывать напротивъ что онъ проложилъ себѣ путь къ престолу лишь клятвопреступленіемъ и потоками крови, и что страна почти неожиданно для самой себя очутилась въ его рукахъ. Къ сожалѣнію, факты находятся въ слишкомъ явномъ противорѣчій съ этими странными утвержденіями. Въ 1848 году Лудовикъ-Наполеонъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія тремя департаментами, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, пять департаментовъ подтвердили вторично это избраніе. Въ концѣ того же года, когда онъ предъявилъ свою кандидатуру на должность президента республики, подано было въ его пользу пять съ половиной милліоновъ голосовъ, и было бы слишкомъ легкомысленно утверждать чтобы подобный результатъ могъ быть достигнутъ только неблагоприятными происками. Лудовикъ-Наполеонъ не имѣлъ никакихъ личныхъ правъ на предоставленную ему почесть. Онъ написалъ нѣсколько статей и брошюръ, но произведенія эти читались мало и еще менѣе встрѣчали сочувствія. Нигдѣ и никогда не было ему случая обнаружить свои административные таланты. Прославился онъ только своими экспедиціями въ Страсбургъ и Булонъ, но экспедиціи эти сдѣлали его смѣшнымъ. При выборахъ выставилъ онъ весьма откровенно свою программу, а именно объявилъ что имя его знаменуетъ „принципъ и пораженіе—имперію и Ватерлоо“. Въ виду этого заявленія, что значили его торжественныя клятвы что никогда не посягнетъ онъ на республику? Народъ долженъ былъ знать что имѣетъ дѣло съ представителемъ имперіализма, и если, несмотря на это, остановилъ на немъ свой выборъ, то это

доказываетъ только что народу хотѣлось установить у себя монархическую форму правленія. О правительствѣ Наполеона III вполнѣ вѣрно замѣтилъ покойный герцогъ Брольи что это было правительство „котораго низшіе классы желали, а высшіе заслужили“.

Оно оставило по себѣ позорную память, и не безъ основанія. Общій голосъ говоритъ о немъ что оно растлило Францію и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не руководилось никакими благородными побужденіями, никакими высокими принципами. Все это такъ, но не слѣдуетъ однако забывать что если оно обнаружило губительное вліяніе на страну, то главнымъ образомъ по той причинѣ что эта страна уже носила въ себѣ элементы разложенія. Вторая имперія лишь подвела итоги всему несчастному прошедшему Французскаго народа.

Наполеонъ III засталъ Францію раздираемую взаимною враждой различныхъ классовъ ея общества. Это несчастіе существовало до него, и не онъ его создалъ. Но правительство второй имперіи употребило всѣ усилія чтобъ усугубить антагонизмъ, и никогда еще старинное правило *divide et impera* не было примѣняемо съ такимъ цинизмомъ и послѣдовательностью. Если эта макіавелистическая политика увѣнчалась успѣхомъ, то въ этомъ способствовали Наполеону III богатые и образованные классы общества, ибо въ теченіе всего предшествовавшаго времени они оставались равнодушны къ участи народа. Сельскій людъ погрязалъ въ невѣжествѣ, а что касается городскихъ рабочихъ, то дѣйствительно они испытывали тяжкія бѣдствія. Croix-Rousse въ Лионѣ, Rue de la bassesse и Impasse des cloaques въ Руанѣ и Лиллѣ,—и сколько можно было бы назвать еще другихъ мѣстностей которыя сдѣлались притономъ ужасающей нищеты и разврата! Іюльское правительство довольствовалось однако тѣмъ что зорко слѣдило за толпами несчастныхъ, всегда склонныхъ, подъ вліяніемъ крайняго отчаянія, взяться за оружіе, и готовило войска для подавленія уличныхъ бунтовъ. Всякая ассоціація рабочихъ могла возникнуть не иначе какъ съ разрѣшенія административной власти, а на эти разрѣшенія подозрительная буржуазія была до крайности скупа; стачки подвергались строгому преслѣдованію; бѣдный людъ не имѣлъ такимъ образомъ никакихъ законныхъ средствъ оградить свои интересы, не прибѣгая къ мятежу. Въ февральскую революцію 1848 года коноводы рабочаго сословія захватили власть и рѣшились

воспользоваться ею чтобы произвести не политическій только, но одинъ изъ самыхъ радикальныхъ экономическихъ переворотовъ о какомъ когда-либо запомнитъ исторія; и планы, и способы которыми они думали осуществить ихъ были такого свойства что государственному порядку и цивилизаціи угрожала неминуемая гибель; она была отстранена послѣ кровавой борьбы на улицахъ Парижа, и рабочій людъ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ замысловъ, затаивъ въ душѣ непримиримую ненависть къ существующему порядку вещей. Лудовикъ-Наполеонъ послѣшилъ протянуть ему руку чтобы достигнуть власти. Во всѣхъ своихъ прокламаціяхъ расточалъ онъ безпредѣльное сочувствіе къ такъ-называемой меньшей братіи. „Мой пульсъ бьется заодно съ вашимъ“, говорилъ онъ желѣзнодорожнымъ работникамъ въ Пикардіи; „мои лучшіе друзья живутъ не во дворцахъ, а въ хижинахъ“, повторялъ онъ каждый разъ, когда, во время своихъ путешествій, приходилъ въ соприкосновеніе съ крестьянами. Массы видѣли въ Лудовикѣ-Наполеонѣ представителя демократіи противъ высшихъ, образованныхъ классовъ, на которые опирались прежнія правительства, и Лудовикъ-Наполеонъ старался доказать что таково именно его призваніе.

Вотъ что облегчило ему произвести знаменитый переворотъ 2го декабря. Утверждать что этотъ переворотъ не встрѣтилъ сочувствія въ націи было бы неправдой. Онъ отличался самымъ грубымъ насиліемъ, самымъ дерзкимъ нарушеніемъ права, но не въ этомъ еще только заключается его трагическій характеръ. Если въ переворотѣ 19го брюмера нравственное наше чувство оскорблено вторженіемъ солдатъ въ залу совѣта пятисотъ, то еще болѣе возмутительно засѣданіе этого совѣта происходившее вечеромъ того же дня, когда, забывъ о своихъ недавнихъ запальчивыхъ протестахъ, оно объявило что генераль Бонапарте заслужилъ благодарность отечества за свой подвигъ (*a bien merité de la patrie*). То же самое можно сказать и о событіи 2го декабря: насъ поражаетъ не столько своеволие клевретовъ и наемниковъ Лудовика-Наполеона, сколько одобреніе встрѣченное ими въ народѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія что огромное большинство провинцій были за президента нарушившаго свою клятву, а въ столицѣ рабочее населеніе съ явнымъ злорадствомъ смотрѣло какъ безцеремонно обращался онъ съ представителями народа. Не

болѣе тысячи человѣкъ, исключительно изъ образованнаго класса общества, явились на баррикады; они погибли или были арестованы, и толпа не обнаружила ни малѣйшаго къ нимъ участія. Фактъ этотъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о глубокомъ разрывѣ между народомъ и буржуазіей. Самый невыносимый и грубый деспотизмъ, какому ничего подобнаго не представляетъ исторія западной Европы въ нынѣшнемъ столѣтіи, былъ порожденъ демократическими стремленіями Франціи. Все чѣмъ по справедливости могла гордиться страна, все что было замѣчательнаго въ области политики, науки и искусства, высказалось съ неслыханнымъ, безпримѣрнымъ въ исторіи единодушіемъ противъ новаго властелина; благороднѣйшіе умы вынуждены были оплакивать самые дорогіе для нихъ интересы въ жизни, но массы, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, считали себя довольными и счастливыми. „Вотъ на какую жалкую роль, восклицаетъ одинъ нѣмецкій писатель, низведена интеллигенція въ нашъ вѣкъ демократіи и народнаго господства. Переворотъ 2го декабря былъ особенно неблагопріятенъ для мыслящихъ людей, и по этому самому онъ не встрѣтилъ сильнаго противодѣйствія въ народѣ...“

Такимъ образомъ возникла политическая система представлявшая совершенно оригинальное явленіе въ исторіи Европы: это была личная, деспотическая власть, избранная массами и имѣвшая цѣлью ограждать интересы такъ-называемаго „четвертаго сословія“. Доктринеръ второй имперіи, герцогъ Персигни, тотчасъ же пріискалъ названіе для новаго главы государства: по словамъ его, онъ имѣлъ полное право именовать себя *homme-peuple*. Мысль выраженная въ этомъ изреченіи была подробно развиваема въ официальныхъ документахъ. Безпрерывно твердили они что „Богъ даровалъ наконецъ избавителя многочислѣннѣйшему классу общества.“ „Поселяне и работники, на которыхъ зиждется поголовная подача голосовъ, вотъ кто создалъ имперію“, воскликнулъ министръ Бильйо въ законодательномъ корпусѣ. Цѣлый рядъ революцій, слѣдовавшихъ во Франціи одна за другою съ конца прошлаго столѣтія, совершенно подорвали въ народѣ обаяніе верховной власти; не одно только имя помогло избранію Наполеона, а взаимныя выгоды которыя связывали его съ большинствомъ народонаселенія. При переходѣ изъ среднихъ вѣковъ къ новымъ было не мало государей стоявшихъ во главѣ „бѣднаго люда“ (*rois des pauvres*)

gens, Koenige der armen Leute), которые, подобно первому изъ Тюдоровъ, опираясь на массы, умѣли обуздывать своеволие мелкаго дворянства. Но во Франціи, на нашихъ глазахъ, не представлялось вовсе такой необходимости, ибо въ странѣ этой господствуетъ полная, не только гражданская, но и политическая равноправность. Задача была слѣдовательно совершенно другаго рода, и самъ Наполеонъ III опредѣлилъ ее весьма ясно, сказавъ что она состоитъ въ томъ чтобы давать пищу безпокойному и ненасытному обществу которое всего требуетъ и ожидаетъ исключительно отъ правительства. Другими словами, мы не можемъ назвать эту систему иначе какъ системой монархическаго соціализма. „Императоръ, воскликнулъ однажды въ сенатѣ г. Сентъ-Бѣвъ, намѣревается заимствовать изъ соціалистическихъ идей все хорошее, чтобы изъять эти идеи изъ революціи и приурочить ихъ къ правильному общественному порядку.“ Вотъ въ чемъ состоялъ *socialisme autoritaire*.

Становясь открыто на сторону рабочихъ, какимъ же образомъ относился Наполеонъ III къ высшимъ образованнымъ классамъ? Онъ ревностно желалъ привлечь также и ихъ къ своему правительству, но подъ однимъ условіемъ,—чтобы они забыли о всякихъ другихъ интересахъ кромѣ матеріальныхъ. Этимъ послѣднимъ вторая имперія оказывала самое широкое поощреніе. Никогда еще промышленность и торговля не получали столь громаднаго развитія; никогда еще не представлялось столько случаевъ обогащаться, и обогащаться нечистыми средствами съ полнѣйшею безнаказанностью; правительство стало во главѣ самыхъ рискованныхъ предпріятій; биржа сдѣлалась почти единственнымъ средоточіемъ публичной жизни... На этомъ пути открытъ былъ безграичный просторъ обществу, но взамѣнъ того оно должно было подавлять въ себѣ всякія стремленія къ свободѣ. Судя по внѣшности, политическія формы созданныя Наполеономъ III отличались, если угодно, либеральнымъ характеромъ: законодательная власть принадлежала палатамъ, изъ которыхъ одна была назначаемая поголовною подачей голосовъ; онѣ могли заиматься всѣми важнѣйшими вопросами касавшимися государства; бюджетъ ежегодно былъ представляемъ на обсужденіе законодательнаго корпуса. Чего бы, казалось, лучше. Но дѣло въ томъ что эти конституціонныя формы лишены были самыхъ

необходимыхъ гарантій которыя могли бы сообщить имъ дѣйствительное значеніе. Произволъ бюрократіи былъ усиленъ болѣе чѣмъ когда-нибудь, съ цѣлью подавить свободу парламентскихъ выборовъ; благодаря постановленіямъ которыя были копированы другими европейскими правительствами, печать вовсе не обладала независимостью; отъ прежняго порядка вещей сохранилась несмѣняемость магистратуры, но и она не приносила пользы, потому что судъ не находился подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Если конституціонная система всегда была во Франціи явленіемъ эфемернымъ, ибо не опиралась на самоуправленіе, то Наполеону III суждено было доказать до какой степени можно извратить ее, не посягая на нее открыто. „Армія, замѣтилъ одинъ нѣмецкій писатель, г. Баумгартенъ, имѣла въ виду непродолжительныя, но счастливыя войны, рабочему сословію правительство доставляло *rapet et circes*, на высшіе классы старалось оно дѣйствовать удовлетвореніемъ ихъ жажды къ золоту и раздачей должностей, и такимъ образомъ возникъ политическій порядокъ лишенный всякаго нравственнаго содержанія, но обезпечивавшій внутреннее спокойствіе и отчасти даже внѣшнее величіе. Это было совершенное подобіе Византійской имперіи. И тамъ императоръ провозглашенный тою или другою партіей цирка могъ разчитывать иногда на долгое и безмятежное царствованіе. Изворотливая бюрократія предавалась неутомимой дѣятельности, поощряла развитіе матеріальныхъ интересовъ въ обществѣ, а войска одерживали побѣды надъ Остготами и Вандалами, Армянами и Болгарами“.... Особенно въ первое время послѣ возвышенія Наполеона, задача которую онъ преслѣдовалъ не представляла ему большихъ трудностей. Огромное большинство было такъ довольно своимъ положеніемъ что не хотѣло и слышать никакихъ предостереженій; презрительно относилось оно къ „идеологамъ“ утверждавшимъ что путь на который выступила Франція долженъ привести ее къ гибели; было далеко не безопасно сказать правдивое и мужественное слово среди этой всеобщей апатіи; Франціей овладѣла „*la fureur de silence*“, по выраженію Токвилля....

Государственные люди Наполеона III непрерывно толковали о примиреніи между капиталомъ и трудомъ. Путь избранный ими для достиженія этой цѣли состоялъ въ слѣдующемъ: правительство, какъ уже было упомянуто, оказывало

дѣятельное поощреніе капиталистамъ, а что касается рабочаго сословія, то оно заботилось объ улучшеніи его судьбы съ помощью средствъ которыя носили явный отпечатокъ соціалистическихъ теорій. Такимъ образомъ имѣло оно въ виду удовлетворить одинаково и ту и другую сторону. Рабочимъ внушаема была мысль что администрація есть для нихъ второе Провидѣніе, что на нее должны они возлагать всѣ свои надежды, что она обладаетъ могуществомъ уничтожить нищету, и что рука ея никогда не оскудѣваетъ для тѣхъ кто обращается къ ней съ упованіемъ и покорностью. Въ этомъ направленіи правительство Наполеона III обнаруживало замѣчательную и искусную дѣятельность: по его инициативѣ возникли *sociétés de secours mutuel*, число коихъ возросло вскорѣ почти до 5.000, съ капиталомъ въ 23 милліона франковъ,—ассоціаціи учреждавшіяся префектами въ тѣхъ общинахъ гдѣ они считали это необходимымъ и полезнымъ, и находившіяся въ тѣсной зависимости отъ администраціи. Многія другія несомнѣнно полезныя учрежденія: ясли для дѣтей рабочаго класса, новыя больницы, пріюты для изувѣченныхъ работниковъ, такъ-называемые *fourneaux* императорскаго принца, дешевыя бани и т. д. должны были свидѣтельствовать о сочувствіи власти къ нуждамъ низшаго, преимущественно городского населенія. Но самымъ сильнымъ средствомъ въ ея рукахъ были нескончаемыя постройки. Строили непрерывно и въ Парижѣ, и въ другихъ городахъ, строили по большей части, точь въ точь какъ въ 1848 году, безъ всякой необходимости и съ единственною цѣлью пріискать занятіе рабочему сословію. Парижъ и Ліонъ, Бордо и Марсель преобразились до такой степени что трудно было узнать ихъ; церкви и дворцы, театры и благотворительныя заведенія возникали съ поразительною быстротой; императорскимъ декретомъ разрѣшено было городамъ прибѣгать къ займамъ, и при отсутствіи сколько-нибудь серіознаго контроля многіе изъ этихъ городовъ были обременены вскорѣ чудовищными долгами: въ теченіе 8 лѣтъ, а именно съ 1851 до 1859 года, долгъ лежавшій на Парижѣ увеличился болѣе чѣмъ въ двадцать разъ (съ 49 до 984 милл.), въ Марсели возросъ онъ отъ 17 до 91 милліона, тогда какъ ежегодный доходъ этого города простирался въ послѣднее время лишь до 20 милліоновъ. Въ то же самое время, вслѣдствіе прилива рабочихъ къ большимъ центрамъ, численность населенія остается почти

неизмѣнною (въ официальныхъ документахъ постоянно встрѣчаемъ фразу: *la population reste stationnaire*). Въ промежутокъ времени отъ 1851 до 1856 года оно даже уменьшилось въ двадцати департаментахъ, и между прочимъ въ департаментѣ Соны болѣе чѣмъ на $\frac{1}{10}$; но за то въ Парижѣ растетъ оно не по днямъ, а по часамъ, къ великому ужасу тѣхъ немногихъ проникательныхъ людей кого смущала мысль какая судьба ожидаетъ этотъ несчастный рабочій людъ, когда онъ не будетъ въ состояніи кормиться на счетъ правительства....

Правительство второй имперіи не задумывалось примѣнять на практикѣ теоріи социализма; изъ документовъ обнародованныхъ въ послѣднее время видно что оно было даже не прочь вступить въ сдѣлку съ международною лигой рабочихъ (Интернаціоналкой), но чему оно противилось до конца, чего оно никогда не хотѣло допустить, это — вліяніе высшихъ образованныхъ классовъ на рабочіе классы. Конечно, никто не станетъ утверждать чтобы было завидно положеніе печати при Наполеонѣ III: стѣсненія которымъ она подвергалась не помѣшали правда Прево-Парадолю и Лабуле, Монталамберу и Токвилю клеймить ненавистный порядокъ вещей возникшій въ 1851 году, но можно сказать что всякое честное и здоровое слово лишь съ непреодолимыми трудностями проникало въ массу низшаго сословія. Это была завѣтная область, гдѣ правительство не терпѣло никакого соперничества. Благодаря особымъ узаконеніямъ о разносной торговлѣ (*colportage*), только такіа книги распространялись между рабочими и крестьянами какія соотвѣтствовали видамъ и намѣреніямъ администраціи. Недоступны были народу газеты по дороговизнѣ, а потому всю мудрость долженъ былъ онъ почерпать изъ нарочно для него созданнаго *Petit journal*. Къ ассоціаціямъ правительство относилось крайне подозрительно; если онѣ не находились подъ непосредственнымъ его руководствомъ и надзоромъ, права сходокъ не существовало вовсе до извѣстнаго закона г. Эмиля Оливье, изданнаго не за долго до паденія имперіи: удивительно ли же что подъ владычествомъ Наполеона III рабочіе классы не освободились ни отъ своихъ предрасудковъ, ни отъ своего невѣжества, и что дурные инстинкты, внушившіе ему ненависть ко всякому социальному превосходству и

стремленіе всего; требовать отъ власти, развились въ немъ въ чудовищныхъ размѣрахъ?

Если Наполеонъ III полагалъ что правительство его, заботясь не только объ улучшеніи матеріальнаго быта рабочихъ классовъ, но даже объ ихъ удовольствіяхъ, заставить ихъ отказаться отъ анархическихъ наклонностей, то самообольщеніе это было непродолжительно. Пресловутая мысль о „примиреніи труда и капитала“ оказалась не болѣе какъ мечтой. Чтобъ убѣдиться въ этомъ достаточно было самаго поверхностнаго наблюденія: стоило только присутствовать при одной изъ тѣхъ уличныхъ сценъ когда въ праздничный день столичная знать возвращалась, по линіи бульваровъ, съ Венсенскихъ скачекъ или изъ Булонскаго лѣса; нужно было видѣть какими озлобленными взорами провожали блузники вереницу блестящихъ экипажей и слышать возгласы раздававшіеся въ этой толпѣ! Къ несчастію, денежная и чиновная аристократія второй имперіи менѣе всего способна была внушать къ себѣ уваженіе, ибо она погрязла въ развратѣ и не стыдилась выставлять этотъ развратъ на показъ. На ней видимъ удивительный примѣръ до какого можно дойти глубокаго упадка вращаясь въ сферѣ исключительно матеріальныхъ интересовъ. Конечно, порокъ существуетъ вездѣ, но поистинѣ ужасно когда порокъ охватываетъ въ одинаковой мѣрѣ всѣ слои общества, когда стоить не малаго труда провести черту между салономъ Тюилерійскаго дворца и салономъ Кору Пирль.. А именно это-то печальное явленіе и представляла Франція, — представляла его и въ общественной своей жизни, и въ литературѣ: въ самыхъ изысканныхъ гостинныхъ можно было встрѣтить произведнія въ родѣ *Mademoiselle Giraud ma femme* и т. п.

Питая попрежнему ненависть къ высшимъ классамъ, рабочее сословіе долго служило опорой для правительства второй имперіи. И весьма естественно. Наполеонъ III думалъ управлять съ помощію социалистическихъ теорій, выкидывая изъ нихъ то что ведетъ къ насильственнымъ переворотамъ, анархіи и мятежу. Но именно то что въ этихъ теоріяхъ заключается опаснаго и представляло особенную прелесть для французскаго работника. Сравнивая свое положеніе съ прежнимъ, онъ былъ конечно доволенъ своею судьбой; онъ не могъ не чувствовать благодарности къ правительству за щедроты которыя оно изливало на него, онъ не имѣлъ недостатка въ

работѣ послѣ того какъ администрація приняла относительно его роль подрядчика.... Но какъ ни хороши были эти результаты, сотни голосовъ твердили со всѣхъ сторонъ что участь его будетъ неизмѣримо болѣе завидною еслибы только удалось ему самому захватить въ свои руки эту власть, отъ которой зависитъ дѣлать людей счастливыми и производить всякаго рода эксперименты надъ общественнымъ организмомъ... Наполеонъ III тщательно подавлялъ свободу и искалъ себѣ опоры въ социализмѣ, стараясь регулировать его, но подобный союзникъ оказался черезчуръ опаснымъ. „Четвертое сословіе“, которому правительство второй имперіи расточало утонченную лесть, явилось вскорѣ въ авангардѣ непримиримыхъ его враговъ.

Историческое значеніе второй имперіи заключается въ томъ что оно развило до чудовищныхъ крайностей тѣ безобразныя явленія которыя были выработаны прошлою жизнію Французскаго народа. Антагонизмъ между различными классами общества, отсутствіе правильной политической жизни, административная централизація, социализмъ, — все это существовало уже прежде, и на всемъ этомъ рѣшился Лудовикъ-Наполеонъ построить сознательно свою правительственную систему. Онъ поступалъ какъ поступаютъ нѣкоторые воспитатели при испорченныхъ дѣтяхъ: видя что предшественникамъ ихъ не удалось ужиться при ребенкѣ вслѣдствіе его своеволія и дурныхъ наклонностей, они предпочитаютъ по-творствовать этимъ наклонностямъ и развивать ихъ чтобы только сохранить за собою должность. Вмѣсто того чтобы противодѣйствовать порокамъ своей націи, Наполеонъ III старался эксплуатировать ихъ въ свою пользу: вотъ въ чемъ состояла его политическая мудрость, и вотъ почему исторія произнесетъ надъ нимъ особенно строгій приговоръ.

VIII.

Послѣ паденія Наполеоновской диктатуры и заключенія мира, Франція пережила одинъ изъ самыхъ страшныхъ кризисовъ какому когда-либо подвергалась цивилизованная нація. Мы не намѣрены исчислять здѣсь подробно всѣ ознаменовавшія его событія, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія что событія эти еще слишкомъ живы въ памяти нашихъ читателей,

начиная съ возстанія 18го марта и до варварскаго разрушенія лучшей части Парижа въ ту самую минуту когда вступали туда войска сохранившіе вѣрность законному правительству. Намъ хочется указать лишь на тотъ несомнѣнный фактъ что они были подготовлены издавна, и что несмотря на ихъ ужасающій характеръ, не было въ нихъ ничего такого что могло бы поразить совершенною неожиданностію.

Въ то время о которомъ говоримъ мы, Франція какъ бы распалась на двѣ части: Франція сель и городовъ. Нигдѣ въ другой странѣ не найдемъ мы ничего подобного этому явленію, а между тѣмъ во Франціи оно является лишь послѣднимъ словомъ пережитыхъ ея революцій. Въ 1830 году произошелъ въ ней государственный переворотъ направленный противъ мнимыхъ притязаній дворянства и духовнаго сословія: масса народа была твердо убѣждена что пользуясь расположеніемъ къ нимъ Бурбонской династіи, они стремились возстановить вполнѣ или отчасти старинныя свои привилегіи сокрушенныя въ концѣ прошлаго столѣтія. Переворотъ совершился, и нашлись умы которые пріискали для него разумное оправданіе. Миновало однако нѣсколько лѣтъ, и ненависть которою низшіе классы преслѣдовали аристократію и клерикальную партію обратилась противъ *буржуазіи*: съ именемъ ея отнюдь не соединялось понятія о какихъ-либо феодальныхъ правахъ, но она обладала образованіемъ и богатствомъ, въ ней іюльское правительство главнымъ образомъ искало своей опоры, и достаточно было этого чтобы возбудить противъ нея демократическую зависть, которая преслѣдуетъ во Франціи все что пользуется виднымъ положеніемъ въ государствѣ. Французская буржуазія сдѣлала громадныя ошибки, но ошибки эти были вовсе не изъ числа такихъ для устраненія коихъ слѣдовало бы прибѣгать къ насилію: тѣмъ не менѣе произошелъ новый государственный переворотъ, опять-таки во имя будто бы нарушеннаго равенства. Водворена была поголовная подача голосовъ; народныя массы достигли всего чего могли онѣ желать въ сферѣ политическихъ правъ; казалось бы что теперь долженъ былъ завершиться періодъ насильственныхъ потрясеній, но вмѣсто того мы видимъ что революціонная партія отнюдь не прекращаетъ своей дѣятельности и непрерывно грозитъ

спокойствію государства. Объясняется это тѣмъ что у нея выработалось свое особенное понятіе о народѣ: подѣ „народомъ“ понимала она не что другое какъ пролетаріатъ, вербующій свои силы преимущественно въ средѣ рабочаго класса, тотъ бездомный и голодный людъ который не страшится революцій потому что ему нечего терять въ нихъ. Французскіе демагоги, такъ сильно ратовавшіе за поголовную подачу голосовъ, не замедлили убѣдиться что это право послужило орудіемъ противъ ихъ собственной партіи. Всѣ національныя собранія избираемыя послѣ 1848 года отличались весьма консервативнымъ характеромъ. Этотъ фактъ приводилъ въ сильное отчаяніе социалистовъ и крайнихъ демократовъ, и уже въ самомъ началѣ Прудонъ не переставалъ повторять что необходимо организовать *suffrage universel*, что предоставленный самому себѣ онъ можетъ причинить только вредъ. * Не оскорбительно ли было въ самомъ дѣлѣ для людей извѣстной школы что народъ, который не сходилъ у нихъ съ языка, заявлялъ неоднократно и самымъ торжественнымъ образомъ что не имѣетъ ничего общаго съ ихъ теоріями и не думаетъ присоединяться къ ихъ разрушительнымъ стремленіямъ? Отсюда вражда къ этому народу, проявившаяся особенно рѣзко въ послѣднихъ событіяхъ: въ прежнее время слово „аристократъ“ было ненавистною кличкой, затѣмъ „буржуа“, а теперь нѣтъ, кажется, ничего презрительнѣе названія „*les ruraux*“ (крестьяне). Для французскихъ демократовъ извѣстнаго закала не существуетъ народа кромѣ того который стоитъ внѣ духовенства и дворянства, внѣ средняго сословія и крестьянъ....

Этотъ-то народъ и произвелъ парижскую революцію 18го марта. Понятія съ которыми его коноводы приступили къ дѣлу были какъ нельзя болѣе просты въ своемъ дикомъ безсмыслии и свирѣлости: есть на свѣтѣ только одинъ классъ людей который имѣетъ законное право владѣть собственностію и наслаждаться жизнью, это — рабочіе; всѣ остальные единственно потому что они не заняты подневнымъ ручнымъ трудомъ должны считаться непроизводительными и состоятъ изъ тунеядцевъ; такимъ образомъ капиталы принадлежащіе имъ не болѣе какъ грабежъ и должны быть у

* *Confessions d'un révolutionnaire.*

нихъ отняты чтобы поступить въ достойнѣйшія руки. Какимъ образомъ думали они произвести распределение богатствъ, объ этомъ не было у нихъ сколько-нибудь твердаго плана; вся ихъ программа была дикая смѣсь идей высказанныхъ когда-то Фурье и Сень-Симономъ, особенно же Бабёфомъ и Кабе, и въ основѣ которой лежала грубая сила. Для нихъ цивилизація не имѣла ничего завѣтнаго, потому что они не находили въ ней оправданія своихъ плановъ, и цивилизаціи объявили они непримиримую войну не только въ современныхъ ея результатахъ, но и въ памятникахъ сохранившихся отъ ея прошедшаго. „Во всѣ вѣка, справедливо замѣтилъ одинъ писатель, люди умирали и умираютъ за свою религію, но подобной *религіи* какъ у парижскихъ коммунистовъ еще не было видано до сихъ поръ: ни Бога, ни человечества, ни вѣры, ни надежды — ничего, ровно ничего кромѣ высокой заработной платы и матеріальнаго наслажденія жизни. Принципы парижской революціи отнюдь были не выше тѣхъ какіе руководятъ любою стачкой портныхъ. Герои 1793 года имѣли хоть какіе-нибудь политическіе идеалы, а единственнымъ идеаломъ героевъ 1871 года было отнять деньги у богатыхъ и набить свои карманы.“

Мы упоминали что Прудонъ, отчаявшись въ поголовной подачѣ голосовъ для успѣха соціалистическихъ теорій, думалъ о томъ чтобъ искусственно организовать ее. Парижскіе революціонеры рѣшились исполнить эту задачу. Такъ какъ рабочій пролетаріатъ скопляется преимущественно въ столицѣ и большихъ городахъ, то главнѣйшая цѣль состояла въ томъ чтобы городамъ предоставить совершенно независимое положеніе въ государствѣ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ образовать коммуну; въ коммунахъ такого рода всѣмъ распоряжается демагогическая партія, ибо въ противномъ случаѣ онѣ не имѣли бы конечно смысла; партія эта не могла не знать что нѣтъ города въ которомъ она не была бы незначающимъ меньшинствомъ, но съ другой стороны ей было хорошо извѣстно что съ помощію кроваваго террора она всегда успѣетъ покорить себѣ массу гражданъ. На этотъ счетъ она была слѣдовательно вполне спокойна. Коммуны имѣютъ свой особый бюджетъ, свои финансы, свою армію; онѣ вступаютъ между собою въ союзъ для огражденія своихъ правъ; съ остальною страной заключаютъ онѣ договоръ, въ силу котораго страна

обязывается уважать ихъ независимость: словомъ, это уже не одинъ status in statu, а нѣсколько государствъ въ одномъ государствѣ. Коноводы коммунистическаго движенія прямо объявляли Франціи что такъ какъ она не сочувствуетъ ихъ планамъ, то пусть же не мѣшаетъ имъ устроиться въ нѣсколькихъ центрахъ и жить тамъ по-своему, причемъ они питали надежду что господство ихъ будетъ постепенно расширяться до тѣхъ поръ пока вся страна не подчинится ему и не получатъ они возможность производить надъ нею соціальныя опыты. Эти люди не переставали утверждать что существованіе отдѣльных, независимыхъ коммунъ нѣсколько не подорветъ государственнаго единства; они были даже не прочь признавать какую-то центральную власть, подъ тѣмъ разумѣется условіемъ чтобъ эта власть признала задуманныя ими общины и провозгласила республику неизмѣнною формою правленія во Франціи. Еслибы, на примѣръ, національное собраніе избранное поголовною подачею голосовъ не вняло этому послѣднему притязанію, то городскія коммуны имѣли бы право разорвать съ нимъ всякую связь. Но что произошло бы въ томъ случаѣ еслибъ остальная страна высказалась въ пользу учрежденія монархіи? Въ какомъ положеніи очутилось бы тогда собраніе между враждебными требованіями городовъ и селъ и на кого въ сущности простиралась бы его власть? Парижскіе коммунисты не смущались этими вопросами и готовы были лучше предать поголовному разрушенію все что находилось въ ихъ рукахъ чѣмъ отказаться отъ своего чудовищнаго плана, клонившагося къ тому чтобы выгородить своихъ людей изъ массы населенія и поставить ихъ такимъ образомъ чтобы на выборахъ они не были подавляемы численностью голосовъ. Для этой цѣли захватили они Парижъ и варварскими средствами подавляли тамъ всякую свободу мнѣній, держали въ страхѣ сотни тысячъ гражданъ, не хотѣвшихъ имѣть ничего общаго ни съ ними, ни съ ихъ теоріями.

Можно только удивляться что нашлись наивные люди которые заблуждались одно время насчетъ истиннаго характера парижской коммуны. Не сбило ли ихъ съ толку извѣстное выраженіе графа Бисмарка что въ требованіяхъ заявленныхъ возстаніемъ 18го марта заключалась „частица здраваго смысла“? Трудно предположить чтобы знаменитый государственный

человѣкъ былъ обманутъ зрѣлищемъ происходившимъ предъ глазами изумленной Европы, — но какъ бы то ни было, многіе, со словъ его, начали приискивать всевозможныя оправданія для событій происходившихъ въ Парижѣ. Увѣряли что событія эти являются хотя дикимъ, но въ сущности не лишеннымъ основанія, протестомъ противъ чрезмѣрной централизаціи; старались убѣдить что вожди и приверженцы коммуны не домогаются ничего болѣе кромѣ широкой муниципальной автономіи. Всѣ эти толки были основаны на наглости обманѣ съ одной стороны и на ребяческой довѣрчивости съ другой. Агитаторы организовавшіе возстаніе 18го марта дѣйствительно много разглагольствовали о самоуправленіи, но эта тема служила лишь приманкой, которою они старались увлечь за собою массу парижскаго населенія. Парижъ питалъ сильное неудовольствіе противъ Бордоскаго правительства; Парижъ негодовалъ на расточаемыя ему угрозы что резиденціей центральной власти будетъ избранъ какой-либо изъ другихъ городовъ; Парижъ давно уже тяготился что при имперіи онъ былъ лишенъ даже того призрака муниципальных правъ какой былъ предоставленъ остальной Франціи; Парижъ только-что выдержалъ тяжкую осаду и былъ сильно оскорбленъ что вмѣсто признательности провинціи относились къ нему съ явнымъ недоброжелательствомъ. И вотъ революціонеры постѣшили эксплуатировать эти раздраженные страсти, увѣряя будто они ратуютъ за тѣ необходимыя и законныя вольности которыя пустили болѣе или менѣе глубокіе корни въ Лондонѣ и Петербургѣ, въ Берлинѣ и Москвѣ, въ Вѣнѣ и Флоренціи. Но они не помышляли ни о чемъ подобномъ. Все прошедшее этихъ людей краснорѣчиво свидѣтельствовало о ихъ истинныхъ намѣреніяхъ. Союзниками ихъ явились искатели приключеній изъ всѣхъ концовъ Европы, которые относились болѣе чѣмъ равнодушно къ вопросу о томъ будетъ ли Парижъ пользоваться самоуправленіемъ или нѣтъ. Главною ихъ опорой служила Международная Ассоціація Рабочихъ, высказавшая съ поразительною откровенностью что программа ея заключается въ безпощадномъ разрушеніи всѣхъ основъ политическаго и гражданскаго порядка. Наконецъ всѣ распоряженія и дѣйствія коммуны указываютъ какъ понимала она свою роль. Тотчасъ послѣ того какъ власть досталась въ ея руки, издаетъ она цѣлый рядъ декретовъ имѣющихъ цѣлью переустройство

общества „на новыхъ основаніяхъ“. Прежде всего они были направлены разумѣется противъ частной собственности: такъ напримѣръ, бѣднымъ людямъ разрѣшено было не платить домовладѣльцамъ три срока наемной платы за квартиры; мастерскія покинутыя домохозяевами были присуждены въ пользу ассоціацій рабочихъ; отмѣнены были, безъ всякаго вознагражденія, должности нотаріусовъ и клерковъ; наложены контрибуціи на общества желѣзныхъ дорогъ и на банкъ для выдачи ссудъ подъ залогъ (*Mont de piété*); задуманы были также и несравненно болѣе радикальныя мѣры, а именно отмѣна права наслѣдства и конфискація имущества богатыхъ для уплаты государственнаго долга прусскому правительству. Коммуна провозгласила отдѣленіе церкви отъ государства, но для уясненія того какъ смотрѣла она на этотъ принципъ достаточно замѣтитъ что она сочла себя въ правѣ приступить немедленно къ систематическому грабежу церковной утвари и украшеній. Регулярныя арміи были уничтожены: по мнѣнію коммуны, и этотъ вопросъ отнюдь не касался центральной власти, а зависѣлъ отъ усмотрѣнія каждой общины. Не удѣляла отъ разгрома и юстиція: вмѣсто прежнихъ судовъ, съ цѣлью облагодѣтельствовать человѣчество учреждены были новые трибуналы, которые въ двадцать четыре часа производили слѣдствіе, выслушивали свидѣтелей, подвергали обвиненнаго допросу и казнили... Словомъ, не было такой области государственнаго и частнаго права на которую коммуна не наложила бы свою руку, и какъ будто послѣ этого нужно было ждать разрушенія Парижа чтобъ убѣдиться что отнюдь не мѣстное самоуправленіе занимало ея помыслы....

Въ этомъ отношеніи Парижъ не представилъ намъ рѣшительно ничего новаго. Коммуна возникшая въ его стѣнахъ была не болѣе какъ рабскою пародіей пресловутой коммуны 1793 года, которая присвоила себѣ политическую роль и была страшилищемъ даже для конвента. Вообще современныя французскія событія служатъ самымъ лучшимъ комментариемъ для революціи прошлаго столѣтія: они какъ бы воскресили предъ нами ту мрачную эпоху во всѣхъ ея подробностяхъ. Мы удивляемся что нѣсколько головорѣзовъ и толпа развратной черни утвердили свое господство въ одномъ изъ самыхъ многочисленныхъ и роскошныхъ европейскихъ центровъ, совершенно забывая что и въ 1793 году свирѣпствовало въ Парижѣ

лишь незначительное меньшинство; мы не можемъ объяснить себѣ что масса благонамѣренныхъ гражданъ подчинилась почти безпрекословно этому возмутительному скандалу, а между тѣмъ и въ XVIII вѣкѣ она точно такъ же покорно склоняла свою шею подъ ножъ Робеспьера и Марата. По всему видно что нравы французскаго общества не измѣнились. Нѣкоторыя изъ сценъ свидѣтелемъ коихъ былъ Парижъ въ настоящее время напоминаютъ до ничтожныхъ мелочей сатурналіи прежнихъ санкюлотовъ. Вотъ на примѣръ разказъ очевидца, г. Эдмонда Прессансе:

„Первая изъ церквей которая коммуна превратила въ клубъ была церковь S. Nicolas des Champs. Я находился тамъ въ пятницу 28го апрѣля. Зданіе было освѣщено какъ бы для большаго празднества; огромная толпа наполняла средину храма и боковые придѣлы—толпа безобразная, шумная, привѣтствовавшая неистовыми рукоплесканіями мысль о всякой насильственной мѣрѣ. Въ рядахъ ея было особенно много женщинъ, по большей части съ грудными дѣтьми на рукахъ. Бюро находилось тамъ гдѣ стоялъ прежде алтарь, и президентъ звонилъ въ колокольчикъ употреблявшійся при богослуженіи. Ораторы непрерывно смѣнялись на кафедрѣ. Одинъ изъ нихъ требовалъ чтобы правительство захватило банкъ для ссуды подъ залогъ (Mont de piété) и роздало бѣднякамъ заложенные ими вещи, а вещи зажиточныхъ гражданъ объявило бы конфискованными. „Прекрасно, воскликнула съ восторгомъ какая-то женщина,—вотъ за это-то я и люблю коммуна!“ Другой ораторъ упомянулъ о протестѣ священника S. Nicolas des Champs противъ оскорбительной профанаціи церкви и началъ неистово ругать католическое духовенство, упрекая его во лжи, трусости и эксплуатаціи народа. Энтузіазмъ присутствовавшихъ достигъ крайнихъ размѣровъ. Затѣмъ кто-то началъ обвинять поставщиковъ на армію и толпа ревѣла: „казнить ихъ, казнить!“ Каждая рѣчь прерывалась криками: „да здравствуетъ коммуна“, долго гремѣвшими подъ готическими сводами. Вотъ какъ понимали коммунисты отдѣленіе церкви отъ государства“. *

Не переносить ли насъ эта сцена въ разгаръ 1793 года?

Нѣтъ, было бы безуміемъ искать что-либо достойное сочувствія въ парижскихъ событіяхъ наступившихъ послѣ

заключенія мира. Коммуну породило все что было худшаго въ историческомъ развитіи Франціи начиная съ революціи XVIII вѣка; она явилась какъ страшный симптомъ тяжкаго и продолжительнаго недуга. Отрицательная ея заслуга состоитъ лишь въ томъ что она указала на полнѣйшую невозможность для страны идти прежнимъ путемъ, если страна не хочетъ приготовить себѣ вѣрную гибель.

IX.

Оправится ли Франція отъ разгрома и займетъ ли она снова почетное мѣсто въ ряду передовыхъ народовъ міра? Удастся ли ей сравниться съ ними въ дѣлѣ умственнаго и гражданскаго прогресса или постоянно будетъ она клониться къ упадку? Для Нѣмцевъ вопросы эти разрѣшены уже окончательно. Они твердо убѣждены что Франція осуждена отнынѣ на такую же роль какую играли Греки очутившись подъ римскимъ владычествомъ. Поразительное сходство, говорятъ намъ, существуетъ между греческою и французскою націями. Подобно древнимъ Грекамъ, Французы заражены непоправимымъ самоуниженіемъ и привыкли считать почти всѣ другіе народы за „варваровъ“; подобно имъ отличаются они впечатлительностью и непостоянствомъ характера, побуждающими ихъ переходить непрерывно отъ однихъ политическихъ формъ къ другимъ; и они дѣйствуютъ совершенно такъ же какъ Греки, которые подъ вліяніемъ страстей требовали отъ своихъ повелителей постоянныхъ успѣховъ, и въ случаѣ неудачи обрекали ихъ на изгнаніе; такъ же легко предаются они междоусобицамъ и распрямъ и прибѣгаютъ къ безразсуднымъ войнамъ. „Греки, даже во времена своего упадка, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, стояли высоко въ литературѣ и наукѣ; между ними встрѣчались превосходные риторы, дипломаты, историки, ученые, но какъ народъ они были презираемы, потому что утратили сознаніе всѣхъ обязанностей,—обязанностей въ отношеніи къ отечеству, семейству и къ самимъ себѣ. Языкъ ихъ все еще былъ языкомъ образованнаго міра. Высшее общество въ Римѣ и Александріи болтало по-гречески точно такъ же какъ теперь, въ любой европейской столицѣ, аристократическіе кружки привыкли объясняться по-французски. Греки не переставали твердить о своей минувшей

славѣ и величіи, но историческое ихъ развитіе завершилось, вліяніе ихъ не было уже животворно. Языкъ ихъ остался безсмертнымъ, а сами они умерли.“ Въ настоящее время трудно найти Нѣмца который не старался бы себя увѣрить что именно такая судьба ожидаетъ и Французскую націю.

Германскіе писатели говорятъ что Франція обнаруживаетъ тлетворное вліяніе на европейскіе народы, которые должны тщательно ограждать себя отъ него. Въ Германіи раздаются теперь точно такіе же вопли противъ современной французской цивилизаціи какими Катонъ преслѣдовалъ „Graeculos“, когда они наводняли Италію и развращали Римлянъ. Нельзя отрицать что во всемъ этомъ есть много справедливаго. Французская литература, за рѣдкими исключеніями, отнюдь не представляетъ здоровой пищи, а что касается политической жизни несчастной страны, то результаты ея такого рода что едва ли можно обращаться къ ней за примѣрами. Франція гордилась тѣмъ что съ 1789 года она была представительницей демократическихъ началъ въ Европѣ. Нельзя отрицать великаго и возрастающаго значенія демократическихъ началъ въ современномъ европейскомъ обществѣ, но демократія демократіи рознь, и нѣтъ ничего хуже демократіи какъ создалась она во Франціи. Весьма мѣтко замѣтилъ Прево - Парадоль что она получила такое значеніе въ его отечествѣ что при одномъ этомъ словѣ „морозъ пробѣгаетъ по кожѣ“. Французская демократія есть синонимъ неукротимой зависти низшихъ классовъ общества къ высшимъ, бѣдности къ богатству, бездарности къ таланту, праздности къ заслугамъ. Воспитанная въ бюрократическихъ понятіяхъ и привычкахъ, она какъ бы потеряла всякій инстинктъ свободы и не знаетъ другихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей кромѣ грубой силы; она проникнута надменнымъ презрѣніемъ къ прошедшему и готова во всякое время начинать сызнова свое историческое существованіе, вслѣдствіе чего все что она строитъ зиждется на пескѣ. И въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи господствуютъ чисто-демократическія учрежденія, но непроходимая бездна раздѣляетъ обѣ эти страны. Понятія, привычки, нравы сложившіеся подъ вліяніемъ упомянутыхъ учреждений въ одной изъ нихъ совершенно чужды другой. Объясняется это тѣмъ что демократія американская исполнена богатыхъ жизненныхъ силъ, ибо

была воспитана самоуправленіемъ и свободой, а французская демократія представляетъ болѣзненное явленіе, такъ какъ самые первые шаги ея были ознаменованы взаимною враждой и насиліемъ, и характеръ этотъ сохранила она до сихъ поръ. А между тѣмъ демократическая Франція долгое время производила сильное обаяніе на Европу: идеи ея встрѣчали многочисленныхъ приверженцевъ, хотя эти идеи не поражали на той самой почвѣ на которой онѣ выросли ничего кромѣ разрушенія. Въ этомъ смыслѣ германскіе публицисты совершенно правы предостерегая европейское общество отъ яда разносимаго изъ Франціи, и предостереженіемъ такого рода не слѣдуетъ пренебрегать и намъ, ибо современная французская цивилизація, именно въ томъ что было въ ней тлетворнаго, слишкомъ долго была у насъ предметомъ поклоненія.

Многіе не допускаютъ мысли объ окончательномъ упадкѣ Франціи. Кто рѣшится утверждать, говорятъ они, что страна оказавшая столько высокихъ заслугъ человѣчеству не въ состояніи будетъ побѣдить зло причинявшее ея бѣдствія? Зачѣмъ предполагать что тяжкіе уроки послѣдняго времени не отрезвятъ ее и не пробудятъ въ ней напряженія силъ, которое поведетъ къ счастливымъ результатамъ? Указываютъ при этомъ на необыкновенную даровитость Французскаго народа, на эластичность, не разъ облегчавшую ему возможность переносить тяжкія несчастія, на богатства которыми одарила его природа, и на основаніи всего этого полагаютъ что было бы преждевременно предсказывать ему неминуемую гибель. Конечно, трудно отвѣчать за будущее, но во всякомъ случаѣ, настоящее представляется въ крайне мрачномъ видѣ. Мы видимъ что въ странѣ, даже послѣ постигшаго ее разгрома, не пробудилось никакого единодушія, что политическія ея партіи готовы ежеминутно вступить въ отчаянную борьбу, что каждая изъ этихъ партій придаетъ огромное значеніе той или другой формѣ правленія, между тѣмъ какъ спасеніе Франціи менѣе всего зависитъ отъ политическихъ формъ, поочередно испробованныхъ ею безъ всякаго успѣха. Мы видимъ что предпринимаются реформы, и въ томъ числѣ имѣющая цѣлью даровать автономію городамъ и общинамъ, но реформы эти существуютъ лишь въ зародышѣ, онѣ еще далеко не примѣнены на практикѣ, и совершенно неизвѣстно какъ совладаетъ съ ними французское общество.... Говорить поэтому о будущемъ

значило бы вдаваться въ область весьма сомнительныхъ предположеній и догадокъ: мы уклоняемся отъ подобной задачи, но что касается событій совершившихся на нашихъ глазахъ, то не трудно уразумѣть дѣйствительный ихъ смыслъ. Франція была побѣждена не вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, а потому что носитъ въ себѣ элементы глубокаго разложенія. Общество ея не проникнуто ни истинною религіозностью, ни патріотизмомъ, ни семейными добродѣтелями; зависть, недоброжелательство и служеніе матеріальнымъ интересамъ — вотъ основныя его черты; все что внушало ему нѣкогда самоотверженіе и геройство сдѣлалось для него пустою фразой, и за деньги, единственный идолъ которому оно поклоняется, зажиточные классы готовы подчиниться какой угодно диктатурѣ, лишь бы она обезпечила имъ мирное обладаніе ихъ имуществомъ, а низшіе не отступаютъ предъ самыми звѣрскими преступленіями чтобы пріобрѣсть деньги. Таково было развитіе Франціи въ теченіе долгаго времени, и если вознамѣримся искать его начала, то должны будемъ обратиться къ революціи прошлаго столѣтія. Современныя событія окончательно выяснили ея значеніе. Теперь сказано послѣднее слово громаднаго переворота возникшаго въ 1789 году, и французское общество можетъ судить имѣло ли оно право видѣть въ немъ зарю возрожденія, а не начало упадка.

ЕВ. ФЕОКТИСТОВЪ.

АСПАЗІЯ ЛАМПРИДИ *

ГРЕЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

XX.

Сестра Алкивіада испугалась наконецъ его писемъ изъ Ралезы; имя Аспазіи повторялось въ нихъ слишкомъ часто. Она любила младшаго брата какъ мать. Хотя она не была никогда въ Турціи, но по слухамъ, имѣла о тамошнихъ родныхъ своихъ не высокое понятіе. Воображая Аспазію въ горномъ платочкѣ, съ дурными, церемонными манерами, можетъ-быть крикливую и неопрятную, она утѣшала лишь себя тою мыслью что есть же у Алкивіада вкусъ и что не рѣшится же онъ, несмотря на пылъ своей молодости, жениться вдругъ на необразованной и невоспитанной женщинѣ и привести ее въ Аѳины! „Такой ли бракъ можетъ ожидать въ будущемъ моего красавца и феникса!“ думала любящая сестра. Она не долго тревожилась; обдумала дѣло и написала два письма—одно Алкивіаду, другое старику Ламприди.

* *Окончаніе.* См. *Русск. Вѣстн.* 1871, №№ 6, 7 и 8й.

„Братецъ (она писала) если ты, наконецъ, саго мію, до такой высочайшей степени влюбленъ, то что же дѣлать? Шаловливый маленькій тиранъ-Эросъ—неумолимъ! Рѣшенія этого милаго изверга безапелляціонны. Онъ пронзаетъ своими ядовитыми стрѣлами сердца болѣе испытанныя жизненными бурями чѣмъ твое. Да будетъ такъ. Но, милый братъ мой, если въ твоей душѣ остались воспоминанія (для меня они священны!) о той дѣтской колыбели у которой я проводила ночи стараясь чтобы нѣжная жизнь твоя не угасла, сдѣлай для меня то о чемъ я буду тебя просить! *Спѣши медлительно.* Повѣрь моему доброжелательству и моему опыту. Пусть Аспазія твоя пріѣдетъ гостить ко мнѣ въ Аѣины. Я постараюсь изучить ее, исправить въ ней что необходимо для новой жизни которая будетъ ей предстоять, для того высшаго общества въ которое она, будучи твоею женой, вступитъ. Пусть Аспреасъ не краснѣетъ за ту которой онъ дастъ свое имя!...“

„Любезнѣйшій и дражайшій дядя (писала она киръ-Христаки). Не знаю какъ выражу я вамъ то удовольствіе которое я чувствую, читая письма моего Алкивіада. Я надѣюсь что это путешествіе нашего юноши и пребываніе его въ Элпирѣ скрѣпятъ новыми узами наши родственныя семьи, которыя издавна раздѣлены земнымъ пространствомъ, но не идеальными чувствами. Я заочно, благодаря письмамъ Алкивіада, присутствую ежеминутно при мирной, нравственной, патріархальной жизни вашего почтеннаго дома и должна лишь изумляться стойкости и энергіи эллинскаго народнаго характера, который помогъ несчастной націи этой сохранить свой бытъ и свою нравственную чистоту въ странѣ удаленной отъ всякаго луча просвѣщенія и подъ варварскимъ игомъ лютыхъ звѣрей во образѣ челоуѣка.

„Можно ли отчаяваться въ великой, славной на всѣхъ поприщахъ будущности такого народа. Не знаю какъ выразить почтенной тетущкѣ благодарность отца нашего и всѣхъ насъ за истинно родственное гостепріимство оказываемое ею и всѣмъ семействомъ вашимъ Алкивіаду. Да возблагодаритъ и да благословитъ васъ Самъ Всемогуцій Творецъ!

„Разстояніе, почтеннѣйшій дядюшка, на которомъ жили такъ долго семьи наши, связанныя кровными узами, лишало насъ долго удовольствія сноситься съ вами и знать всѣ подробности вашей семейной жизни. Теперь я знаю, благодаря путешествію брата, имена, возрастъ и отчасти и характеръ всѣхъ членовъ вашей превосходной семьи. Братъ отъ нея въ восторгѣ, и зная умъ его, я увѣрена что онъ не ошибается ни на одну йоту. Я знаю коротко милыхъ Цици и Чѣво; знаю добраго Николаки и дорогую супругу его; сокрушаюсь надъ несчастіемъ постигшимъ бѣднаго Алексѣя, и утѣшаю себя лишь тѣмъ что, по словамъ брата, глухота его не помѣшала ему развивать свой умъ и свою дѣятельность. Изъ всего вашего семейства меня особенно, впрочемъ, трогаетъ судьба вашей

старшей дочери Аспазіи! Какая ужасная, трагическая судьба—лишиться въ столь нѣжномъ возрастѣ любимого, молодаго мужа! Конечно, милая Аспазія должна благодарить судьбу что она сохранила ей примѣрныхъ родителей, и дозволила ей подъ отческимъ кровомъ оплакивать свою горькую утрату. Алкивіадъ прислалъ мнѣ ея карточку, и несмотря на всю невыгодную для женской красоты слабость искусствъ мѣстнаго фотографа, я вижу что братъ мой правъ: она въ высшей степени привлекательна. Оттѣнокъ болѣзненности еще болѣе краситъ ее. Да живетъ она вамъ на радость! Братъ мой пишетъ что она страдаетъ лихорадкой, и что доктора совѣтовали ей перемѣну мѣста. Это извѣстіе подало мнѣ мысль предложить вамъ, дорогой дядя, привезти Аспазію на полгода къ намъ въ Аѳины. Что можетъ быть лучше? Она развлечется, выздоровѣетъ и, наконецъ,—кто знаетъ,—быть-можетъ здѣсь лучше нежели гдѣ-нибудь оцѣнить ея высокія качества и она составитъ здѣсь свою дальнѣйшую судьбу....“

Вся семья Ламприди (кромѣ младшихъ дочерей) собралась слушать письмо.... Глухой присутствовалъ также; онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ родныхъ и спрашивалъ „что такое?“ и когда ему шептали, губами дѣлали знаки, онъ подавалъ свое мнѣніе.

Всѣ скоро догадались въ чемъ дѣло. Николаки, улыбаясь, грызъ ногти въ углу и долго не хотѣлъ сказать свое мнѣніе; а глухой закричалъ во все горло, смѣясь.

— Алкивіадъ ее любитъ! Любитъ онъ ее, любитъ! Это его дѣла!

Всѣ засмѣялись.... Мать потрепала глухаго по щекѣ и спросила:

— Такъ ты какъ скажешь?... Посылать Аспазію?

Глухой кричалъ „не посылать!“

Опять всѣ смѣялись.

— Отчего не посылать?

Глухой говорилъ прямо все то о чемъ другіе думали.

— „Обмануть ее“.

— Зачѣмъ? Какъ обмануть?

— Какъ обманываютъ женщинъ. Сдѣлаютъ ее любовницей: этого не скроешь, а потомъ скажутъ „ты развратная“...

— Просто, очень просто ты говоришь! сказала невѣстка.

— Устами младенцевъ говоритъ иногда самъ Богъ! сказала старуха.

Всѣ были довольны глухимъ. Мать толкнула его въ плечо и спросила:

— Да вѣдь сестра честная женщина? Развѣ поддастся на обманъ?

— Женщина! закричалъ глухой такъ рѣшительно и забавно что отецъ и братъ ударили въ ладоши и воскликнули *браво!*...

Мать, которая болѣе другихъ въ семьѣ была расположена къ Алкивіаду, замѣтила еще глухому:

— Бѣдный Алкивіадъ однакожь такой хорошій молодчикъ— добрый, красивый!

— Когда бы былъ не добрый, не хорошій и собой дурной, и я бы сказалъ: *айда*, * Аспазія, въ Аѣины: маршъ!

Опять смѣхъ. Всѣ были согласны, и всѣ были рады.

Старикъ, однако, возразилъ, что хотя шутить можно, но семья Алкивіада и все родство его люди благородные и честные, и худа того о которомъ говоритъ Алексѣй не будетъ конечно. Это все вздоръ. Но что нѣтъ крайности посылать Аспазію въ Аѣины, если она сама этого не ищетъ, и лишать ее такимъ образомъ возможности составить въ Ралезѣ хорошую партію.

— Надо спросить ее самое, чего желаетъ ея сердце; она не дѣвушка и сама имѣетъ право распоряжаться своею судьбой! сказалъ отецъ.

Пошла невестка позвать Аспазію. И она краснѣя выслушала письмо.

— Много комплиментовъ, сказала она.

Родные замѣтили, однако, ея волненіе.

Отецъ спросилъ ея мнѣнія ѣхать или нѣтъ въ Аѣины. Аспазія отвѣчала: „какъ хотите вы. Вѣдь не одна-же я поѣду, а съ вами“...

Изъ этого отвѣта всѣ родные поняли что ѣхать ей въ Аѣины хотѣлось бы. Объ Алкивіадѣ не заговаривали; но вечеромъ мать и невестка пошли съ визитомъ къ матери Петала. Самого Петала въ это время не было, онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Корфу на короткое время.

Объ старухи и невестка соблюли всѣ предписанія вѣжливости; не начинали очень долго говорить о томъ зачѣмъ именно пришли.

* *Айда*—поди, маршъ.

Спросили и переспросили о здоровьи. Хозяйка отвѣчала какъ водится: очень хорошо, а потомъ жаловалась на боль въ ногахъ и слабость. „Очень мнѣ это досадно!“ воскликнула г-жа Ламприди. Невѣстка спросила тоже и получила тотъ же отвѣтъ. „Очень мнѣ досадно!“ воскликнула и она. Потомъ долго говорили о погодѣ; о разбояхъ; жаловались на дождливую весну и холодную зиму.

Наконецъ, съ улыбкой и какъ бы шутя, старушка Ламприди сказала:

— А мы Аспазію можетъ-быть съ отцомъ въ Аѣины пошлемъ. Ее зоветъ гостить надолго старшая сестра Алкивіада. „Знаете, родные!“

Невѣстка помогла свекрови.

— Какая превосходная женщина! Чтò за умъ, чтò за воспитаніе! Чтò за добрая душа. Письмо ее у васъ, матушка. Прочли громко письмо.

Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ похвалы были очень сильны, старушка Ламприди какъ бы просила пощады у старушки Петала, качая головой и приговаривая: „Доброта, отъ большой доброты она это пишетъ!“ Старушка Петала слушала все это съ достоинствомъ и холодно.

„Придворная дама—одно слово!“ замѣчала она значительно. Кончили письмо.

— Сколько ума! воскликнула невѣстка.—Видно сейчасъ что не въ Турціи воспиталась женщина!...

— Чтò вы хотите! подтверждала старушка Петала.—Гдѣ Турція и гдѣ Аѣины! Европейское воспитаніе!... Посылайте, посылайте Аспазію. Это дѣло хорошее.

Старушку Ламприди напугало такое равнодушіе и она стала увѣрять что сообщено хозяйкѣ лишь по старой дружбѣ, а что посылать Аспазію въ Аѣины еще вовсе не рѣшено.

— Это больше отъ нея самой зависитъ, сказала невѣстка.—Вы знаете, не дѣвушка она, а вдова. Свой умъ есть—сама свои интересы понять можетъ.

— Чтò жъ интересъ! отвѣтила старушка Петала.—Интересу ей больше въ Аѣинахъ. Развлеченія, общество хорошее. Скажемъ и то что вдовѣ, я думаю, тамъ легче и замужъ выйти, чѣмъ у насъ. У насъ не такъ-то любятъ вдовъ брать. Да и хорошо дѣлаютъ. Иное дѣло вдова, иное дѣло дѣвушка.

— Кто полюбитъ, и вдову возьметъ, особенно изъ стараго

очага, отвѣчала старушка Ламприди.—Она улыбнулась очень ласково и лукаво; но противница ея была непреклонна.

— Нынче и старые очаги обѣднѣли! сказала она.

— Всякій по силамъ своимъ, продолжала г-жи Ламприди.— У Аспазіи свой апельсинный садъ и виноградникъ есть. Э! Съ Божьею помощью и отецъ пожалѣетъ ее и братья.

— Апельсинные сады не большая вещь. Вотъ прошлаго года отъ холода попадали всѣ, возразила старушка Петала. Такъ дѣло ничѣмъ и не кончилось. Обѣ гости встали и начали прощаться.

— Будете писать вашему сыну въ Корфу, сказали онѣ: — то и отъ насъ много поклоновъ.

— Не премину! сказала г-жа Петала.

— А скоро онъ возвратится? спросили гости.

— Хозяйка дома отвѣчала:—какъ позволятъ дѣла, и гости ушли недовольныя.

Однако г-жа Петала съ первымъ случаемъ написала сыну о томъ что Аспазію хотятъ везти въ Аѣины къ сестрѣ Алкивіада. Письмо она не писала сама, а пригласила старика Парасхо, которому, благодаря за трудъ, сказала: „Скажи старику Ламприди, либо г-жѣ его что я поклонъ сыну отъ нихъ всѣхъ написала. Лѣтомъ въ Корфу встрѣтятся они съ сыномъ, если Аспазія поѣдетъ въ Аѣины.“

Такъ узнали въ семьѣ Ламприди что мать Петала отъ брака этого все-таки не прочь, а все думаетъ лишь о томъ какъ бы побольше взять въ приданое.

XXI.

На слѣдующій день, въ сумерки, случилось, наконецъ, Алкивіаду остаться на полчаса съ Аспазіей вдвоемъ. Когда послѣдняя помѣха, Цици, вышла изъ дверей, Алкивіадъ воскликнулъ:

— Слава Богу, мы одни!

Аспазія раскладывала карты и въ отвѣтъ на это указала ему на ликового туза....

— Это тебѣ ударъ, сказала она съ улыбкой и краснѣя.

Алкивіадъ приблизился къ ней и хотѣлъ взять ея руку. Аспазія молча покачала головой и отняла руку.

— Ты знаешь что Петала за меня сватается?

— Знаю, отвѣчалъ Алкивіадъ съ волненіемъ и досадой:— только это мнѣ не ударъ; оттого что ты за него не пойдешь. Ты пойдешь къ сестрѣ моей въ Аѳины.

— Развѣ поѣду? спросила Аспазія.

— Что же ты за женщина будешь, если не пойдешь....

— Если не поѣдетъ съ мной отецъ, не поѣду же я одна? Ужъ не съ тобой же мнѣ ѣхать. Не мужъ же ты мнѣ и не братъ.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, Аспазія, можетъ случиться что я и буду тебѣ мужемъ.

Аспазія наклонилась къ картамъ и отвѣчала:—Еслибы ты былъ мнѣ мужемъ, тогда что за разговоръ объ отцѣ. На что отецъ, когда есть мужъ. Но ты говоришь: можетъ-быть, и не навѣрное.

На этомъ ихъ прервали, но и этого было довольно. Аспазія разказала все матери и невѣсткѣ. И поздно вечеромъ, когда Алкивіадъ ушелъ, начались опять семейныя состязанія.

Старикъ сказалъ свое мнѣніе такъ:

— Хорошій малый, образованный, честный, но состоянія теперь у отца мало, есть другіе сыновья, еще дѣти; онъ привыкъ къ роскоши и свободѣ, годами самъ почти дитя, должности еще не имѣетъ; ремесла никакого; политическая карьера въ Элладѣ путь невѣрный. Съ паденіемъ министра выгоняются и чиновники. Быть-можетъ сдѣлаетъ дорогу, а быть-можетъ и нѣтъ. Если онъ сжегъ ей сердце, пусть дѣлать его бѣдность и его ненадежную судьбу. Я не запрашаю; она не дѣвушка.

Аспазія отвѣчала съ досадой:—Никто и не говоритъ, что онъ мнѣ сердце сжегъ!

Все дѣло было рѣшено тѣмъ что надо подождать до тѣхъ поръ пока Петала не возвратится изъ Корфу.

— Со старухой не кончишь безъ него; она камень была камнемъ и будетъ, говорили всѣ родные.

А Николаки, который Алкивіада не любилъ, сказалъ послѣ Аспазіи особо:—Петала хочетъ за тобой тысячу двѣсти турецкихъ лиръ взять. У тебя своего на пятьсотъ лиръ есть. Гдѣ же ты возмешь еще пятьсотъ? А лучше бы за Петалу выйти. Осталась бы съ нами и прожила бы вѣкъ свой спокойно и честно здѣсь.

Глухой, когда узналъ на чемъ остановилось дѣло, сталъ

заступаться за Алкивіада. „Теперь уже онъ сватается. Значитъ что же тутъ худаго?“

— Бѣдность худа! сказалъ Николаки.

Братья долго молчали, совѣщались вдвоемъ и рѣшили такъ. Петала—партія лучше чѣмъ Алкивіадъ. Только Петала проситъ много денегъ; тысячу лиръ ему не дадутъ; а надо дать семьсотъ. Гдѣ жъ достать двѣсти лиръ добавочныхъ. Хорошо бы сдѣлать сестрѣ добро: только нельзя же чтобы Николаки и своихъ дѣтей разорилъ; да и Цици и Чево надо сбыть съ рукъ. Аспазія вдова; выйдетъ или не выйдетъ, худо только для нея; а Цици и Чево не выйдутъ долго замужъ, безчестіе родивъ и вѣчная забота отцу и матери. Что жъ Петала хитритъ? Можно если такъ и его обмануть. А какъ обманешь? Дадимъ своихъ денегъ, а съ Аспазіи возьмемъ вексель на ея садъ и другую собственность.

— Алкивіадъ и безъ прибавки возьметъ, замѣтилъ глухой.

— Безъ прибавки; да лучше за Петалу. Грѣхъ намъ объ сестрѣ не позаботиться. Самъ же ты ее любишь! отвѣтилъ Николаки.

— Очень люблю, воскликнулъ глухой и объявилъ что если такъ, то онъ на свою долю дастъ ей прибавку и безъ росписки, а просто въ даръ.

Семья рѣшилась ждать возвращеніи Петалы; послали поскорѣе письмо въ Корфу, чтобы онъ торопился, если не хочетъ чтобы Аспазія вышла за Алкивіада.

XXII.

На другой день по городу разнесся слухъ что Салаяни захватилъ въ плѣнъ игумена монастыря Паригорицы и требуетъ 20.000 піастровъ выкупа. Племянникъ игумена, молодой монахъ жившій при немъ, проливая слезы ходилъ по домамъ, увѣряя что денегъ въ монастырѣ нѣтъ, и что онъ не знаетъ какъ спасти отца Козму. Салаяни грозился убить игумена, если къ субботѣ не принесутъ деньги на мѣсто которое зовется *Три Колодца*, около того обрыва что въ скалахъ за монастыремъ.

Взяли разбойники старца въ монастырскомъ хану.

У монастыря былъ свой ханъ на проѣзжей дорогѣ, который

давалъ кой-какой доходъ. Подъ вечеръ игуменъ возвращался домой на мулѣ съ лѣвшимъ мальчикомъ; вышелъ Салаяни самъ изъ-за камней на дорогу; взялъ мула за поводъ и повернулъ на горную тропинку. Мальчикъ прибѣжалъ въ монастырь. Разбойники ругали его издали и звали назадъ: „Не бойся, дитя! кричали они,—иди сюда, дѣло есть!“ Но мальчикъ какъ птица летѣлъ отъ страха домой. Должно-быть о выкупѣ хотѣлъ Салаяни мальчику приказать.

Слышалъ только мальчикъ что отецъ Козма сказалъ разбойнику: „Или ты человекъ, и утробы не имѣешь какъ другіе люди. Чтò я тебѣ сдѣлалъ?“

— *Айда! Айда!* сказалъ разбойникъ.

Привели отца Козму, въ его же ханъ. Ужь было темно. Зажгли лампадочку, Салаяни досталъ изъ-за пояса чернильницу и написалъ въ монастырь записку о выкупѣ. *Хандѣси* * въ это время убѣжалъ самъ изъ хана и спрятался. Разбойники достали себѣ сами вина и выпили, а больше никакого грабежа не сдѣлали, а стали искать кого отправить. Схватили маленькую дочь ханджи, посадили ее на осла, дали ей записку и послали съ угрозами въ монастырь.

Монастырь былъ и близко, но дѣвочка была мала, всего десяти лѣтъ, и черной ночи, и собакъ большихъ, которыя изъ овчаренъ кругомъ лаяли, боялась больше чѣмъ разбойниковъ. Она не доѣхала и вернулась въ ханъ. „Боюсь“, сказала разбойникамъ. Заомѣялись разбойники и сказали: „бѣдная!“

— Бѣдная, это хорошо! сказалъ одинъ,—а чтò намъ дѣлать?... Ханджи, рогачъ проклятый, гдѣ телерь, кто его сыщеть?

— Сыщемъ ластуха и дадимъ записку.

Ханджи самъ все это слышалъ изъ убѣжища своего и думалъ: „Выйду я или не выйду? Жаль отца игумена; только больше томятъ они его этимъ. Но какъ бы Турки пристанодержателемъ не сочли? Или ужь отъ вопроса не избавиться мнѣ? Не станутъ же на слова одной дѣвочки моей полагаться. Будутъ и у меня спрашивать. Дѣло не скроешь.“

И вышелъ. Дали ему записку и понесъ онъ въ монастырь.

— Скажи племяннику моему чтобы большое русское Евангеліе и все чтò можетъ снести въ городъ заложилъ бы.

Но собирать деньги для игумена было не такъ-то легко.

* *Хандѣси*—хозяинъ хана, постоялаго двора.

Иные не давали вовсе, говоря: „чтобъ у монаховъ да не было денегъ!“ Другіе сокрушались о судьбѣ игумена, восклицали: „Грѣхъ! великій грѣхъ!“ а денегъ дать не хотѣли. Аспазія первая, не разговаривая, тихо встала, сходила въ свой вдовій сундукъ и достала изъ него все что у нея было наличнаго—70 чистыхъ, новыхъ турецкихъ золотыхъ. „Вотъ что я имѣю!“ сказала она, подавая ихъ монаху, покраснѣла и мелькомъ взглянула на Алкивіада.

— Эти золотые чисты и прекрасны какъ душа твоя! воскликнулъ Алкивіадъ.

— Христосъ съ тобой, Христосъ съ тобой и Божья Матерь Всесвятая! проливая слезы подтверждалъ молодой инокъ.

За Аспазіей далъ Алкивіадъ что могъ (всего десять лиръ, денегъ у него было очень мало съ собою, и въ тотъ же вечеръ онъ занялъ у Тодори три лиры на табакъ и другіе мелкіе расходы).

Старики Ламприди и сыновья дали подъ росписку и подъ залогъ двухъ Евангелій, двухъ кадильницъ, нѣсколькихъ еще мелкихъ серебряныхъ предметовъ и большаго серебрянаго же ковчежца 100 лиръ, и надо сказать, къ чести ихъ, очень невыгодно, потому что цѣнность вещей далеко не доходила до этой цѣны. Старикъ Парасхо далъ подъ простую росписку 50 слишкомъ лиръ, восклицая тихо и задумчиво; „Слышали, слышали! На игумена посягнуть! Слышишь, изверги? Слышишь?“ Остальные далъ митрополитъ. Старуха Петала и тутъ осталась какъ камень: „я не могу безъ сына“, восклицала она.

Когда деньги были собраны, стали совѣщаться о томъ кого послать съ ними. Молодой монахъ жалѣлъ дядю и плакалъ о немъ, но идти самъ боялся не только къ разбойникамъ на Три Колодца; но изъ города даже не рѣшался выходить. Вспомнили въ семьѣ Ламприди о Тодори. Тодори съ радостью согласился, и Парасхо безпрекословно отпустилъ его. Надо было видѣть какъ былъ радъ Тодори такому порученію!

Напрасно обѣщалъ ему молодой монахъ награду за этотъ трудъ, онъ говорилъ: „Поминайте меня въ молитвахъ вашихъ. И пусть Богъ наградить меня. Что я за собака такая что я торговаться буду когда нужно святаго игумена освободить? Собака развѣ я?“

Кажется все было кончено; но узнали Турки о томъ что деньги собрали, и что Тодори идетъ. Имъ это не понравилось. Имъ хотѣлось поймать разбойниковъ, убить ихъ, а не

выкупать игумена. Зачѣмъ же посылать выкупъ, когда есть власть законная, султанская, когда есть конные залтіе и новое пограничное войско нарочно для поимки злодѣевъ?

Позвали въ конакъ старика Ламприди и Тодори. Продержали ихъ до вечера въ бесполезныхъ преніяхъ. Кой-кто изъ мѣстныхъ Турокъ шелнулъ каймакаму что этотъ молодецъ Тодори—человѣкъ подозрительный, суліотъ (а суліоты — извѣстно какіе люди—всѣ бандиты, ножеизвлекатели, какъ говорится по-гречески). „Поучить бы его палкой; не знаетъ ли онъ чего о разбойникахъ; не въ согласіи ли онъ съ ними!“

Онъ еще недавно на площади одного правовѣрнаго убить хотѣлъ?... Да и больше его люди, пожалуй, въ заговорѣ. Отъ Грека, отъ христіанина всего жди.... Какъ бы намъ вредъ сдѣлать. Это его намазъ!

Долго спорили. Тодори ни въ чемъ не казался виновенъ. Напрасно Турки строго глядѣли ему въ глаза; Тодори и не понималъ, казалось, ихъ угрозъ и намековъ. Онъ былъ почти-теленъ, но смѣлъ.

Турки остались также очень недовольны на этотъ разъ самоувѣренными, самобытными приемами старика Ламприди и особенно тѣмъ что онъ сказалъ: „Я лучше знаю страну“.

Однако, дѣлать было нечего, многіе изъ турецкихъ офицеровъ согласились съ тѣмъ что надо прежде спасти игумена, и что послать войско сейчасъ, значитъ обречь бѣднаго старика на вѣрную смерть. Тодори отпустили, и онъ еще до разсвѣта отправился въ путь. Къ несчастію, поздно ночью пришелъ запросъ отъ Вали по телеграфу: „Что же сдѣлано для поимки Салаяни?“ Каймакамъ трепеталъ предъ начальствомъ, все благоразуміе его тотчасъ же пропало.

— Вали хочетъ голову Салаяни. Неси мнѣ голову его! воскликнулъ онъ.

Въ получасъ ходьбы отъ города Тодори нагнали лѣшіе и конные Турки съ двумя офицерами.

Тодори вздыхалъ, уговаривалъ ихъ вернуться и подождать.

— Убьетъ онъ игумена, а мы его не убьемъ! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

— Иди, иди! показывай дорогу намъ. Или ты ума лишился? Кто больше, каймакамъ-бей или ты, осель?

Тодори пошелъ. Нѣсколько изъ Албанцевъ, которые знали дорогу еще лучше его, спросили зачѣмъ же имъ чрезъ Вуву-

су идти; когда можно ближе и прямѣе, чрезъ горныя тропинки. „Какъ бы деревенскіе не дали знать Салаяни?“

— Да нельзя жь и не дать знать, сказалъ офицеръ.—Надо чтобъ онъ зналъ что этотъ человѣкъ ему выкупъ несетъ. А мы скроемся.

Турки остались за горой; а Тодори пошелъ въ Вувусу. Албанцы худудіе говорили безъ него офицерамъ что онъ непременно дастъ знать Салаяни, и что онъ выкупъ отложить до другаго дня, и что разбойникъ уйдетъ.

— Зачѣмъ ему это сдѣлать? спросилъ офицеръ.

— Изъ злости, сказали Албанцы.

Тогда одинъ конный заптіе и одинъ изъ офицеровъ сѣли на лошадей и послѣшили нагнать Тодори у самой Вувусы.

Что было дѣлать Тодори? Сказать имъ: „напрасно вы это дѣлаете; какъ бы деревенскіе ему не дали знать“. Это было обвинять своихъ въ преступномъ пристанодержательствѣ. Тодори однако ужь не слишкомъ тревожился; онъ былъ увѣренъ что Салаяни игумена не убьетъ, а подождетъ до вечера; потомъ опять уйдетъ въ горы со старцемъ, дожидаясь выкупа. Наложить руку на духовное лицо—такой смертный грѣхъ который и разбойнику не прощается. Стали посылать кого-нибудь изъ деревенскихъ къ Тремъ Колодцамъ. Никто не шелъ. Кто боялся, кто просилъ помилованія; офицеры угрожали. Крестьяне клялись что такъ будетъ хуже, что лучше всего Тодори идти одному съ деньгами.

Прошелъ часъ. Пока совѣщались; пока офицеру изжарили курицу и сварили кофе, пока онъ выкурилъ нѣсколько сигаръ—прошелъ другой часъ.

Салаяни между тѣмъ долго ужь ждалъ, скрывшись за Тремя Колодцами съ десятью молодцами. Игумень не связанный ни веревкой и ничѣмъ другимъ сидѣлъ тоже пригорюнившись на землѣ за кустомъ и перебиралъ четки, припоминая всѣ молитвы которыя зналъ. Прождали долго: проголодались (день былъ постный, и разбойники и самъ игумень съ утра кромѣ хлѣба и маслицъ ничего не ѣли); вино которое они выпили на тощакъ мутило имъ голову. Всѣ были сердиты и почти все говорили между собой. День стоялъ сырой и не веселый.

— Апаѣма отцу его! Собачій сынъ! сказалъ про Тодори Салаяни, и послалъ одного изъ молодцовъ высмотрѣть осторожно не идетъ ли Тодори. Молодецъ вернулся черезъ полчаса и воскликнулъ блѣдный: „Пропали головы наши, человѣ-

че! Тодори нѣтъ; а два десятка худудіе и низамовъ подѣ Вувусой собрались.

— Не врешь? спросилъ Салаяни.

— Вотъ *тебѣ хлѣбъ мой!* * Вотъ тебѣ *вѣра моя!* воскликнулъ молодой разбойникъ.

Игуменъ былъ утомленъ голодомъ, ожиданіемъ, ходьбой и страхомъ; схватившись руками за колѣна, онъ уже сталъ дремать и не слышалъ этого разговора.

— Не лжешь? переспросилъ еще Салаяни съ безпокойствомъ и грозно.

— Вѣрь ты мнѣ! Вѣрь ты мнѣ, господинъ Салаяни! Вѣрь ты мнѣ, хорошій мой! умолялъ его юноша.

Салаяни сбросилъ бурку и вынулъ пистолетъ.

Другіе разбойники не успѣли выговорить слова какъ онъ подошелъ сзади къ игумену и выстрѣлилъ ему въ затылокъ.

Когда старичокъ упалъ и утихъ на вѣки послѣ мгновенныхъ содроганій, всѣ разбойники онѣмѣли. Иные перекрестились; другіе плюнули и сказали съ ужасомъ на блѣдныхъ лицахъ:

— Это дѣло худое! Христосъ и Панагія, такого худого дѣла мы еще не видали, не слыхали мы чтобы христіанину да игумена бы убить.

Молодые разбойники были особенно перепуганы; они промчались себѣ бѣду и молча слѣпили по камнямъ и кустамъ за своимъ предводителемъ, который опять завернулся въ бурку и прыгалъ съ камня на камень, удаляясь поспѣшно съ мѣста своего ужаснаго преступленія.

Когда онъ и вся шайка его были уже внѣ опасности, онъ обернулся и сказалъ:

— Турки, я думаю, слышали выстрѣлъ мой?...

Никто не отвѣчалъ, и Салаяни не разговаривалъ больше.

Черезъ полчаса послѣ бѣгства разбойниковъ отъ Трехъ Колодцевъ, подступили къ нимъ ближе Турки.

Конные слѣпились еще гораздо раньше, чтобы подковы не стучали по камнямъ. Пѣшіе худудіе въ рассыпную залегли за камнями и кустами.

Планъ былъ такой: Тодори пойдетъ одинъ открыто, отдастъ деньги, освободить игумена и отведетъ его подальше на до-

* *Вотъ тебѣ хлѣбъ мой!*—обыкновенная у иныхъ Грековъ божба.

рогу. Какъ только игуменъ отойдетъ прочь, такъ немедленно должны начаться преслѣдованіе и перестрѣлка.

Тодори спустился къ Тремъ Колодцамъ. Сначала дорогой ему думалось какъ бы не убили его разбойники за измѣну, за то что привелъ съ собой Турокъ. Потомъ, разчитывая на оплошность Турокъ и на зоркость разбойниковъ, онъ сталъ думать что они давно ушли и увели съ собой игумена.

Такъ размышляя, Тодори оглядывался и не видалъ ничего вокругъ. Три высохшихъ колодца были уже позади его; онъ взошелъ на ровную площадку за высокою скалой; еще разъ осмотрѣлся; кромѣ травы высокой и камней нѣтъ ничего.... Еще сдѣлалъ шагъ, увидалъ что трава столтана кой-гдѣ; увидалъ окурокъ сигары; увидалъ наконецъ корку хлѣба и нашелъ около нея нѣсколько обглоданныхъ косточекъ изъ маслинъ; завернулъ еще за одинъ камень, и увидалъ трупъ игумена. Старикъ лежалъ лицомъ внизъ; на свѣдой бородѣ его была видна кровавая лѣна; одна изъ его рукъ, опрокинутая вверхъ ладонью, была вся въ землѣ и въ зелени. Умирая, онъ видно впился пальцами въ землю и вырвалъ клочъ травы.

Тодори закричалъ, и Турки всѣ сбѣжались на его крикъ.

Долго стояли они и долго жалѣли и удивлялись жестокости Салаяни.

— Не собака развѣ этотъ человѣкъ! сказалъ пожилой турецкій офицеръ. — Много я видѣлъ худа на свѣтѣ, а не видалъ чтобы человѣкъ своего ходжу, своего учителя такъ убилъ.

Оставили при трупѣ игумена Тодори съ десяткомъ низамовъ, ушли въ село и послали оттуда старшинъ христіанскихъ и народъ весь взять тѣло и принести въ село.

Какое въ селѣ было негодованіе, кто разкажетъ!

Панъ-Дмитрію ругалъ и клялъ Салаяни, и жена его плакала, глядя на трупъ игумена.

Капитанъ Сульйо сказалъ:

— Надо убить этого злодѣя! И потомъ еще прибавилъ: — Оно такъ и будетъ. Еще старые наши люди говорили: когда разбойникъ руку на пола либо монаха поднималъ и убилъ его, то и ему пропасть въ скорости.

И низамы турецкіе соглашались и говорили:

— Чтѣ за слово! Говорятъ, *ходѣса*, учитель вашъ!

Когда Тодори уходилъ, Панъ-Дмитрію сказалъ ему тихо:

— Ты скажи киръ-Христаки что я на дняхъ приду къ нему по хорошему дѣлу. Пусть будетъ покоенъ!

XXIII.

И въ городѣ скоро узнали что Салаяни убилъ игумена. Негодованію не было мѣры; и Турки, и христіане были одинаково поражены. Каймакамъ телеграфировалъ генераль-губернатору, и черезъ три дня въ Ралезу пріѣхалъ по особому порученію мутесарифъ, не превезскій, а другого города.

Христіане говорили другъ другу что этотъ мутесарифъ лихой, и что онъ можетъ-быть одолѣетъ разбой.

Всѣ радовались и разказывали другъ другу исторію этого паши. Онъ былъ родомъ изъ дальней Азіи; бунтовалъ тамъ противъ Турокъ; былъ схваченъ и сосланъ на долгое житіе въ Европейскую Турцію. Одинъ паша узналъ на Дунаѣ, говорили люди, этого изгнанника; полюбилъ его и выхлопоталъ ему не только прощеніе, но даже должность мутесарифа.

Говорили люди что его любятъ посылать вездѣ гдѣ нужна строгость и старинная простота, что въ этомъ есть глубокая политика: „да не падетъ прямое обвиненіе излишней строгости или грубаго обращенія на высшее начальство“.

Разказывали также что мутесарифъ фанатикъ и христіаноборецъ страстный, что у него все по старому, четыре жены, что онъ совершалъ бы охотно ужасныя дѣла еслибы смѣлъ; но въ рукахъ просвѣщенной власти, онъ сталъ лишь полезнымъ орудіемъ строгости.

Всѣ находили что для труднаго положенія въ которомъ находится край—такой человѣкъ можетъ быть очень пригоденъ.

Мутесарифъ точно созвалъ на совѣтъ всѣхъ тѣхъ людей которые могли знать дѣло.

Разослалъ по деревнямъ печатное объявленіе, которое приглашало всѣхъ селянъ способствовать поимкѣ Салаяни. Грозилъ ссылкой въ Виддники всѣмъ тѣмъ которые будутъ уличены въ пристанодержательствѣ. Самъ ѣздилъ въ нѣкоторыя деревни, уговаривалъ, грозилъ и обѣщалъ награды.

Одинъ день всѣ было повѣрили что разбойникамъ пришелъ конецъ. Съ эллинской границы дали знать на ближайшій военный турецкій постъ что шайка Салаяни перешла границу и преслѣдуется греческими войсками. Греческій офицеръ предлагалъ турецкому захватить шайку въ лѣсу съ двухъ

сторонѣ. Турки вступили въ лѣсъ; офицеръ турецкій шелъ впереди и высматривалъ; разбойники выстрѣлили и убили его и одного солдата. Воодушевленные гнѣвомъ Турки ринулись въ кусты; разбойники отступили, отстрѣливаясь; Турки все шли впередъ, надѣясь на поддержку греческаго войска, которое должно было быть въ тылу у разбойниковъ. Лѣсъ кончился, разбойники пропали; греческаго войска не было и слѣда.

Такъ жаловались Турки. Греки свободнаго королевства, напротивъ того, жаловались на Турокъ, увѣряя что они искали только прогнать Салаяни въ Элладу, а не схватить его.

Пока мутесарифъ старался и принималъ всевозможныя мѣры, и все было напрасно—судьба Салаяни была уже помимо его рѣшена людьми деревенскими, которыхъ возмутило послѣднее его преступленіе.

Панъ-Дмитріу пришелъ сперва на домъ къ Парасхо; долго говорилъ съ Тодори и они вмѣстѣ пошли къ киръ-Христаки и совѣщались съ нимъ.

— Пора бы домой тебѣ! сказалъ киръ-Христаки.—Мало тебѣ и того что тебя рогачомъ люди зовутъ.

На это Панъ-Дмитріу отвѣтилъ опять то же:

— Худыя слова, эффенди, отъ худыхъ людей идутъ, а я смотрю на то что этотъ человѣкъ великое злодѣйство совершилъ! Слыхали ли люди—игумена-старца убить!

Киръ-Христаки отвѣтилъ ему на это:

— Когда такъ, Панайоти, я поведу тебя къ мутесарифу.

— Веди, эффенди! сказалъ Панъ-Дмитріу.

На другой же день шестьдесятъ человѣкъ турецкихъ солдатъ ушли въ Вувусу, и къ вечеру разнеслась въ городѣ вѣсть что Салаяни убитъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами.

Въ самомъ дѣлѣ въ городѣ скоро возвратились вмѣстѣ съ Турками нѣсколько вооруженныхъ селянъ, и Панъ-Дмитріу съ почтительнымъ поклономъ вынулъ изъ мѣшковъ головы разбойниковъ и положилъ ихъ у ногъ мутесарифа.

Радость паши была неописанная; но приписывая все своимъ распоряженіямъ, не подозрѣвалъ что не согласись Панъ-Дмитріу выдать своего друга, онъ бы ничего не сдѣлалъ.

И Алкивіадъ подумалъ: „Не оскорби Салаяни религіознаго чувства Панъ-Дмитріу и другихъ сельскихъ Грековъ—не увидалъ бы мутесарифъ предъ собою блѣдной и окровавленной головы Салаяни.“

Мутесарифъ телеграфировалъ генераль-губернатору; гене-

ралъ-губернаторъ благодарилъ его и приказывалъ снять съ мертвыхъ головъ фотографіи, если въ Ралезѣ есть фотографъ.

Фотографъ, хотя и не слишкомъ хорошій, былъ въ это время въ Ралезѣ, и черезъ нѣсколько дней на базарѣ вывѣсили портреты убитыхъ разбойниковъ.

Алкивѣадъ пошелъ тотчасъ же смотрѣть ее и купилъ себѣ одну карточку.

На самомъ верху въ срединѣ висѣла голова самого Салаяни. Онъ былъ убитъ пулей въ грудь и лицо его не было обезображено. Усы еще были подкручены кверху, глаза полуоткрытые, какъ будто хранили еще выраженіе хитрости и самодовольства, которое замѣтилъ въ нихъ Алкивѣадъ при первомъ свиданіи.

Другія лица были болѣе изувѣчены сабельными ударами а внизу висѣли головы двухъ очень молодыхъ разбойниковъ, еще безбородыхъ; у одного изъ нихъ лицо имѣло жалобное, дѣтское выраженіе, казалось, онъ кричалъ и просилъ пощады. Голова другаго была такъ разбита пулей что фотографъ долго не зналъ какъ повѣсить ее и, наконецъ, прибилъ ее гвоздемъ къ сукну на стѣнѣ за клочокъ кожи на полуотбитой кости лба.

— Геройскія греческія души! сказалъ Алкивѣадъ. — На что истратилась ваша неукротимая энергія! и глубоко вздохнулъ.

Нѣкоторые Турки шутили съ христіанами: „Вотъ вы, Эллины, все говорите что мы, Турки, впередъ нейдѣмъ! Встарину мы рѣзали головы и фотографій не снимали, а теперь тоже рѣжемъ головы и снимаемъ фотографіи.“

Греки отвѣчали на это: „Кто же, эффендимъ, говоритъ что Османли-Девлетъ нейдѣтъ впередъ. Это говорятъ люди безумные, а благоразумные люди не говорятъ этого“.

Одинъ только архонтъ, посмѣлѣе другихъ, отвѣтилъ тоже шутя:

— Не Турки изловили Салаяни, а Греки деревенскіе; не Турокъ и фотографію дѣлалъ—а Грекъ же!

— Много ты разныхъ словъ знаешь, человѣче! съ досадою замѣтили ему на это Турки.

Архонты, послѣ смерти Салаяни, вздохнули свободнѣе.

Киръ-Христаки въ Моджлеѣ отъ имени христіанскаго общества благодарилъ мутесарифа за его старанія, и митрополитъ тоже поддержалъ его слова.

Алкивіадъ спросилъ у Аспазіи, пойдеть ли она теперь гулять въ свой садъ?

— Теперь пойду! отвѣчала Аспазія, и на другой же день съ утра собралась на прогулку.

XXIV.

Петала еще не возвращался изъ Корфу, и мать написала ему второе письмо, въ которомъ уговаривала возвратиться скорѣе. „Не было бы послѣ поздно, ты самъ знаешь“, писала она.

Жена Николаки была недавно у старухи и спрашивала какъ здоровъ киръ-Петала и что пишетъ. „Здоровъ, отвѣчала мать, и кланяется вамъ“. Больше ничего невѣстка Аспазіи отъ нея не узнала.

Николаки разсердился на старуху за это и съ досады на нее уговорилъ даже Аспазію идти подъ руку съ Алкивіадомъ на прогулку въ садъ.

— Оставь эти ржавыя вещи, эти предрасудки, кричалъ онъ Аспазіи. — Вотъ теперь и городъ скоро кончится. Кого ты боишься?

Но Аспазія рѣшилась подать руку Алкивіаду только тогда когда послѣдній городской домъ скрылся за садами. Ей и самой это было „чуть-чуть“ пріятно, но она сначала безпрестанно оглядывалась и краснѣла.

Николаки съ женой шли сзади ихъ и смѣялись.

— Нѣтъ! воскликнула Аспазія, — я не могу больше! Вы надо мной смѣетесь.

— Отъ радости, душка моя, отъ радости смѣемся, сказала невѣстка.

А Николаки предложилъ женѣ уйти впередъ чтобы сестра не стыдилась.

Такъ прогуляли часа два слишкомъ. Пили кофе и ѣли апельсины въ саду Аспазіи; пѣли пѣсни всѣ вмѣстѣ; заходили въ гости къ игумену одного монастыря, подъ самымъ городомъ, на камняхъ на горѣ сидѣли, смотрѣли какъ учились на лужайкѣ турецкіе солдаты. Офицеръ турецкій, пріятель Николаки, подсѣлъ тоже къ нимъ и хвалилъ христіанъ, а Николаки и Алкивіадъ хвалили Турокъ. Такъ все было мирно и весело, и весна была на дворѣ, и солнце грѣло, и лимоны уже расцвѣтали и птицы громко чиликали.

Аспазія возвратилась домой румяная и веселая.

Она и дорогой все хвалила и радовалась. То говорила: „Какой воздухъ хорошій!“ то: „какъ пахнетъ хорошо отъ лимоновъ!“ то показывала на рѣку и говорила: „Вотъ какъ бѣжитъ вода по камнямъ, все бѣжитъ и бѣжитъ!“ Алкивіадъ былъ радъ еще больше ея. И какъ ему было не радоваться; онъ нѣсколько разъ успѣлъ поцѣловать ее дорогой, и она не очень противилась; только говорила: „Скорѣй, скорѣй! чтобы не увидали“.

Въ монастырѣ имъ пришлось даже и довольно долго обниматься и цѣловаться, потому что Николаки вышелъ съ игуменомъ, а жена его заговорила надолго въ другой комнатѣ съ параманой монастырской.

Аспазія тутъ уже и сама обнимала его, краснѣя и цѣлуя его прямо въ губы, опять шептала:

— Вотъ увидишь, поймаютъ насъ люди! Скорѣе, морѣ, оставь меня скорѣе.

А сама не оставляла его.

На другой день опять пошли гулять, на третій тоже, въ другое мѣсто. Блѣдное лицо Аспазіи становилось все моложе и свѣжѣе; глаза блистали иначе, не такъ какъ блистали прежде, но гораздо веселѣе.

Алкивіадъ цѣлый день пѣлъ италіянскія аріи и греческія пѣсни.

Въ послѣднее воскресенье на Пасхѣ, предъ Оминой недѣлей — только не пошли гулять, потому что въ пятницу пріѣзжалъ капитанъ Сульйо звать киръ-Христаки со всею семьей въ Вувусу — поѣсть барашка молодого изжареннаго на большомъ деревянномъ вертелѣ и съ разными душистыми травами.

Женщины отказались ѣхать верхомъ такъ далеко; но Алкивіадъ, киръ-Христаки, Николаки и еще кой-кто изъ молодыхъ людей согласились съ удовольствіемъ. Теперь Салаани уже не было, и старикъ Ламприди не боялся; однако все-таки для порядка пригласили съ собой и стараго кавасса Сотири.

Алкивіаду все улыбалось, все было весело. Онъ съ радостью ѣхалъ и въ Вувусу, и что была за выгода оставаться дома? Если Николаки уѣдетъ, съ кѣмъ пойдетъ гулять Аспазія? А теперь послѣ трехъ прогулокъ и столькохъ поцѣлуевъ сидѣть съ ней при матери и при сестрахъ или играть въ карты — ужъ казалось скучнѣе прежняго.

Онъ всю дорогу до Вувусы опять мучалъ свою лошадь, скакалъ впередъ и возвращался, обдумывая обручиться или не обручиться съ Аспазіей.... За согласіе своего отца онъ ручался.

Въ Вувусѣ провели время прекрасно. Братъ Сульйо помирился, и обѣ невѣстки были веселы; Василики пожеманнѣе и поскромнѣе; Александра посмѣлѣе и погрубѣе.

Архонты смотрѣли на нее какъ она шутила съ ними и думали всѣ: „была ли она въ самомъ дѣлѣ любовницей Салаяни? И если была, какъ же она такъ веселится.... Или только корысть одна руководила ею?“

Она поднесла всѣмъ мужчинамъ букеты, и Николаки сказалъ ей:

— Цвѣтокъ отъ цвѣтка, кира-Александра, я теперь принимаю“....

— Такъ ты говоришь мнѣ? отвѣтила красавица.—Ужъ слишкомъ большую честь, господство твое, деревенской такой какъ я дѣлаешь!...

Мужъ казался доволенъ.

Пошли потомъ всѣ мужчины на гору, отнесли туда барашка, сыръ хорошій и вино, постелили красные меццовскіе ковры для господъ. Ёли, пили, захотѣли пѣть, пѣли.... И капитанъ Сульйо сказалъ брату: „позови мальчика того который про Салаяни новую пѣсню поетъ хорошо“.

Тогда узнали что про смерть Салаяни уже сложили небольшую пѣсню. Пришелъ мальчикъ съ деревни, лѣтъ двѣнадцати, здоровый и смѣлый. Его угостили, и онъ запѣлъ пѣсню о разбойникѣ Салаяни.

„Какъ въ томъ году, въ семидесятомъ,
Клялись они Евангельемъ,
Клялись и соглашались:
Убить его со всею тайкою.
Поднялись и отправились
Къ пашѣ мутесарифу.
„Обида намъ, Мехмедъ-паша!
Бѣда отъ Салаяни!“

„Скажите мнѣ, райя мои
И ты Панъ-Дмитріу,
Что надо вамъ и что хотите?“
„Дай войска мнѣ отборнаго,

Числомъ давайте со сто....
 Ты дай еще двухъ христіанъ,
 Зовутъ же ихъ:—*Сотирій Дума*
 Да Тодори, поповскій сынъ.
 Отдамъ я вамъ разбойниковъ,
 А нѣтъ—такъ свою голову!"
 Даютъ низамовъ шестьдесятъ
 И съ ними двухъ крещеныхъ.
 Пошли они и заперли
 Его у Айтанаси.
 Когда утромъ проснулись
 Они вокругъ привала,
 То нападеніе сдѣлали,
 Крещеные и Турки.
 На Салаани бросились
 Со всею вмѣстѣ шайкой.
 Тогда своимъ товарищамъ
 Такъ Салаани молвилъ:
 „Насъ съѣлъ собака дикая,
 Насъ съѣлъ тотъ Панъ-Дмитріу!"
 Они тутъ взяли семь головъ,
 (Пораненныхъ же двое).
 Они ихъ въ хюкунатъ веди,
 Веди къ мутесарифу.
 „Не говорили ль мы, Мехмедъ-паша,
 Что Салаани мы побьемъ,
 Побьемъ со всею шайкой?"
 И молвилъ имъ Мехмедъ-паша
 И молвилъ имъ меджлисъ весь:
 „Ну, христіане, bravo вамъ!
 Тебѣ хвала, Панъ-Дмитріу!"

Всѣ хвалили лѣсню; Алкивиадъ билъ въ ладоши и кричалъ
браво. Заставили мальчика повторить еще разъ. И самъ ста-
 рикъ Ламприди подтягивалъ и веселился.

— Очень люблю я наши эти сельскія лѣсни! восклицалъ
 онъ. — Умираю за нихъ.

— Вотъ, дядя, сказалъ ему на это смѣясь Алкивиадъ, — не
 было бы разбойника, не было бы и лѣсни.

Спросили кто жъ сочинилъ эту лѣсню и узнали что сочи-
 нилъ ее самъ Панъ-Дмитріу. Братъ указалъ на него и ска-
 залъ: „Самъ убилъ, самъ и хвалится!" А Панайоти приложилъ

руку къ сердцу и скромно улыбнулся, благодаря гостей за похвалы.

Алкивіадъ хотѣлъ записать эту пѣсню, и Панъ-Дмитрію, вынувъ тотчасъ же мѣдную чернильницу изъ-за пояса своего, записалъ ее на бумагѣ и подалъ съ поклономъ Алкивіаду. Веселить до самаго вечера. Съ горы вернулись въ деревню, гдѣ начали уже сельскіе люди плясать. Старый Сотирі отличался больше всѣхъ, онъ былъ одѣтъ щеголемъ въ этотъ день, въ золотой курткѣ, въ широкой фустанеллѣ, и пріятно было видѣть какъ усатый старикъ танцовалъ легко и нѣжно, выступая и прыгая какъ барышня или птичка. Вмѣшались въ танецъ и всѣ молодые архонты. Капитанъ Сульйо былъ неутомимъ, онъ сгонялъ всѣхъ женщинъ и молодыхъ и старыхъ чтобъ и онѣ плясали: привелъ и Александру и свою жену: плясалъ и самъ, иначе чѣмъ Сотирі, не такъ нѣжно, но за то отчаяннѣе.

— Давай по-зиуски, какъ въ селѣ Зиуъ пляшутъ! кричалъ онъ.

Уже и музыканты и Цыгане были утомлены; а Сульйо все пѣлъ, все командовалъ, все кричалъ, все плясалъ, наконецъ уже и въ присядку, почти не вставая съ земли.

„Красная яблонька моя писаная.“

Кричалъ онъ припѣвая, и хоръ подхватывалъ еще громче за нимъ:

„Красная яблонька моя писаная.“

И господа всѣ, и Алкивіадъ, и Николаки, и старикъ Ламприди были навеселѣ и пѣли громко съ селянами.

Наконецъ поднялся и самъ киръ-Христаки, сбросилъ пальто, взялъ Василики, жену капитана Сульйо, и прошелся съ нею такимъ молодцомъ что молодые ему позавидовали. Никто изъ нихъ не умѣлъ такъ плясать. Кира-Василики тоже была очень мила. Нагнувъ головку на бокъ и опустивъ глаза, она очень нѣжно держала платокъ который соединялъ ее со старымъ архонтомъ; и люди не знали на кого больше смотрѣть—на капитаншу молодую или на сѣдаго хвата и красавца калуджабаши султанскаго!

Выѣхали изъ Вувусы архонты, когда уже солнце садилось. Музыка провожала ихъ долго, больше получаса. Множество селянъ большихъ и дѣтей шли за ними почти до рѣки, а капитанъ Сульйо и братъ его - поэтъ до самаго города.

Алкивіадъ возвратился хотя и довольный, но очень уста-

мый и поѣхалъ прямо въ домъ Парасхо, не заходя къ Ламприди.

Онъ просилъ Тодори постелить скорѣе постель и едва слышалъ сквозь дремоту что Парасхо сказалъ ему:

— Сегодня Яни-Петала изъ Корфу вернулся.

— На здоровье! отвѣтилъ ему на это Алкивиадъ, и легъ спать.

XXV.

Черезъ два дни Аспазію обручили съ Яни-Петалой.

Не былъ ли Алкивиадъ огорченъ черезъ мѣру? Не было ли растерзано его сердце?

Нѣтъ! Онъ былъ еще очень молодъ, и любовь его еще не стала привязанностью... Она была тѣмъ чувствомъ которое Греки называютъ по язычески *эросъ*, а не тѣмъ что по христіански зовется *агапи*!

Нѣтъ милой жены, но за то есть свобода отыскать другую еще болѣе милую.

Онъ отыщетъ, конечно, безъ труда такую которая лучше Аспазіи оцѣнитъ и черныя очи его и приемы его облагороженные воздухомъ корфіотскимъ, болѣе барственнымъ чѣмъ воздухъ Эпира и Аѣинъ; и высокія гражданскія чувства его болѣе живыя чѣмъ чувство Петала и (казалось ему!) болѣе солидныя и глубокія чѣмъ чувства пріятныхъ и благовоспитанныхъ, но легкомысленныхъ Корфіотовъ, однимъ словомъ, аѣинскія чувства... Онъ думалъ лишь о *чувствахъ* теперь, о безконечной преданности своей эллинизму.... *Мысли* же его, онъ самъ это видѣлъ послѣ поѣздки въ Акарнанію и Эпиръ, поколебались и смутились.

Доживая послѣдніе дни въ Ралезѣ предъ отъѣздомъ домой, онъ страдалъ больше всего отъ самолюбія, отъ подозрѣнія что иные смѣются надъ нимъ, какъ надъ несчастнымъ соперникомъ Петалы, а другіе унижительно жалѣютъ его. Вотъ что было ему больно. Однако изъ гордости же остался онъ нарочно еще двѣ недѣли. Присутствовалъ при обрученіи, танцевалъ, пилъ вино и пѣлъ пѣсни на ужинахъ и вечерахъ которые подъ цыганскую музыку давали архонты въ честь Аспазіи и Яни-Петала.

Аспазія сняла свои темныя вдовыя платья и являлась уже въ платьяхъ вышитыхъ золотомъ, въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ платьяхъ, одинъ разъ въ розовомъ съ лиловыми и бѣлыми цвѣтами, другой разъ въ голубомъ съ голубыми же цвѣтами; третій разъ въ лиловомъ, румянецъ у нея сталъ сильнѣе, глаза выразительнѣе отъ радости, и новая шубка на хорошемъ мѣху, крытая золотистымъ атласомъ, особенно ее красила.

Она сначала все улыбалась и даже краснѣла, когда въ комнату входилъ Алкивіадъ, и родные не разъ тоже переглядывались, улыбаясь. Но скоро и Аспазія привыкла, и достоинство съ которымъ Алкивіадъ велъ себя внушило всѣмъ уваженіе.... Онъ съ ней шутилъ попрежнему, трогалъ даже ее волосы и общалъ ей при самомъ Петалѣ прислать имъ на свадьбу стихи изъ Аѳинъ. Онъ хотѣлъ сочинить ихъ по образцу элическихъ пѣсень элирскихъ горцевъ.

Мучимая ли его равнодушіемъ или напротивъ того довольная его веселостью Аспазія наградила его за день до отъѣзда такъ какъ онъ этого и не ожидалъ...

Жена Николаки, которая была очень дружна съ Аспазіей, пригласила его посидѣть на минуту на свою половину. Тамъ была и вдова-невѣста.

— Ты хочешь на свадьбу мою написать стихи, ты бы лучше пѣсню на разлуку нашу написалъ! сказала ему Аспазія, когда невѣстка вышла зачѣмъ-то и оставила ихъ однихъ. Потомъ она встала, осмотрѣлась, покраснѣла вся и начала цѣловать Алкивіада крѣпче и страстнѣе чѣмъ цѣловала его въ саду....

Занавѣска на дверяхъ, однако, скоро колыхнулась, Аспазія отошла отъ него, приподняла занавѣску и сказала невѣсткѣ:

— Чтò жъ ты такъ долго нейдешь?.... Алкивіадъ ждетъ тебя.

Послѣ этого самолюбіе уже вовсе перестало мучить Алкивіада. Онъ видѣлъ что Аспазія будетъ женой Петалы потому что родные хотятъ этого и потому что онъ богаче, но что сердце ея принадлежитъ ему, это онъ оживилъ *Галатею*.

Выѣзжать ему пришлось изъ Ралезы такимъ же прекраснымъ днемъ какимъ пришлось и въѣзжать въ нее въ день Байрама. Но тогда былъ зимній ясный день; а теперь была весна; ярче зимняго зеленѣли долины между скалъ; синѣе зимняго былъ Амвракійскій заливъ; алельсинные сады благоухали несказанно, тихо роняя на землю цвѣтъ.... Веселѣе зим-

няго бряцали козы и овцы по холмамъ колокольчиками, и гуще бѣлѣла въ поляхъ родная фустанелла хлѣбопашца.

Еще разъ прощаясь съ этимъ краемъ и тихимъ и бурнымъ, Алкивиадъ подумалъ о томъ кто же поможетъ развитію его жителей и вспомнилъ отца.

— „Греко-россійской церкви мы поклоняемся, человѣче....“

О союзѣ Эллады съ Турціей противъ Славянъ онъ уже и не думалъ: онъ не вѣрилъ въ него. Естественное чувство Грека проснулось въ немъ; онъ уже не судилъ Турцію какъ умѣлъ судить прежде; теперь всякій судъ его кончался осужденіемъ.

Онъ за все теперь готовъ былъ винить не столько Турокъ, сколько государство турецкое....

И за разбой въ самой Элладѣ, ибо въ ея теперешнихъ границахъ нѣтъ простора эллинской энергіи, и за то что христіане архонты въ Ралезѣ и другихъ городахъ слишкомъ сухи: и за то что сыновья ихъ робки, и за то что скатерть въ домѣ дяди нечиста, и за то что дочери архонтовъ такъ холодны и безгласны въ дѣлѣ любви.

Онъ уже не презиралъ своихъ добрыхъ гостепріимныхъ родныхъ за то что они предпочли ему *хамала*—Петалу; онъ жалѣлъ ихъ!

Врожденной во всякомъ Грекѣ ненависти къ Туркамъ онъ уже не противопоставлялъ теперь мечтательное и безконечное будущее; онъ сталъ смотрѣть проще и если хвалилъ онъ что особенно въ родныхъ и знакомыхъ своихъ, то это здоровое чувство, которое обращало ихъ взоры на Сѣверъ.... Онъ вспоминалъ часто дорогой и притчу отца Парвенія о земледѣльцѣ неразумномъ, который не пашетъ широкаго поля восточнаго, а смотритъ все на гору каменистую, гдѣ живутъ бѣдные родственники богатаго бѣя.

Проѣзжая чрезъ Превезу, Алкивиадъ опять остановился у доктора и сказалъ женѣ его: „Вы были правы, кирія, Турція, все Турція виновата! Нѣтъ спора—тѣ времена прошли давно когда христіанка боялась выйти на улицу, когда всякій могъ оскорбить ее. Нѣтъ спора, никакой Турокъ не мѣшаетъ теперь христіанскимъ женщинамъ гулять, танцовать, развивать свой умъ и сердце; Турку нужно одно, чтобы не бушевали. Но, клянусь вамъ, кирія, вы все-таки правы. Эта тяжелая, угрюмая, вялая жизнь которую ведутъ здѣсь наши женщины богатаго круга, это отсутствіе фантазіи и изящнаго кокетства.... Отчего все это? Вы правы,

кирія,—это Турція.... Источники этого кроются въ дальнемъ прошедшемъ, въ исторіи этого края. Одинъ годъ свободы политической жизни и движенія подѣйствуетъ глубже на самый бытъ и нравы, чѣмъ столѣтія того постепеннаго и медленнаго хода который возможенъ теперь. Школы? Что такое школы безъ жизни и свободы нравовъ; я говорю о свободѣ нравовъ, приникнутой, однако, тою высокою нравственностью которая сопровождаетъ христіанскій идеалъ, которая такъ тѣсно связана съ нимъ.

Докторша все это время стояла предъ нимъ, почтительно внимая, и когда онъ кончилъ, сказала пріятно:

— Садитесь, прошу васъ. Какъ ваше здоровье?

Алкивіадъ опять разсердился на нее и быть-можетъ отвѣтилъ бы ей не совсѣмъ вѣжливо, еслибы, къ счастью, самъ докторъ не вошелъ въ эту минуту.

Алкивіадъ, съ глазу на глазъ, излилъ ему всю свою досаду на общество архонтовъ въ Турціи и особенно на женщинъ.

— Турки лучше ихъ! Я прежде о Туркахъ думалъ гораздо хуже; но о Турціи думалъ нѣсколько лучше, сказалъ онъ искренно.—И едва ли вамъ покажется парадоксомъ, если я скажу вамъ что чѣмъ лучше Турки, какъ люди, сравнительно съ нашими архонтами тѣмъ, значитъ, хуже Турція, какъ держава, ибо христіанину городскому и грамотному предоставленъ въ ней одинъ лишь путь ко вліянію—деньги и торговля. А одна торговля и торговля всегда понижаетъ умъ и духъ!...

Докторъ согласился съ нимъ и прибавилъ, понижая голосъ (чтобы жена не слыхала его изъ другой комнаты):

— Грубость и холодность, другъ мой, большая! По ремеслу моему мнѣ не рѣдко доступны и турецкіе гаремы. Я жилъ и въ Константинополѣ. И что же? Съ досадой, со стыдомъ, съ ужасомъ я долженъ сознаться что Турчанки милѣе, въ нихъ больше граціи и жизни, чѣмъ въ нашихъ хозяйкахъ! Властительное положеніе мусульманъ въ государствѣ, открытый имъ военный путь, ихъ прежнее богатство и роскошь оставили до сихъ поръ слѣды. Турокъ умѣетъ иногда быть великодушнымъ, нашъ архонтъ никогда; Турчанка умѣетъ быть иногда гуріей, балованнымъ ребенкомъ, цвѣткомъ, украшающимъ жизнь.... Жена бѣднаго Грека, вышедшаго изъ ничтожества лишь трудомъ и скупостью, должна была стать лишь честною и скучною хозяйкой!... Это явно!

— Послушайте, другъ мой, продолжалъ докторъ, еще больше.

ше понижая голосъ и вздыхая. — Вы видѣли супругу мою? Она честная женщина: послушайте меня и вы увидите ясно и поймете все что я перенесъ. Супруга моя, по желанію отца ея, была обучена хорошо. Она знакома коротко съ языкомъ Гомера, Эврипида и Софокла. И что жь? Пусть этотъ разговоръ будетъ моей исповѣдью. Года два тому назадъ у нея сдѣлались ужасные нервные припадки. Припадки эти доходили до безумія. Я повезъ ее въ Константинополь. Тамъ ее лѣчили. Во время приступовъ болѣзни она говорила цѣлые отрывки изъ великихъ поэтовъ нашихъ, декламировала, пѣла, говорила изящнымъ языкомъ. Изъ неприступныхъ нѣдръ души поднялись забытыя познанія, фантазія парила, умъ блуисталъ. И вотъ ей стало опять лучше, и слова мои будутъ излишни, вы видѣли и поняли ее! Я помню, другъ мой, какъ тогда, измученный заботами о болѣзни ея, испуганный мыслью что мнѣ суждено провести всю жизнь съ умалишенной женщиной, я отвѣчалъ на вопросы моихъ товарищей по ремеслу. Господа! сказалъ я имъ съ отчаяніемъ:—она на себя не похожа! Она вдругъ стала умна и занимательна.... Она говоритъ вещи на которыя я и во снѣ не считалъ ее способною! А теперь вы видите ее? Судите сами и радуйтесь что вы не женились!

Алкивиадъ возвратился къ отцу и долго не рѣшался обнаружить новую перемѣну которая произошла въ его взглядахъ послѣ поѣздки въ Элиръ. Онъ больше разказывалъ, чѣмъ разсуждалъ.

Иногда чуть замѣтно слышалось въ немъ противъ воли доброе чувство къ единовѣрной державѣ....

Лукавый старикъ Аспреасъ видѣлъ это и не трогалъ его. Прошло еще около мѣсяца, вдругъ разнеслась вѣсть объ ужасномъ для всей Греціи событіи при Мараѳонскомъ полѣ. Всѣ были поражены. Англія грозила.... Со всѣхъ сторонъ Греки слышали насмѣшки, клеветы и проклятія своей конституціи, своимъ государственнымъ людямъ, которыхъ хотѣли сдѣлать отвѣтственными за всѣхъ Астролидесовъ, быть-можетъ, живущихъ на западныхъ же деньги....

Алкивиадъ въ первую минуту съ испугомъ спрашивалъ себя: чего можетъ ожидать отъ Европы несчастная Эллада?...

Отецъ его былъ спокоенъ и улыбался все тою же улыбкой вѣры и веселости. „Не одна Англія на свѣтѣ!“ говорилъ онъ.

И Алкивіадъ въ эту минуту почувствовалъ какъ сходила и на него горячая отцовская вѣра....

Съ тѣхъ поръ и онъ часто повторяетъ про себя его слова: „Греко-Россійской церкви мы поклоняемся, человѣче!“...

И ему опять стала (какъ и въ дѣтствѣ, но съ большею ясностью и силой) представляться прежняя картина европейскаго Востока.... Опять онъ сталъ думать что какъ бы ни были сложны вопросы, какъ бы ни было пышно дерево историческаго развитія этого европейскаго Востока, куда бы ни крылись его корни, куда бы ни простирались его вѣтви—и корни эти, и вѣтви, все скрыто въ одномъ этомъ словѣ: „Греко-Россійской церкви мы поклоняемся, человѣче!“

Алкивіадъ и теперь говоритъ не рѣдко: „Бѣдный отецъ!“ какъ говорилъ тогда когда мыслилъ умомъ сестры и Астролидеса. Но тогда *бѣдный отецъ!* у него значило иное.... А теперь оно значитъ: Бѣдный отецъ! какъ ты былъ правъ и какъ я ошибался!...

Разница между нимъ и отцомъ теперь только та что онъ умѣреннѣе старика. Старикъ въ Туркахъ даже и человѣческихъ чувствъ не хотѣлъ признавать; Алкивіадъ же Турокъ какъ людей часто хвалить; онъ говоритъ только что гражданское примиреніе христіанъ съ Турціей или военный союзъ Эллады съ имперіей Ислама возможны лишь подъ вліяніемъ Россіи.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

РУССКІЙ ТОРГОВЫЙ И ВОЕННЫЙ ФЛОТЪ

I.

Есть ли какая-нибудь несомнѣнно вѣрная мѣра отъ примѣненія которой можно бы ожидать скорого развитія русскаго торговаго флота во всѣхъ нашихъ моряхъ, гдѣ его существованіе оказывается неотлагательно нужнымъ для народа и государства? Мы осмѣливаемся отвѣчать на этотъ вопросъ твердо и положительно: да, есть такая мѣра; она состоитъ въ сущности въ томъ чтобы правительство пожертвовало разъ навсегда умѣренный капиталъ (1—5 милл. руб.) или проценты съ этого капитала для народныхъ навигаціонныхъ школъ и для прочихъ, упомянутыхъ ниже, поощрительныхъ мѣръ для всѣхъ русскихъ побережій. Эта скромная сумма будетъ достаточна чтобы въ теченіе одного десятилѣтія высоко поднять наше морское дѣло, а (при израсходованіи 5 милл. руб.) въ теченіе 15 лѣтъ уже создать вполне достаточный флотъ.

Въ настоящее же время всякій чувствуетъ что недостатокъ развитія морской промышленности можетъ дѣйствительно назваться весьма серіозною болѣзью въ промышленной жизни нашего государства. Сѣть желѣзныхъ дорогъ наконецъ начала

покрывать всю великую Имперію; для произведеній Россіи открывается самый обширный путь, но, къ сожалѣнію, этотъ путь идетъ только до нашихъ портовъ, а никакъ не до большихъ общенародныхъ рынковъ въ разныхъ частяхъ густо населенной западной Европы и прочихъ частей міра. Какъ только товаръ нашъ прибываетъ въ любой изъ русскихъ портовъ, онъ непременно переходитъ въ руки иностранцевъ, извлекающихъ изъ него весьма легкимъ образомъ громадныя выгоды. Съ будущимъ значительнымъ увеличеніемъ нашего вывоза и привоза это народо-хозяйственное зло не только не уничтожится само собой, но даже увеличится еще болѣе. Вотъ въ чемъ опасность. Обитателю Россіи и всему Русскому народу останется только самое скудное вознагражденіе за самый суровый трудъ, тогда какъ иностранцамъ будетъ легко забрать въ свои руки неимовѣрные богатства извлеченныя русскимъ трудомъ изъ русской почвы.

Русскій оптовый и мелкій торговецъ, заботясь только о своей личной пользѣ, не всегда понимаетъ невыгоды своего положенія. Хотя онъ не можетъ не видѣть что кругъ его дѣятельности становится все уже и уже, что на его долю остается только доставка товаровъ изъ рукъ русскихъ деревенскихъ производителей въ руки иностранцевъ въ нашихъ портовыхъ городахъ; но онъ не разъ уже убѣдился по опыту что иностранецъ понимаетъ дѣло международной торговли лучше его, доставляетъ ему иностранный товаръ дешевле и даетъ относительно лучшую цѣну за русскій товаръ, нежели какую онъ самъ могъ бы получить при непосредственной торговлѣ съ недостаточно знакомыми ему заграничными торговыми рынками. Узкій, но вполне знакомый ему, а потому относительно безопасный кругъ его дѣятельности даетъ русскому торговцу все-таки довольно большой барышъ при незначительномъ трудѣ. Къ чему же тутъ желать расширенія этого круга дѣятельности? Когда, говоритъ онъ, распространится между нами болѣе цивилизація, болѣе предприимчивости, когда у насъ накопится болѣе капиталовъ, вотъ тогда-то настанетъ время думать о расширеніи круга дѣятельности русскаго торговца по всѣмъ морямъ, по всему земному шару, о чемъ уже давно не только думаютъ, но и заботятся всѣ прочіе народы, исключая только насъ. Но бѣда въ томъ что цивилизація, предприимчивость и капиталы у насъ весьма трудно могутъ увеличиваться, если мы добровольно, такъ-

сказать, безъ боя, подобно Базену въ Мецѣ, будемъ отдавать наши капиталы въ руки нашихъ соперниковъ. Какъ тутъ разчитывать на постепенное увеличеніе нашей торговой предприимчивости? Какъ тутъ разчитывать на относительно скорое развитіе цивилизаціи, которая безъ нѣкоторой зажиточности народа можетъ только весьма медленно распространяться?

Итакъ намъ нуженъ исходъ изъ нашего стѣсненнаго въ народно-хозяйственномъ смыслѣ положенія; мы не можемъ медлить ни одного часа, дожидаясь будущей цивилизаціи, которая все будто бы дастъ намъ безъ труда.

Вѣрный исходъ дастъ намъ только русское мореплаваніе, коль скоро оно будетъ основано на прочныхъ, то-есть чисто-народныхъ началахъ и обниметъ массы нашего прибрежнаго населенія. Въ этихъ массахъ мы встрѣчаемъ промышленнаго союзника, изобилующаго силами нужными для международной промышленной борьбы. Вся затруднительность нашего положенія происходитъ оттого что мы часто смѣшиваемъ морской промыселъ съ чисто-купеческою дѣятельностью. А между тѣмъ суровый промыселъ мореходства и занятія изнѣженныхъ людей въ купеческихъ конторахъ совершенно различны между собою; послѣднія занятія даютъ при извѣстныхъ условіяхъ достаточныя, даже огромныя выгоды людямъ занимающимся спокойно или безпокойно въ конторахъ и на биржахъ разчетами, письменными и телеграфными объясненіями. Но совсѣмъ другимъ дѣломъ занимается закаленный морякъ, промышленный извозомъ на морѣ. Почему же у насъ обыкновенно смѣшиваютъ эти два столь различные между собою промысла? Отчасти потому что въ нашихъ портахъ иностранные купцы и иностранные моряки дѣйствуютъ вмѣстѣ и составляютъ для русскаго люда, такъ-сказать, одно цѣлое, между тѣмъ какъ мореходный промыселъ въ настоящее время процвѣтаетъ наиболѣе тамъ гдѣ онъ во всѣхъ своихъ разчетахъ совершенно отдѣленъ отъ купеческаго. Самое полное по возможности раздѣленіе труда оказывается и въ этихъ двухъ промыслахъ выгоднымъ. Но, какъ бываетъ вездѣ при приложеніи общаго принципа дѣленія труда на практикѣ, такъ и здѣсь, не всегда легко отыскать естественныя предѣлы смежныхъ занятій. У насъ весьма многихъ сбиваетъ съ толку вопросъ о капиталѣ необходимомъ при постройкѣ и снаряженіи морскаго судна. Но между тѣмъ капиталъ въ морскомъ дѣлѣ далеко не играетъ такой важной роли какъ вообще думаютъ.

Въ доказательство того мы приведемъ слова мекленбургскаго писателя, дворянина Августа фонъ-Лаферта, наладавшаго на нѣкоторыя злоупотребленія въ мекленбургскомъ судоходствѣ въ 1861 году. Мекленбургскій флотъ состоитъ изъ 400 судовъ, вмѣстимостью до 50.000 ластовъ и стоящихъ отъ 6 до 7 милліоновъ талеровъ. Судостроеніе обходится въ Мекленбургѣ весьма дорого, во первыхъ, вслѣдствіе крупныхъ злоупотребленій при выдачѣ лаевъ или акцій, во вторыхъ, потому что суда тамъ строятся весьма прочно и за недостаткомъ собственныхъ лѣсовъ изъ привезеннаго дуба; третьихъ, потому что почти всѣ суда обшиты мѣдью или цинкомъ. Но несмотря на дороговизну постройки, авторъ находитъ что все-таки едва ли найдется другой промыселъ который, при столь незначительномъ требованіи капиталовъ, кормилъ и обогащалъ бы столько народа. Около четырехъ тысячъ матросовъ, говоритъ онъ, находятъ исключительное занятіе на этомъ флотѣ; они получаютъ гораздо больше жалованья нежели земледѣльцы, и содержатъ старыхъ своихъ отцовъ и матерей, своихъ женъ и дѣтей, всего около 15.000 человѣкъ. Около тысячи шкиперовъ и штурмановъ получаютъ весьма значительные доходы, а многія сотни ремесленниковъ и рабочихъ при постройкѣ и исправленіи судовъ получаютъ значительныя вознагражденія. Въ то же время капиталисты пользуются хорошимъ дивидендомъ, а земледѣльцы лучшимъ рынкомъ для сбыта своихъ товаровъ.

Правда, ни одинъ промыселъ невозможенъ безъ капитала; но если мы будемъ устраивать свои деревянные парусныя суда (такъ какъ намъ таковыя всего болѣе нужны и притомъ нужны въ громадномъ количествѣ для перевоза нашихъ сырыхъ продуктовъ въ Англію, Голландію и пр.) въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ лѣсъ и человѣческій трудъ въ весенніе мѣсяцы весьма дешевы, снаряжать же будемъ въ городахъ гдѣ весь снарядъ обходится дешевле; если мы вездѣ какъ слѣдуетъ соблюдемъ сначала постепенность въ развитіи промысла, то вопросъ о капиталахъ отнюдь не будетъ вопросомъ большой важности. Я приведу примѣръ лифляндскихъ крестьянъ-рыбаковъ, живущихъ на земляхъ казенныхъ и частныхъ имѣній между городами Ригой и Пернавой, особенно крестьянъ въ Айнахѣ, Салисѣ, Орренгофѣ и Гутмансбахѣ, то-есть въ самыхъ отдаленныхъ отъ обоихъ городовъ пунктахъ. Эти крестьяне занимались лѣтъ 10—15 назадъ, кромѣ скуднаго рыболовства, еще лишь самымъ первобытнымъ

прибрежнымъ мореходствомъ, какъ дѣлали отцы и предки ихъ. Зная только одинъ латышскій языкъ, неизвѣстный въ чужихъ городахъ, не обладая никакими морскими свѣдѣніями, никакимъ школьнымъ образованіемъ, они отнюдь не могли разчитывать на какую-нибудь поддержку со стороны правительства. Напротивъ того, они узнали изъ опыта что всѣ ихъ попытки распространить кругъ своей дѣятельности на морѣ встрѣчали кромѣ множества законныхъ препятствій еще притѣсненія совершенно незаконныя. Въ 1860 году я, по порученію правительства, объѣхавъ все балтійское побережье, собралъ болѣе предприимчивыхъ изъ этихъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ и совѣтовалъ имъ распространять свои плаванія все дальше и дальше и улучшать свои суда по мѣрѣ средствъ собираемыхъ на основаніи паевъ и артелей. Съ удивленіемъ узнали они что правительство не только не намѣрено мѣшать имъ въ этомъ, но что оно даже признаетъ подобную дѣятельность полезною, что оно современемъ даже намѣрено учредить для желающихъ мореходныя школы. Относительно этихъ школъ впрочемъ появились разные, отчасти смѣшные предразсудки: болѣе зажиточные крестьяне опасались лишиться своего важнаго въ мѣстности вліянія, въ томъ случаѣ если бѣдные мальчики пріобрѣтутъ болѣе свѣдѣній нежели они. Прошло нѣсколько лѣтъ пока наконецъ умами крестьянъ овладѣла мысль что мореходныя школы весьма полезны не только для бѣднѣйшихъ крестьянъ, но и для зажиточныхъ стариковъ - патріарховъ (а такихъ было всего 5—6 человекъ, и они владѣли весьма незначительнымъ капиталомъ). Такому обороту мыслей главнымъ образомъ помогло случайное обстоятельство что при прусско-датской войнѣ 1864 года, за недостаткомъ другихъ судовъ въ Ригѣ, купцы за высокую плату поручили крестьянамъ перевозъ хлѣба во Фленсбургъ на каботажныхъ лодкахъ. Выгодность промысла была при этомъ первомъ для нихъ случаѣ доказана на практикѣ, и осенью 1864 года нѣкоторые изъ стариковъ и ихъ родственниковъ уже сами явились ко мнѣ въ Петербургъ съ просьбой развѣдать не можетъ ли правительство открыть для нихъ хотя одну навигаціонную школу и дать нѣсколько сотенъ рублей въ годъ на поддержаніе ея, согласно съ моими прежними обѣщаніями. Но я тогда уже зналъ что исполненію заявленнаго ими желанія предстоятъ почти непреодолимая препятствія, что правительству несравненно легче по ста-

рой привычкѣ расходовать милліоны рублей въ пользу крупныхъ мореходныхъ компаній, не могущихъ и даже не желающихъ положить необходимый прочный фундаментъ для мореходства, нежели тысячи для крестьянъ-рыбаковъ. Не то чтобы правительство собственно не желало дать средствъ, но главная помѣха проистекала въ упомянутое время изъ того что лица совершенно незнакомыя съ условіями нашего промышленнаго мореплаванія считали полезнымъ прежде всего обработать планъ ученія въ морскихъ школахъ. Между тѣмъ ученіе въ морскихъ школахъ должно быть совершенно другое у крестьянъ Латышей и Эстовъ въ балтійскихъ губерніяхъ, другое у тамошнихъ горожанъ-Нѣмцевъ и пр., потомъ опять другое у при-нарвскихъ, у петербургскихъ, шлис-сельбургскихъ городскихъ и сельскихъ русскихъ рыболововъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ, не говоря уже о бѣло-и черноморскихъ обывателяхъ и у прибрежныхъ жителей Азовскаго и Каспійскаго морей. Кромѣ того ученіе и планъ ученія должны *существенно измѣняться* съ каждымъ годомъ, или по крайней мѣрѣ черезъ каждые 5—10 лѣтъ. Иначе нельзя ожидать важныхъ результатовъ отъ подобныхъ школъ.

Вслѣдствіе этихъ препятствій намъ остался только одинъ путь: собрать денегъ съ самихъ крестьянъ и тотчасъ же учредить морскую школу въ первомъ лучшемъ рыбацкомъ домѣ, съ помощію одного изъ нашихъ промышленниковъ-моряковъ, кончившихъ курсъ въ одной изъ нашихъ прежнихъ навигаціонныхъ школъ, доступныхъ всѣмъ кромѣ крестьянъ-рыбаковъ. А такихъ есть много налицо. Изъ одного Кронштадта выпущено нѣсколько сотенъ кончившихъ курсъ; до 300 изъ Риги и Либавы; потомъ нѣсколько сотенъ изъ бѣломорскихъ школъ и кромѣ того много изъ бывшей школы города Херсона. Изъ всего числа этихъ людей, правда, только тѣ могутъ быть хорошими учителями которые нѣсколько лѣтъ дѣйствительно занимались каботажнымъ и другимъ,—преимущественно паруснымъ,—промышленнымъ мореходствомъ. Большая часть ихъ вышла изъ этихъ школъ съ довольно обширною образованностію, но не имѣя никакихъ связей съ прибрежными рыбаками и промышленниками, то-есть людьми могущими создать у насъ торговый флотъ, перешла въ купеческія конторы, другіе на волжскіе и другіе рѣчные пароходы, и въ административныя и присутственныя мѣста, гдѣ и наши достаточное жалованье. Меньшая же часть, дѣйствитель-

но занимающаяся на моряхъ, сидить у насъ въ зимнее время почти безъ дѣла и бываетъ всегда согласна занять мѣста учителей за маленькое вознагражденіе. Итакъ, въ вышеупомянутомъ случаѣ, когда латышскіе и эстскіе лифляндскіе крестьяне, при моемъ содѣйствіи, собрали 500—600 рублей, нашелся уже учитель весьма способный и удовлетворяющій требованіямъ. Крестьяне стали мало-по-малу строить весьма почтенный парусный флотъ, совершающій рейсы не только между всѣми нашими балтійскими, но и между англійскими, голландскими и нѣмецкими портами. И весь этотъ крестьянскій флотъ, состоявшій въ 1868 году болѣе чѣмъ изъ 100 судовъ и поднимающій болѣе 10.000 дастоу, обошелся крестьянамъ не дороже 300.000 рублей (городскимъ жителямъ, особенно богатымъ купцамъ и большимъ обществамъ изъ зажиточныхъ людей флотъ этотъ обошелся бы по меньшей мѣрѣ вдвое или втрое дороже); крестьяне же не только нашли мало-по-малу нужныя деньги, отчасти у себя, отчасти въ городахъ и во внутреннихъ мѣстностяхъ, но даже умножили капиталъ чрезвычайно скоро, такъ какъ они получаютъ среднимъ числомъ не менѣе 30 процентовъ. На вырученные проценты бѣольшая часть крестьянъ строить олять новыя и съ каждымъ годомъ *болѣе прочныя* и дорогія суда. Весь экипажъ, всѣ шкипера и штурманы этихъ судовъ чисто Латыши и Эсты, такъ что помощь иностранцевъ или балтійскихъ Нѣмцевъ оказалась вполне лишнею. Этотъ примѣръ доказываетъ самымъ блистательнымъ образомъ что наши крестьяне могутъ безъ всякихъ льготъ со стороны правительства выручать до 30 процентовъ при мореходномъ промыслѣ въ нашемъ Балтійскомъ морѣ, гдѣ конкуренція иностранцевъ понижаетъ плату за фрахты гораздо болѣе нежели въ нашихъ южныхъ портахъ, съ баснословно высокими фрахтами, такъ какъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ конкуренція иностранцевъ весьма слаба. Правда, достигнутый этимъ результатъ еще не очень значителенъ въ сравненіи съ огромными потребностями государства, которому нуженъ въ одномъ только Балтійскомъ морѣ въ 50 разъ болѣе многочисленный флотъ. (Черезъ десять лѣтъ у насъ пожалуй будетъ нуженъ флотъ не только въ 50, но во 100 разъ болѣе.) Главнѣйшая часть латышо-эстскихъ судовъ еще принадлежитъ къ непрочнымъ и чисто каботажнымъ судамъ. Но даже развитіе каботажа уже принесетъ весьма значительную пользу, понижая на примѣръ на половину обыкновенныя фрахты, за пудъ

товаровъ изъ Риги въ Петербургъ вмѣсто прежнихъ 6 коп. до 3 коп., а назадъ изъ Петербурга въ Ригу съ 4 до 2 коп., и оживляя этимъ многіе промыслы, отчасти невозможные при высокихъ фрахтахъ. Вообще нельзя ожидать болѣе быстрыхъ успѣховъ при отсутствіи даже самаго необходимаго вниманія и поощренія со стороны правительства въ пользу этого промысла. Есть еще много такихъ препятствій у насъ которыхъ никакъ не можетъ устранить не только крестьянинъ-промышленникъ, но даже и значительное судоходное общество.

Я вполнѣ увѣренъ что подобныя, относительно весьма блестящія, успѣхи были бы возможны въ очень скоромъ времени на многихъ изъ нашихъ прибрежныхъ пунктовъ, если только искоренить невѣжество народа. Повторяемые мною болѣе десяти лѣтъ вопли о навигаціонныхъ школахъ, и только о нихъ, могутъ многихъ привести къ тому заключенію что требованія мои дѣйствительно односторонни, и что я упускаю изъ виду чисто практическія стороны дѣла. Но я подразумѣваю подъ краткимъ названіемъ *школы* цѣлую организацію поощрительныхъ мѣръ весьма различнаго рода, могущихъ только совокупно обѣщать желаемый результатъ въ весьма скоромъ времени. Мореходныя училища нужны между прочимъ уже для того чтобы сѣбовать въ средѣ прибрежныхъ крестьянъ маленькіе центры образованныхъ людей, съ помощію которыхъ было бы возможно познакомить мало-по-малу народъ съ потребностями и условіями этого для большинства изъ нихъ новаго промысла. Коль скоро учитель этихъ школъ будетъ дѣйствительный морякъ, онъ будетъ уже лично заинтересованъ въ томъ чтобы заставить мѣстныхъ крестьянъ построить хоть одно судно, которымъ, разумѣется, будетъ командовать самъ учитель, въ свободное лѣтнее время, вслѣдствіе чего ему можно будетъ удвоить свое жалованье. Но первое судно вѣроятно не будетъ особенно большое и не можетъ командующему имъ дать значительнаго жалованья. Учитель хорошо понимая это, будетъ стараться заставить крестьянъ построить черезъ нѣкоторое время еще другое, большее судно, которымъ, разумѣется, будетъ командовать опять онъ же, учитель, тогда какъ первое маленькое судно отдастъ своему способнѣйшему ученику. Съ достиженіемъ этого будетъ уже возбуждено общее соревнованіе и соперничество между крестьянами и сыновьями ихъ. Главная побудительная причина къ устройству современныхъ тор-

говыхъ флотовъ состоитъ не въ одномъ только ожиданіи большихъ процентовъ для судовладѣльца. Доставленіе шкиперамъ, штурманамъ и матросамъ доходнаго мѣста, а судостроителю съ его рабочими и ремесленниками доходнаго занятія, въ нѣкоторыхъ и особенно въ самыхъ развитыхъ странахъ *преимущественно* возбуждаетъ людей къ увеличенію торговыхъ флотовъ. Это доказываютъ хорошо извѣстныя мнѣ экономическія подробности мекленбургскаго судопромышленнаго дѣла. Тутъ капиталисты, при безусловно полномъ обезпеченіи своего капитала, среднимъ числомъ получаютъ не болѣе пяти процентовъ, такъ какъ мекленбургское судоходство по отношенію къ естественнымъ условіямъ вовсе не находится въ выгодномъ положеніи. Почти весь лѣсъ для судостроительства должны они привозить изъ другихъ краевъ, и притомъ суда ихъ должны искать занятія исключительно въ чужихъ странахъ, такъ какъ въ Ростокѣ и Висмарѣ торговыхъ дѣлъ весьма мало. Но несмотря на все это флотъ ихъ постоянно увеличивается, потому что и шкипера, и экипажъ, и судостроители, и ремесленники со всѣхъ сторонъ стараются привлечь большихъ и мелкихъ капиталистовъ къ тому чтобъ они деньги свои употребляли на этотъ промыселъ. Значительную часть денегъ при этихъ новыхъ постройкахъ даютъ сами моряки и ремесленники.

У насъ, гдѣ мореходное дѣло еще весьма мало извѣстно, не обратили на это важное обстоятельство никакого вниманія; всѣ полагаютъ что *одинъ только высокій процентъ* доставляемый судовладѣльцамъ можетъ привлечь къ этому промыслу капиталы.

Кромѣ образовательныхъ цѣлей есть еще другая задача проектированныхъ морскихъ школъ, которая, по моему мнѣнію, должна состоять въ томъ чтобы доставить бѣднымъ промышленникамъ голосъ для заявленія своихъ дѣйствительныхъ мѣстныхъ нуждъ и препятствій представляющихся имъ на пути преслѣдованія морскаго промысла. При обширности Русской Имперіи эта задача весьма важна, такъ какъ ни губернаторъ, ни высшее правительство, при всей доброй волѣ, не въ состояніи познакомиться инымъ путемъ съ этими мѣстными потребностями.

Что же касается до сбора мелкихъ капиталовъ на судостроеніе, до заключенія въ городахъ въ пользу онаго займовъ и до всего относящагося къ счетоводству и организаціи об-

ществъ и артелей, то совершенно понятно что во всемъ этомъ морская школа съ образованнымъ учителемъ-морякомъ играетъ самую важную роль. То же самое можно сказать о дѣлѣ взаимнаго судострахованія, которое впрочемъ можетъ возникнуть только черезъ нѣсколько времени.

II.

Для постепеннаго разрѣшенія всѣхъ этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ общихъ для морской дѣятельности задачъ, разумѣется, нужны нѣкоторыя денежныя средства. Съ небольшими, но добросовѣстно на самыя безотлагательныя нужды употребляемыми средствами можно сдѣлать уже весьма многое, а съ большими средствами, употребляемыми столь же добросовѣстно, разумѣется еще больше. При важности этого предмета было бы весьма полезно еслибы правительство ассигновало на морское дѣло нѣсколько сотъ тысячъ рублей ежегодно, только отнюдь не въ формѣ преміи нѣсколькимъ лицамъ и привилегированнымъ обществамъ, а на общую пользу русскаго мореходства. Но мы можемъ начать съ назначенія самыхъ скромныхъ денежныхъ суммъ.

Еслибы правительству напримѣръ угодно было разъ навсегда пожертвовать на этотъ предметъ только 10.000 руб., то я предложилъ бы употребить эту сумму слѣдующимъ образомъ въ теченіе трехъ лѣтъ:

1) Для заготовленія и распространенія въ народѣ полезныхъ подготовительныхъ къ дѣлу навигаціонныхъ школъ и мореплаванія брошюръ (на разныхъ языкахъ) 3.000 руб.

2. Для изученія или статистическаго изслѣдованія русскихъ береговъ и составленія подробнаго плана дѣйствія 1.000 р.

3. На изданіе учебныхъ книгъ и картъ для народно-навигационныхъ школъ 1.000 р.

4. Для предварительныхъ работъ по законодательнымъ вопросамъ относящимся къ дѣлу нашего торговаго мореплаванія 1.000 р.

5. Для организаціи цѣлесообразныхъ навтическихъ обществъ по всѣмъ побережьямъ 1.500 р.

6. Въ пользу первоначальной организаціи для крестьянъ и рыбаковъ маленькихъ взаимныхъ судостраховыхъ обществъ 500 р.

7. Для организаціи спасательныхъ станцій и обществъ между береговыми жителями 500 р.

8. Для первоначальной * организаціи навигаціонныхъ школъ 500 р.

9. Для поддержанія необходимой связи съ учебными и учеными морскими учрежденіями другихъ краевъ и морскихъ наблюдательныхъ станцій 500 р.

10. Для канцелярскихъ и пр. потребностей совѣта имѣющаго управлять поощрительными морскому дѣлу мѣрами 500 р.

При столь незначительной общей суммѣ здѣсь не назначено никакихъ премій строителямъ ни парусныхъ судовъ ни пароходовъ; также не ассигновано ничего на премии мореходцамъ и на издержки на примѣрную постройку судовъ въ тѣхъ удобныхъ для судостроенія прибрежныхъ пунктахъ гдѣ они въ настоящее время еще не строились. Всѣ эти издержки возможны только при болѣе значительной общей суммѣ.

Объяснять ли что здѣсь подразумѣвается въ первомъ пунктѣ подъ „заготовленіемъ и распространеніемъ полезныхъ брошюръ“?

Возьмемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Каждый человѣкъ знаетъ что моряку, отправляющемуся въ заграничные порты, предстоитъ неизбежная необходимость объясняться съ тамошними жителями; ему стало-быть необходимо знать, кромѣ своего роднаго языка, не только англійскій, но пожалуй еще десять другихъ языковъ. Судно отправленное съ товаромъ, на примѣръ, изъ Петербурга въ Англію, можетъ получить выгодный новый фрахтъ въ Испанію, оттуда въ Италію, Турцію, Францію, Германію и пр. Это примѣръ самый обыкновенный изъ жизни промышленнаго моряка. Спрашивается, неужели заграничные моряки всѣ такъ учены что знаютъ 10, 12 языковъ? или не играетъ ли англійскій языкъ въ морскихъ портахъ такую же роль какъ французскій въ дипломатическихъ кружкахъ, такъ что мо-

* По нашему мнѣнію, первоначальное, пробное или предварительное устройство навигаціонныхъ школъ для береговыхъ жителей въ большинствѣ случаевъ должно быть таково чтобы школа потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ могла быть закрыта, если интересъ и вниманіе мѣстныхъ жителей не возбуждаются до того къ морскому дѣлу, чтобъ этимъ оправдывалась казенная поддержка школы на этомъ пунктѣ.

рякъ знающій этотъ языкъ можетъ объясняться вездѣ? Ни того, ни другаго нѣтъ; но затрудненіе устраняется весьма просто и легко посредствомъ вспомогательныхъ учебныхъ книжекъ. Эти книжки нѣчто въ родѣ словарей; въ нихъ противопоставлено нѣсколько сотенъ словъ и необходимыхъ для моряковъ фразъ на пяти, шести или даже десяти языкахъ. Съ помощью такихъ книжекъ каждый морякъ, разумѣется, можетъ, куда бы онъ ни подалъ, объясниться о самомъ необходимѣйшемъ. У насъ нужны бы такія книжки особо для Русскихъ, другія для Латышей и для Эстовъ; а еще другія можетъ быть для прибрежныхъ жителей Чернаго и Каспійскаго морей. Книжки для жителей южныхъ и для жителей сѣверныхъ прибрежій должны быть существенно различны между собою, и пр. Удивляются нашей непредпріимчивости на морѣ; но какъ же можетъ простой крестьянинъ или промышленникъ найтись въ чужихъ краяхъ, если онъ не имѣетъ подъ рукой подобныхъ пособій, существующихъ вездѣ? Можетъ ли возникать предпріимчивость на морѣ у нашихъ береговыхъ жителей, если они не имѣютъ даже ни малѣйшихъ свѣдѣній о существующихъ для этого промысла вспомогательныхъ средствахъ? Въ государствахъ гдѣ мореплаваніе уже давно водворилось, подобныя пособія обрабатываются и издаются частными лицами, такъ какъ тутъ частный трудъ окулается. Но у насъ сначала необходимо заготовить ихъ на общественный счетъ. Вышепоказанная мною сумма 3.000 р. конечно не будетъ достаточна для покрытія всѣхъ издержекъ; но на нее можно будетъ создать по крайней мѣрѣ самое необходимое.

Второй и третій пункты издержекъ по 1.000 р. не требуютъ, кажется, особенныхъ разъясненій. Четвертый пунктъ, предварительныя работы по законодательнымъ вопросамъ, столь важенъ что тутъ назначеніе 1.000 р. также слишкомъ мало, но все-таки это лучше, чѣмъ ничего. Въ пятомъ пунктѣ упомянута организація цѣлесообразныхъ навигацескихъ обществъ по всѣмъ побережьямъ. Издержки на эту весьма важную статью также превзошли бы сумму 1.500 р.; но на 1.500 р. можно бы по крайней мѣрѣ сдѣлать самое нужное для болѣе доступныхъ и ближе къ большимъ городамъ лежащихъ прибрежій.

Въ шестомъ пунктѣ назначено 500 р. въ пользу маленькихъ судостраховыхъ обществъ. Объявляя въ 1868 году разныя

прибрежья западныхъ государствъ съ цѣлью изученія тамошняго морскаго дѣла, я обратилъ особенное вниманіе на подобныя общества, организація которыхъ не можетъ быть трудна и у насъ. Для этой цѣли прежде всего полезно издать главнѣйшія условія и результаты такихъ обществъ, распространяя брошюры съ подобными свѣдѣніями безвозмездно въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ онѣ особенно могутъ быть полезны. У лифляндскихъ крестьянъ почва для этой организаціи уже подготовлена, нужно бы только дать дѣлу толчокъ, что уже было бы возможно при помощи вышеупомянутой маленькой суммы. Читателю вѣроятно наскучило бы подробное изложеніе того что могло бы быть сдѣлано съ помощью маленькихъ суммъ по 500 р. для предметовъ упомянутыхъ въ пунктахъ 7, 8, 9 и 10. Я увѣренъ что путь къ достиженію желаемыхъ цѣлей могъ бы быть нѣкоторымъ образомъ проложенъ помощью даже этихъ ничтожныхъ суммъ.

Разумѣется что уже гораздо вѣрнѣе и скорѣе можно бы было достигнуть этихъ важныхъ цѣлей, еслибы для достиженія ихъ было назначено не 10.000, а 50.000 или 100.000 р. Въ такомъ случаѣ я предложилъ бы расходовать эту сумму въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ и употребить на издержки изложенныя въ пунктахъ:

	Въ теченіе трехъ лѣтъ.	Въ теченіе четырехъ лѣтъ.	Въ теченіе пяти лѣтъ.
1мъ, для брошюръ и пр.	3.000 р.	6.000 р. или	10.000 р.
2мъ, для статистики и пр.	1.000 „	4.000 „	5.000 „
3мъ, для учебниковъ.	1.000 „	4.000 „	5.000 „
4мъ, для проектовъ законода- тельства.	1.000 „	4.000 „	5.000 „
5мъ, для организ. артелей	1.500 „	5.000 „	6.000 „
6мъ, для взаимно-страховыхъ об- ществъ	500 „	2.000 „	5.000 „
7мъ, для спасительныхъ станцій . .	500 „	500 „	1.000 „
8мъ, для навигаціонныхъ школъ . .	500 „	3.000 „	5.000 „
9мъ, для сношеній съ иностран. учрежд.	500 „	500 „	1.000 „
10мъ, для канцелярск. изд.	500 „	1.000 „	2.000 „
11мъ, для премій строителямъ ла- русныхъ судовъ	— „	10.000 „	20.000 „
12мъ, для премій мореходцамъ. . .	— „	10.000 „	20.000 „

	Въ теченіе трехъ лѣтъ.	Въ теченіе че- тырехъ лѣтъ.	Въ теченіе пяти лѣтъ.
13мъ, для премій строителямъ па- роходовъ	—	—	5.000 .
14мъ, для судостроенія на но- выхъ пунктахъ	—	—	10.000 .

При общемъ бюджетѣ всего. . . 10.000 р. 50.000 р. „ 100.000 р.

Въ этотъ списокъ, по нашему мнѣнію, не должны быть вклю-
чаемы постоянныя издержки для спасательныхъ станцій и *нави-
гаціонныхъ школъ*, издержки, которыя могутъ быть отчасти
покрываемы со стороны земствъ, (земство С.-Петербургской
губерніи уже имѣетъ это въ виду относительно навигаціон-
ныхъ школъ). Причисливъ эти школы къ разряду высшихъ на-
родныхъ или сельскихъ школъ губерніи, земство оказало бы все-
му дѣлу весьма существенную пользу. Теперь (въ силу закона
27го іюня 1867) эти школы поставлены чиномъ выше нежели бы
слѣдовало; онѣ причислены къ гимназіямъ и уѣзднымъ учили-
щамъ, между тѣмъ какъ сначала естественнымъ образомъ ихъ
можно причислять только къ высшимъ (двухкласснымъ) народ-
нымъ сельскимъ школамъ. Настоящее назначеніе со стороны
министерства финансовъ крутыхъ суммъ, до 2.000 р. на школу
ежегодно, скорѣе мѣшаетъ чѣмъ поможетъ ихъ развитію.
Слѣдовало бы лишь въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ рас-
ходовать до 1.000 руб. ежегодно на школу, въ большинствѣ
же случаевъ не болѣе 500 руб.; тогда было бы возможно
открыть большое число ихъ и устремлять нѣкоторыя
суммы на поощреніе людей ихъ посѣщающихъ. Вмѣсто то-
го теперь, напримѣръ въ городѣ Аренсбургѣ, на островѣ
Эзелѣ, какъ слышно, открывается навигаціонная школа съ
отпускомъ отъ казны ежегодно 2.000 р., и несмотря на
столь значительную сумму полагаютъ бѣдныхъ эстскихъ
крестьянскихъ мальчиковъ принимать не иначе какъ съ тѣмъ
чтобъ они ежегодно платили порядочный взносъ. Между
тѣмъ на островѣ Эзелѣ, за неимѣніемъ лѣсовъ и прочихъ
условіи, не можетъ быть выгоднымъ судостроеніе. Но отсюда
можно набирать весьма способный *экипажъ*, и слѣдовательно
здѣсь главнѣйшая задача состоитъ въ образованіи возможно-
значительнаго числа тамошнихъ рыбаковъ, и сумму 2.000 р. ка-
зенныхъ денегъ можно бы употребить съ несравненно большею
пользою для учрежденія 5 или 10 *сельскихъ* навигаціонныхъ
школъ, назначивъ на каждую по 200 или 400 р. въ годъ. Для

этихъ 5 или 10 школъ весьма легко найти способныхъ и образованныхъ моряковъ учителей изъ Эстовъ кончившихъ курсъ въ Гайнажскомъ и Рижскомъ навигаціонныхъ училищахъ, въ лѣтніе мѣсяцы занимающихся мореходствомъ, а зимой не имѣющихъ занятія; учениковъ же можно и слѣдовало бы принимать безвозмездно. Проектируемая же школа съ ежегоднымъ штатомъ 2.000 р. будетъ просто школой для аренбургскихъ городскихъ бюргеровъ-Нѣмцевъ.

Что касается до денежныхъ пожертвованій въ пользу мореходныхъ школъ, то министерство финансовъ въ послѣднее время не разъ уже заявляло что оно согласно издерживать на годовое содержаніе школъ даже очень значительныя суммы, отъ 100.000 до 200.000 р., *если* только онѣ будутъ испрошены и искренно поддерживаемы мѣстнымъ населеніемъ. Легко устраняемое неудобство теперь состоитъ лишь въ томъ что народъ, не зная дѣла, не можетъ и желать его.

Прежде было не такъ. Въ 1860—61 годахъ усердно поддерживаемыя лишь немногими лицами соображенія мои о необходимости у насъ народныхъ навигаціонныхъ школъ встрѣтили въ министерствѣ главное возраженіе въ томъ что у насъ нигдѣ нѣтъ людей желающихъ подобныхъ школъ. При основаніи прежнихъ школъ въ городахъ Кронштадтѣ, Херсонѣ и др., гдѣ принимались лишь казеннокоштные ученики въ „штурманскіе классы“, полагали что человѣка родившагося въ предѣлахъ Россіи можно тогда только заставить заниматься мореходными познаніями, когда казна дастъ ему все, и школу, и одежду, и кушанье, а потомъ по окончаніи курса еще значительное денежное вознагражденіе. „Въ проектируемыя вами школы, гдѣ ученики получаютъ одно только ученіе даромъ, нигдѣ не найдется учениковъ“, такъ отвѣчали мнѣ со всѣхъ сторонъ, и на этомъ основаніи нашлись затрудненія въ выдачѣ даже самыхъ скромныхъ суммъ для пробнаго устройства подобныхъ школъ. Но такъ какъ въ 1864 году явились лифляндскіе крестьяне (о чемъ изложено выше) съ просьбой объ учрежденіи подобныхъ школъ, то этимъ вполне было опровергнуто фактъ будто крестьяне не желаютъ учиться. Теперь является новое затрудненіе. Министерство согласно открыть такія школы, *если* только крестьяне гдѣ-нибудь искренно пожелаютъ учредить оныя. Значитъ министерство перешло къ самой рѣзкой и крайней противоположности въ этомъ пунктѣ: прежде оно полагало что жителей можно зама-

нить въ эти школы только громадными казенными издержками, а теперь полагаетъ что наши прибрежные жители, на умственное развитіе которыхъ еще не обращено почти никакого вниманія, разомъ стали цѣнить морское образованіе такъ удивительно высоко что готовы взяться за трудныя хлопоты по учрежденію школъ, даже безъ всякаго нравственнаго вліянія болѣе развитыхъ людей. Это уже черезчуръ много. Истина находится въ срединѣ, особенно въ этомъ случаѣ. Я полагаю что всѣ наши прибрежные жители болѣе или менѣе окажутся такими какими явились упомянутые лифляндскіе крестьяне. Прежде всего нужно повліять на нихъ нравственными доводами, которые могутъ быть изложены въ брошюрахъ. Эти брошюры должны быть добросовѣстно распространяемы повсюду гдѣ только мореходное дѣло у насъ мыслимо. Но нельзя полагать чтобъ уже одна маленькая брошюра была въ состояніи разомъ убѣдить многихъ крестьянъ; черезъ нѣсколько времени должна появиться вторая брошюра, за ней третья и т. д., и гдѣ будутъ встрѣчаться лица болѣе другихъ склонныя къ морскому промыслу, тамъ уже нужно заводить для нихъ временную или пробную школу. Потомъ можно надѣяться что учитель, особенно если онъ самъ происходитъ изъ крестьянскаго класса морскихъ промышленниковъ, будетъ въ состояніи въ случайныхъ разговорахъ съ крестьянами, приводя многіе новые примѣры изъ другихъ странъ, сдѣлать все прочее. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пожалуй дѣло пойдетъ легче впередъ, но это будутъ только счастливые случаи, и разчитывать на нихъ нельзя. Суммы предположенныя въ этой статьѣ для навигаціонныхъ школъ назначены только для этихъ пробныхъ временныхъ школъ. Только тѣ изъ нихъ должны быть затѣмъ навсегда поддерживаемы изъ средствъ министерства финансовъ которыя въ первое пробное время оказались достойными постоянныхъ пожертвованій. Но настоящее предположеніе министерства что крестьяне, безъ всякой пропаганды, сами явятся съ просьбами объ учрежденіи этихъ школъ, что они при этомъ покроютъ изъ своихъ средствъ расходы нужные на долговременныя хлопоты и письменныя издержки и изъявятъ кромѣ того готовность на поддержку деньгами, не можетъ не быть слишкомъ оптимистическимъ въ большинствѣ случаевъ. Да и легко ли удовлетворяются подобныя ходатайства? Ходатайство о поощреніи Гайнажской школы началось въ 1864 году и только въ 1869 году увѣнчалось успѣхомъ. Не каж-

дое общество въ состояніи выдержать столь затруднительныя и многолѣтнія хлопоты. Даже баронъ Зассъ, предлагавшій въ 1868 году пожертвовать довольно много на учрежденіе двухъ навигаціонныхъ школъ на островѣ Эзелѣ, получилъ отъ мѣстной администраціи сначала рѣшительный отказъ. Переписка съ Сумскимъ посадомъ на Бѣломъ Морѣ, начавшаяся также въ 1868 году, не знаю, привела ли къ какимъ-либо результатамъ. Неудачный исходъ послѣдовалъ, если не ошибаемся, и для нѣкоторыхъ проектовъ въ Курляндіи, гдѣ губернаторъ съ полнѣйшимъ усердіемъ взялся за дѣло и полагалъ учредить по крайней мѣрѣ десять мореходныхъ школъ. Между тѣмъ тамъ покаместъ основано только нѣсколько таковыхъ и съ крупными штатами. По моему глубокому убѣжденію, въ первое десятилѣтіе подобныя школы съ большими штатами принесутъ, если хорошо обдуманый контроль не измѣнитъ дѣла, не только относительно, но даже абсолютно меньше пользы, нежели школы со скромными штатами отъ трехъ до пяти сотъ рублей.

III.

Но спрашивается: развѣ не можетъ быть пользы отъ того еслибы правительство употребило на столь важный предметъ, какъ русское торговое мореплаваніе, крупныя суммы, соотвѣтствующія важности задачи?

Несомнѣнно что польза была бы гораздо бѣльшая и услѣхъ ускорился бы, еслибы вмѣсто выше предположенныхъ нами 10.000, 50.000 р. или 100.000 р. назначены были болѣе крупныя суммы. Вмѣсто скудныхъ расходованій по 3.000 р., по 10.000 р. или по 20.000 р. *въ годъ* для всѣхъ прибрежій столь обширнаго государства, конечно, слѣдовало бы, по хорошо обдуманному плану, употреблять ежегодно 100.000 или 200.000 р., или еще лучше 300.000 р. Теперь расходуется ежегодно почти въ десять разъ болѣе въ пользу нѣкоторыхъ обществъ русскаго пароходства; для пользы же *болѣе важнаго* при вывозѣ громоздкихъ грузовъ русскаго *паруснаго* судоходства, еще никакихъ мѣръ не предпринимается, кромѣ поддержанія весьма немногихъ, случайно возникшихъ навигаціонныхъ школъ. У насъ, да и у однихъ ли насъ, не легко осуществить что-нибудь положительно доброе для общей пользы. За то если организуется, хотя даже на самыхъ невѣрныхъ экономическихъ

принципахъ, крупное общество, положимъ пароходства, требующее значительныхъ капиталовъ, то тутъ уже нѣтъ недостатка въ настойчивомъ преслѣдованіи его интересовъ предъ правительствомъ. Даже смѣло можно утверждать что представительство и ходатайство предъ правительствомъ будутъ тѣмъ неутомимѣе чѣмъ болѣе проектъ общества имѣетъ въ виду личные интересы. И какъ нерѣдко самыя добрыя намѣренія высказанныя въ первыхъ параграфахъ устава подобнаго общества измѣняются въ послѣднихъ параграфахъ въ корыстолюбивыя и даже вредныя государству постановленія. Припомнимъ исторію проекта большой компаніи русскаго судостроенія и мореходства въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ. Капиталъ этого общества долженъ былъ составить отъ 2 до 5 милл. рублей. Публиковалось въ газетахъ что приглашается возможно большее число доброжелателей этого дѣла, что каждый внесшій 10 руб. для предпріятія общества, будетъ полноправнымъ членомъ онаго. Послѣдній пунктъ постановленъ при общихъ преніяхъ въ Императорскомъ Вольно - Экономическомъ Обществѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Принципъ крайне демократическій, нечего сказать. Нечего даже сомнѣваться что членъ положившій 10 р. для цѣлей общества не откажется въ важныхъ случаяхъ пожертвовать всю эту сумму или часть оной, если этого требуетъ благо отечества. Но бѣда въ томъ что *крупные* капиталы, безъ участія которыхъ нельзя собрать миллионы, не предлагались иначе какъ при такъ или иначе формулированныхъ гарантіяхъ доходовъ обществу со стороны правительства. Отсюда естественно вытекаетъ включеніе въ послѣдніе параграфы устава вредныхъ для общей пользы льготъ, исключительныхъ преимуществъ для судовъ общества, помилныхъ субсидій и пр. и пр. Чтобъ осуществить дѣйствія общества, не осталось ничего другаго какъ предложить мѣры несомнѣнно стѣсняющія или мореходство другихъ русскихъ подданныхъ, или экономическіе интересы государства, или то и другое вмѣстѣ. При несомнѣнномъ доброжелательствѣ покойнаго С. С. Лашкарева, подобный исходъ проекта весьма поучителенъ. Общество не состоялось, ибо стало очевиднымъ что правительство отвергнетъ по крайней мѣрѣ самыя обременительныя условія и денежныя требованія въ пользу общества.

Обращаемся къ нашему дѣлу. Общество дѣйствительно поощряющее данный промыселъ, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ

выхъ цѣлей, можетъ существовать только или на счетъ добровольныхъ пожертвованій, или *эфе* на счетъ суммъ общественныхъ и казенныхъ. Если правительству *нужно достигнуть въ скорое время особенно важныхъ цѣлей*, то оно не можетъ положиться на частныя пожертвованія. Тутъ уже государство должно жертвовать собственными средствами.

Еслибы правительство согласилось пожертвовать разъ на всегда 500.000 руб., то, по нашему мнѣнію, ихъ надлежало бы употребить слѣдующимъ образомъ:

1) Для упомянутыхъ брошюръ и книжекъ	10.000 руб.
2) Для статистическихъ изсѣдованій	5.000 „
3) Для учебныхъ книгъ и пр.	5.000 „
4) Для работъ по законопроектамъ	5.000 „
5) Для организаціи разныхъ поощрительныхъ обществъ	10.000 „
6) Для организаціи страховыхъ обществъ	5.000 „
7) Для обширной организаціи спасательныхъ станцій	5.000 „
8) Для первоначальной организаціи навигаціонныхъ школъ	100.000 „
9) Для поддержанія необходимой связи съ морскими учрежденіями другихъ краевъ и для морскихъ наблюдательныхъ станцій	10.000 „
10) Для премій строителямъ парусныхъ судовъ	100.000 „
11) Для премій строителямъ пароходовъ	40.000 „
12) Для премій мореходцамъ	100.000 „
13) Для примѣрной постройки судовъ на нѣкоторыхъ удобныхъ для этого промысла пунктахъ	100.000 „
14) Для канцелярскихъ потребностей и счетоводства	5.000 „
Итого	500.000 „

Здѣсь въ 10мъ пунктѣ назначена болѣе значительная сумма для премій строителямъ парусныхъ судовъ нежели въ 11мъ пунктѣ строителямъ пароходовъ. Это сдѣлано отчасти потому что парусное судоходство для насъ болѣе важно, отчасти же потому что даже вся сумма 500.000 руб. не была бы достаточна для значительнаго поощренія постройки у насъ пароходовъ. По этому мы при данной общей суммѣ должны были бы ограничиться выдачей строителямъ пароходовъ крупныхъ золотыхъ и серебряныхъ медалей, почетныхъ дипломовъ и прочихъ видимыхъ знаковъ почета. Поощреніе же на постройку парусныхъ судовъ въ 100.000 руб. можетъ быть въ теченіе ограниченнаго пятилѣтняго срока уже довольно существеннымъ, особенно если еще въ 13мъ пунктѣ назначено

100.000 руб. для примѣрной постройки такихъ же судовъ въ тотъ же пятилѣтній срокъ.

Что же касается премій мореходцамъ, то ихъ нельзя не признать особенно важными для дѣла нашего мореплаванія. Дѣло въ томъ что человѣкъ не служившій еще никогда на морскомъ суднѣ отнюдь не можетъ съ самаго начала занять мѣсто матроса, дающее довольно большое жалованье. Молодой новобранецъ *сначала* можетъ служить лишь въ качествѣ такъ-называемаго юнга или мальчика, который получаетъ менѣе половины жалованья полнаго матроса и даже менѣе нежели получаетъ рабочій на сушѣ. Положимъ теперь что кто-нибудь построилъ бы парусное мореходное судно у береговъ Ладожскаго или Онежскаго озера, или рѣки Невы; ему было бы трудно получить изъ среды мѣстныхъ рыбаковъ нужный экипажъ. Только случайнымъ образомъ могъ бы онъ найти опытныхъ матросовъ на мѣстѣ, хотя впрочемъ такіе случаи бывають; въ 1868 году на однихъ судахъ Онежскаго озера было восемь русскихъ опытныхъ матросовъ, служившихъ прежде на большихъ балтійскихъ и бѣломорскихъ судахъ, другіе же люди не нашли бы никакого разчета въ томъ чтобы поступить на морское судно и служить первое лѣто въ качествѣ юнга за кушанье и 4—6 рублей жалованья въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ въ лѣтнее время каждый изъ нихъ въ своемъ мѣстѣ можетъ (правда на своихъ харчахъ) зарабатывать до 15 руб. въ мѣсяцъ. Еслибы существовала касса возвышающая изъ общественныхъ средствъ жалованье новобранцевъ за первый годъ, то во второй годъ не было бы уже препятствій; прежній новобранецъ теперь уже получилъ бы, смотря по его возрасту, силамъ и способностямъ, мѣсто или полуматроса, съ мѣсячнымъ жалованьемъ 10—12 руб. при хозяйскихъ харчахъ, или даже мѣсто полнаго матроса съ жалованьемъ 15—20 руб. на хозяйскихъ же харчахъ. Значитъ, онъ тогда охотно во всякомъ случаѣ уже остался бы на морскомъ суднѣ, зная что дома получилъ бы менѣе. Подобныя условія мы встрѣчаемъ также вездѣ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, гдѣ лѣтомъ заработная плата на сушѣ довольно высока, то есть гораздо выше жалованья юнга, но всегда ниже жалованья матроса. Еслибы, какъ упомянуто выше, для перваго времени существовала особая касса вознаграждающая новобранцевъ за ихъ первые рейсы, то затрудненія устранились бы. Въ дальнѣйшей будущности подобная касса была бы

нужна уже только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ со временемъ 14—16ти-лѣтніе мальчики изъ рыболововъ заняли бы мѣста юнговъ, получая достаточное для ихъ возраста вознагражденіе.

При службѣ на пароходахъ существуютъ другія условія. Тутъ кромѣ шкиперовъ и машинистовъ нужны почти только простые рабочіе, для которыхъ на судахъ вознагражденіе труда можетъ быть уже въ первый годъ назначено достаточное, соотвѣтствующее условіямъ мѣстности. Развитіе вполне удовлетворительныхъ матросовъ невозможно на пароходахъ.

Организація предполагаемыхъ премій для новобранцевъ ларусныхъ торговыхъ судовъ не трудна. Подобныя преміи были бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ незначительны, онѣ не превышали бы 20—30 руб. за все лѣто каждому новобранцу-рыболову; но еслибы мы ежегодно желали вознаграждать лишь до 1.000 новыхъ мореходцевъ, то въ теченіи 4—5 лѣтъ для нихъ уже понадобилось бы до 100.000 руб.

Мы видѣли что назначеніе одного полумилліона рублей, или по 100.000 рублей въ годъ въ теченіе одного пятилѣтія не можетъ быть вполне достаточно для достиженія указанныхъ цѣлей. Допустимъ что министерство финансовъ, послѣ глубокаго обсужденія этого важнаго дѣла, нашло бы возможнымъ отпустить для морскаго дѣла вдвое болѣе, то-есть до милліона рублей, которые будутъ употребляемы въ теченіе пяти или шести лѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ оказалось бы уже возможнымъ возвысить расходы на вышеупотребляемыя статьи слѣдующимъ образомъ:

	Всего.	Ежегодно.
На 1 ст., для брошюръ, книжекъ...	15.000 р.	3.000 р.
„ 2, для статист. изслѣд.....	10.000 „	2.000 „
„ 3, для учебн. книгъ.....	10.000 „	2.000 „
„ 4, для законопроект.....	5.000 „	1.000 „
„ 5, организ. обществъ.....	10.000 „	2.000 „
„ 6, судострахованіе.....	10.000 „	2.000 „
„ 7, для спасит. станцій.....	10.000 „	2.000 „
„ 8, для навиг. школъ.....	200.000 „	40.000 „
„ 9, для загранич. снош.....	20.000 „	4.000 „
„ 10, строител. пар. судовъ.....	200.000 „	40.000 „
„ 11, страт. пароход.....	100.000 „	20.000 „
„ 12, премій мореходц.....	200.000 „	40.000 „
„ 13, для примѣрн. судостр.....	200.000 „	40.000 „
„ 14, канцеляр. издержки	10.000 „	2.000 „
Всего	1.000.000 „	— „

Здѣсь полагается что быстрое учрежденіе мореходныхъ школъ по всѣмъ побережьямъ, заготовленіе всѣхъ учебныхъ и литературныхъ пособій для мореходцевъ и назначеніе значительныхъ премій судостроителямъ увеличили бы въ такихъ размѣрахъ потребность въ русскихъ (взрослыхъ) новобранцахъ морякахъ, что ежегодныя преміи для нихъ составили бы не менѣе 35—40 тысячъ рублей.

Хотя эти суммы уже болѣе значительны, однако онѣ едва ли кѣмъ-либо будутъ признаны за слишкомъ большія. Что значить при столь важномъ промыслѣ одинъ миллионъ, или полмилліона рублей, когда можно предвидѣть что съ помощію этихъ издержекъ черезъ короткое время послѣдуетъ сбереженіе многихъ миллионовъ рублей ежегодно для Русскаго народа, вслѣдствіе пониженія фрахтовъ при конкуренціи собственнаго русскаго флота! Сколько миллионовъ рублей мы употребили на наши желѣзныя дороги и сколько миллионовъ мы еще употребимъ для нихъ въ ближайшемъ будущемъ! Но для полного успѣха нашихъ желѣзныхъ дорогъ развитіе торговаго флота необходимо. Неужели мы при громадно увеличивающейся нашей внѣшней торговлѣ покорно и малодушно подчинимся чужестраннымъ извозчикамъ на морѣ, то-есть мореходцамъ, пользующимся нашимъ безвыходнымъ положеніемъ для возвышенія нашихъ фрахтовъ до немыслимыхъ въ западныхъ моряхъ Европы предѣловъ? Въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ нерѣдко платится отъ 40 до 50 копѣекъ и даже болѣе за пудъ вывозимаго хлѣба до Англіи, между тѣмъ какъ обыкновенно не дороже того обходится отправленіе англійскихъ товаровъ до Индіи и даже до Китая, а иногда и дешевле. Правда, въ нашихъ балтійскихъ портахъ значительная конкуренція иностранныхъ флотовъ между собою понижаетъ перевозные фрахты, но все-таки мы здѣсь ежегодно уже теперь платимъ гораздо болѣе десятка миллионовъ рублей за одни фрахты и (какъ весьма основательно замѣчаетъ г. Скалковскій въ № 290 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* 1870 года) мы расходуетъ болѣе четырехъ миллионовъ рублей ежегодно одними страховыми деньгами во всѣхъ нашихъ портахъ. Гамбургскіе и англійскіе судострахователи требуютъ относительно гораздо большія суммы за суда плавающія по морямъ у нашихъ побережій, нежели за рейсы въ столь же опасныхъ водахъ Англіи или Германіи. Каждый мореходецъ предпочитаетъ свой край и пола-

гаетъ его меньше опаснымъ чѣмъ чужое побережье; отечественное море всякому кажется гостепріимнымъ, а чужое полувраждебнымъ; слѣдовательно намъ приходится платить большія страховыя суммы заграничнымъ страховымъ обществамъ и судамъ, нежели пришлось бы платить *своимъ* собственнымъ, еслибы такія существовали въ достаточномъ числѣ. *

IV.

Надежда на выгодный заработокъ главная дѣйствующая сила въ дѣлѣ увеличенія торговыхъ флотовъ. Люди своимъ промысломъ связанные съ мореплаваніемъ, какъ судостроители, такъ и въ особенности шкипера, штурманы, матросы, всѣ разчитываютъ на относительно хорошее жалованье и достигаютъ его коль скоро процвѣтаетъ морской промыселъ. При процвѣтаніи его селенія мореходцевъ бываютъ самыя зажиточныя и развитыя; въ сравненіи съ ними рыбацкія деревушки представляютъ жалкую картину нищеты и невѣжества. Мудрено ли что въ такомъ случаѣ каждый рыбакъ, имѣющій достаточныя силы желаетъ попасть въ мореплаватели, жизнь которыхъ отнюдь не опаснѣе и суровѣе жизни напимѣръ нашихъ ладожскихъ, онежскихъ, бѣло-и черноморскихъ и пр. рыбаковъ.

Можно ли не желать такого положенія дѣлъ и можно ли, въ виду его, считать значительною издержкой затрату одного милліона, если она обусловливаетъ успѣхъ болѣе, нежели всевозможныя другія мѣры? Теперь у насъ есть 12.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, лѣтъ черезъ 20 у насъ будетъ пожалуй 30 — 50.000 верстъ таковыхъ путей (въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ уже теперь считается болѣе 50.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ; въ Англіи болѣе 20.000 верстъ). А сколько тогда будетъ вывозныхъ продуктовъ. Между тѣмъ торговаго флота у насъ

* Наши рижскія, петербургскія и пр. суда должны платить въ годъ 10 — 12 процентовъ стоимости судна страховымъ гамбургскимъ и англійскимъ обществамъ, между тѣмъ какъ на германскомъ прибрежьи судовладѣльцы уже давно отвыкли платить болѣе 3—6 процентовъ въ свои взаимныя страховательныя общества. Учрежденіе подобныхъ обществъ для нашихъ каботажныхъ судовщиковъ Балтійскаго, Бѣлаго и Азовскаго морей предусмѣтрѣно въ настоящемъ проектѣ.

не будетъ, или, если онъ и будетъ, то лишь въ самыхъ жалкихъ, неудовлетворительныхъ размѣрахъ, если мы не позаботимся заблаговременно сдѣлать что-нибудь серьезное *въ общемъ интересъ этого промысла*. Къ сожалѣнію у насъ до сихъ поръ государственное значеніе мореходства едвали было когда-либо поставлено достаточно высоко. Напротивъ того, до сихъ поръ только отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ давались неумѣренные казенныя субсидіи, льготы и преимущества. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, основанному на изученіи морскаго вопроса въ разныхъ государствахъ, въ Германіи, въ Норвегіи и пр., даже не требуется неотлагательно особенно важныхъ государственныхъ жертвъ для поддержки этого промысла. Такъ какъ самый промыселъ несомнѣнно выгоденъ для занимающихся онымъ, то по, глубочайшему нашему убѣжденію, болѣе всего нужно лишь устраненіе препятствій мѣшающихъ его развитію. И здѣсь на первомъ планѣ устраненіе невѣжества у небольшого числа (50—100.000 человекъ) нашихъ рыбаковъ, ихъ невѣдѣнія чужихъ нарѣчій, морской географіи, чужихъ законовъ, мѣръ, вѣсовъ, обычаевъ и товаровъ.

Есть, правда, люди которые полагаютъ что наши неудачи въ морскомъ дѣлѣ имѣютъ совершенно другой источникъ. Они говорятъ что наши трактаты съ другими державами основаны на принципахъ свободной конкуренціи и потому губятъ насъ. Мы не можемъ, по ихъ словамъ, выдержать таковой конкуренціи, намъ прежде всего нужно защищать интересы своего имѣющаго возникнуть торговаго флота искусственными оградительными средствами. Но если мы станемъ связывать нашъ морской вопросъ съ исключительными таможенными облегченіями для нашихъ судовъ, то намъ придется почти незамѣтно тратить ежегодно многіе милліоны принадлежащихъ казнѣ доходовъ, и все-таки мы добьемся весьма умѣренныхъ успѣховъ, если не сдѣлаемъ прежде всего самаго главнаго, то-есть не подготовимъ почву для широкаго развитія мореходнаго дѣла какъ дѣла національнаго. Наши бѣдные рыбаки не могли бы участвовать въ этомъ промыслѣ даже при самыхъ крупныхъ льготахъ, пока имъ не развязаны руки, крѣпко связанные до сихъ поръ невѣжествомъ, паспортными, податными и рекрутскими системами. Устранимъ эти путы, и цѣль будетъ достигнута въ этомъ дѣлѣ, безъ затраты десятковъ милліоновъ въ пользу не плавающихъ по морю и не подвергающихся опасностямъ

на морѣ купцовъ, могущихъ только косвенно и очень немно-го содѣйствовать этому промыслу. Кто сказалъ людямъ утверждающимъ такъ смѣло, безъ всякихъ доказательствъ, что мы не можемъ выдержать конкуренціи съ иностранцами, кто сказалъ имъ что это въ самомъ дѣлѣ такъ? Неужели наше историческое прошлое доставляетъ эти доказательства? Но прежде Русскій народъ владѣлъ лишь однимъ бѣломорскимъ побережьемъ и пользовался имъ не дурно для мореплаванія. Затѣмъ послѣдовали времена крѣпостнаго права, связавшія руки всѣхъ и каждаго, между тѣмъ какъ свободные Англичане, Голландцы, Скандинавцы и германскіе горожане развивали свое мореходство, развивали въ началѣ медленно, пока не пользовались еще силами массы народа, а дѣйствовали лишь въ узкихъ рамкахъ крупныхъ привилегированныхъ компаній и исключительныхъ льготъ. Правда для морскаго дѣла нужно обладать разными свѣдѣніями. Но спрашивается, менѣе ли способенъ русскій крестьянинъ къ пріобрѣтенію этихъ весьма страниченныхъ свѣдѣній, нежели всѣ прочіе народы занимающіеся теперь мореходствомъ? Менѣе ли онъ предприимчивъ, когда не задумавшись отправляется то въ Ташкентъ, то въ Лейпцигъ, то въ Персію? Вотъ что долженъ доказать тотъ кто говоритъ о неспособности Русскаго народа къ морскому дѣлу.

Но положимъ что всѣ эти не разъ уже нами приведенные доводы были невѣрны и недостаточны. Положимъ что намъ необходимо нужны крупныя субвенціи и льготы, при помощи которыхъ въ теченіи прежнихъ столѣтій, несмотря на чрезвычайную стоимость такихъ субвенцій, достигался весьма посредственный успѣхъ, тогда какъ теперь Норвегія, Греція, Америка и проч. и проч., достигаютъ безъ этой помощи въ десятеро бѣльшаго успѣха. Спрашивается: были ли бы даже въ этомъ случаѣ вышеупомянутыя, не дорого обходящіяся мѣры, для подготовленія прибрежнаго населенія безполезны или излишни? Едва-ли кто отвѣтитъ: да. Нѣтъ сомнѣнія что подготовленіе и образованіе прибрежнаго населенія должно и можетъ облегчить мореходство также и для купцовъ и большихъ обществъ; неоспоримо что эта мѣра не можетъ не облегчить задачи всѣмъ и каждому, желающему какимъ-нибудь образомъ взяться за русское мореходство. Сколько бы предубѣжденій ни существовало у насъ относительно пользы грамотности крестьянъ, все-таки почти каждый пойметъ что моряку, долженствующему отправляться въ чужія моря, гра-

мощность еще болѣе нужна, чѣмъ остающемуся дома земледѣльцу.

Вотъ какіе полновѣсные доводы представляются намъ при обсужденіи нашего предмета, важность котораго для Россіи несомнѣнна. Въ виду такой важности очень можетъ быть что читатель упрекнетъ насъ не въ требованіи слишкомъ большихъ суммъ, а въ желаніи достигнуть цѣли съ суммами слишкомъ ограниченными, для столь обширнаго поля дѣйствія, простирающагося на много тысячъ верстъ. У одного Балтійскаго моря, отъ прусской границы до Петербурга, со включеніемъ большихъ острововъ, мы имѣемъ до 2000 верстъ превосходнаго морскаго побережья; побережья Ладожскаго и Онежскаго озеръ, равняющихся значительнымъ морскимъ заливамъ, имѣютъ около 1500 верстъ длины; у населенныхъ побережій Чернаго и Азовскаго морей считается 2000 верстъ, Каспійскаго болѣе 1000 верстъ; Бѣлаго 1000 верстъ, итого болѣе 7500 верстъ, не считая нѣсколькихъ тысячъ верстъ столь же важныхъ рѣчныхъ побережій. Намъ пришлось бы имѣть заботу о полумилліонѣ рыбацкаго и крестьянскаго населенія этихъ обширныхъ побережій. Правда въ ближайшемъ будущемъ будетъ заниматься мореходствомъ лишь весьма незначительная часть этого населенія. Но побуждать къ морскому промыслу мы должны всю массу народа. По подробнымъ статистическимъ исчисленіямъ моимъ въ 1860 году, крестьянъ-рыбаковъ обоого пола можно считатьъ: въ Курляндіи 14.117, въ Лифляндіи на материкѣ 15.572, на островахъ Эзелѣ, Моонѣ, и проч. 24.022, въ Эстляндіи всего 34.759, итого 88.470 не городскихъ рыбацкихъ жителей обоого пола упомянутыхъ трехъ губерній, не считая рыбаковъ озера Пейлуса. Подробности этого исчисленія изложены мною въ *Морскомъ Сборникѣ* 1863 года, № 10. Такъ какъ по нашимъ другимъ морскимъ и рѣчнымъ побережьямъ еще не сдѣлано подобнаго тщательнаго исчисленія рыбаковъ, то я, по аналогіи съ упомянутымъ исчисленіемъ, полагаю что число всѣхъ городскихъ и не городскихъ рыбаковъ будетъ:

1. у прибалтійскаго бассейна:	
въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи	120.000 об. п.
у морскаго побережья Петербургской губерніи.	20.000 " "
у Ладожскаго, Онежскаго, Пейлусскаго и Ильменскаго озеръ	60.000 " "
на побережьяхъ рѣкъ Невы, Свири, Волхова	20.000 " "
Итого	220.000 " "

Изъ этого числа часть жителей-рыбаковъ, а именно болѣе 50.000, могли бы быть мореходцами на судахъ дальняго плаванія и на судахъ каботажныхъ, причемъ половина ихъ, т.-е. 25.000 могли бы постоянно быть заняты морскимъ промысломъ. Между тѣмъ изъ нихъ (кромѣ около 500 горожанъ) теперь занимается мореплаваніемъ не болѣе 500 на рижскихъ, либавскихъ и гайнажскихъ судахъ дальняго, а 2000 на судахъ каботажнаго плаванія.

2. На бассейнѣ Азовскаго и Чернаго морей нельзя полагать менѣе 200.000 рыбаковъ, если причислить къ нимъ рыбаковъ и каботажниковъ низовья рѣкъ Дона и Днѣпра. Изъ 50.000 могущихъ здѣсь быть мореходцами, нынѣ третья или по крайней мѣрѣ четвертая часть повременамъ уже дѣйствительно занимается каботажнымъ плаваніемъ, такъ какъ на тамошнихъ болѣе чѣмъ 1000 каботажныхъ судахъ, вмѣщающихъ 40.000 ластовъ, не можетъ быть менѣе 6—8000 человѣкъ экипажа, въ томъ случаѣ еслибъ одни и тѣ же люди постоянно занимались этимъ промысломъ. (Подробности исчисленія изложены въ моей брошюрѣ: *Статистико-критическій обзоръ вопросовъ касающихся торговаго флота Россіи*. Москва 1868 года.)

3. Въ бассейнахъ Каспійскаго моря съ рѣкой Волгой, и затѣмъ Бѣлаго Моря съ Двиной, можно положить около 100.000 человѣкъ рыбацкаго и мореходнаго населенія.

Изъ этихъ людей тоже нѣсколько тысячъ уже занимались и занимаются мореходствомъ и рыболовствомъ въ отдаленныхъ отъ ихъ домовъ мѣстахъ. Флотъ Бѣлаго Моря поднимаетъ болѣе 10.000 ластовъ и состоитъ большею частью изъ каботажныхъ судовъ, числомъ 350, на которыхъ на каждые 3—4 ластва считается одинъ человѣкъ экипажа. Значитъ тамъ есть 3—6 тысячъ мушницъ занимающихся мореходствомъ; съ семействами своими они составляютъ не менѣе 25.000 душъ. Число такихъ же людей на Каспійскомъ морѣ должно быть еще не многимъ больше, такъ какъ тамошніе 440 судовъ вмѣщаютъ до 15.000 ластовъ, и суда вѣроятно построены не лучше бѣломорскихъ, слѣдовательно, требуютъ также весьма многочисленнаго экипажа (въ Балтійскомъ морѣ на большихъ новыхъ судахъ лифляндскихъ Латышей требуется по одному человѣку экипажа на 10—15 ластовъ, значитъ въ 3—4 раза меньше, нежели на Бѣломъ Морѣ). Полагая что это число доходитъ до 35.000, мы находимъ число душъ обоого

пола принадлежащихъ къ семействамъ мореходцевъ и болѣе развитыхъ рыболововъ:

у побережья Бѣлаго Моря	25.000
„ „ Каспійскаго моря	35.000
„ „ Чернаго и Азовскаго морей болѣе	50.000
въ Балтійскомъ морѣ съ кронштадтско-петер- бургскими судоходцами и каботажниками на Ла- дожскомъ и Онежскомъ озерахъ	до 40.000
Итого	150.000 ч. об. п.

Причисляя сюда всѣхъ не занимающихся каботажнымъ плаваніемъ рыбаковъ, промышляющихъ постоянно или только отчасти рыболовствомъ на моряхъ, на большихъ озерахъ и при устьяхъ большихъ рѣкъ—общее число нашихъ море-промышленниковъ увеличится вѣроятно до 5—600.000 или даже до милліона людей обоого пола. На изслѣдованныхъ мною въ статистическомъ и экономическомъ отношеніи въ 1860 году побережьяхъ трехъ прибалтійскихъ губерній, я нашелъ между 90.000 море-промышленниками только 1500 судоходцевъ; все остальное число состояло: по меньшей части,—положимъ до 10.000,—изъ рыболововъ, а по большей части изъ земледѣльцевъ занимающихся рыболовствомъ только повременамъ и у самаго ближайшаго морскаго побережья. При такомъ значительномъ числѣ людей, въ самомъ дѣлѣ 500.000 рублей или 1.000.000 рублей не могутъ не казаться ничтожною суммой, если взять въ разчетъ различныя естественныя условія нашихъ побережій, различіе племенъ и нарѣчій, различіе въ степеняхъ образованія и промышленнаго и нравственнаго развитія жителей. Итакъ, я рѣшаюсь приложить здѣсь еще послѣднюю комбинацію, разчитанную на пять милліоновъ рублей единовременнаго расхода на наше морское дѣло.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущихъ, никогда не было бы нужно расходовать весь капиталъ на которомъ основывается исчисленіе; достаточно бы было въ первый годъ израсходовать около 70.000 руб. (а можетъ-быть и менѣе) во второй годъ 150.000 руб., въ 3й годъ 200.000 руб., и потомъ каждый годъ по 250.000 до 300.000 руб. Съ такимъ расходованіемъ можно бы было покрыть всѣ существенныя издержки по морскому дѣлу, между прочимъ всѣ постоянныя издержки для навигаціонныхъ школъ. Кромѣ того можно было бы на значительное число лѣтъ опредѣлить кромѣ медалей, какъ въ прежде исчисленныхъ случаяхъ, и денежныя награды строителямъ не только парус-

ныхъ но и паровыхъ судовъ, а также, гдѣ требуютъ этого мѣстныя обстоятельства, достаточныя преміи для поддержки мореходцевъ. Наконецъ, могли бы быть покрыты въ болѣе значительномъ размѣрѣ особенныя издержки на постройку судовъ тамъ гдѣ они до сихъ поръ не строились, но съ особенною экономическою пользою могли бы быть строимы. Плодъ разумной траты мы увидѣли бы скоро. Всѣ побережья оживились бы такъ же какъ оживлены иностранныя западно-европейскія побережья и какъ стали оживляться побережья Курляндіи въ XVII вѣкѣ, когда при герцогѣ Іаковѣ (1642—82) на этотъ предметъ было обращено должное вниманіе правительства, и курляндскіе торговые и военные флоты получили извѣстность на всѣхъ моряхъ. Курляндія имѣла даже свои цвѣтущія колоніи въ Западной Индіи и на западномъ берегу Африки, равно какъ важныя торговыя конторы въ Норвегіи и Англіи; Англія получала свои военныя суда отчасти съ курляндскихъ верфей, близъ рѣчки Пацкаль около Виндавы. Достиженіе блистательныхъ успѣховъ и выборъ для сего вѣрнѣйшаго пути теперь несравненно легче чѣмъ это было въ XVII вѣкѣ, такъ какъ теперь мы имѣемъ возможность обсуждать весьма различныя мѣры и успѣхи въ морскомъ дѣлѣ разныхъ государствъ.

При пяти-милліонномъ бюджетѣ для покрытія всѣхъ мелкихъ научныхъ и другихъ издержекъ обозначенныхъ въ пунктахъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9 и 14 вышеприведенной таблицы понадобилось бы не болѣе 4% всего капитала. Изъ остальныхъ 96% могли бы быть употребляемы 10—20 процентовъ для удовлетворительной организаціи спасательныхъ станцій, 20% на преміи строителямъ парусныхъ судовъ, 20% для навигаціонныхъ школъ, 10% на преміи строителямъ пароходовъ, 10—20% на преміи мореходцамъ, а остальныя суммы на поддержку построекъ различныхъ судовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ они до сихъ поръ не строились, но по общимъ соображеніямъ могутъ современемъ съ пользою быть строимы. А еслибы послѣдняя или какая-либо другая статья оказались требующею менѣе издержекъ, чѣмъ выше предположено, то слѣдовало бы употребить сбереженныя суммы на усиленіе средствъ образованія этихъ приморскихъ краевъ. Что касается до устройства верфей и заведеній для пароходовъ, устройства кораблестроительныхъ училищъ * и содержанія

* Такія училища нигдѣ не оправдали свое существованіе, такъ

товаго сообщенія между разными краями и портами міра посредствомъ пароходовъ, то мы далеко не согласны съ тѣми которые поставляютъ издержки на эти предметы на первый планъ. Столь дальновидныхъ плановъ какъ заокеанскія сообщенія мы пока не считаемъ особенно полезными, потому что они еще не по силамъ Россіи, не могущей до сихъ поръ въ Петербургъ и Кронштадтъ, то-есть въ центрѣ цивилизаціи государства, имѣть торговый флотъ вмѣщающій хотя 1.000 ластовъ. Между тѣмъ подготавливая какъ слѣдуетъ массы народа обитающія побережья Финскаго залива, Ладожскаго и Онежскаго озеръ и пр., мы легко и въ весьма непродолжительное время, въ теченіе какихъ-нибудь 5—10 лѣтъ, достигнемъ успѣха который нынѣ можетъ показаться невѣроятнымъ для не изучившихъ это дѣло подробно.

Что касается устройства заведеній и верфей для пароходовъ, то ихъ слѣдуетъ предоставить частной инициативѣ, ибо правительство едва ли можетъ съ достаточною точностію опредѣлить доходность такихъ предпріятій. Пока, на примѣръ, наше желѣзнодорожное дѣло и каменноугольная промышленность не будутъ достаточно развиты, до тѣхъ поръ устройство подобныхъ заведеній у южныхъ нашихъ бережій будетъ убыточно для предпринимателей и бесполезно для страны; но какъ скоро съ устройствомъ еще нѣсколькихъ необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ и особенно пути до Урала и улучшеніемъ каменноугольнаго дѣла при Донцѣ, естественныя условія наши существенно измѣнятся, то подобныя предпріятія скоро могутъ стать довольно выгодными безъ казенной поддержки для предпринимателей и весьма полезными для государства. Тутъ казнѣ не нужно нести съ своей стороны большихъ издержекъ. Предлагать такія крупныя издержки какія могли бы измѣнить для предпринимателей естественныя

блестательно, какъ навигаціонныя школы, и потому для торговаго флота во многихъ государствахъ, гдѣ есть много навигаціонныхъ школъ, вовсе нѣтъ кораблестроительныхъ училищъ. Образцы всѣхъ возможныхъ судовъ можно видѣть въ каждомъ любомъ портовомъ городѣ, а немногихъ лицъ желающихъ подробно изучить судостроительство на частныхъ верфяхъ за границей можно поддерживать маленькими суммами; наконецъ первыя начала судостроенія должны быть преподаваемы въ каждой навигаціонной школѣ. Такимъ образомъ судостроительныя школы оказываются излишними, но стоящими много.

условія мѣстностей,—далеко отъ нашихъ мыслей. Всѣ издержки о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь предлагаются нами на основаніи того глубокаго убѣжденія что мореходство не есть искусственный промыселъ для Россіи, но что оно напротивъ можетъ въ очень короткое время вкорениться у насъ, имѣющихъ столь много отпусковыхъ и привозныхъ товаровъ для доставленія этому промыслу выгодныхъ занятій. Всѣ преміи и иныя подобныя издержки должны, если онѣ даются, покрывать лишь неустрашимые *первыя* лишніе расходы предпріятій и должны быть разчитаны на привлеченіе къ морскому промыслу возможно бѣльшаго числа независимыхъ другъ отъ друга дѣятелей.

Х. ВОЛЬДЕМАРЪ.

(До слѣд. №)

БѢСЫ *

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поединокъ.

I.

На другой день, въ два часа пополудни, предположенная дуэль состоялась. Быстрому исходу дѣла способствовало неукротимое желаніе Артемія Павловича Гаганова драться во что бы ни стало. Онъ не понималъ поведенія своего противника и былъ въ бѣшенствѣ. Цѣлый уже мѣсяцъ онъ оскорблялъ его безнаказанно и все еще не могъ вывести изъ терпѣнія. Вызовъ ему былъ необходимъ со стороны самого Николая Всеволодовича, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ прямого предлога къ вызову. Въ тайныхъ же побужденіяхъ своихъ, то-есть просто въ болѣзненной ненависти къ Ставрогину за фамильное оскорбленіе четыре года назадъ онъ почему-то совѣстился сознаться. Да и самъ считалъ такой предлогъ невозможнымъ, особенно въ виду смиренныхъ извиненій

* См. *Русскій Вѣстникъ*. №№ 1й, 2й, 4й и 7.

уже два раза предложенныхъ Николаемъ Всеволодовичемъ. Онъ положилъ про себя что тотъ безстыдный трусъ; понять не могъ какъ тотъ могъ снести пощечину отъ Шатова; такимъ образомъ и рѣшился наконецъ послать то необычайное по грубости своей письмо которое побудило наконецъ самого Николая Всеволодовича предложить встрѣчу. Отправивъ накануне это письмо и въ лихорадочномъ нетерпѣннѣи ожидая вызова, болѣзненно разчитывая шансы къ тому, то надѣясь, то отчаяваясь, онъ на всякій случай еще съ вечера припасъ себѣ секунданта, а именно Маврикія Николаевича Дроздова, своего пріятеля, школьнаго товарища и особенно уважаемаго имъ чело-вѣка. Такимъ образомъ Кириловъ, явившійся на другой день по утру въ девять часовъ съ своимъ порученіемъ, нашелъ уже почву совсѣмъ готовую. Всѣ извиненія и неслыханныя уступки Николая Всеволодовича были тотчасъ же съ перваго слова и съ необыкновеннымъ азартомъ отвергнуты. Маврикій Николаевичъ, накануне лишь узнавшій о ходѣ дѣла, при такихъ неслыханныхъ предложеніяхъ открылъ было ротъ отъ удивленія и хотѣлъ тутъ же настаивать на примиреніи, но замѣтивъ что Артемій Павловичъ, предугадавшій его намѣренія, почти затресся на своемъ стулѣ, смолчалъ и не произнесъ ничего. Еслибы не слово данное товарищу, онъ ушелъ бы немедленно; остался же въ единственной надеждѣ помочь хоть чѣмъ-нибудь при самомъ исходѣ дѣла. Кириловъ передалъ вызовъ; всѣ условія встрѣчи обозначенныя Ставрогинымъ были приняты тотчасъ же буквально, безъ малѣйшаго возраженія. Сдѣлана была только одна прибавка, впрочемъ очень жестокая, именно: если съ первыхъ выстрѣловъ не произойдетъ ничего рѣшительнаго, то сходитьсѣ въ другой разъ; если не кончится ничѣмъ и въ другой, сходитьсѣ въ третій. Кириловъ нахмурился, поторговался насчетъ третьяго раза, но не выторговавъ ничего, согласился, съ тѣмъ однакожь что „три раза можно, а четыре никакъ нельзя.“ Въ этомъ уступили. Такимъ образомъ въ два часа полудни и состоялась встрѣча въ Брыковѣ, то-есть въ подгорной маленькой рощицѣ между Скворешниками съ одной стороны и фабрикой Шлигулиныхъ съ другой. Вчерашній дождь пересталъ совсѣмъ, но было мокро, сыро и вѣтрено. Низкія мутныя разорванныя облака быстро неслись по холодному небу; деревья густо и перекатно шумѣли вершинами и скрипѣли на корняхъ своихъ; очень было грустное утро.

Гагановъ съ Маврикіемъ Николаевичемъ прибыли на мѣсто въ щегольскомъ шарабанѣ парой, которымъ правилъ Артемій Павловичъ; при нихъ находился слуга. Почти въ ту же минуту явились и Николай Всеволодовичъ съ Кириловымъ, но не въ экипажѣ, а верхами и тоже въ сопровожденіи верхового слуги. Кириловъ, никогда не садившійся на коня, держался въ сѣдлѣ смѣло и прямо, прихватывая правою рукою тяжелый ящикъ съ пистолетами, который не хотѣлъ доверитъ слугѣ, а лѣвою, по неумѣнью, непрерывно крутя и дергая поводья, отчего лошадь мотала головой и обнаруживала желаніе стать на дыбы, что впрочемъ нисколько не пугало всадника. Мнительный, быстро и глубоко оскорблявшійся Гагановъ почелъ прибытіе верховыхъ за новое себѣ оскорбленіе, въ томъ смыслѣ что враги слишкомъ стало-быть надѣялись на успѣхъ коли не предполагали даже нужды въ экипажѣ на случай отвоза раненаго. Онъ вышелъ изъ своего шарабана весь желтый отъ злости и почувствовалъ что у него дрожать руки, о чемъ и сообщилъ Маврикію Николаевичу. На поклонъ Николая Всеволодовича не отвѣтилъ совсѣмъ и отвернулся. Секунданты бросили жребій: вышло пистолетамъ Кирилова. Барьеръ отмѣрили, противниковъ разставили, экипажи и лошадей съ лакеями отослали шаговъ на триста назадъ. Оружіе было заряжено и вручено противникамъ.

Жаль что надо было вести разказъ быстрѣе и некогда описывать; но нельзя и совсѣмъ безъ отмѣтокъ. Маврикій Николаевичъ былъ грустенъ и озабоченъ. За то Кириловъ былъ совершенно спокоенъ и безразличенъ, очень точенъ въ подробностяхъ принятой на себя обязанности, но безъ малѣйшей суетливости и почти безъ любопытства къ роковому и столь близкому исходу дѣла. Николай Всеволодовичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, одѣтъ довольно легко, въ пальто и бѣлой пуховой шляпѣ. Онъ казался очень усталымъ, изрѣдка хмурился и нисколько не находилъ нужнымъ скрывать свое непріятное расположеніе духа. Но Артемій Павловичъ былъ въ сію минуту всѣхъ замѣчательнѣе, такъ что никакъ нельзя не сказать объ немъ нѣсколькихъ словъ совсѣмъ особенно.

II.

Намъ не случилось до сихъ поръ упомянуть о его наружности. Это былъ человѣкъ большаго роста, бѣлый, сытый, какъ говоритъ простонародье, почти жирный, съ бѣлокурыми жидкими волосами, лѣтъ тридцати трехъ и пожалуй даже съ красивыми чертами лица. Онъ вышелъ въ отставку полковникомъ, и еслибы дослужился до генерала, то въ генеральскомъ чинѣ былъ бы еще внушительнѣе и очень можетъ быть что вышелъ бы хорошимъ боевымъ генераломъ.

Нельзя пропустить, для характеристики лица, что главнымъ поводомъ къ его отставкѣ послужила столь долго и мучительно преслѣдовавшая его мысль о срамѣ фамиліи, послѣ обиды нанесенной отцу его, въ клубѣ, четыре года тому назадъ, Николаемъ Ставрогинымъ. Онъ считалъ по совѣсти безчестнымъ продолжать службу и увѣренъ былъ про себя что мараешь собою полкъ и товарищей, хотя никто изъ нихъ и не зналъ о происшествіи. Правда, онъ и прежде хотѣлъ выйти однажды изъ службы, давно уже, задолго до обиды и совсѣмъ по другому поводу, но до сихъ поръ колебался. Какъ ни странно написать, но этотъ первоначальный поводъ или лучше сказать позывъ къ выходу въ отставку былъ манифестъ 19го февраля объ освобожденіи крестьянъ. Артемій Павловичъ, богатѣйшій помѣщикъ нашей губерніи, даже не такъ много и потерявшій послѣ манифеста, мало того, самъ способный убѣдиться въ гуманности мѣръ и почти понять экономическія выгоды реформы, вдругъ почувствовалъ себя, съ появленія манифеста, какъ-бы лично обиженнымъ. Это было что-то бессознательное, въ родѣ какого-то чувства, но тѣмъ сильнѣе чѣмъ безотчетнѣе. До смерти отца своего онъ впрочемъ не рѣшался предпринять что-нибудь рѣшительное; но въ Петербургѣ сталъ извѣстенъ „благороднымъ“ образомъ своихъ мыслей многимъ замѣчательнымъ лицамъ, съ которыми усердно поддерживалъ связи. Это былъ человѣкъ уходящій въ себя, закрывающійся. Еще черта: онъ принадлежалъ къ тѣмъ страннымъ, но еще уцѣлѣвшимъ на Руси дворянамъ которые чрезвычайно дорожатъ древностью и чистотой своего дворянскаго рода и слишкомъ серіозно этимъ интересуются. вмѣстѣ съ этимъ онъ терпѣть не могъ русской

исторіи, да и вообще весь русскій обычай считалъ отчасти свинствомъ. Еще въ дѣтствѣ его, въ той спеціальной военной школѣ для болѣе знатныхъ и богатыхъ воспитанниковъ въ которой онъ имѣлъ честь начать и кончить свое образованіе, укоренились въ немъ нѣкоторыя поэтическія воззрѣнія: ему понравились замки, средневѣковая жизнь, вся оперная часть ея, рыцарство, онъ чуть не плакалъ уже тогда отъ стыда что русскаго боярина временъ Московскаго царства царь могъ наказывать тѣлесно и краснѣлъ отъ сравненій. Этотъ тугой, чрезвычайно строгій человѣкъ, замѣчательно хорошо знавшій свою службу и исполнявшій свои обязанности, въ душѣ своей былъ мечтателемъ. Утверждали что онъ могъ бы говорить въ собраніяхъ и что имѣетъ даръ слова; но однако онъ всѣ свои тридцать три года промолчалъ про себя. Даже въ той важной петербургской средѣ въ которой онъ вращался въ послѣднее время, держалъ себя необыкновенно надмѣнно. Встрѣча въ Петербургѣ съ воротившимся изъ-за границы Николаемъ Всеволодовичемъ чуть не свела его съ ума. Въ настоящій моментъ, стоя на барьерѣ, онъ находился въ страшномъ безпокойствѣ. Ему все казалось что еще какъ-нибудь не состоится дѣло, малѣйшее промедленіе бросало его въ трепеть. Болѣзненное впечатлѣніе выразилось въ его лицѣ, когда вдругъ Кириловъ, вмѣсто того чтобы подать знакъ для битвы, началъ вдругъ говорить, правда для проформы, о чемъ самъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Я только для проформы; теперь, когда уже пистолеты въ рукахъ и надо командовать, не угодно ли въ послѣдній разъ помириться? Обязанность секунданта.

Какъ нарочно Маврикій Николаевичъ, до сихъ поръ молчавшій, но съ самаго вчерашняго дня страдавшій про себя за свою уступчивость и потворство, вдругъ подхватилъ мысль Кирилова и тоже заговорилъ:

— Я совершенно присоединяюсь къ словамъ господина Кирилова.... эта мысль что нельзя мириться на барьерѣ — есть предразсудокъ, годный для Французовъ.... Да я и не понимаю обиды, воля ваша, я давно хотѣлъ сказать.... потому что вѣдь предлагаются всякія извиненія, не такъ ли?

Онъ весь покраснѣлъ. Рѣдко случалось ему говорить такъ много и съ такимъ волненіемъ.

— Я опять подтверждаю мое предложеніе представить все.

возможныя извиненія, съ чрезвычайною послѣдностію подхватилъ Николай Всеволодовичъ.

— Развѣ это возможно? неистово вскричалъ Гагановъ, обращаясь къ Маврікію Николаевичу и въ изступленіи толнувъ ногой;—объясните вы этому человѣку, если вы секундантъ, а не врагъ мой, Маврікій Николаевичъ (онъ ткнулъ пистолетомъ въ сторону Николая Всеволодовича), — что такія уступки только усиленіе обиды! Онъ не находитъ возможнымъ отъ меня обидѣться!... Онъ позора не находитъ уйти отъ меня съ барьера! За кого же онъ принимаетъ меня послѣ этого, въ вашихъ глазахъ.... а вы еще мой секундантъ! Вы только меня раздражаете, чтобъ я не попалъ, Маврікій Николаевичъ. Онъ топалъ ногами, слюня брызгала съ его губъ.

— Переговоры кончены. Прошу слушать команду! изо всей силы вскричалъ Кириловъ.—Разъ! Два! Три!

Со словомъ *три*, противники направились другъ на друга. Гагановъ тотчасъ же поднялъ пистолетъ и на пятомъ или шестомъ шагѣ выстрѣлилъ. На секунду пріостановился, и увѣрившись что далъ промахъ, быстро подошелъ къ барьеру. Подошелъ и Николай Всеволодовичъ, поднялъ пистолетъ, но какъ-то очень высоко и выстрѣлилъ совсѣмъ почти не цѣлясь. Затѣмъ вынулъ платокъ и замоталъ въ него мизинецъ правой руки. Тутъ только увидѣли что Артемій Павловичъ не совсѣмъ промахнулся, но пуля его только скользнула по пальцу, по суставной мякоти, не тронувъ кости; вышла ничтожная царапина. Кириловъ тотчасъ же заявилъ что дуэль, если противники не удовлетворены, продолжается.

— Я заявляю, прохрипѣлъ Гагановъ (у него пересохло горло), опять обращаясь къ Маврікію Николаевичу, — что этотъ человѣкъ (онъ ткнулъ опять въ сторону Ставрогина), выстрѣлилъ нарочно на воздухъ.... умышленно.... Это опять обида! Онъ хочетъ сдѣлать дуэль невозможною!

— Я имѣю право стрѣлять какъ хочу, лишь бы происходило по правиламъ,—твердо заявилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ не имѣетъ! Растолкуйте ему, растолкуйте! кричалъ Гагановъ.

— Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію Николая Всеволодовича, возгласилъ Кириловъ.

— Для чего онъ щадитъ меня? бѣсновался Гагановъ не слушая.—Я презираю его пощаду.... Я плюю.... Я...

— Даю слово что я вовсе не хотѣлъ васъ оскорблять, съ

нетерпѣніемъ проговорилъ Николай Всеволодовичъ, — я выстрѣлилъ вверхъ потому что не хочу болѣе никого убивать, васъ ли, другаго ли, лично до васъ не касается. Правда, себя я не считаю обиженнымъ, и мнѣ жаль что васъ это сердить. Но не позволю никому вмѣшиваться въ мое право.

— Если онъ такъ боится крови, то спросите, зачѣмъ меня вызывалъ? вопилъ Гагановъ, все обращаясь къ Маврикію Николаевичу.

— Какъ васъ было не вызвать? ввязался Кириловъ, — вы не хотѣли слушать, какъ же отъ васъ отвязаться?

— Замѣчу только одно, произнесъ Маврикій Николаевичъ съ усиліемъ и со страданіемъ обсуждавшій дѣло: — если противникъ заранѣе объявляетъ что стрѣлять будетъ вверхъ, то поединокъ дѣйствительно продолжаться не можетъ.... по причинамъ деликатнымъ и.... яснымъ....

— Я вовсе не объявлялъ что каждый разъ буду вверхъ стрѣлять! вскричалъ Ставрогинъ, уже совсѣмъ теряя терпѣніе. — Вы вовсе не знаете что у меня на умѣ и какъ я опять сейчасъ выстрѣлю.... Я ничѣмъ не стѣсняю дуэли.

— Коли такъ, встрѣча можетъ продолжаться, обратился Маврикій Николаевичъ къ Гаганову.

— Господа, займите ваши мѣста! скомандовалъ Кириловъ.

Опять сошлись, опять промахъ у Гаганова и опять выстрѣлъ вверхъ у Ставрогина. Про эти выстрѣлы вверхъ можно было бы и поспорить: Николай Всеволодовичъ могъ прямо утверждать что онъ стрѣляетъ какъ слѣдуетъ, еслибы самъ не сознался въ умышленномъ промахѣ. Онъ наводилъ пистолетъ не прямо въ небо или въ дерево, а все-таки какъ бы метилъ въ противника, хотя впрочемъ бралъ на аршинъ поверхъ его шляпы. Въ этотъ второй разъ прицѣлъ былъ даже еще ниже, еще правдоподобнѣе; но уже Гаганова нельзя было разувѣрить.

— Опять! проскрежеталъ онъ зубами; — все равно! Я вызванъ и пользуюсь правомъ. Я хочу стрѣлять въ третій разъ.... во что бы ни стало!

— Имѣете полное право, отрубилъ Кириловъ. Маврикій Николаевичъ не сказалъ ничего. Разставили въ третій разъ, скомандовали; въ этотъ разъ Гагановъ дошелъ до самаго барьера, и съ барьера, съ двѣнадцати шаговъ, сталъ прицѣливаться. Руки его слишкомъ дрожали для правильнаго выстрѣ-

ла. Ставрогинъ стоялъ съ пистолетомъ опущеннымъ внизъ и неподвижно ожидалъ его выстрѣла.

— Слишкомъ долго, слишкомъ долго прицѣлъ! стремительно прокричалъ Кириловъ;—стрѣляйте! стрѣляй-те! Но выстрѣлъ раздался, и на этотъ разъ бѣлая луховая шляпа слетѣла съ Николая Всеволодовича. Выстрѣлъ былъ довольно мѣтокъ, тулья шляпы была пробита очень низко; четверть вершка ниже, и все бы было кончено. Кириловъ подхватилъ и подалъ шляпу Николаю Всеволодовичу.

— Стрѣляйте, не держите противника! прокричалъ въ чрезвычайномъ волненіи Маврикій Николаевичъ, видя что Ставрогинъ какъ бы забылъ о выстрѣлѣ, рассматривая съ Кириловымъ шляпу. Ставрогинъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на Гаганова, отвернулся и уже безо всякой на этотъ разъ деликатности выстрѣлилъ въ сторону, въ рошу. Дуэль кончилась. Гагановъ стоялъ какъ придавленный. Маврикій Николаевичъ подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить, но тотъ какъ будто не понималъ. Кириловъ уходя снялъ шляпу и кивнулъ Маврикію Николаевичу головой; но Ставрогинъ забылъ прежнюю вѣжливость; сдѣлавъ выстрѣлъ въ рошу, онъ даже и не повернулся къ барьеру, сунулъ свой пистолетъ Кирилову и поспѣшно направился къ лошадямъ. Лицо его выражало злобу, онъ молчалъ. Молчалъ и Кириловъ. Сѣли на лошадей и поскакали въ галопъ.

III.

— Что вы молчите? нетерпѣливо окликнулъ онъ Кирилова уже неподалеку отъ дома.

— Что вамъ надо? отвѣтилъ тотъ, чуть не сѣرزнувъ съ лошади, вскочившей на дыбы.

Ставрогинъ сдержалъ себя.

— Я не хотѣлъ обидѣть этого.... дурака, а обидѣлъ опять, проговорилъ онъ тихо.

— Да, вы обидѣли опять, отрубилъ Кириловъ; — и притомъ онъ не дуракъ.

— Я сдѣлалъ однако все что могъ.

— Нѣтъ.

— Что же надо было сдѣлать?

— Не вызывать.

— Еще снести битье по лицу?

— Да, снести и битье.

— Я начинаю ничего не понимать! злобно проговорилъ Ставрогинъ, — почему всѣ ждутъ отъ меня чего-то, чего отъ другихъ не ждутъ? Къ чему мнѣ переносить то чего никто не переноситъ и напрашиваться на бремена которыхъ никто не можетъ снести?

— Я думалъ вы сами ищете бремени.

— Я ищу бремени?

— Да.

— Вы.... это видѣли?

— Да.

— Это такъ замѣтно?

— Да.

Помолчали съ минуту. Ставрогинъ имѣлъ очень озабоченный видъ, былъ почти пораженъ.

— Я потому не стрѣлялъ что не хотѣлъ убивать, и больше ничего не было, увѣряю васъ, сказалъ онъ торопливо и тревожно, какъ бы оправдываясь.

— Не надо было обижать.

— Какъ же надо было сдѣлать?

— Надо было убить.

— Вамъ жаль что я его не убилъ?

— Мнѣ ничего не жаль. Я думалъ вы хотѣли убить въ самомъ дѣлѣ. Не знаете чего ищете.

— Ищу бремени, засмѣялся Ставрогинъ.

— Не хотѣли сами крови, зачѣмъ ему давали убивать?

— Еслибъ я не вызвалъ его, онъ бы убилъ меня такъ, безъ дуэли.

— Не ваше дѣло. Можетъ и не убилъ бы.

— А только прибилъ?

— Не ваше дѣло. Несите бремя. А то нѣтъ заслуги.

— Налевать на вашу заслугу, я ни у кого не ищу ея!

— Я думалъ ищете, ужасно хладнокровно заключилъ Кириловъ. Въѣхали во дворъ дома.

— Хотите ко мнѣ? предложилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, я дома, прощайте. Онъ всталъ съ лошади и взялъ свой ящикъ подъ мышку.

— По крайней мѣрѣ вы-то на меня не сердитесь? протянулъ ему руку Ставрогинъ.

— Нисколько! воротился Кириловъ чтобы пожать руку; —

если мнѣ легко бремя потому что отъ природы, то можетъ-быть вамъ труднѣе бремя, потому что такая природа. Очень нечего стыдиться, а только немного.

— Я знаю что я слабый характеръ, но я не лѣзу и въ сильные.

— И не лѣзьте; вы не сильный характеръ. Приходите пить чай.

Николай Всеволодовичъ вошелъ къ себѣ сильно смущенный и озабоченный.

IV.

Онъ тотчасъ же узналъ отъ Алексѣя Егоровича что Варвара Петровна, весьма довольная выѣздомъ Николая Всеволодовича—первымъ выѣздомъ послѣ восьми дней болѣзни—верхомъ на прогулку, велѣла заложить карету и отправалась одна „по примѣру прежнихъ дней,“ подышать чистымъ воздухомъ, ибо восемь дней какъ уже забыла что означаетъ дышать чистымъ воздухомъ“.

— Одна поѣхала или съ Дарьей Павловной? быстрымъ вопросомъ перебилъ старика Николай Всеволодовичъ и крѣпко нахмурился, услышавъ что Дарья Павловна „отказалась по нездоровью солутствовать и находятся теперь въ своихъ комнатахъ“.

— Слушай, старикъ, проговорилъ онъ какъ бы вдругъ рѣшаясь, — стереги ее сегодня весь день и если замѣтишь что она идетъ ко мнѣ, тотчасъ же останови и передай ей что нѣсколько дней, по крайней мѣрѣ, я ее принять не могу... что я такъ ее самъ прошу... а когда придетъ время, самъ позову, слышишь?

— Передамъ-съ, проговорилъ Алексѣй Егоровичъ съ тоской въ голосъ, опустивъ глаза внизъ.

— Не раньше однакоже какъ если ясно увидишь что она ко мнѣ идетъ сама?

— Не извольте беспокоиться, ошибки не будетъ. Черезъ меня до сихъ поръ и происходили посѣщенія; всегда къ содѣйствию моему обращались.

— Знаю. Однакоже не раньше какъ если сама поидетъ. Принеси мнѣ чаю, если можешь скорѣе.

Только-что старикъ вышелъ, какъ почти въ ту же минуту

отворилась та же дверь и на порогѣ показалась Дарья Павловна. Взглядъ ея былъ спокоенъ, но лицо блѣдное.

— Откуда вы? воскликнулъ Ставрогинъ.

— Я стояла тутъ же и ждала когда онъ выйдетъ, чтобы къ вамъ войти. Я слышала о чемъ вы ему наказывали, а когда онъ сейчасъ вышелъ, я спряталась направо за выступъ, и онъ меня не замѣтилъ.

— Я давно хотѣлъ прервать съ вами, Даша.... пока.... это время. Я васъ не могъ принять нынче ночью, несмотря на вашу записку. Я хотѣлъ вамъ самъ написать, но я писать не умѣю, прибавилъ онъ съ досадой, даже какъ будто съ гадливостью.

— Я сама думала что надо прервать. Варвара Петровна слишкомъ подозрѣваетъ о нашихъ сношеніяхъ.

— Ну и пусть ее.

— Не надо чтобъ она безпокоилась. И такъ теперь до конца?

— Вы все еще непременно ждете конца?

— Да, я увѣрена.

— На свѣтѣ ничего не кончается.

— Тутъ будетъ конецъ. Тогда кликните меня, я приду. Теперь прощайте.

— А какой будетъ конецъ? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Вы не ранены и.... не пролили крови? спросила Дарья Павловна, не отвѣчая на вопросъ о концѣ.

— Было глупо; я не убилъ никого, не безпокойтесь. Впрочемъ вы обо всемъ услышите сегодня же ото всѣхъ. Я нездоровъ немного.

— Я уйду. Объявленія о бракѣ сегодня не будетъ? прибавила она съ нерѣшимостью.

— Сегодня не будетъ; завтра не будетъ; послѣ завтра, не знаю, можетъ-быть всѣ попрежнему и тѣмъ лучше. Оставьте меня, оставьте меня наконецъ.

— Вы не погубите другую.... безумную?

— Безумныхъ не погублю, ни той, ни другой, но разумную кажется погублю: я такъ подлъ, такъ слабъ и гадокъ, Даша, что кажется васъ въ самомъ дѣлѣ кликну „въ послѣдній конецъ“, какъ вы говорите, а вы несмотря на вашъ разумъ придете. Зачѣмъ вы сами себя губите?

— Я знаю что въ концѣ концовъ съ вами останусь одна я и.... жду того.

— А если я въ концѣ концовъ васъ не кликну и убѣгу отъ васъ?

— Этого быть не можетъ, вы кликнете.

— Тутъ много ко мнѣ презрѣнія.

— Вы знаете что не одного презрѣнія.

— Стало-быть презрѣнье все-таки есть?

— Я не такъ выразилась. Богъ свидѣтель, я чрезвычайно желала бы чтобы вы никогда во мнѣ не нуждались.

— Одна фраза стоитъ другой. Я тоже желалъ бы васъ не губить.

— Никогда, ничѣмъ вы меня не можете погубить, и сами это знаете лучше всѣхъ, быстро и съ твердостью проговорила Дарья Павловна.—Если не къ вамъ, то я пойду въ сестры милосердія, въ сидѣлки, ходить за больными, или въ книгоноши, Евангеліе продавать. Я такъ рѣшила. Я не могу быть ничьею женой; я не могу жить и въ такихъ домахъ какъ этотъ. Я не того хочу.... Вы все знаете.

— Нѣтъ, я никогда не могъ узнать чего вы хотите; мнѣ кажется что вы интересуетесь мною какъ инья устарѣлыя сидѣлки интересуются почему-либо однимъ какимъ-нибудь больнымъ сравнительно предъ прочими, или еще лучше какъ инья богомольныя старушонки, шатающіяся по похоронамъ, предпочитаютъ иные трулики поприглядѣть предъ другими. Чтò вы на меня такъ странно смотрите?

— Вы очень больны? съ участіемъ спросила она, какъ-то особенно въ него вглядываясь.

— Я опять его видѣлъ, проговорилъ Ставрогинъ почти шепотомъ, отвертываясь въ сторону.

— Боже мой!

— Сначала здѣсь въ углу, вотъ тутъ у самого шкафа, а потомъ онъ сидѣлъ все рядомъ со мной, всю ночь, до и послѣ моего выхода изъ дому... Не входи, Алексѣй Егоровичъ! крикнулъ онъ старику, показавшемуся въ дверяхъ съ подносомъ въ рукѣ.

— Этого уже три мѣсяца съ вами не было!

— Да, три мѣсяца; больше. (Безпокойство и тревога все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали имъ.) Чтò вы такъ засматриваете мнѣ въ лицо? Теперь начнется рядъ его посѣщеній. Вчера онъ былъ глулъ и дерзокъ. Это тупой семинаристъ,

самодовольство шестидесятихъ годовъ, лакейство мысли, лакейство среды, души, развитія, съ полнымъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости своей красоты.... ничего не могло быть гаже. Я злился что мой собственный бѣсъ могъ явиться въ такой дрянной маскѣ. Никогда еще онъ такъ не приходилъ. Я впрочемъ все молчалъ, нарочно; я не только молчалъ, я былъ неподвиженъ. Онъ за это ужасно злился, и я очень радъ что онъ злится. Я теперь даже радъ.

Даша въ совершенномъ испугѣ схватила его за руку.

— Николай Всеволодовичъ, опомнитесь! вскричала она.

— Что вы? какъ бы удивился онъ ея волненію,—вѣдь вы знаете что у меня такая болѣзнь. Я вамъ одной только и открылъ про нее на свѣтѣ, и никто этого не знаетъ. Пойдите, неужели я вамъ не открывалъ? смотрѣлъ онъ на нее въ недоумѣніи, какъ бы что-то припоминая. Если такъ, то я дѣйствительно брежу или... съ ума сошелъ, прибавилъ онъ въ невыразимой тоскѣ, ожидая отвѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пугайтесь, вы мнѣ открыли, одной мнѣ, въ Швейцаріи. Я не того испугалась сейчасъ, а того какъ вы о немъ говорили. Вы такъ говорите какъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть. Боже сохрани васъ отъ этого! вскричала она въ отчаяніи.

— О, нѣтъ, я въ него не вѣрю, успокойтесь, улыбнулся онъ.—Пока еще не вѣрю. Я знаю что это я самъ въ разныхъ видахъ, двоюсь и говорю самъ съ собой. Но все-таки онъ очень злится; ему ужасно хочется быть самостоятельнымъ бѣсомъ и чтобъ я въ него увѣровалъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ смѣялся вчера и увѣрялъ что атеизмъ тому не мѣшаетъ.

— Въ ту минуту какъ вы увѣруете въ него, вы погибли! Боже! И этотъ человѣкъ хочетъ обойтись безъ меня! съ болью въ сердцѣ вскричала Даша.—Слушайте, когда мы будемъ свободны, я сяду подлѣ васъ и онъ никогда не придетъ.

— Знаете его вчерашнюю тему? Онъ всю ночь утверждалъ что я фокусничаю, ищу бремени и неудобноносимыхъ трудовъ, а самъ въ нихъ не вѣрую. Но меня что поразило? Представьте, сейчасъ вдругъ Кириловъ, въ одно слово съ семинаристомъ, говоритъ то же самое....

Онъ вдругъ захохоталъ, и это было ужасно нелѣпо. Дарья Павловаа вздрогнула и отшатнулась отъ него.

— Бѣсовъ было ужасно много вчера! вскричалъ онъ хохоча,—ужасно много! Изъ всѣхъ болотъ налѣзли. Одинъ предла-

галъ мнѣ вчера на мосту зарѣзать Лебядкина и Марью Тимоѣевну, чтобы порѣшить съ моимъ законнымъ бракомъ, и концы чтобы въ воду. Задатку просилъ три цѣлковыхъ, но далъ ясно знать что вся операція стоитъ будетъ не меньше какъ полторы тысячи. Вотъ это такъ разчетливый бѣсъ! Бухгалтеръ! Ха, ха, ха!

— Но вы твердо увѣрены что это было привидѣніе?

— О, нѣтъ, совсѣмъ ужъ не привидѣніе! Это просто былъ Оедька-Каторжный, разбойникъ бѣжавшій изъ каторги. Но дѣло не въ томъ; какъ вы думаете, чтò я сдѣлалъ? Я отдалъ ему всѣ мои деньги изъ портмоне, и онъ теперь совершенно увѣренъ что я ему выдалъ задатокъ!...

— Вы встрѣтили его ночью, и онъ сдѣлалъ вамъ такое предложеніе? Да неужто вы не видите что вы кругомъ ослетены ихъ свѣтью!

— Ну пусть ихъ. А знаете, у васъ вертится одинъ вопросъ, я по глазамъ вашимъ вижу, прибавилъ онъ съ злобною и раздражительною улыбкой.

Даша испугалась.

— Вопросы вовсе нѣтъ и сомнѣній вовсе нѣтъ никакихъ, молчите лучше! вскричала она тревожно, какъ бы отмахиваясь отъ вопроса.

— То-есть вы увѣрены что я не пойду къ Оедькѣ въ лавочку?

— О, Боже! всплеснула она руками,—за чтò вы меня такъ мучаете?

— Ну, простите мнѣ мою глупую шутку, Даша. Должно-быть я перенялъ дурныя манеры у моего семинариста. Знаете, мнѣ со вчерашней ночи ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, непрерывно, долго, много. Я точно заряженъ смѣхомъ.... Чу! Мать пріѣхала; я узнаю по стуку когда карета ея останавливается у крыльца.

Даша схватила его руку и горячо стала ее цѣловать.

— Да сохранить васъ Богъ отъ вашего демона и... позовите, позовите меня скорѣй!

— О, какой это демонъ! Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся. А вѣдь вы, Даша, опять не смѣете говорить чего-то?

Она поглядѣла на него съ болью и укоромъ и повернулась къ дверямъ.

— Слушайте! вскричалъ онъ ей вслѣдъ, и злобная, искривленная улыбка опять показалась на губахъ его. — Если.... ну тамъ, однимъ словомъ, *если*.... понимаете, ну еслибы даже и въ лавочку, и потомъ я бы васъ кликнулъ, — пришли бы вы послѣ-то лавочки?

Она вышла не оборачиваясь и не отвѣчая, закрывъ руками лицо.

— Придетъ и послѣ лавочки! прошепталъ онъ подумавъ, и брезгливое презрѣніе выразилось въ лицѣ его: — Сидѣлка! Гм!... А впрочемъ мнѣ можетъ того-то и надо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всѣ въ ожиданіи.

I.

Впечатлѣніе произведенное во всемъ нашемъ обществѣ быстро огласившеюся исторіей поединка было особенно замѣчательно тѣмъ единодушіемъ съ которымъ всѣ послѣшили заявить себя безусловно за Николая Всеволодовича. Многие изъ бывшихъ враговъ его рѣшительно объявили себя его друзьями. Главною причиной такого неожиданнаго переворота въ общественномъ мнѣніи было нѣсколько словъ необыкновенно мѣтко высказанныхъ вслухъ одною особою, доселѣ не высказывавшеюся, и разомъ придавшихъ событію значеніе, чрезвычайно заинтересовавшее наше крупное большинство. Случилось это такъ: какъ разъ на другой же день послѣ событія, у супруги предводителя дворянства нашей губерніи, въ тотъ день именинницы, собрался весь городъ. Присутствовала или вѣрнѣе первенствовала и Юлія Михайловна, прибывшая съ Лизаветой Николаевной, сіявшею красотою и особенною веселостью, что многимъ изъ нашихъ дамъ, на этотъ разъ, тотчасъ же показалось особенно подозрительнымъ. Кстати сказать: въ помолвкѣ ея съ Маврикіемъ Николаевичемъ не могло уже быть никакого сомнѣнія. На шутливый вопросъ одного отставнаго, но важнаго генерала, о которомъ рѣчь ниже, Лизавета Николаевна сама прямо въ тотъ вечеръ отвѣтила что она невѣста. И что же? Ни одна рѣшительно изъ нашихъ дамъ этой помолвкѣ до сихъ поръ не хотѣла вѣрить. Всѣ упорно продолжали предполагать какой-то романъ, какую-то роковую семейную тайну, совершившуюся въ Швейцаріи,

и почему-то съ непремѣннымъ участіемъ Юліи Михайловны. Трудно сказать почему такъ упорно держались всѣ эти слухи, или такъ-сказать даже мечты, и почему именно такъ непремѣнно прилетали тутъ Юлію Михайловну. Только-что она вошла, всѣ обратились къ ней со странными взглядами, преисполненными ожиданій. Надо замѣтить что по недавности событія и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сопровождавшимъ его, на вечерѣ о немъ говорили еще съ нѣкоторою осторожностію, даже не вслухъ. Къ тому же ничего еще не знали о распоряженіяхъ власти. Оба дуэлиста, сколько извѣстно, обезпocoены не были. Всѣ знали, напримѣръ, что Артемій Павловичъ рано утромъ отправился къ себѣ въ Духово, безъ всякой помѣхи. Между тѣмъ всѣ, разумѣется, жаждали чтобы кто-нибудь заговорилъ вслухъ первый и тѣмъ отворилъ бы дверь общественному нетерпѣнію. Именно надѣялись на вышеупомянутаго генерала и не ошиблись.

Этотъ генералъ, одинъ изъ самыхъ осанистыхъ членовъ нашего клуба, помѣщикъ не очень богатый, но съ безподобнѣйшимъ образомъ мыслей, старомодный волокита за барышнями, чрезвычайно любилъ между прочимъ въ большихъ собраніяхъ заговаривать вслухъ, съ генеральскою вѣскостью, именно о томъ, о чемъ всѣ еще говорили осторожнымъ шелотомъ. Въ этомъ состояла его, какъ бы такъ-сказать, спеціальная роль въ нашемъ обществѣ. При этомъ онъ особенно растягивалъ и сладко выговаривалъ слова, вѣроятно заимствовавъ эту привычку у путешествующихъ за границей Русскихъ, или у тѣхъ прежде богатыхъ русскихъ помѣщиковъ которые наиболѣе разорились послѣ крестьянской реформы. Степанъ Трофимовичъ даже замѣтилъ однажды что чѣмъ болѣе помѣщикъ разорился, тѣмъ слаще онъ подсюсюкиваетъ и растягиваетъ слова. Онъ и самъ впрочемъ сладко растягивалъ и подсюсюкивалъ, но не замѣчалъ этого за собой.

Генералъ заговорилъ какъ человѣкъ компетентный. Кромѣ того что съ Артеміемъ Павловичемъ онъ состоялъ какъ-то въ дальней роднѣ, хотя въ ссорѣ и даже въ тяжбѣ, онъ сверхъ того, когда-то, самъ имѣлъ два поединка и даже за одинъ изъ нихъ сосланъ былъ на Кавказъ въ рядовые. Кто-то упомянулъ о Варварѣ Петровнѣ, начавшей уже второй день выѣзжать „послѣ болѣзни“, и не собственно о ней, а о превосходномъ подборѣ ея каретной сѣрой четверни, собственнаго Ставрогинскаго завода. Генералъ вдругъ замѣтилъ

что онъ встрѣтилъ сегодня „молодаго Ставрогина“ верхомъ.... Всѣ тотчасъ смолкли. Генералъ поцмокалъ губами и вдругъ провозгласилъ, вертя между пальцами золотую, жалованную табатерку:

— Сожалѣю что меня не было тутъ нѣсколько лѣтъ назадъ... то-есть я былъ въ Карлсбадѣ.... Гмъ. Меня очень интересуеъ этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я такъ много засталъ тогда всякихъ слуховъ. Гмъ. А что, правда что онъ помѣшанъ? Тогда кто-то говорилъ. Вдругъ слышу что его оскорбляетъ здѣсь какой-то студентъ, въ присутствіи кузинъ, и онъ полѣзъ отъ него подъ столъ; а вчера слышу отъ Степана Высоцкаго что Ставрогинъ дрался съ этимъ.... Гагановымъ. И единственно съ галантною цѣлью подставить свой лобъ человѣку взбѣсившемуся; чтобы только отъ него отвязаться. Гмъ. Это въ нравахъ гвардіи двадцатыхъ годовъ. Бываетъ онъ здѣсь у кого-нибудь?

Генералъ замолчалъ какъ бы ожидая отвѣта. Дверь общественному нетерпѣнію была отперта.

— Чего же прощѣ? возвысила вдругъ голосъ Юлія Михайловна, раздраженная тѣмъ что всѣ вдругъ точно по командѣ обратили на нее свои взгляды. — Развѣ возможно удивленіе что Ставрогинъ дрался съ Гагановымъ и не отвѣчалъ студенту? Не могъ же онъ вызвать на поединокъ бывшего крѣпостнаго своего человѣка!

Слова знаменательныя! Простая и ясная мысль, но никому однако не приходившая до сихъ поръ въ голову. Слова имѣвшія необыкновенныя послѣдствія. Все скандальное и сплетническое, все мелкое и анекдотическое разомъ отодвинуто было на задній планъ; выдвигалось другое значеніе. Объявлялось лицо новое, въ которомъ всѣ ошиблись, лицо почти съ идеальною строгостью понятій. Оскорбленный на смерть студентомъ, то-есть человѣкомъ образованнымъ и уже не крѣпостнымъ, онъ презираетъ обиду, потому что оскорбитель — бывший крѣпостной его человѣкъ. Въ обществѣ шумъ и сплетни; легкомысленное общество съ презрѣніемъ смотритъ на человѣка битаго по лицу; онъ презираетъ мнѣніемъ общества, не доросшаго до настоящихъ понятій, а между тѣмъ о нихъ толкующаго.

— А между тѣмъ мы съ вами, Иванъ Александровичъ, сидимъ и толкуемъ о правыхъ понятіяхъ-съ, съ благороднымъ

азартомъ самообличенія, замѣчаетъ одинъ клубный старичокъ другому.

— Да-съ, Петръ Михайловичъ, да-съ, съ наслажденіемъ поддакиваетъ другой; — вотъ и говорите про молодежь.

— Тутъ не молодежь, Иванъ Александровичъ, замѣчаетъ подвернувшійся третій, — тутъ не о молодежи вопросъ; тутъ звѣзда-съ; а не какой-нибудь одинъ изъ молодежи; вотъ какъ понимать это надо.

— А намъ того и надобно; оскудѣли въ людяхъ.

Тутъ главное состояло въ томъ что „новый человекъ“, кромѣ того что оказался „несомнѣннымъ дворяниномъ“, былъ вдобавокъ и богатѣйшимъ землевладѣльцемъ губерніи, а стало-быть не могъ не явиться подмогой и дѣятелемъ. Я впрочемъ упоминалъ и прежде вскользь о настроеніи нашихъ землевладѣльцевъ.

Входили даже въ азартъ:

— Онъ мало того что не вызвалъ студента, онъ взялъ руки назадъ, замѣтите это, замѣтите это особенно, ваше превосходительство, выставлялъ одинъ.

— И въ новый судъ его не потащилъ-съ, подбавлялъ другой.

— Несмотря на то что въ новомъ судѣ ему за дворянскую личную обиду пятнадцать рублей присудили бы-съ, хе, хе, хе!

— Нѣтъ, это я вамъ скажу тайну новыхъ судовъ, приходилъ въ изступленіе третій:—если кто своровалъ или смошенничалъ, явно пойманъ и уличенъ — бѣги скорѣй домой, пока время, и убей свою мать. Мигомъ, во всемъ оправдаютъ, и дамы съ эстрады будутъ махать батистовыми платочками: несомнѣнная истина!

— Истина, истина!

Нельзя было и безъ анекдотовъ. Вспомнили о связяхъ Николая Всеволодовича съ графомъ К. Строгія, уединенныя мнѣнія графа К. насчетъ послѣднихъ реформъ были извѣстны. Извѣстна была и его замѣчательная дѣятельность, нѣсколько пріостановленная въ самое послѣднее время. И вотъ вдругъ стало всемъ несомнѣнно что Николай Всеволодовичъ помолвленъ съ одною изъ дочерей графа К., хотя ничто не подавало точнаго повода къ такому слуху. А что касается до какихъ-то чудесныхъ швейцарскихъ приключеній и Лизаветы Николаевны, то даже дамы перестали о нихъ упоминать. Упомянемъ кстати что Дроздовы какъ разъ къ этому времени успѣли сдѣлать все доселѣ упущенныя ими визиты. Лизавету

Николаевну уже несомнѣнно всѣ нашли самую обыкновенною дѣвушкой, „франтящею“ своими больными нервами. Обморокъ ея въ день прїѣзда Николая Всеволодовича объясняли теперь просто испугомъ, при безобразномъ поступкѣ студента. Даже усиливали прозаичность того самого чему прежде такъ стремились придать какой-то фантастическій колоритъ; а объ какой-то хромоножкѣ забыли окончательно; стыдились и помнить. „Да хоть бы и сто хромоножекъ,—кто молодъ не былъ!“ Ставили на видъ почтительность Николая Всеволодовича къ матери, подыскивали ему разныя добродѣтели, съ благодушїемъ говорили объ его учености, прїобрѣтенной въ четыре года по нѣмецкимъ университетамъ. Поступокъ Артемїя Павловича окончательно объявили безтактнымъ: „своя своихъ не познаша“; за Юліей же Михайловной окончательно признали высшую проицательность.

Такимъ образомъ когда наконецъ появился самъ Николай Всеволодовичъ, всѣ встрѣтили его съ самою наивною серїозностью, во всѣхъ глазахъ на него устремленныхъ читались самыя нетерпѣливыя ожиданія. Николай Всеволодовичъ тотчасъ же заключился въ самое строгое молчаніе, чѣмъ, разумѣется, удовлетворилъ всѣхъ гораздо болѣе чѣмъ еслибы наговорилъ съ три короба. Однимъ словомъ, все ему удавалось, онъ былъ въ модѣ. Въ обществѣ губернскомъ если кто разъ появился, то ужъ спрятаться никакъ нельзя. Николай Всеволодовичъ сталъ попрежнему исполнять всѣ губернскіе попорядки до утонченности. Веселымъ его не находили: „человѣкъ претерпѣлъ, человѣкъ не то что другіе; есть о чемъ и задуматься“. Даже гордость и та брезгливая неприступность, за которую такъ ненавидѣли его у насъ четыре года назадъ, теперь уважались и нравились.

Всѣхъ болѣе торжествовала Варвара Петровна. Не могу сказать очень ли тужила она о разрушившихся мечтахъ насчетъ Лизаветы Николаевны. Тутъ помогла, конечно, и фамильная гордость. Странно одно: Варвара Петровна въ высшей степени вдругъ увѣровала что Nicolas дѣйствительно „выбралъ“ у графа К., но, и что страннѣе всего, увѣровала по слухамъ, пришедшимъ къ ней, какъ и ко всѣмъ, по вѣтру; сама же боялась прямо спросить Николая Всеволодовича. Разъ два-три однако не утерпѣла и весело изподтишка попрекнула его что онъ съ нею не такъ откровененъ; Николай Всеволодовичъ улыбался и продолжалъ молчать. Молчаніе прини-

маемо было за знакъ согласія. И что же: при всемъ этомъ она никогда не забывала о хромоножкѣ. Мысль о ней лежала на ея сердцѣ камнемъ, кошмаромъ, мучила ее странными привидѣніями и гаданіями, и все это совмѣстно и одновременно съ мечтами о дочеряхъ графа К. Но объ этомъ еще рѣчь впереди. Разумѣется въ обществѣ къ Варварѣ Петровнѣ стали вновь относиться съ чрезвычайнымъ и предупредительнымъ почтеніемъ, но она мало имъ пользовалась и выѣзжала чрезвычайно рѣдко.

Она сдѣлала, однако, торжественный визитъ губернаторшѣ. Разумѣется никто болѣе ея не былъ лѣнненъ и очарованъ вышеприведенными знаменательными словами Юліи Михайловны на вечерѣ у предводительши: они много сняли тоски съ ея сердца и разомъ разрѣшили многое изъ того что такъ мучило ее съ того несчастнаго воскресенья. „Я не понимала эту женщину!“ изрекла она и прямо, съ свойственною ей стремительностью, объявила Юліѣ Михайловнѣ что пріѣхала ее благодарить. Юлія Михайловна была польщена, но выдержала себя независимо. Она въ ту пору уже очень начала себя чувствовать цѣну, даже можетъ-быть немного и слишкомъ. Она объявила, напримѣръ, среди разговора, что никогда ничего и не слыхивала о дѣятельности и учености Степана Трофимовича.

— Я, конечно, принимаю и ласкаю молодого Верховенскаго. Онъ безразсуденъ, но онъ еще молодъ; впрочемъ съ солидными знаніями. Но все же это не какой-нибудь отставной бывшій критикъ.

Варвара Петровна тотчасъ же послѣшила замѣтить что Степанъ Трофимовичъ вовсе никогда не былъ критикомъ, а напротивъ всю жизнь прожилъ въ ея домѣ. Знаменитъ же обстоятельствами первоначальной своей карьеры „слишкомъ извѣстными всему свѣту“, а въ самое послѣднее время, своими трудами по испанской исторіи; хочетъ тоже писать о положеніи теперешнихъ нѣмецкихъ университетовъ и кажется еще что-то о Дрезденской Мадоннѣ. Однимъ словомъ, Варвара Петровна не захотѣла уступить Юліи Михайловнѣ Степана Трофимовича.

— О Дрезденской Мадоннѣ? Это о Сикстинской? *Chère* Варвара Петровна, я просидѣла два часа предъ этою картиной и ушла разочарованная. Я ничего не поняла и была въ большомъ удивленіи. Кармазиновъ тоже говоритъ что трудно по-

нять. Теперь всѣ ничего не находятъ, и Русскіе и Англичане. Всю эту славу старики прокричали.

— Новая мода значитъ?

— А я такъ думаю что не надо пренебрегать и нашею молодежью. Кричатъ что они коммунисты, а по моему надо щадить ихъ и дорожить ими. Я читаю теперь все—всѣ газеты, коммуны, естественныя науки,—все получаю, потому что надо же, наконецъ, знать гдѣ живешь и съ кѣмъ имѣешь дѣло. Нельзя же всю жизнь прожить на верхахъ своей фантазіи. Я сдѣлала выводъ и приняла за правило ласкать молодежь и тѣмъ самымъ удерживать ее на краю. Повѣрьте, Варвара Петровна, что только мы, общество, благотворнымъ вліяніемъ и именно лаской можемъ удержать ихъ у бездны, въ которую толкаетъ ихъ нетерпимость всѣхъ этихъ старикашекъ. Впрочемъ, я рада что узнала отъ васъ о Степанѣ Трофимовичѣ. Вы подаете мнѣ мысль: онъ можетъ быть полезенъ на нашемъ литературномъ чтеніи. Я, знаете, устраиваю цѣлый день увеселеній, по подпискѣ, въ пользу бѣдныхъ гувернантокъ изъ нашей губерніи. Онѣ разсѣяны по Россіи; ихъ насчитываютъ до шести изъ одного нашего уѣзда; кромѣ того двѣ телеграфистки, двѣ учатся въ академіи, остальные желали бы, но не имѣютъ средствъ. Жребій русской женщины ужасенъ, Варвара Петровна! Изъ этого дѣлаютъ теперь университетскій вопросъ и даже было засѣданіе государственнаго совѣта. Въ нашей странной Россіи можно дѣлать все что угодно. А потому опять-таки лишь одною лаской и непосредственнымъ теплымъ участіемъ всего общества мы могли бы направить это великое общее дѣло въ истинный путь. О, Боже, много ли у насъ свѣтлыхъ личностей! Конечно есть, но онѣ разсѣяны. Сомкнемтесь же и будемъ сильнѣе. Однимъ словомъ, у меня будетъ сначала литературное утро, потомъ легкій завтракъ, потомъ перерывъ, и въ тотъ же день вечеромъ балъ. Мы хотѣли начать вечеръ живыми картинами, но кажется много издержекъ, и потому, для публики, будутъ одна или двѣ кадрили въ маскахъ и въ характерныхъ костюмахъ, изображающихъ извѣстныя литературныя направленія. Эту шутливую мысль предложилъ Кармазиновъ; онъ много мнѣ помогаетъ. Знаете, онъ прочтетъ у насъ свою послѣднюю вещь, еще никому неизвѣстную. Онъ бросаетъ перо и болѣе писать не будетъ; эта послѣдняя статья есть его прощаніе съ публикой. Прелестная вещица подъ названіемъ: „Merci“. Названіе фран-

цужское, но онъ находитъ это шутливѣе и даже тоньше. Я тоже; даже я и присовѣтовала. Я думаю, Степанъ Трофимовичъ могъ бы тоже прочесть, если покороче и.... не такъ чтобъ очень ученое. Кажется Петръ Степановичъ и еще кто-то что-то такое прочтутъ. Петръ Степановичъ къ вамъ забѣжитъ и сообщитъ программу; или лучше позвольте мнѣ самой завезти къ вамъ.

— А вы позвольте и мнѣ подписаться на вашемъ листѣ. Я передамъ Степану Трофимовичу и сама буду просить его.

Варвара Петровна воротилась домой окончательно привоженная; она стояла горой за Юлію Михайловну и почему-то уже совсѣмъ разсердилась на Степана Трофимовича; а тотъ бѣдный и не зналъ ничего сидя дома.

— Я влюблена въ нее, я не понимаю какъ я могла такъ ошибаться въ этой женщинѣ, говорила она Николаю Всеволодовичу и забѣжавшему къ вечеру Петру Степановичу.

— А все-таки вамъ надо помириться и со старикомъ, доложилъ Петръ Степановичъ; — онъ въ отчаяніи. Вы его совсѣмъ сослали на кухню. Вчера онъ встрѣтилъ вашу коляску, поклонился, а вы отвернулись. Знаете, мы его выдвинемъ; у меня на него кой-какіе расчеты, и онъ еще можетъ быть полезенъ.

— О, онъ будетъ читать.

— Я не про одно это. А я и самъ хотѣлъ къ нему сегодня забѣжать. Такъ сообщить ему?

— Если хотите. Не знаю, впрочемъ, какъ вы это устроите, проговорила она въ нерѣшимости. — Я была намѣрена сама объясниться съ нимъ и хотѣла назначить день и мѣсто. Она сильно нахмурилась.

— Ну, ужъ назначать день не стоить. Я просто передамъ.

— Пожалуй, передайте. Впрочемъ прибавьте что я непременно назначу ему день. Непременно прибавьте.

Петръ Степановичъ побѣждалъ ухмыляясь. Вообще, сколько припомню, онъ въ это время былъ какъ-то особенно золъ и даже позволялъ себѣ чрезвычайно нетерпѣливыя выходки чуть не со всѣми. Странно что ему какъ-то всѣ прощали. Вообще установилось мнѣніе что смотрѣть на него надо какъ-то особенно. Замѣчу что онъ съ чрезвычайною злобой отнесся къ поединку Николая Всеволодовича. Его это застало съ располхъ; онъ даже позеленѣлъ когда ему рассказали. Тутъ

можетъ-быть страдало его самолюбіе: онъ узналъ на другой лишь день, когда всѣмъ было извѣстно.

— А вѣдь вы не имѣли права драться, шелнулъ онъ Став-рогину на пятый уже день, случайно встрѣтись съ нимъ въ клубѣ. Замѣчательно что въ эти пять дней они нигдѣ не встрѣчались, хотя къ Варварѣ Петровнѣ Петръ Степановичъ забѣгалъ почти ежедневно.

Николай Всеволодовичъ молча поглядѣлъ на него съ разсѣяннымъ видомъ, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, и прошелъ не останавливаясь. Онъ проходилъ чрезъ большую залу клуба въ буфетъ.

— Вы и къ Шатову заходили.... вы Марью Тимоѣевну хотите опубликовать, бѣжалъ онъ за нимъ и какъ-то въ разсѣянности ухватился за его плечо.

Николай Всеволодовичъ вдругъ страсъ съ себя его руку и быстро къ нему оборотился, грозно нахмурившись. Петръ Степановичъ поглядѣлъ на него улыбаясь странною, длинною улыбкой. Все продолжалось одно мгновеніе. Николай Всеволодовичъ прошелъ далѣе.

II.

Къ старику онъ забѣжалъ тотчасъ же отъ Варвары Петровны, и если такъ послѣшилъ, то единственно изъ злобы, чтобъ отмстить за одну прежнюю обиду, о которой я доселѣ не имѣлъ понятія. Дѣло въ томъ что въ послѣднее ихъ свиданіе, именно на прошлой недѣлѣ въ четвергъ, Степанъ Трофимовичъ, самъ впрочемъ начавшій споръ, кончилъ тѣмъ что выгналъ Петра Степановича палкой. Фактъ этотъ онъ отъ меня тогда утаилъ; но теперь, только-что забѣжалъ Петръ Степановичъ, съ своею всегдашнею улыбкой, столь наивно высокомерною, и съ непріятно любопытнымъ, шныряющимъ по угламъ взглядомъ, какъ тотчасъ же Степанъ Трофимовичъ сдѣлалъ мнѣ тайный знакъ чтобъ я не оставлялъ комнату. Такимъ образомъ и обнаружился предо мною ихъ настоящія отношенія, ибо на этотъ разъ прослушалъ весь разговоръ.

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ протянувшись на кушеткѣ. Съ того четверга онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Петръ Степановичъ съ самымъ фамиллярнымъ видомъ усѣлся подлѣ него, безцеремонно поджавъ подъ себя ноги, и занялъ на кушеткѣ

гораздо болѣе мѣста, чѣмъ сколько требовало уваженіе къ отцу. Степанъ Трофимовичъ молча и съ достоинствомъ посторонился.

На столѣ лежала раскрытая книга. Это былъ романъ *Что дѣлать*. Увы, я долженъ признаться въ одномъ странномъ малодушіи нашего друга: мечта о томъ что ему слѣдуетъ выйти изъ уединенія и задать послѣднюю битву все болѣе и болѣе одерживала верхъ въ его соблазненномъ воображеніи. Я догадался что онъ досталъ и *изучаетъ* романъ единственно съ тою цѣлью чтобы въ случаѣ несомнѣннаго столкновенія съ „визжавшими“ знать заранее ихъ приемы и аргументы по самому ихъ „катехизису“, и такимъ образомъ подготовившись, торжественно ихъ всѣхъ опровергнуть въ *ея глазахъ*. О, какъ мучила его эта книга! Онъ бросалъ иногда ее въ отчаяніи и вскочивъ съ мѣста шагаль по комнатамъ почти въ изступленіи:

— Я согласенъ что основная идея автора вѣрна, говорилъ онъ мнѣ въ лихорадкѣ,—но вѣдь тѣмъ ужаснѣе! Та же наша идея, именно наша; мы, мы первые насадили ее, возростили, приготовили, — да и что бы они могли сказать сами новаго, послѣ насъ! Но Боже, какъ все это выражено, искажено, исковеркано! восклицалъ онъ, стуча пальцами по книгѣ. — Къ такимъ ли выводамъ мы устремлялись? Кто можетъ узнать тутъ первоначальную мысль?

— Просвѣщаешься? ухмыльнулся Петръ Степановичъ, взявъ книгу со стола и прочтя заглавіе.—Давно пора. Я тебѣ и лучше принесу если хочешь.

Степанъ Трофимовичъ снова и съ достоинствомъ промолчалъ. Я сидѣлъ въ углу на диванѣ.

Петръ Степановичъ быстро объяснилъ причину своего прібытія. Разумѣется Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ не въ мѣру и слушалъ въ услугѣ смѣшанномъ съ чрезвычайнымъ негодованіемъ.

— И эта Юлія Михайловна разчитываетъ что я приду къ ней читать!

— То-есть они вѣдь вовсе въ тебѣ не такъ нуждаются. Напротивъ, это чтобы тебя обласкать и тѣмъ подлизаться къ Варварѣ Петровнѣ. Но ужъ само собою ты не посмѣешь отказаться читать. Да и самому-то, я думаю, хочется,—ухмыльнулся онъ; у васъ у всѣхъ, у старичья, адская амбиція. Но послушай однако, надо чтобы не такъ скучно. У тебя тамъ что, испанская исторія что-ли? Ты мнѣ дня за три дай просмотрѣть, а то вѣдь усылишь пожалуй.

Торопливая и слишкомъ обнаженная грубость этихъ колкостей была явно преднамѣренная. Дѣлался видъ что со Степаномъ Трофимовичемъ какъ будто и нельзя говорить другимъ, болѣе тонкимъ языкомъ и понятіями. Степанъ Трофимовичъ твердо продолжалъ не замѣчать оскорбленій. Но сообщаемыя событія производили на него все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе.

— И она сама, сама велѣла передать это мнѣ черезъ.... васъ? спросилъ онъ блѣднѣя.

— То-есть видишь ли, она хочетъ назначить тебѣ день и мѣсто для взаимнаго объясненія; остатки вашего сентиментальничанья. Ты съ нею двадцать лѣтъ кокетничалъ и пріучилъ ее къ самымъ смѣшнымъ пріемамъ. Но не безпокойся, теперь ужь совсѣмъ не то; она сама поминутно говоритъ что теперь только начала „презирать“. Я ей прямо растолковалъ что вся эта ваша дружба—есть одно только взаимное изліяніе помой. Она мнѣ много, братъ, разказала; фу, какую лакейскую должность исполнялъ ты все время. Даже я краснѣлъ за тебя.

— Я исполнялъ лакейскую должность? не выдержалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Хуже, ты былъ приживальщикомъ, то-есть лакеемъ добровольнымъ. Лѣнь трудиться, а на денежки-то у насъ аппетитъ. Все это и она теперь понимаетъ; по крайней мѣрѣ ужасъ что про тебя разказала. Ну, братъ, какъ я хохоталъ надъ твоими письмами къ ней; совѣстно и гадко. Но вѣдь вы такъ развращены, такъ развращены! Въ милостынѣ есть нѣчто навсегда развращающее—ты явный примѣръ!

— Она тебѣ показывала мои письма!

— Всѣ. То-есть конечно гдѣ же ихъ прочитать? Фу, сколько ты исписалъ бумаги, я думаю тамъ болѣе двухъ тысячъ писемъ.... А знаешь, старикъ, я думаю у васъ было одно мгновеніе когда она готова была бы за тебя выйти? Глулѣйшимъ ты образомъ упустилъ! Я конечно говорю съ твоей точки зрѣнія, но все-таки жь лучше чѣмъ теперь, когда чуть не сосватали на „чужихъ грѣхахъ“, какъ шута для потѣхи, за деньги.

— За деньги! Она, она говоритъ что за деньги! болѣзненно возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— А то какъ же? Да что ты, я же тебя и защищалъ. Вѣдь это единственный твой путь оправданія. Она сама поняла что

тебѣ денегъ надо было какъ и всякому и что ты съ этой точки пожалуй и правъ. Я ей доказалъ какъ дважды два что вы жили на взаимныхъ выгодахъ: она капиталисткой, а ты при ней сентиментальнымъ шутомъ. Впрочемъ за деньги она не сердится, хоть ты ее и доилъ какъ козу. Ее только злоба беретъ что она тебѣ двадцать лѣтъ вѣрила, что ты ее такъ облапошилъ на благородствѣ, и заставилъ такъ долго лгать. Въ томъ что сама лгала она никогда не сознается, но за это то тебѣ и достанется вдвое. Не понимаю какъ ты не догадался что тебѣ придется когда-нибудь разчитаться. Вѣдь былъ же у тебя хоть какой-нибудь умъ. Я вчера посовѣтовалъ ей отдать тебя въ богадѣльню, успокойся, въ приличную, обидно не будетъ; она кажется такъ и сдѣлаетъ. Помнишь послѣднее письмо твое ко мнѣ въ Х-скую губернію, три недѣли назадъ?

— Неужели ты ей показалъ? въ ужасѣ вскочилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ну еще же бы нѣтъ! Первымъ дѣломъ. То самое въ которомъ ты увѣдомлялъ что она тебя эксплуатируетъ, завидуя твоему таланту, ну и тамъ объ „чужихъ грѣхахъ.“ Ну, братъ, кстати, какое однако у тебя самолюбіе! Я такъ хохоталъ. Вообще твои письма прескучныя; у тебя ужасный слогъ. Я ихъ часто совсѣмъ не читалъ, а одно такъ и теперь валяется у меня нераспечатаннымъ; я тебѣ завтра пришлю. Но это, это послѣднее твое письмо—это верхъ совершенства! Какъ я хохоталъ, какъ хохоталъ!

— Извергъ, извергъ! возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Фу, чортъ, да съ тобой нельзя разговаривать. Послушай, ты опять обижаешься какъ въ прошлый четвергъ?

Степанъ Трофимовичъ грозно выпрямился:

— Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ языкомъ?

— Какимъ это языкомъ? Простымъ и яснымъ?

— Но скажи же мнѣ наконецъ, извергъ, сынъ ли ты мой или нѣтъ?

— Объ этомъ тебѣ лучше знать. Конечно всякій отецъ склоненъ въ этомъ случаѣ къ ослѣпленію....

— Молчи, молчи! весь затрясся Степанъ Трофимовичъ.

— Видишь ли, ты кричишь и бранишься какъ и въ прошлый четвергъ, ты свою палку хотѣлъ поднять, а вѣдь я документъ-то тогда отыскалъ. Изъ любопытства весь вечеръ въ чемоданѣ прошарилъ. Правда ничего нѣтъ точнаго, можешь

утѣшиться. Это только записка моей матери къ тому Полячку. Но судя по ея характеру....

— Еще слово, и я надаю тебѣ пощечинъ.

— Вотъ люди! обратился вдругъ ко мнѣ Петръ Степановичъ.—Видите, это здѣсь у насъ уже съ прошлаго четверга. Я радъ что нынче по крайней мѣрѣ вы здѣсь и разсудите. Сначала фактъ: онъ упрекаетъ что я говорю такъ о матери, но не онъ ли меня натолкнулъ на то же самое? Въ Петербургѣ, когда я былъ еще гимназистомъ, не онъ ли будилъ меня по два раза въ ночь, обнималъ меня и плакалъ какъ баба, и какъ вы думаете что разказывалъ мнѣ по ночамъ-то? Вотъ тѣ же скромные анекдоты про мою мать! Отъ него я отъ перваго услышалъ.

— О, я тогда это въ высшемъ смыслѣ! О, ты не понималъ меня. Ничего, ничего ты не понималъ.

— Но все-таки у тебя подлѣе чѣмъ у меня, вѣдь подлѣе, признайся. Вѣдь видишь ли, если хочешь, мнѣ все равно. Я съ твоей точки. Съ моей точки зрѣнія, не безпокойся: я мать не виню; ты такъ ты, Полякъ такъ Полякъ, мнѣ все равно. Я не виноватъ что у васъ въ Берлинѣ вышло такъ глупо. Да и могло ли у васъ выйти что-нибудь умнѣй. Ну не смѣшныя ли вы люди послѣ всего! И не все ли тебѣ равно, твой ли я сынъ или нѣтъ? Послушайте, обратился онъ ко мнѣ опять,—онъ рубля на меня не истратилъ всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперь кричитъ что болѣлъ обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломается предо мной какъ актеръ. Да вѣдь я же не Варвара Петровна, помилуй!

Онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Проклинаю тебя отсель моимъ именемъ! протянулъ надъ нимъ руку Степанъ Трофимовичъ весь блѣдный какъ смерть.

— Экъ вѣдь въ какую глупость человѣкъ вѣдетъ! даже удивился Петръ Степановичъ;—ну прощай, старина, никогда не приду къ тебѣ больше. Статью доставь раньше, не забудь, и постарайся если можешь безъ вздоровъ: факты, факты и факты, а главное короче. Прощай.

III.

Впрочемъ тутъ вліяли и посторонніе поводы. У Петра Степановича дѣйствительно были нѣкоторые замыслы на родителя. По моему, онъ разчитывалъ довести старика до отчаянія и тѣмъ натолкнуть его на какой-нибудь явный скандалъ, а затѣмъ компрометтировать въ глазахъ общества въ смѣшномъ видѣ. Это нужно было ему для цѣлей дальнѣйшихъ, постороннихъ, о которыхъ еще рѣчь впереди. Подобныхъ разныхъ разчетовъ и предначертаній въ ту пору накопилось у него чрезвычайное множество, — конечно почти все фантастическихъ. Былъ у него въ виду и другой мученикъ, кромѣ Степана Трофимовича. Вообще мучениковъ было у него не мало, какъ оказалось въ послѣдствіи; но на этого онъ особенно разчитывалъ, и это былъ самъ господинъ фонъ-Лембке.

Андрей Антоновичъ фонъ-Лембке принадлежалъ къ тому фаворизованному (природой) племени котораго въ Россіи числится по календарю за миллионъ и которое можетъ и само не знаетъ что составляетъ въ ней всею своею массой одинъ строго организованный союзъ. Боже меня сохрани сказать заговоръ! Заговоръ сознательный, предумышленный въ большей части случаевъ всегда оказывался пустякомъ и игрушкой. У насъ, на примѣръ, въ Россіи это вещь фантастическая. Но союзъ не предумышленный и не выдуманный, а существующій въ цѣломъ племени самъ по себѣ, безъ словъ и безъ договору, какъ нѣчто нравственно обязательное, и состоящій во взаимной поддержкѣ всѣхъ членовъ этого племени одного другимъ всегда, вездѣ и главное, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, — есть уже нѣчто гораздо существеннѣйшее всякаго заговора, и хотя конечно весьма похвальное, но, на худой конецъ, неодолимое.

Андрей Антоновичъ имѣлъ честь воспитываться въ одномъ изъ тѣхъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній которыя наполняются юношествомъ изъ болѣе одаренныхъ связями или богатствомъ семействъ. Воспитанники этого заведенія почти тотчасъ же по окончаніи курса назначались къ занятію довольно значительныхъ должностей по одному отдѣлу государственной службы. Андрей Антоновичъ имѣлъ одного дядю инженеръ-подполковника, а другаго булочника; но въ высшую

школу протерся и встрѣтилъ въ ней довольно подобныхъ со-племенниковъ. Былъ онъ товарищъ веселый; учился довольно тупо, но его всѣ полюбили. И когда уже въ высшихъ клас-сахъ, многіе изъ юношей, преимущественно Русскихъ, научи-лись толковать о весьма высокихъ современныхъ вопросахъ, и съ такимъ видомъ что вотъ только дождаться выпуска и они порѣшатъ всѣ дѣла,—Андрей Антоновичъ все еще про-должалъ заниматься самыми невинными школьничествами. Онъ всѣхъ смѣшилъ, правда, выходками весьма не хитрыми, развѣ лишь циническими, но поставилъ это себѣ цѣлью. То какъ-нибудь удивительно высморкается когда преподаватель на лекціи обратится къ нему съ вопросомъ,—чѣмъ разсмѣшить и товарищей и преподавателя; то въ дортуарѣ изобразить изъ себя какую-нибудь циническую живую картину, при все-общихъ рукоплесканіяхъ; то сыграетъ, единственно на сво-емъ носу (и довольно искусно), увертюру изъ Фра-Діаволо. Отличался тоже умышленнымъ неряшествомъ, находя это по-чему-то остроумнымъ. Въ самый послѣдній годъ онъ сталъ подписывать русскіе стихи. Свой собственный племенной языкъ зналъ онъ весьма неграмматически, какъ и многіе въ Россіи этого племени. Эта склонность къ стихамъ свела его съ однимъ мрачнымъ и какъ бы забитымъ чѣмъ-то това-рищемъ, сыномъ какого-то бѣднаго генерала, изъ Русскихъ, и который считался въ заведеніи великимъ будущимъ лите-раторомъ. Тотъ отнесся къ нему покровительственно. Но слу-чилось такъ что по выходѣ изъ заведенія, уже года три слу-стя, этотъ мрачный товарищъ, бросившій свое служебное по-прище для русской литературы и вслѣдствіе того уже щего-лявшій въ разорванныхъ сапогахъ и стучавшій зубами отъ холода, въ лѣтнемъ пальто въ глубокую осень, встрѣтилъ вдругъ случайно у Аничкова моста своего бывшего protégé „Лембку“, какъ всѣ впрочемъ называли того въ училищѣ. И что же? Онъ даже не узналъ его съ перваго взгляда и оста-новился въ удивленіи. Предъ нимъ стоялъ безукоризненно одѣтый молодой человѣкъ, съ удивительно отдѣланными ба-кенбардами рыжеватаго отлива, съ пенсне, въ лакированныхъ сапогахъ, въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ, въ широкомъ шармеровскомъ пальто и съ портфелемъ подъ мышкой. Лембке обласкалъ товарища, сказалъ ему адресъ и позвалъ къ себѣ когда-нибудь вечеромъ. Оказалось тоже что онъ уже не „Лембка“, а фонъ-Лембке. Товарищъ къ нему однако от-

правился, можетъ-быть единственно изъ злобы. На лѣстницѣ, довольно некрасивой и совсѣмъ уже не парадной, но устланной краснымъ сукномъ, его встрѣтилъ и опросилъ швейцаръ. Звонко прозвенѣлъ на верхъ колоколъ. Но вмѣсто богатствъ, которыя посѣтитель ожидалъ встрѣтить, онъ нашелъ своего „Лембку“ въ боковой очень маленькой комнаткѣ, имѣвшей темный и ветхій видъ, разгороженной надвое большою темно-зеленою занавѣсью, меблированной хоть и мягкой, но очень ветхою темнозеленою мебелью, съ темнозелеными сторами на узкихъ и высокихъ окнахъ. Фонъ-Лембке помѣщался у какого-то очень дальняго родственника, протектировавшаго его генерала. Онъ встрѣтилъ гостя привѣтливо, былъ серьезенъ и изящно вѣжливъ. Поговорили и о литературѣ, но въ приличныхъ предѣлахъ. Лакей въ бѣломъ галстукѣ принесъ жидковатаго чаю, съ маленькимъ, кругленькимъ сухимъ печеньемъ. Товарищъ изъ злобы попросилъ зельтерской воды. Ему подали, но съ нѣкоторыми задержками, причемъ Лембке какъ бы сконфузился призывая лишній разъ лакея и ему приказывая. Впрочемъ самъ предложилъ не хочетъ ли гость чего закусить и видимо былъ доволенъ когда тотъ отказался и наконецъ ушелъ. Просто-за-просто Лембке начиналъ свою карьеру, а у единоплеменнаго, но важнаго генерала приживалъ.

Онъ въ то время вздыхалъ по пятой дочкѣ генерала, и ему, кажется, отвѣчали взаимностью. Но Амалію все-таки выдали, когда пришло время, за одного стараго заводчика Нѣмца, стараго товарища старому генералу. Андрей Антоновичъ не очень плакалъ, а склеилъ изъ бумаги театръ. Поднимался занавѣсъ, выходили актеры, дѣлали жесты руками; въ ложахъ сидѣла публика, оркестръ по машинкѣ водилъ смычками по скрипкамъ, капельмейстеръ махалъ палочкой, а въ партерѣ кавалеры и офицеры хлопали въ ладоши. Все было сдѣлано изъ бумаги, все выдуманно и сработано самимъ фонъ-Лембке; онъ просидѣлъ надъ театромъ полгода. Генералъ устроилъ нарочно интимный вечерокъ, театръ вынесли на показъ, всѣ пять генеральскихъ дочекъ, съ новобрачною Амаліей, ея заводчикъ и многія барышни и барыни со своими Нѣмцами внимательно разсматривали и хвалили театръ; затѣмъ танцовали. Лембке былъ очень доволенъ и скоро утѣшился.

Прошли годы, и карьера его устроилась. Онъ все служилъ по виднымъ мѣстамъ и все подъ начальствомъ единоплеменниковъ, и дослужился наконецъ до весьма значительнаго,

сравнительно съ его лѣтами, чина. Давно уже онъ желалъ жениться и давно уже осторожно высматривалъ. Втихомолку отъ начальства послалъ было повѣсть въ редакцію одного журнала, но ее не напечатали. За то склеилъ цѣлый поѣздъ желѣзной дороги, и опять вышла преудачная вещь: публика выходила изъ вокзала, съ чемоданами и саками, съ дѣтьми и собачками, и входила въ вагоны. Кондукторы и служителя расхаживали, звенѣлъ колокольчикъ, давался сигналъ, и поѣздъ трогался въ путь. Надъ этою хитрою штукой онъ просидѣлъ цѣлый годъ. Но все-таки надо было жениться. Кругъ знакомствъ его былъ довольно обширенъ, все больше въ нѣмецкомъ мірѣ; но онъ вращался и въ русскихъ сферахъ, разумѣется, по начальству. Наконецъ, когда уже стукнуло ему тридцать восемь лѣтъ, онъ получилъ и наслѣдство. Умеръ его дядя, булочникъ, и оставилъ ему тринадцать тысячъ по завѣщанію. Дѣло стало за мѣстомъ. Господинъ фонъ-Лембке, несмотря на довольно высокій пошибъ своей служебной сферы, былъ человекъ очень скромный. Онъ очень бы удовольствовался какимъ-нибудь самостоятельнымъ казеннымъ мѣстечкомъ, съ зависящимъ отъ его распоряженій пріемомъ казенныхъ дровъ, или чѣмъ-нибудь сладенькимъ въ этомъ родѣ, и такъ бы на всю жизнь. Но тутъ, вмѣсто какой-нибудь ожидаемой Минны или Эрнестины, подвернулась вдругъ Юлія Михайловна. Карьера его разомъ поднялась степеню виднѣе. Скромный и аккуратный фонъ-Лембке почувствовалъ что и онъ можетъ быть самолюбивымъ.

У Юліи Михайловны, по старому счету, было двѣсти душъ, и кромѣ того съ ней являлась большая протекція. Съ другой стороны, фонъ-Лембке былъ красивъ, а ей уже за сорокъ. Замѣчательно что онъ мало-по-малу влюбился въ нее и въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того какъ все болѣе и болѣе ощущалъ себя женихомъ. Въ день свадьбы утромъ послалъ ей стихи. Ей все это очень нравилось, даже стихи: сорокъ лѣтъ не шутка. Въ скорости онъ получилъ извѣстный чинъ и извѣстный орденъ, а затѣмъ назначенъ былъ въ нашу губернію.

Собираясь къ намъ, Юлія Михайловна старательно работала надъ супругомъ. По ея мнѣнію, онъ былъ не безъ способностей, умѣлъ войти и показаться, умѣлъ глубокомысленно выслушать и промолчать, схватилъ нѣсколько весьма приличныхъ осанокъ, даже могъ сказать рѣчь, даже имѣлъ нѣ-

которые обрывки и кончики мыслей, схватилъ лоскъ новѣйшаго административнаго либерализма. Но все-таки ее безпокоило что онъ какъ-то ужъ очень мало воспріимчивъ, и послѣ долгаго, вѣчнаго исканія карьеры, рѣшительно начиналъ ощущать потребность покоя. Ей хотѣлось перелить въ него свое честолюбіе, а онъ вдругъ началъ клеить кирку: пасторъ выходилъ говорить проповѣдь, молящіеся слушали набожно сложивъ предъ собою руки, одна дама утирала платочкомъ слезы, одинъ старичокъ сморкался; подъ конецъ звенѣлъ органистъ, который нарочно былъ заказанъ и уже выписанъ изъ Швейцаріи, несмотря на издержки. Юлія Михайловна даже съ какимъ-то испугомъ отобрала всю работу, только лишь узнала о ней, и заперла къ себѣ въ ящикъ; взявъ того позволила ему писать романъ, но потихоньку. Съ тѣхъ поръ прямо стала разчитывать только на одну себя. Бѣда въ томъ что тутъ было порядочное легкомысліе и мало мѣрки. Судьба слишкомъ уже долго продержала ее въ старыхъ дѣвахъ. Идея за идеей замелькали теперь въ ея человѣколюбивомъ и нѣсколько раздраженномъ умѣ. Она питала замыслы, она рѣшительно хотѣла управлять губерніей, мечтала быть сейчасъ же окруженною, выбрала направленіе. Фонъ-Лембке даже нѣсколько испугался, хотя скоро догадался, съ своимъ чиновничьимъ тактомъ, что собственно губернаторства пугаться ему вовсе нечего. Первые два, три мѣсяца протекали даже весьма удовлетворительно. Но тутъ подвернулся Петръ Степановичъ и стало происходить нѣчто странное.

Дѣло въ томъ что молодой Верховенскій съ перваго шагу обнаружилъ рѣшительную непочтительность къ Андрею Антоновичу и взялъ надъ нимъ какія-то странныя права, а Юлія Михайловна, всегда столь ревнивая къ значенію своего супруга, вовсе не хотѣла этого замѣчать; по крайней мѣрѣ не придавала важности. Молодой человѣкъ сталъ ея фаворитомъ, ѣлъ, пилъ и почти спалъ въ домѣ. Фонъ-Лембке сталъ защищаться, называлъ его при людяхъ „молодымъ человѣкомъ“, покровительственно трепалъ по плечу, но этимъ ничего не внушилъ: Петръ Степановичъ все какъ будто смѣялся ему въ глаза, даже разговаривая повидимому серьезно, а при людяхъ говорилъ ему самыя неожиданныя вещи. Однажды возвратясь домой, онъ нашелъ молодаго человѣка у себя въ кабинетѣ, спящимъ на диванѣ безъ приглашенія. Тотъ объяснилъ что зашелъ, но не заставъ дома, „кстати выпался“.

Фонъ-Лембке былъ обиженъ и снова пожаловался супругѣ: осмѣявъ его раздражительность, та колко замѣтила что онъ самъ видно не умѣетъ стать на настоящую ногу; по крайней мѣрѣ съ ней „этотъ мальчикъ“ никогда не позволяетъ себѣ фамиллярностей, а впрочемъ „око наувенъ и свѣжъ, хотя и внѣ рамокъ общества“. Фонъ-Лембке надулся. Въ тотъ разъ она ихъ помирила. Петръ Стелановичъ не то чтобы попросилъ извиненія, а отдѣлался какою-то грубою шуткой, которую въ другой разъ можно было бы принять за новое оскорбленіе, но въ настоящемъ случаѣ приняли за раскаяніе. Слабое мѣсто состояло въ томъ что Андрей Антоновичъ далъ маху съ самаго начала, а именно сообщилъ ему свой романъ. Вообразивъ въ немъ пылкаго молодого человѣка съ поэзіей и давно уже мечтавъ о слушателѣ, онъ еще въ первые дни знакомства прочелъ ему однажды вечеромъ двѣ главы. Тотъ выслушалъ не скрывая скуки, невѣжливо зѣвалъ, ни разу не похвалилъ, но уходя выпросилъ себѣ рукопись, чтобы дома на досугѣ составить мнѣніе, а Андрей Антоновичъ отдалъ. Съ тѣхъ поръ онъ рукописи не возвращалъ, хотя и забѣгалъ ежедневно, а на вопросъ отвѣчалъ только смѣхомъ; подъ конецъ объявилъ что потерялъ ее тогда же на улицѣ. Узнавъ о томъ, Юлія Михайловна разсердилась на своего супруга ужасно.

— Ужъ не сообщилъ ли ты ему и о киркѣ? всполохнулась она чуть не въ испугѣ.

Фонъ-Лембке рѣшительно началъ задумываться, а задумываться ему было вредно и запрещено докторами. Кромѣ того что оказывалось много хлопотъ по губерніи, о чемъ скажемъ ниже,—тутъ была особая матерія, даже страдало сердце, а не то что одно начальническое самолюбіе. Вступая въ бракъ, Андрей Антоновичъ ни за что бы не предположилъ возможности семейныхъ раздоровъ и столкновеній въ будущемъ. Такъ всю жизнь воображалъ онъ, мечтавъ о Миннѣ и Эрнестинѣ. Онъ почувствовалъ что не въ состояніи переносить семейныхъ громовъ. Юлія Михайловна объяснилась съ нимъ наконецъ откровенно.

— Сердиться ты на это не можешь, сказала она, — уже потому что ты втрое его разсудительнѣе и неизмѣримо выше на общественной лѣстницѣ. Въ этомъ мальчикѣ еще много остатковъ прежнихъ вольнодумныхъ замашекъ, а по моему, просто шалость; но вдругъ нельзя, а надо постепенно. Надо

дорожить нашею молодежью; я дѣйствую лаской и удерживаю ихъ на краю.

— Но онъ чортъ знаетъ что говорить, возражалъ фонъ-Лембке. — Я не могу относиться толерантно когда онъ при людяхъ и въ моемъ присутствіи утверждаетъ что правительство нарочно олаиваетъ народъ водкой, чтобъ его абрютировать и тѣмъ удержать отъ возстанія. Представь мою роль когда я принужденъ при всѣхъ это слушать.

Говоря это, фонъ-Лембке припомнилъ недавній разговоръ свой съ Петромъ Степановичемъ. Съ невинною цѣлю обезоружить его либерализмомъ, онъ показалъ ему свою собственную интимную коллекцію всевозможныхъ прокламацій, русскихъ и изъ-за границы, которую онъ тщательно собиралъ съ пятьдесятъ девятаго года, не то что какъ любитель, а просто изъ полезнаго любопытства. Петръ Степановичъ, угадавъ его цѣль, грубо выразился что въ одной строчкѣ иныхъ прокламацій болѣе смысла чѣмъ въ цѣлой какой-нибудь канцеляріи, „не исключая, пожалуй, и вашей“.

Лембку покорило.

— Но это у насъ рано, слишкомъ рано, произнесъ онъ почти просительно, указывая на прокламаціи.

— Нѣтъ, не рано; вотъ вы же боитесь, стало-быть не рано.

— Но однакоже тутъ, напримѣръ, приглашеніе къ разрушенію церквей.

— Отчего же и нѣтъ? Вѣдь вы же умный человѣкъ и конечно сами не вѣруете, а слишкомъ хорошо понимаете что вѣра вамъ нужна чтобы народъ абрютировать. Правда честнѣе лжи.

— Согласенъ, согласенъ, я съ вами совершенно согласенъ, но это у насъ рано, рано.... морщился фонъ-Лембке.

— Такъ какой же вы послѣ этого чиновникъ правительства, если сами согласны ломать церкви и идти съ дрекольемъ на Петербургъ, а всю разницу ставите только въ срокъ?

Такъ грубо пойманный Лембке былъ сильно ликированъ.

— Это не то, не то, увлекался онъ все болѣе и болѣе раздражаясь въ своемъ самолюбіи;—вы какъ молодой человѣкъ, и главное, незнакомый съ нашими цѣлями, заблуждаетесь. Видите, милѣйшій Петръ Степановичъ, вы называете насъ чиновниками отъ правительства? Такъ. Самостоятельными чиновниками? Такъ. Но позвольте, какъ мы дѣйствуемъ? На насъ отвѣтственность, а въ результатъ мы такъ же служимъ

общему дѣлу какъ и вы. Мы только сдерживаемъ то что вы расшатываете и то что безъ насъ расползлось бы въ разныя стороны. Мы вамъ не враги, отнюдь нѣтъ, мы вамъ говоримъ: идите впередъ, прогрессируйте, даже расшатывайте, то-есть все старое, подлежащее передѣлкѣ; но мы васъ когда надо и сдержимъ въ необходимыхъ предѣлахъ и тѣмъ васъ же спасемъ отъ самихъ себя, потому что безъ насъ вы бы только расколыхали Россію, лишивъ ее приличнаго вида, а наша задача въ томъ только и состоитъ чтобы заботиться о приличномъ видѣ. Проникнитесь что мы и вы взаимно другъ другу необходимы. Въ Англіи виги и торіи тоже взаимно другъ другу необходимы. Что же: мы торіи, а вы виги, я именно такъ понимаю.

Андрей Антоновичъ вошелъ даже въ лагерь. Онъ любилъ поговорить умно и либерально еще съ самаго Петербурга, а тутъ, главное, никто не подслушивалъ. Петръ Стелановичъ молчалъ и держалъ себя какъ-то не по обычному серьезно. Это еще болѣе подзадорило оратора.

— Знаете ли что я, „хозяинъ губерніи“, продолжалъ онъ расхаживая по кабинету;—знаете ли что я по множеству обязанностей не могу исполнить ни одной, а съ другой стороны могу такъ же вѣрно сказать что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Вся тайна въ томъ что тутъ все зависитъ отъ взглядовъ правительства. Пусть правительство основываетъ тамъ хоть республику, ну тамъ изъ политики или для усмиренія страстей, а съ другой стороны, параллельно, пусть усилить губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотимъ республику; да что республику: все что хотите поглотимъ; я по крайней мѣрѣ чувствую что я готовъ.... Однимъ словомъ, пусть правительство провозгласитъ мнѣ по телеграфу *activité dévorante*, и я даю *activité dévorante*. Я здѣсь прямо въ глаза сказалъ: „Милостивые государи, для уравниженія и процвѣтанія всѣхъ губернскихъ учрежденій необходимо одно: усиленіе губернаторской власти“. Видите, надо чтобы всѣ эти учрежденія—земскія ли, судебныя ли—жили такъ-сказать двойственною жизнью, то-есть надобно чтобы они были (я согласенъ что это необходимо), ну а съ другой стороны, надо чтобы ихъ и не было. Все судя по взгляду правительства. Выйдетъ такой стихъ что вдругъ учрежденія окажутся необходимыми, и они тотчасъ же у меня явятся налицо. Пройдетъ необходимость, и ихъ никто у меня не отыщетъ. Вотъ какъ я пони-

маю *activité dévorante*, а ея не будетъ безъ усиленія губернаторской власти. Мы съ вами глазъ на глазъ говоримъ. Я, знаете, уже заявилъ въ Петербургъ о необходимости особаго часоваго у дверей губернаторскаго дома. Жду отвѣта.

— Вамъ надо двухъ, проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Для чего же двухъ? остановился предъ нимъ фонъ-Лембке.

— Пожалуй одного-то мало чтобы васъ уважали. Вамъ надо непременно двухъ.

Андрей Антоновичъ скривилъ лицо.

— Вы.... вы Богъ знаетъ что позволяете себѣ, Петръ Степановичъ. Пользуясь моей добротой вы говорите колкости и разыгрываете какого-то *bourru bienfaisant*....

— Ну это какъ хотите, пробормоталъ Петръ Степановичъ, — а все-таки вы намъ прокладываете дорогу и готовите нашъ успѣхъ.

— То-есть кому же намъ и какой успѣхъ? въ удивленіи уставился на него фонъ-Лембке, но отвѣта не получилъ.

Юлія Михайловна, выслушавъ отчетъ о разговорѣ, была очень недовольна.

— Но не могу же я, защищая фонъ-Лембке, — третировать начальнически твоего фаворита, да еще когда остается глазъ на глазъ.... Я могъ проговориться.... отъ добраго сердца.

— Отъ слишкомъ ужъ добраго. Я не знала что у тебя коллекція прокламацій, сдѣлай одолженіе покажи.

— Но.... но онъ ихъ выпросилъ къ себѣ на одинъ день.

— И вы опять дали! разсердилась Юлія Михайловна; — что за безтактность!

— Я сейчасъ пошлю къ нему взять.

— Онъ не отдастъ.

— Я потребую! вскипѣлъ фонъ-Лембке и вскочилъ даже съ мѣста. — Кто онъ чтобы такъ его опасаться, и кто я чтобы не смѣть ничего сдѣлать?

— Садитесь и успокойтесь, остановила Юлія Михайловна, — я отвѣчу на вашъ первый вопросъ: онъ отлично мнѣ рекомендованъ, онъ со способностями и говоритъ иногда чрезвычайно умныя вещи. Кармазиновъ увѣрялъ меня что онъ имѣетъ связи почти вездѣ и чрезвычайное вліяніе на столичную молодежь. А если я черезъ него привлеку ихъ всѣхъ и сгруппирую около себя, то я отвлеку ихъ отъ гибели, указавъ новую дорогу ихъ честолюбію. Онъ преданъ мнѣ всѣмъ сердцемъ и во всемъ меня слушается.

— Но вѣдь пока ихъ ласкать, они могутъ.... чортъ знаетъ что сдѣлать.

— Для насъ же постараются. Увидятъ въ Петербургѣ до чего распустили—къ намъ же опять и воротятся.

— Конечно, это идея.... смутно защищался фонъ-Лембке,— но.... но вотъ я слышу въ —скомъ уѣздѣ появились какія-то прокламаціи.

— Но вѣдь этотъ слухъ былъ еще лѣтомъ, — прокламаціи, фальшивыя ассигнаціи, мало ли что, однако до сихъ поръ не доставили ни одной. Кто вамъ сказалъ?

— Я отъ фонъ-Блюмера слышалъ.

— Ахъ, избавьте меня отъ вашего Блюмера и никогда не смѣйте о немъ упоминать!

Юлія Михайловна вскипѣла и даже съ минуту не могла говорить. Фонъ-Блюмеръ былъ чиновникомъ при губернаторской канцеляріи, котораго она особенно ненавидѣла. Объ этомъ ниже.

— Пожалуста не безпокойся о Верховенскомъ, заключила она разговоръ,—еслибъ онъ участвовалъ въ какихъ-нибудь шалостяхъ, то не сталъ бы такъ говорить какъ онъ съ тобою и со всѣми здѣсь говорить. Фразеры не опасны и даже я такъ скажу, случись что-нибудь, я же первая чрезъ него и узнаю. Онъ фанатически, фанатически преданъ мнѣ.

Замѣчу, предупреждая событія, что еслибы не сомнѣніе и честолюбіе Юліи Михайловны, то пожалуй и не было бы всего того что успѣли натворить у насъ эти дурные людишки. Тутъ она во многомъ отвѣтственна!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Предъ праздникомъ.

I.

День праздника задуманнаго Юліей Михайловной по подпущкѣ въ пользу гувернантокъ нашей губерніи уже нѣсколько разъ назначали впередъ и откладывали. Около нея вертѣлись безсмѣнно Петръ Степановичъ, состоявшій на побѣгушкахъ маленькій чиновникъ Лямшинъ, въ оно время посѣщавшій Степана Трофимовича и вдругъ попавшій въ ми-

лость въ губернаторскомъ домѣ за игру на фортепіано; отчасти Липутинъ, котораго Юлія Михайловна прочла въ редакторы будущей, независимой губернской газеты; нѣсколько дамъ и дѣвицъ и наконецъ даже Кармазиновъ, который хоть и не вертѣлся, но вслухъ и съ довольнымъ видомъ объявилъ что пріятно изумить всѣхъ, когда начнется кадрили литературы. Подписчиковъ и жертвователей объявилось чрезвычайное множество, все избранное городское общество; но допускались и самые неизбранные, если только являлись съ деньгами. Юлія Михайловна замѣтила что иногда даже должно допустить смѣшеніе сословіи, „иначе кто жъ ихъ просвѣтитъ?“ Образовался негласный домашній комитетъ, на которомъ порѣшено было что праздникъ будетъ демократическій. Чрезмѣрная подписка манила на расходы; хотѣли сдѣлать что-то чудесное—вотъ почему и откладывалось. Все еще не рѣшались гдѣ устроить вечерній балъ: въ огромномъ ли домѣ предводительши, который та уступала для этого дня, или у Варвары Петровны въ Скворешникахъ? Въ Скворешники было бы далеконько, но многіе изъ комитета настаивали что тамъ будетъ „вольнѣ“. Самой Варварѣ Петровнѣ слишкомъ хотѣлось бы чтобы назначили у нея. Трудно рѣшить почему эта гордая женщина почти заискивала у Юліи Михайловны. Ей вѣроятно нравилось что та въ свою очередь почти принижается предъ Николаемъ Всеволодовичемъ и любезничаетъ съ нимъ какъ ни съ кѣмъ. Повторю еще разъ: Петръ Степановичъ все время и постоянно, шелотомъ, продолжалъ укоренять въ губернаторскомъ домѣ одну пущенную еще прежде идею, что Николай Всеволодовичъ человѣкъ имѣющій самыя таинственныя связи въ самомъ таинственномъ мірѣ и что навѣрно здѣсь съ какимъ-нибудь порученіемъ.

Странное было тогда настроеніе умовъ. Особенно въ дамскомъ обществѣ обозначилось какое-то легкомысліе и нельзя сказать чтобы мало-по-малу. Какъ бы по вѣтру было пущено нѣсколько чрезвычайно развязныхъ понятій. Наступило что-то развеселое, легкое, не скажу чтобы всегда пріятное. Въ модѣ былъ нѣкоторый беспорядокъ умовъ. Потомъ, когда все кончилось, обвиняли Юлію Михайловну, ея кругъ и вліяніе; но врядъ ли все произошло отъ одной только Юліи Михайловны. Напротивъ, всѣ взапуски хвалили тогда новую губернаторшу за то что умѣетъ соединить общество и что

стало вдругъ веселѣе. Произошло даже нѣсколько скандальныхъ случаевъ, въ которыхъ вовсе ужъ была невиновата Юлія Михайловна; но всѣ тогда только хохотали и тѣшились, а останавливать было некому. Устояла, правда, въ сторонѣ довольно значительная кучка лицъ, съ своимъ особеннымъ взглядомъ на теченіе тогдашнихъ дѣлъ; но и эти еще тогда не ворчали; даже улыбались.

Я помню, образовался тогда какъ-то самъ собою довольно обширный кружокъ, центръ котораго пожалуй и вправду что находился въ губернаторскомъ домѣ. Въ этомъ интимномъ кружкѣ, толпившемся около Юліи Михайловны, конечно между молодежью, позволялось и даже вошло въ правило дѣлать разныя шалости—дѣйствительно иногда довольно развязныя. Въ кружкѣ было нѣсколько даже очень милыхъ дамъ. Молодежь устраивала пикники, вечеринки, иногда развѣзжали по городу цѣлою кавалькадой, въ экипажахъ и верхами. Искали приключеній, даже нарочно подсочиняли и составляли ихъ сами, единственно для веселаго анекдота. Городъ нашъ третировали они какъ какой-нибудь городъ Глуповъ. Ихъ звали насмѣшниками или надсмѣшниками, потому что они мало чѣмъ брезгали. Случилось, напримѣръ, что жена одного мѣстнаго поручика, очень еще молоденькая брюнеточка, хотя и испитая отъ дурнаго содержанія у мужа, на одной вечеринкѣ, по легкомыслію, сѣла играть въ ералашъ по большой, въ надеждѣ выиграть себѣ на мантилью, и вмѣсто выигрыша проиграла пятнадцать рублей. Боясь мужа и не имѣя чѣмъ заплатить, она, припомнивъ прежнюю смѣлость, рѣшилась потихоньку попросить займы, тутъ же на вечеринкѣ, у сына нашего городского головы, пресквернаго мальчишки, истаскававшегося не по лѣтамъ. Тотъ не только ей отказалъ, но еще пошелъ, хохоча вслухъ, сказать мужу. Поручикъ, дѣйствительно бѣдовавшій на одномъ только жалованьи, приведя домой супругу, натѣшился надъ нею до сыта, несмотря на воли, крики и просьбы на колѣняхъ о прощеніи. Эта возмутительная исторія возбудила вездѣ въ городѣ только смѣхъ, и хотя бѣдная поручица и не принадлежала къ тому обществу которое окружало Юлію Михайловну, но одна изъ дамъ этой „кавалькады“, эксцентричная и бойкая личность, знавшая какъ-то поручицу, заѣхала къ ней и просто-за-просто увезла ее къ себѣ въ гости. Тутъ ее тотчасъ же захватили наши шалуны, заласкали, задарили и продержали

дня четыре не возвращая мужу. Она жила у бойкой дамы и по цѣлымъ днямъ разбѣжала съ нею и со всѣмъ разбѣзвившимся обществомъ въ прогулкахъ по городу, участвовала въ увеселеніяхъ, въ танцахъ. Ее все подбивали тащить мужа въ судъ, завести исторію. Увѣряли что всѣ поддержать ее, пойдутъ свидѣтельствовать. Мужъ молчалъ, не осмѣливаясь бороться. Бѣдняжка омякнула наконецъ что закопалась въ бѣду, и еле живая отъ страха убѣжала на четвертый день въ сумерки отъ своихъ покровителей къ своему поручику. Неизвѣстно въ точности что произошло между супругами; но двѣ ставни низенькаго деревяннаго домика въ которомъ поручикъ нанималъ квартиру не отпирались двѣ недѣли. Юлія Михайловна посердилась на шалуновъ, когда обо всемъ узнала, и была очень недовольна поступкомъ бойкой дамы, хотя та представляла ей же поручицу въ первый день ея похищенія. Впрочемъ объ этомъ скоро забыли.

Въ другой разъ, у одного мелкаго чиновника, почтеннаго съ виду семьянина, заѣзжіи изъ другаго уѣзда молодой человекъ, тоже мелкій чиновникъ, высваталъ дочку, семнадцатилѣтнюю дѣвочку, красотку извѣстную въ городѣ всѣмъ. Но вдругъ узнали что въ первую ночь брака молодой супругъ поступилъ съ красоткой весьма невѣжливо, мстя ей за свою поруганную честь. Лямшинъ, почти бывшій свидѣтелемъ дѣла, потому что на свадьбѣ запынствовалъ и остался въ домѣ ночевать, чуть свѣтъ утромъ обѣжалъ всѣхъ съ веселымъ извѣстіемъ. Мигомъ образовалась компанія человекъ въ десять, всѣ до одного верхами, иные на наемныхъ казацкихъ лошадяхъ, какъ на примѣръ Петръ Степановичъ и Липутинъ, который несмотря на свою сѣдину, участвовалъ тогда почти на всѣхъ скандальныхъ похожденияхъ нашей вѣтренной молодежи. Когда молодые показались на улицѣ, на дрожкахъ парой, дѣлая визиты, узаконенные нашимъ обычаемъ непременно на другой же день послѣ вѣнца, несмотря ни на какія случайности,—вся эта кавалькада окружила дрожки съ веселымъ смѣхомъ и сопровождала ихъ цѣлое утро по городу. Правда, въ дома не входили, а ждали на коняхъ у воротъ; отъ особенныхъ оскорбленій жениху и невѣстѣ удержались, но все-таки произвели скандалъ. Весь городъ заговорилъ. Разумѣется всѣ хохотали. Но тутъ разсердился фонъ-Лембке и имѣлъ съ Юліей Михайловной опять оживленную сцену. Та тоже разсердилась чрезвычай-

но и вознамѣрилась было отказать шалунамъ отъ дому. Но на другой же день всѣмъ простила, вслѣдствіе увѣщаній Петра Степановича и нѣсколькихъ словъ Кармазинова. Тотъ нашелъ „шутку“ довольно остроумною.

— Это въ здѣшнихъ нравахъ, сказалъ онъ, — по крайней мѣрѣ характерно и.... смѣло; и, смотрите, всѣ смѣются, а негодуете одна вы.

Но были шалости уже нестерпимыя, съ извѣстнымъ отгѣнкомъ.

Въ городѣ появилась книгоноша, продававшая Евангеліе, почтенная женщина, хотя и изъ мѣщанскаго званія. О ней заговорили, потому что о книгоношахъ только-что появились любопытные отзывы въ столичныхъ газетахъ. Опять тотъ же плутъ Лямшинъ, съ помощью одного семинариста, праздношатавшегося въ ожиданіи учительскаго мѣста въ школѣ, подложилъ лотихоньку книгоношѣ въ мѣшокъ, будто бы покупая у нея книги, цѣлую пачку соблазнительныхъ мерзкихъ фотографій изъ-за границы, нарочно пожертвованныхъ для сего случая, какъ узнали потомъ, однимъ весьма почтеннымъ старичкомъ, фамилію котораго упускаю, съ важнымъ орденъ на шеѣ и любившимъ, по его выраженію, „здоровый смѣхъ и веселую шутку“. Когда бѣдная женщина стала вынимать святыя книги у насъ въ Гостиномъ ряду, то посыпались и фотографіи. Поднялся смѣхъ, ропотъ; толпа стѣснилась, стали ругаться, дошло бы и до побоевъ, еслибы не подошла полиція. Книгоношу заперли въ каталашку, и только вечеромъ, стараніями Маврікія Николаевича, съ негодованіемъ узнавшаго интимныя подробности этой гадкой исторіи, освободили и выпроводили изъ города. Тутъ ужъ Юлія Михайловна рѣшительно прогнала было Лямшина, но въ тотъ же вечеръ наши цѣлою компаніей привели его къ ней, съ извѣстіемъ что онъ выдумалъ новую особенную штучку на фортепьяно и уговорили ее лишь выслушать. Штучка въ самомъ дѣлѣ оказалась забавною, подъ смѣшнымъ названіемъ: „Франко-Прусская война“. Начиналась она грозными звуками *Марсельезы*:

„Qu' un sang impur abreuve nos sillons!“

Слышался напыщенный вызовъ, упоеніе будущими побѣдами. Но вдругъ, вмѣстѣ съ мастерски варьированными тактами гимна, гдѣ-то сбоку, внизу, въ уголку, но очень близко,

послышались гаденькіе звуки *Mein lieber Augustin*. Марсельеза не замѣчаетъ ихъ, Марсельеза на высшей точкѣ упоенія своимъ величіемъ; но *Augustin* укрѣпляется, *Augustin* все нахальнѣе, и вотъ такты *Augustin* какъ-то неожиданно начинаютъ совпадать съ тактами Марсельезы. Та начинаетъ какъ бы сердиться; она замѣчаетъ наконецъ *Augustin*, она хочетъ сбросить ее, отогнать какъ навязчивую ничтожную муху, но *Mein lieber Augustin* удѣлилась крѣпко; она весела и самоуверенна; она радостна и нахальна; и Марсельеза какъ-то вдругъ ужасно глупѣетъ: она уже не скрываетъ что раздражена и обижена; это вопли негодованія, это слезы и клятвы съ простертыми къ Провидѣнію руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos forteresses!

Но уже она принуждена лѣтъ съ *Mein lieber Augustin* въ одинъ тактъ. Ея звуки какъ-то глупѣйшимъ образомъ переходятъ въ *Augustin*, она склоняется, погасаетъ. Изрѣдка лишь, прорывомъ, послышится опять: „*qu'un sang impur....*“ но тотчасъ же преобидно перескочить въ гаденькій вальсъ. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавръ, рыдающій на груди Бисмарка и отдающій все, все.... Но тутъ уже свирѣпѣетъ и *Augustin*: слышатся сильные звуки, чувствуется безмѣрно выпитое пиво, бѣшенство самохвальства, требованія милліардовъ, тонкихъ сигаръ, шампанскаго и заложниковъ; *Augustin* переходитъ въ неистовый ревъ.... Франко-Прусская война оканчивается. Наши аллодируютъ, Юлія Михайловна улыбается и говоритъ: „ну какъ его прогнать?“ Миръ заключенъ. У мерзавца дѣйствительно былъ таланткъ. Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ меня однажды что самые высокіе художественные таланты могутъ быть ужаснѣйшими мерзавцами и что одно другому не мѣшаетъ. Былъ потомъ слухъ что Лямшинъ укралъ эту піеску у одного талантливаго и скромнаго молодого человѣка, знакомаго ему проѣзжаго, который такъ и остался въ неизвѣстности; но это въ сторону. Этотъ негодяй, который нѣсколько лѣтъ вертѣлся предъ Степаномъ Трофимовичемъ, представляя на его вечеринкахъ, по востребованію, разныхъ жидковъ, исповѣдь глухой бабы или родины ребенка, теперь уморительно каррикатурилъ иногда у Юліи Михайловны между прочимъ и самого Степана Трофимовича, подъ названіемъ: „Либераль сороковыхъ годовъ“. Всѣ пока-

тывались со смѣху, такъ что подъ конецъ его рѣшительно нельзя было прогнать: слишкомъ нужнымъ сталъ человѣкомъ. Къ тому же онъ раболѣпно заискивалъ у Петра Степановича, который въ свою очередь пріобрѣлъ къ тому времени до странности сильное вліяніе на Юлію Михайловну...

Но я не заговорилъ бы объ этомъ мерзавцѣ особливо и не стоилъ бы онъ того чтобы на немъ останавливаться; но тутъ произошла одна возмущающая исторія, въ которой онъ, какъ увѣряютъ, тоже участвовалъ, а исторіи этой я никакъ не могу обойти въ моей хроникѣ.

Въ одно утро пронеслась по всему городу вѣсть объ одномъ безобразномъ и возмутительномъ кощунствѣ. При входѣ на нашу огромную рыночную площадь находится ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замѣчательную древность въ нашемъ древнемъ городѣ. У вратъ ограды издавна помѣщалась большая икона Богоматери, вдѣланная за рѣшеткой въ стѣну. И вотъ икона была въ одну ночь ограблена, стекло кіота выбито, рѣшетка изломана и изъ вѣнца и ризы было вынуто нѣсколько камней и жемчужинъ, не знаю очень ли драгоценныхъ. Но главное въ томъ что кромѣ кражи совершенно было бессмысленное, глумительное кощунство: за разбитымъ стекломъ иконы нашли, говорятъ, утромъ живую мышь. Положительно извѣстно теперь, четыре мѣсяца спустя, что преступленіе совершено было каторжнымъ Бедькой, но почему прибавляютъ тутъ и участіе Лямшина. Тогда никто не говорилъ о Лямшинѣ и совсѣмъ не подозрѣвали его, а теперь всѣ утверждаютъ что это онъ впустилъ тогда мышь. Помню, все наше начальство немного потерялось. Народъ толпился у мѣста преступленія съ утра. Постоянно стояла толпа, хоть и не Богъ знаетъ какая, но все-таки человѣкъ во сто. Одни приходили, другіе уходили. Подходившіе крестились, прикладывались къ иконѣ; стали подавать, и явилось церковное блюдо, а у блюда монахъ, и только къ тремъ часамъ полудни начальство догадалось что можно народу приказать и не останавливаться толпой, а помолившись, приложившись и пожертвовавъ проходить мимо. На фонъ-Лембке этотъ несчастный случай произвелъ самое мрачное впечатлѣніе. Юлія Михайловна, какъ передавали мнѣ, выразилась потомъ что съ этого зловѣщаго утра она стала замѣчать въ своемъ супругѣ то странное уныніе, которое не прекращалось у него потомъ вплоть до самаго выѣзда, два мѣсяца тому на

задъ, по болѣзни, изъ нашего города, и кажется сопровождаетъ его теперь и въ Швейцаріи, гдѣ онъ продолжаетъ отдыхать послѣ краткаго, но сильнаго своего поприща въ нашей губерніи.

Помню въ первомъ часу полудни я зашелъ тогда на площадь; толпа была молчалива и лица важно-угрюмыя. Подъѣхалъ на дрожкахъ купецъ, жирный и желтый, вылезъ изъ экипажа, отдалъ земной поклонъ, приложился, пожертвовалъ рубль, охая взобрался на дрожки и опять уѣхалъ. Подъѣхала и коляска съ двумя нашими дамами въ сопровожденіи двухъ нашихъ шалуновъ. Молодые люди (изъ коихъ одинъ былъ уже не совсемъ молодой) вышли тоже изъ экипажа и протѣснились къ иконѣ, довольно небрежно отстраняя народъ. Оба шляпъ не скинули, а одинъ надвинулъ на носъ пенсне. Въ народѣ зароптали, правда, глухо, но непривѣтливо. Молодецъ въ пенсне вынулъ изъ портмоне, туго-набитаго кредитками, мѣдную копѣйку и бросилъ на блюдо; оба, смѣясь и громко говоря, повернулись къ коляскѣ. Въ эту минуту вдругъ подскакала въ сопровожденіи Маврікія Николаевича Лизавета Николаевна. Она соскочила съ лошади, бросила поводъ своему спутнику, оставшемуся по ея приказанію на конѣ, и подошла къ образу именно въ то время когда брошена была копейка. Румянецъ негодованія залилъ ея щеки; она сняла свою круглую шляпу, перчатки, упала на колѣни предъ образомъ, прямо на грязный тротуаръ, и благоговѣйно положила три земныхъ поклона. Затѣмъ вынула свой портмоне, но такъ какъ въ немъ оказалось только нѣсколько гривенниковъ, то мигомъ сняла свои брилліантовыя серьги и положила на блюдо.

— Можно, можно? На украшеніе ризы? вся въ волненіи спросила она монаха.

— Позволительно, отвѣчалъ тотъ; всякое даяніе благо.

Народъ молчалъ, не выказывая ни порицанія, ни одобренія; Лизавета Николаевна сѣла на коня въ загрязненномъ своемъ платьѣ и ускакала.

II.

Два дня спустя послѣ сейчасть описаннаго случая, я встрѣтилъ ее въ многочисленной компаніи, отправлявшейся куда-то въ трехъ коляскахъ, окруженныхъ верховыми. Она поманила меня рукой, остановила коляску и настоятельно потре-

бовала чтобъ я присоединился къ ихъ обществу. Въ коляскѣ нашлось мнѣ мѣсто, и она отрекомендовала меня смѣясь своимъ спутницамъ, пышнымъ дамамъ, а мнѣ пояснила что всѣ отправляются въ чрезвычайно интересную экспедицію. Она хохотала и казалась что-то ужъ не въ мѣру счастливою. Въ самое послѣднее время она стала весела какъ-то до рѣзвости. Дѣйствительно предпріятіе было эксцентрическое: всѣ отправлялись за рѣку, въ домъ купца Севостьянова, у котораго во флигелѣ, вотъ ужъ лѣтъ съ десять, проживалъ на pokojѣ, въ довольствѣ и въ холѣ, извѣстный не только у насъ, но и по окрестнымъ губерніямъ и даже въ столицахъ Семенъ Яковлевичъ, нашъ блаженный и пророчествующій. Его всѣ посѣщали, особенно заѣзжіе, добиваясь юродиваго слова, поклоняясь и жертвуя. Пожертвованія, иногда значительныя, если не распоряжался ими тутъ же самъ Семенъ Яковлевичъ, были набожно отправляемы въ храмъ Божій и по преимуществу въ нашъ Богородскій монастырь; отъ монастыря съ этою цѣлью постоянно дежурилъ при Семенѣ Яковлевичѣ монахъ. Всѣ ожидали большаго веселія. Никто изъ этого общества еще не видалъ Семена Яковлевича. Одинъ Лямшинъ былъ у него когда-то прежде и увѣрялъ теперь что тотъ велѣлъ его прогнать метлой и пустилъ ему вслѣдъ собственною рукою двумя большими вареными картофелинами. Между верховыми я замѣтилъ и Петра Степановича, опять на наемной казацкой лошади, на которой онъ весьма скверно держался, и Николая Всеволодовича тоже верхомъ. Этотъ не уклонялся отъ всеобщихъ увеселеній и въ такихъ случаяхъ всегда имѣлъ прилично веселую мину, хотя попрежнему говорилъ мало и рѣдко. Когда экспедиція поравнялась, спускалась къ мосту, съ городскою гостиницей, кто-то вдругъ объявилъ что въ гостиницѣ, въ номерѣ, сейчасъ только нашли застрѣливаго проѣзжаго и ждутъ полицію. Тотчасъ же явилась мысль посмотрѣть на самоубійцу. Мысль поддержали; наши дамы никогда не видали самоубійцы. Помню, одна изъ нихъ сказала тутъ же вслухъ что „все такъ ужъ прискучило, что нечего церемониться съ развлеченіями, было бы занимательно“. Только немногіе остались ждать у крыльца; остальные же гурьбой въ грязный корридоръ, и между прочими я къ удивленію увидалъ и Лизавету Николаевну. Номеръ за застрѣливаго былъ отпертъ, и разумѣется насъ не посмѣли не пропустить. Это былъ еще молоденькій мальчикъ, лѣтъ

девятнадцати, никакъ не болѣе, очень должно-быть хорошенькій собой, съ густыми бѣлокурыми волосами, съ правильнымъ овальнымъ обликомъ, съ чистымъ прекраснымъ лбомъ. Онъ уже окоченѣлъ, и бѣленькое личико его казалось какъ будто изъ мрамора. На столѣ лежала записка, его рукой, чтобы не винили никого въ его смерти и что онъ застрѣлился потому что „прокутилъ“ четыреста рублей. Слово прокутилъ такъ и стояло въ запискѣ: въ четырехъ ея строчкахъ нашлось три грамматическихъ ошибки. Тутъ особенно охалъ надъ нимъ какой-то повидимому сосѣдъ его, толстый помѣщикъ, стоявшій въ другомъ номерѣ по своимъ дѣламъ. Изъ словъ того оказалось что мальчикъ отправленъ былъ семействомъ, вдовою матерью, сестрами и тетками, изъ деревни ихъ въ городъ, чтобы, подъ руководствомъ проживавшей въ городѣ родственницы, сдѣлать разныя покупки для приданого старшей сестры, выходявшей замужъ, и доставить ихъ домой. Ему ввѣрили эти четыреста рублей, накопленные десятилѣтіями, охая отъ страху и напутствуя его безконечными назиданіями, молитвами и крестами. Мальчикъ доселѣ былъ скромнень и благонадеженъ. Пріѣхавъ три дня тому назадъ въ городъ, онъ къ родственницѣ не явился, остановился въ гостиницѣ и пошелъ прямо въ клубъ, въ надеждѣ отыскать гдѣ-нибудь въ задней комнатѣ какого-нибудь заѣзжаго банкмета или по крайней мѣрѣ стуколку. Но стуколки въ тотъ вечеръ не было, банкмета тоже. Возвратясь въ номеръ уже около полуночи, онъ потребовалъ шампанскаго, гаванскихъ сигаръ и заказалъ ужинъ изъ шести или семи блюдъ. Но отъ шампанскаго опьянѣлъ, отъ сигары его стошнило, такъ что до внесенныхъ кушаній и не притронулся, а улегся спать чуть не безъ памяти. Проснувшись на завтра, свѣжій какъ яблоко, тотчасъ же отправился въ цыганскій таборъ, помѣщавшійся за рѣкой въ слободкѣ, о которомъ услышалъ вчера въ клубѣ, и въ гостиницу не являлся два дня. Наконецъ вчера, часамъ къ пяти пополудни, прибылъ хмѣльной, тотчасъ легъ спать и проспалъ до десяти часовъ вечера. Проснувшись спросилъ котлетку, бутылку шато-дикему и винограду, бумаги, чернилъ и счетъ. Никто не замѣтилъ въ немъ ничего особеннаго; онъ былъ слокоенъ, тихъ и ласковъ. Должно-быть онъ застрѣлился еще около полуночи, хотя странно что никто не слышалъ выстрѣла, а хватились только сегодня въ часъ пополудни, и не достучавшись, выломали дверь. Бутылка шато-дикему была

на половину опорожнена, винограду оставалось тоже съ полтарелки. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ трехствольнаго маленькаго револьвера прямо въ сердце. Крови вытекло очень мало; револьверъ выпалъ изъ рукъ на коверъ. Самъ юноша полулежалъ въ углу на диванѣ. Смерть должно-быть произошла мгновенно; никакого смертнаго мученія не замѣчалось въ лицѣ; выраженіе было спокойное, почти счастливое, только-бы жить. Всѣ наши разсматривали съ жаднымъ любопытствомъ. Вообще въ каждомъ несчастіи ближняго есть всегда нѣчто веселящее посторонній глазъ—и даже кто-бы вы ни были. Наши дамы разсматривали молча, слутники же отличались остротой ума и высшимъ присутствіемъ духа. Одинъ замѣтилъ что это наилучшій исходъ и что умнѣе мальчикъ и не могъ ничего выдумать; другой заключилъ что хоть мигъ да хорошо пожилъ. Третій вдругъ брякнулъ: почему у насъ такъ часто стали вѣшаться и застрѣливаться,—точно съ корней соскочили, точно полъ изъ-подъ ногъ у всѣхъ выскользнулъ? На резонера непривѣтливо посмотрѣли. За то Лямшинъ, ставившій себѣ за честь роль шута, стянулъ съ тарелки кисточку винограду, за нимъ смѣясь другой, а третій протянулъ было руку и къ шато-дикему. Но остановилъ прибывшій полицеймейстеръ, и даже, сгоряча конечно, попросилъ „очистить комнату“. Такъ какъ всѣ уже наглядѣлись, то тотчасъ же безъ спору и вышли, хотя Лямшинъ и присталъ было съ чѣмъ-то къ полицеймейстеру. Всеобщее веселье, смѣхъ и рѣзвый говоръ въ остальную половину дороги почти вдвое оживились.

Прибыли къ Семену Яковлевичу ровно въ часъ пополудни. Ворота довольно большаго купеческаго дома стояли настежь и доступъ во флигель былъ открытъ. Тотчасъ же узнали что Семень Яковлевичъ изволить обѣдать, но принимаетъ. Вся наша толпа вошла разомъ. Комната въ которой принималъ и обѣдалъ блаженный была довольно просторная, въ три окна, и разгорожена поперекъ на двѣ равныя части деревянною рѣшеткой отъ стѣны до стѣны, по поясъ высотой. Обыкновенные посѣтителы оставались за рѣшеткой, а счастливцы допускались, по указанію блаженнаго, чрезъ дверцы рѣшетки въ его половину, и онъ сажалъ ихъ, если хотѣлъ, на свои старыя кожаныя кресла и на диванъ; самъ же засѣдалъ неизмѣнно въ старинныхъ истертыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Это былъ довольно большой, одутловатый, желтый лицомъ человекъ, лѣтъ пятидесяти пяти, бѣлокурый и лысый, съ жид-

кими волосами, брившій бороду, съ раздутою правою щекой и какъ бы нѣсколько перекосившимся ртомъ, съ большою бородавкой близъ лѣвой ноздри, съ узенькими глазками и съ спокойнымъ, солиднымъ, засланнымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ былъ по-нѣмецки, въ черный сюртукъ, но безъ жилета и безъ галстука. Изъ-подъ сюртука выглядывала довольно толстая, но бѣлая рубашка; ноги, кажется, больныя, держалъ въ туфляхъ. Я слышалъ что когда-то онъ былъ чиновникомъ и имѣетъ чинъ. Онъ только-что откушалъ уху изъ легкой рыбки и принялся за второе свое кушанье—картофель въ мундирѣ съ солью. Другаго ничего и никогда не вкушалъ; пилъ только много чаю, котораго былъ любителемъ. Около него снова-ло человѣка три прислуги, содержавшейся отъ купца; одинъ изъ слугъ былъ во фракѣ, другой похожъ былъ на артельщика, третій на причетника. Былъ еще и мальчишка лѣтъ шестнадцати, весьма рѣзвый. Кромѣ прислуги присутствовалъ и почтенный свѣдой монахъ съ кружкой, немного слишкомъ полный. На одномъ изъ столовъ кипѣлъ огромнѣйшій самоваръ, и стоялъ подносъ чуть не съ двумя дюжинами стакановъ. На другомъ столѣ, противоположномъ, помѣщались приношенія: нѣсколько головъ и фунтиковъ сахару, фунта два чаю, пара вышитыхъ туфель, фуляровый платокъ, отрѣзокъ сукна, штука холста и пр. Денежныя пожертвованія почти всѣ поступали въ кружку монаха. Въ комнатѣ было людно—человѣкъ до дюжины однихъ посѣтителей, изъ коихъ двое сидѣли у Семена Яковлевича за рѣшеткой; то были свѣденькій старичокъ, богомолецъ, изъ „простыхъ“, и одинъ маленькій, сухенькій захожій монашекъ, сидѣвшій чинно и потупивъ очи. Прочіе посѣтители всѣ стояли по сю сторону рѣшетки, все тоже больше изъ простыхъ, кромѣ одного толстаго купца, прѣзжаго изъ уѣзднаго города, бородача одѣтаго по-русски, но котораго знали за стотысячника; одной пожилой и убогой дворянки и одного помѣщика. Всѣ ждали своего счастья, не осмѣливаясь заговорить сами. Человѣка четыре стояли на колѣняхъ, но всѣхъ болѣе обращалъ на себя вниманіе помѣщикъ, человѣкъ толстый, лѣтъ сорока пяти, стоявшій на колѣняхъ у самой рѣшетки, ближе всѣхъ на виду и съ благоговѣніемъ ожидавшій благосклоннаго взгляда или слова Семена Яковлевича. Стоялъ онъ уже около часу, а тотъ все не замѣчалъ.

Наши дамы стѣснились у самой рѣшетки, весело и смѣливо шушукая. Стоявшихъ на колѣняхъ и всѣхъ другихъ по-

свѣтителѣй оттѣснили или заслонили, кромѣ помѣщика, который упорно остался на виду, ухватясь даже руками за рѣшетку. Веселые и жадно-любопытные взгляды устремились на Семена Яковлевича, равно какъ лорнеты, пенсне и даже бинокли; Лямшинъ по крайней мѣрѣ разсматривалъ въ бинокль. Семенъ Яковлевичъ спокойно и лѣнливо окинулъ всѣхъ своими маленькими глазками.

— Миловзоры! миловзоры! изволилъ онъ выговорить сильнымъ баскомъ и съ легкимъ восклицаніемъ.

Всѣ наши засмѣялись: „Что значитъ миловзоры?“ Но Семенъ Яковлевичъ погрузился въ молчаніе и доѣдалъ свой картофель. Наконецъ утерся салфеткой, и ему подали чаю.

Кушалъ онъ чай обыкновенно не одинъ, а наливалъ и по свѣтителѣямъ, но далеко не всякому, обыкновенно указывая самъ кого изъ нихъ осчастливить. Распоряженія эти всегда поражали своею неожиданностью. Минуя богачей и сановниковъ, приказывалъ иногда подавать мужику или какой-нибудь ветхой старушонкѣ; другой разъ, минуя нищую братію, подавалъ какому-нибудь одному жирному купцу-богачу. Наливалось тоже разное, однимъ въ накладку, другимъ въ прикуску, а третьимъ и вовсе безъ сахара. На этотъ разъ осчастливлены были захожій монашекъ стаканомъ въ накладку, и старичокъ богомолецъ, которому дали совсѣмъ безъ сахара. Толстому же монаху съ кружкой изъ монастыря почему-то не поднесли вовсе, хотя тотъ, до сихъ поръ, каждый день получалъ свой стаканъ.

— Семенъ Яковлевичъ, скажите мнѣ что-нибудь, я такъ давно желала съ вами познакомиться, пролѣгла съ улыбкой и прищуриваясь та пышная дама изъ нашей коляски которая замѣтила давеча что съ развлеченіями нечего церемониться, было бы занимательно. Семенъ Яковлевичъ даже не поглядѣлъ на нее. Помѣщикъ стоявшій на колѣняхъ звучно и глубоко вздохнулъ, точно приподняли и опустили большіе мѣхи.

— Въ накладку! указалъ вдругъ Семенъ Яковлевичъ на купца стотысячника; тотъ выдвинулся впередъ и сталъ рядомъ съ помѣщикомъ.

„Еще ему сахару!“ приказалъ Семенъ Яковлевичъ, когда уже налили стаканъ; положили еще порцію. „Еще, еще ему!“ положили еще въ третій разъ и наконецъ въ четвертый. Купецъ безпрекословно сталъ пить свой сиропъ.

Господи! зашелталъ и закрестился народъ. Помѣщикъ олять звучно и глубоко вздохнулъ.

— Батюшка! Семень Яковлевичъ! раздался вдругъ горестный, но рѣзкій до того что трудно было и ожидать, голосъ убогой дамы, которую наши оттерли къ стѣнѣ.—Цѣлый часъ, родной, благодати ожидаю. Изреки ты мнѣ, разсуди меня сироту.

— Спроси, указаль Семень Яковлевичъ слугѣ причетнику. Тотъ подошелъ къ рѣшеткѣ:

— Исполнили ли то что приказаль въ прошлый разъ Семень Яковлевичъ? спросилъ онъ вдову тихимъ и размѣреннымъ голосомъ.

— Какое, батюшка Семень Яковлевичъ, исполнила, исполнишь съ ними! завопила вдова,—людоѣды, просьбу на меня въ окружной подаютъ, въ сенатъ грозятъ; эго на родную-то мать!...

— Дать ей!... указаль Семень Яковлевичъ на голову сахару. Мальчишка подскочилъ, схватилъ голову и потащилъ ко вдовѣ.

— Охъ, батюшка, велика твоя милость. И куда мнѣ столько? завопила было вдовица.

— Еще, еще! награждалъ Семень Яковлевичъ.

Притащили еще голову. „Еще, еще“, приказывалъ блаженный; принесли третью и наконецъ четвертую. Вдовицу обставили сахаромъ со всѣхъ сторонъ. Монахъ отъ монастыря вздохнулъ: все это бы сегодня же могло попасть въ монастырь, по прежнимъ примѣрамъ.

— Да куда мнѣ столько? приниженно охала вдовица, стошнить одну-то!... Да ужъ не пророчество ли какое, батюшка?

— Такъ и есть, прочество, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Еще ей фунтъ, еще! не унимался Семень Яковлевичъ.

— На столѣ оставалась еще цѣлая голова, но Семень Яковлевичъ указаль подать фунтъ, и вдовѣ подали фунтъ.

— Господи, господи! вздыхалъ и крестился народъ.—Видимое пророчество.

— Усладите впередъ сердце ваше добротой и милостію и потомъ уже приходите жаловаться на родныхъ дѣтей, кость отъ костей своихъ, вотъ что, должно полагать, означаетъ эмблема сія, тихо, но самодовольно проговорилъ толстый, но обнесенный чаемъ монахъ отъ монастыря, въ припадкѣ раздраженнаго самолюбія взявъ на себя толкованіе.

— Да что ты, батюшка, озлилась вдругъ вдовица, — да они меня на арканѣ въ огонь тащили, когда у Верхишиныхъ загорѣлось. Они мнѣ мертву кошку въ укладку залерли, то-есть всякое-то безчинство готовы....

— Гони, гони! вдругъ замахалъ руками Семенъ Яковлевичъ. Причетникъ и мальчишка вырвались за рѣшетку. Причетникъ взялъ вдову подъ руки, и она, присмирѣвъ, потащилась къ дверямъ, озираясь на даренныя сахарныя головы, которыя за нею поволокъ мальчишка.

— Одну отнять, отними! приказалъ Семенъ Яковлевичъ остававшемуся при немъ артельщику. Тотъ бросился за уходившими, и всѣ трое слугъ воротились черезъ нѣсколько времени, неся обратно разъ подаренную и теперь отнятую у вдовицы одну голову сахару; она унесла однакоже три.

— Семенъ Яковлевичъ, раздался чей-то голосъ сзади у самыхъ дверей, — видѣлъ я во снѣ птицу, галку, вылетѣла изъ воды и полетѣла въ огонь. Что сей сонъ значитъ?

— Къ морозу, произнесъ Семенъ Яковлевичъ.

— Семенъ Яковлевичъ, что же вы мнѣ-то ничего не отвѣтили, я такъ давно вами интересуюсь, начала было опять наша дама.

— Спроси! указалъ вдругъ, не слушая ея, Семенъ Яковлевичъ на помѣщика стоявшаго на колѣняхъ.

Монахъ отъ монастыря, которому указано было спросить, степенно подошелъ къ помѣщику.

— Чѣмъ согрѣшили? И не велѣно ль было чего исполнить?

— Не драться, рукамъ воли не давать, силло отвѣчалъ помѣщикъ.

— Исполнили? спросилъ монахъ.

— Не могу выполнить, собственная сила одолеваетъ.

— Гони, гони! Метлой его, метлой! замахалъ руками Семенъ Яковлевичъ. Помѣщикъ, не дожидаясь исполненія кары, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты.

— На мѣстѣ златницу оставили, провозгласилъ монахъ подымая съ полу полуимперіалъ.

— Вотъ кому! ткнулъ пальцемъ на стотысячника кулца Семенъ Яковлевичъ. Стотысячникъ не посмѣлъ отказаться и взялъ.

— Злато къ злату, не утерпѣлъ монахъ отъ монастыря.

— А этому въ накладку, указалъ вдругъ Семенъ Яковле-

вичъ на Маврикія Николаевича. Слуга налилъ чаю и поднесъ было ошибкой франту въ пенсне.

— Длинному, длинному, поправилъ Семенъ Яковлевичъ.

Маврикій Николаевичъ взялъ стаканъ, отдалъ военный полупоклонъ и началъ пить. Не знаю почему всѣ наши такъ и локатились со смѣху.

— Маврикій Николаевичъ! обратилась къ нему вдругъ Лиза; — тотъ господинъ на колѣняхъ ушелъ, станьте на его мѣсто на колѣни.

Маврикій Николаевичъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее.

— Прошу васъ, вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе. Слушайте, Маврикій Николаевичъ, начала она вдругъ настойчиво, упрямою, горячею скороговоркой, — непременно станьте, я хочу непременно видѣть какъ вы будете стоять. Если не станете — и не приходите ко мнѣ: Непременно хочу, непременно хочу!...

Я не знаю что она хотѣла этимъ сказать; но она требовала настойчиво, неумолимо, точно была въ припадкѣ. Маврикій Николаевичъ растолковывалъ, какъ увидимъ ниже, такіе капризные порывы ея, особенно частые въ послѣднее время, вспышками слѣпой къ нему ненависти, и не то чтобъ отъ злости, — напротивъ, она читала, любила и уважала его, и онъ самъ это зналъ, — а отъ какой-то особенной безсознательной ненависти, съ которою она никакъ не могла справиться минутами.

Онъ молча передалъ чашку какой-то сзади него стоявшей старушонкѣ, отворилъ дверцу рѣшетки, безъ приглашенія шагнулъ въ интимную половину Семена Яковлевича и сталъ среди комнаты на колѣни, на виду у всѣхъ. Думаю что онъ слишкомъ былъ потрясенъ въ деликатной и простой душѣ своей грубою, глумительною выходкой Лизы, въ виду всего общества. Можетъ-быть ему подумалось что ей станетъ стыдно за себя, видя его униженіе, на которомъ она такъ настаивала. Конечно, никто не рѣшился бы исправлять такимъ наивнымъ и рискованнымъ способомъ женщину, кромѣ него. Онъ стоялъ на колѣняхъ съ своею невозмутимою важностью въ лицѣ, длинный, нескладный, смѣшной. Но наши не смѣялись; неожиданность поступка произвела болѣзненный эффектъ. Всѣ глядѣли на Лизу.

— Елей, елей! пробормоталъ Семенъ Яковлевичъ.

Лиза вдругъ поблѣднѣла, вскрикнула, ахнула и бросилась за рѣшетку. Тутъ произошла быстрая, истерическая сцена: она

изъ всѣхъ силъ стала подымать Маврикія Николаевича съ колѣнъ, дергая его обѣими своими руками за локоть.

— Вставайте, вставайте! вскрикивала она какъ безъ памяти,—встаньте сейчасъ, сейчасъ! Какъ вы смѣли стать!

Маврикій Николаевичъ приподнялся съ колѣнъ. Она стиснула своими руками его руки выше локтей и пристально смотрѣла ему въ лицо. Страхъ былъ въ ея взглядѣ.

— Миловзоры, миловзоры! повторилъ еще разъ Семенъ Яковлевичъ.

Она втащила наконецъ Маврикія Николаевича обратно за рѣшетку; во всей нашей толпѣ произошло сильное движеніе. Дама изъ нашей коляски, вѣроятно желая перебить впечатлѣніе, въ третій разъ звонко и визгливо спросила Семена Яковлевича, попрежнему съ жеманною улыбкой:

— Что же, Семенъ Яковлевичъ, неужто не „изречете“ и мнѣ чего-нибудь? А я такъ много на васъ разчитывала.

— Въ.... тебя, въ.... тебя!... произнесъ вдругъ обращаясь къ ней Семенъ Яковлевичъ крайне нецензурное слово. Слова сказаны были свирѣло и съ ужасающею отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглавъ бѣгомъ вонъ, кавалеры гомерически захохотали. Тѣмъ и кончилась наша поѣздка къ Семену Яковлевичу.

И однако же тутъ, говорятъ, произошелъ еще одинъ чрезвычайно загадочный случай и, признаюсь, для него-то болѣе я и упомянулъ такъ подробно объ этой поѣздкѣ.

Говорятъ что когда всѣ гурьбой бросились вонъ, то Лиза, поддерживаемая Маврикіемъ Николаевичемъ, вдругъ столкнулась въ дверяхъ, въ тѣснотѣ, съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Надо сказать, со времени воскреснаго утра и обморока, они оба хоть и встрѣчались не разъ, но другъ къ другу не подходили и ничего между собою не сказали. Я видѣлъ какъ они столкнулись въ дверяхъ: мнѣ показалось что они оба на мгновеніе приостановились и какъ-то странно другъ на друга поглядѣли. Но я могъ худо видѣть въ толпѣ. Увѣряли, напротивъ, и совершенно серьезно, что Лиза взглянувъ на Николая Всеволодовича, быстро подняла кулакъ, такъ-таки вровень съ его лицомъ и навѣрно бы ударила еслибы тотъ не успѣлъ отстраниться. Можетъ-быть ей не понравилось выраженіе лица его или какая-нибудь усмѣшка его, особенно сейчасъ, послѣ

такого эпизода съ Маврикіемъ Николаевичемъ. Признаюсь, я самъ не видѣлъ ничего, но за то всѣ увѣряли что видѣли, хотя всѣ-то ужъ никакъ не могли этого увидать за суматохой, а развѣ иные. Только я этому тогда не повѣрилъ. Помню однако что Николай Всеволодовичъ во всю обратную дорогу былъ нѣсколько блѣденъ.

III.

Почти въ то же время и именно въ этотъ же самый день состоялось наконецъ и свиданіе Степана Трофимовича съ Варварой Петровной, которое та давно держала въ умѣ и давно уже возвѣстила о немъ своему бывшему другу, но почему-то до сихъ поръ все откладывала. Оно произошло въ Скворешникахъ. Варвара Петровна прибыла въ свой загородный домъ, вся въ хлопотахъ: наканунѣ опредѣлено было окончательно что предстоящій праздникъ будетъ данъ у предводительши. Но Варвара Петровна тотчасъ же смекнула въ своемъ быстромъ умѣ что послѣ праздника никто не помѣшаетъ ей дать свой особый праздникъ, уже въ Скворешникахъ, и снова созвать весь городъ. Тогда всѣ могли бы убѣдиться на дѣлѣ чей домъ лучше и гдѣ умѣютъ лучше принять и съ бѣльшимъ вкусомъ дать балъ. Вообще ее узнать нельзя было. Казалось она точно переродилась и изъ прежней недоступной „высшей дамы“ (выраженіе Степана Трофимовича) обратилась въ самую обыкновенную, взбалмошную свѣтскую женщину. Впрочемъ это только могло казаться.

Прибывъ въ пустой домъ, она обошла комнаты въ сопровожденіи вѣрнаго и стариннаго Алексѣя Егоровича и Омушки, человѣка выдавашаго виды и спеціалиста по декоративному дѣлу. Начались совѣты и соображенія: что изъ мебели перенести изъ городского дома; какія вещи, картины; гдѣ ихъ разставить; какъ всего удобнѣе распорядиться оранжереей и цвѣтами: гдѣ сдѣлать новыя драпри, гдѣ устроить буфетъ и одинъ или два? и пр. и пр. И вотъ, среди самыхъ горячихъ хлопотъ, ей вдругъ вздумалось послать карету за Степаномъ Трофимовичемъ.

Тотъ былъ уже давно извѣщенъ и готовъ и каждый день ожидалъ именно такого внезапнаго приглашенія. Садясь въ карету онъ перекрестился; рѣшалась судьба его. Онъ засталъ

своего друга въ большой залѣ, на маленькомъ диванчикѣ въ нишѣ, предъ маленькимъ мраморнымъ столикомъ, съ карандашомъ и бумагой въ рукахъ: Омушка зымѣривалъ аршиномъ высоту хоръ и оконъ, а Варвара Петровна сама записывала цифры и дѣлала на поляхъ отмѣтки. Не отрываясь отъ дѣла, она кивнула головой въ сторону Степана Трофимовича, и когда тотъ пробормоталъ какое-то привѣтствіе, подала ему наскоро руку и указала, не глядя, подлѣ себя мѣсто.

— Я сидѣлъ и ждалъ минутъ пять „здавивъ мое сердце“, разказывалъ онъ мнѣ потомъ.—Я видѣлъ не ту женщину которую зналъ двадцать лѣтъ. Полнѣйшее убѣжденіе что всему концу придало мнѣ силы, изумившія даже ее. Клянусь, она была удивлена моею стойкостью въ этотъ послѣдній часъ.

Варвара Петровна вдругъ положила карандашъ на столикъ и быстро повернулась къ Степану Трофимовичу.

— Степанъ Трофимовичъ, намъ надо говорить о дѣлѣ. Я увѣрена что вы приготовили всѣ ваши пышныя слова и разныя словечки, но лучше бы къ дѣлу прямо, не такъ ли?

Его передернуло. Она слишкомъ слѣшила заявить свой тонъ, что же могло быть далѣе?

— Подождите, молчите, дайте мнѣ сказать, потомъ вы, хотя право не знаю что бы вы могли мнѣ отвѣтить? продолжала она быстрою скороговоркой.—Тысячу двѣсти рублей вашего пенсіона я считаю моею священной обязанностью до конца вашей жизни; то-есть зачѣмъ священной обязанностью, просто договоромъ, это будетъ гораздо реальнѣе, не такъ ли? Если хотите мы напишемъ. На случай моей смерти сдѣланы особыя распоряженія. Но вы получаете отъ меня теперь сверхъ того квартиру и прислугу и все содержаніе. Переведемъ это на деньги, будетъ тысяча пятьсотъ рублей, не такъ ли? Кладу еще экстренныхъ триста рублей, и того полныхъ три тысячи. Довольно съ васъ въ годъ? Кажется не мало? Въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ я впрочемъ буду набавлять. Итакъ, возьмите деньги, пришлите мнѣ моихъ людей и живите сами по себѣ гдѣ хотите, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, за границей, или здѣсь, только не у меня. Слышите?

— Недавно такъ же настойчиво и такъ же быстро передано было мнѣ изъ тѣхъ же устъ другое требованіе, медленно и съ грустною отчетливостью проговорилъ Степанъ Трофимовичъ.—Я смирился и... плясалъ казачка вамъ въ угоду. Oui,

la comparaison peut être permise. C'était comme un petit cozak du Don qui sautait sur sa propre tombe. Теперь....

— Остановитесь, Степанъ Трофимовичъ. Вы ужасно много-рѣчивы. Вы не плясали, а вы вышли ко мнѣ въ новомъ гал-стукѣ, бѣльѣ, въ перчаткахъ, напoмаженный и раздушенный. Увѣряю васъ что вамъ очень хотѣлось самому жениться; это было на вашемъ лицѣ написано, и повѣрьте, выраженіе самое неизящное. Если я не замѣтила вамъ тогда же, то единствен-но изъ деликатности. Но вы желали, вы желали жениться, не-смотря на мерзости которыя вы писали интимно обо мнѣ и о вашей невѣстѣ. Теперь вовсе не то. И къ чему тутъ Cozak du Don надъ какою-то вашею могилой? Не понимаю что за сравненіе. Напротивъ, не умирайте, а живите; живите какъ можно больше, я очень буду рада.

— Въ богадѣльнѣ?

— Въ богадѣльнѣ? Въ богадѣльню нейдутъ съ тремя тыся-чами дохода. Ахъ, припоминаю, усмѣхнулась она;—въ самомъ дѣлѣ Петръ Степановичъ какъ-то распутился разъ о бога-дѣльнѣ. Ба, это дѣйствительно особенная богадѣльня, о ко-торой стоитъ подумать. Это для самыхъ почтенныхъ особъ, тамъ есть полковники, туда даже теперь хочетъ одинъ гене-ралъ. Если вы поступите со всѣми вашими деньгами, то найдете покой, довольство, служителей. Вы тамъ будете заниматься науками и всегда можете составить партію въ преферансъ....

— Passons.

— Passons? покорило Варвару Петровну.—Но въ такомъ случаѣ все; вы извѣщены, мы живемъ съ этихъ поръ совер-шенно порознь.

— И все? Все что осталось отъ двадцати лѣтъ? Последнее прощаніе наше?

— Вы ужасно любите восклицать, Степанъ Трофимовичъ. Нынче это совсѣмъ не въ модѣ. Они говорятъ грубо, но просто. Дались вамъ наши двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ обоюднаго самолюбія и больше ничего. Каждое письмо ваше ко мнѣ писано не ко мнѣ, а для потомства. Вы стилистъ, а не другъ, а дружба—это только прославленное слово, въ сущ-ности: взаимное изліяніе помой....

— Божѣ, сколько чужихъ словъ! Затверженные уроки! И на васъ уже надѣли они свой мундиръ! Вы тоже въ радости, вы тоже на солнцѣ; chère, chère, за какое чечевичное варево продали вы имъ вашу свободу!

— Я не полугай чтобы повторять чужія слова, вскипѣла Варвара Петровна.—Будьте увѣрены что у меня свои слова накопились. Что сдѣлали вы для меня въ эти двадцать лѣтъ? Вы отказывали мнѣ даже въ книгахъ которыя я для васъ выписывала и которыя, еслибы не переплетчикъ, остались бы неразрѣзанными. Что давали вы мнѣ читать когда я, въ первые годы, просила васъ руководить меня? Все Калфигъ да Калфигъ. Вы ревновали даже къ моему развитію и брали мѣры. А между тѣмъ надъ вами же все смѣются. Признаюсь, я всегда васъ считала только за критика; вы литературный критикъ и ничего болѣе. Когда дорогой въ Петербургъ я вамъ объявила что намѣрена издавать журналъ и посвятить ему всю мою жизнь, вы тотчасъ же поглядѣли на меня ironically и стали вдругъ ужасно высокомерны.

— Это было не то, не то.... мы тогда боялись преслѣдованій...

— Это было то самое, а преслѣдованій въ Петербургѣ вы ужь никакъ не могли бояться. Помните потомъ въ февралѣ, когда пронеслась вѣсть, вы вдругъ прибѣжали ко мнѣ перепуганный и стали требовать чтобъ я тотчасъ же дала вамъ удостовѣреніе, въ видѣ письма, что затѣваемый журналъ до васъ совсѣмъ не касается, что молодые люди ходятъ ко мнѣ, а не къ вамъ, а что вы только домашній учитель, который живетъ въ домѣ, потому что ему еще не додано жалованье, не такъ ли? Помните эго вы? Вы отменно отличались всю вашу жизнь, Степанъ Трофимовичъ.

— Это была только одна минута малодушія, минута глазъ на глазъ, горестно воскликнулъ онъ,—но неужели, неужели же все порвать изъ-за такихъ мелкихъ впечатлѣній? Неужели же ничего болѣе не удѣлѣло между нами за столь долгіе годы?

— Вы ужасно разчетливы; вы все хотите такъ сдѣлать чтобъ я еще оставалась въ долгу. Когда вы воротились изъ-за границы, вы смотрѣли предо мною свысока и не давали мнѣ выговорить слова, а когда я сама поѣхала и заговорила съ вами потомъ о впечатлѣніи послѣ Мадонны, вы не дослушали и высокомерно стали улыбаться въ свой галстукъ, точно я ужь не могла имѣть такихъ же точно чувствъ какъ и вы.

— Это было не то, вѣроятно не то.... J'ai oublié.

— Нѣтъ, это было то самое, да и хвалиться-то было нечѣмъ предо мною, потому что все это вздоръ и одна только ваша выдумка. Нынче никто, никто ужь Мадонной не восхищается

и не теряетъ на это времени, кромѣ закоренѣлыхъ стариковъ. Это доказано.

— Ужъ и доказано?

— Она совершенно ни къ чему не служитъ. Эта кружка полезна потому что въ нее можно влить воды; этотъ карандашъ полезенъ, потому что имъ можно все записать, а тутъ женское лицо хуже всѣхъ другихъ лицъ въ натурѣ. Попробуйте нарисовать яблоко и положите тутъ же рядомъ настоящее яблоко—которое вы возьмете? Небось не ошибетесь. Вотъ къ чему сводятся теперь всѣ ваши теоріи, только - что озарилъ ихъ первый лучъ свободного изслѣдованія.

— Такъ, такъ.

— Вы усмѣхаетесь иронически. А что напримѣръ говорили вы мнѣ о милостынѣ? А между тѣмъ наслажденіе отъ милостыни есть наслажденіе надмѣнное и безнравственное, наслажденіе богача своимъ богатствомъ, властію и сравненіемъ своего значенія съ значеніемъ нищаго. Милостыня развращаетъ и подающаго и бѣрущаго и сверхъ того не достигаетъ цѣли, потому что только усиливаетъ нищенство. Лентяи не желающіе работать толпятся около дающихъ какъ игроки у игорнаго стола надѣясь выиграть. А межъ тѣмъ жалкихъ грошей которые имъ бросаютъ не достаетъ и на сотую долю. Много ль вы роздали въ вашу жизнь? Гривенъ восемь не болѣе, припомните-ка. Постарайтесь вспомнить когда вы подавали въ послѣдній разъ; года два назадъ, а пожалуй четыре будетъ. Вы кричите и только дѣлу мѣшаете. Милостыня и въ теперешнемъ обществѣ должна быть закономъ запрещена. Въ новомъ устройствѣ совсѣмъ не будетъ бѣдныхъ.

— О, какое изверженіе чужихъ словъ! Такъ ужъ и до новаго устройства дошло? Несчастливая, помоги вамъ Богъ!

— Да, дошло, Степанъ Трофимовичъ; вы тщательно скрывали отъ меня всѣ новыя идеи, теперь всѣмъ уже извѣстныя, и дѣлали это единственно изъ ревности, чтобъ имѣть надо мною власть. Теперь даже эта Юлія на сто верстъ впереди меня. Но теперь и я прозрѣла. Я защищала васъ, Степанъ Трофимовичъ, сколько могла; васъ рѣшительно всѣ обвиняютъ.

— Довольно! поднялся было онъ съ мѣста,—довольно! И что еще пожелаю вамъ, неужто раскаянія?

— Сядьте на минуту, Степанъ Трофимовичъ, мнѣ надо еще васъ спросить. Вамъ передано было приглашеніе читать на

литературномъ утрѣ; это чрезъ меня устроилось. Скажите что именно вы прочтете?

— А вотъ именно объ этой царицѣ царицъ, объ этомъ идеалѣ человечества, Мадоннѣ Сикстинской, которая не стоить по вашему стакану или карандаша.

— Такъ вы не изъ исторіи? горестно изумилась Варвара Петровна.— Но васъ слушать не будутъ. Далась же вамъ эта Мадонна! Ну что за охота если вы всѣхъ усыпите? Будьте увѣрены, Степанъ Трофимовичъ, что я единственно въ вашемъ интересѣ говорю. То ли дѣло еслибы вы взяли какую-нибудь коротенькую, но занимательную средневѣковую придворную исторію, изъ испанской исторіи, или лучше сказать, одинъ анекдотъ и наполнили бы его еще анекдотами и острыми словечками отъ себя. Тамъ были пышные дворы, тамъ были такія дамы, отравленія. Кармазиновъ говоритъ что странно будетъ если ужъ и изъ испанской исторіи не прочесть чего-нибудь занимательнаго?

— Кармазиновъ, этотъ исписавшійся глупецъ, ищетъ для меня темы!

— Кармазиновъ, этотъ почти государственный умъ! Вы слишкомъ дерзки на языкъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Вашъ Кармазиновъ, это старая, исписавшаяся, обозленная баба! *Chère, chère*, давно ли вы такъ поработились ими, о, Боже!

— Я и теперь его терпѣть не могу за важничаніе, но я отдаю справедливость и его уму. Повторяю, я защищала васъ изъ всѣхъ силъ, сколько могла. И къ чему непременно заявлять себя смѣшнымъ и скучнымъ? Напротивъ, выйдите на эстраду съ почтенною улыбкой, какъ представитель прошедшаго вѣка, и разкажите три анекдота, со всѣмъ вашимъ остроуміемъ, такъ какъ вы только умѣете иногда разказать. Пусть вы старикъ, пусть вы отжившаго вѣка, пусть наконецъ отстали отъ нихъ; но вы сами съ улыбкой въ этомъ сознаетесь въ предисловіи, и всѣ увидятъ что вы милый, добрый, остроумный обломокъ... Однимъ словомъ, человекъ старой соли и настолько передовой что самъ способенъ оцѣнить во что слѣдуетъ все безобразіе чужихъ понятій, которыми до сихъ поръ онъ слѣдовалъ. Ну сдѣлайте мнѣ удовольствіе, я васъ прошу.

— *Chère*, довольно! Не просите, не могу. Я прочту о Ма-

доннѣ, но подыму бурю, которая или раздавить ихъ всѣхъ, или поразить одного меня!

— Навѣрно одного васъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Таковъ мой жребій. Я разкажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ который первый взмостится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и... пищеваренія. Пусть прогремитъ мое проклятіе, и тогда, тогда...

— Въ сумашедшій домъ?

— Можетъ-быть. Но во всякомъ случаѣ, останусь ли я побѣжденнымъ или побѣдителемъ, я въ тотъ же вечеръ возьму мою суму, нищенскую суму мою, оставляю всѣ мои пожитки, всѣ подарки ваши, всѣ пенсіоны и обѣщанія будущихъ благъ и уйду лѣшкомъ, чтобы кончить жизнь у купца гувернеромъ, либо умереть гдѣ-нибудь съ голоду подъ заборомъ. Я сказалъ. *Alea jacta est!*

Онъ приподнялся снова.

— Я была увѣрена, поднялась засверкавъ глазами Варвара Петровна,—увѣрена уже годы что вы именно на то только и живете чтобы подъ конецъ опозорить меня и мой домъ клеветой! Что вы хотите сказать вашимъ гувернерствомъ у купца или смертью подъ заборомъ? Злость, клевета и ничего больше!

— Вы всегда презирали меня; но я кончу какъ рыцарь вѣрный моей дамѣ, ибо ваше мнѣніе было мнѣ всегда дороже всего. Съ этой минуты не принимаю ничего, а чту безкорыстно.

— Какъ это глупо!

— Вы всегда не уважали меня. Я могъ имѣть бездну слабостей. Да, я васъ обѣдалъ; я говорю языкомъ нигилизма; но обѣдать никогда не было высшимъ принципомъ моихъ поступковъ. Это случалось такъ, само собою, я не знаю какъ.... Я всегда думалъ что между нами остается нѣчто высшее вѣды, и—никогда, никогда не былъ я подлецомъ! Итакъ, въ путь, чтобы поправить дѣло! Въ поздній путь, на дворѣ поздняя осень, туманъ лежитъ надъ полями, мерзлый, старческій иней покрываетъ будущую дорогу мою, а вѣтеръ завываетъ о близкой могилѣ... Но въ путь, въ путь, въ новый путь:

„Полонъ чистою любовью,
„Вѣренъ сладостной мечтѣ....“

О, прощайте мечты мои! Двадцать лѣтъ! Alea jacta est.

Лицо его было обрызгано проовавшимися вдругъ слезами; онъ взялъ свою шляпу.

— Я ничего не понимаю по-латыни, проговорила Варвара Петровна изо всѣхъ силъ, скрѣпляя себя.

Кто знаетъ, можетъ-быть ей тоже хотѣлось заплакать, но негодованіе и капризъ еще разъ взяли верхъ:

— Я знаю только одно, именно что все это шалости. Никогда вы не въ состояніи исполнить вашихъ угрозъ полныхъ эгоизма. Никуда вы не пойдете, ни къ какому кулцу, а преспокойно кончите у меня на рукахъ, получая пенсіонъ и собирая вашихъ ни на что не похожихъ друзей по вторникамъ. Прощайте, Степанъ Трофимовичъ.

— Alea jacta est! глубоко поклонился онъ ей и воротился домой еле живой отъ волненія.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

(Заключеніе, въ родъ эпилога.)

CATHERINE II: Epoque immortelle de grandeur et de gloire pour la Russie. Pierre I avoit *introduit* sa nation dans la société politique de l'Europe; Catherine II *l'y assit* aux premiers rangs.

PAUL I: C'est sous se Prince qu'on put juger de quels efforts la Russie étoit capable, et de quelle nature pouvoit être son influence en Europe, *quand on vit tout à la fois son pavillon en Egypte et sur les côtes d'Italie, au pied des Alpes et sur les montagnes de la Suisse, sur les bords du Rhin et aux portes d'Amsterdam.*

Atlas de Le Sage (Comte de Las-Cases), Paris, 1842.

I.

Встрѣча цесаревича Павла Петровича съ Дармштадтскими принцессами.— Делема графа Сольмса.— Исполненіе программы задуманной Екатериной II.— Выборъ невесты.— Письма ландграфини.— Характеристика новой великой княжны.

Повѣствованіе наше прервалось на той минутѣ когда, почти 19ти-лѣтній великій князь Павелъ Петровичъ встрѣтилъ, по дорогѣ изъ Царскаго Села въ Гатчину, трехъ сестеръ,

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3, 9 и 10и 1870 года и №№ 1, 2 и 3и 1871.

принцессъ Гессенъ-Дармштадтскихъ, изъ коихъ старшей было 19 лѣтъ, второй только-что минуло 18, а младшей 16.

Кромѣ непреодолимой страсти ко всему военному, этотъ великій князь наследовалъ отъ Петра III нѣсколько болѣзненное сложеніе, окончательно окрѣпшее лишь въ года зрѣлости.* Несмотря на это, судя по описанію оставленному барономъ А. И. Черкасовымъ (письмо № XXI), цесаревичъ Павелъ Петровичъ имѣлъ тогда весьма привлекательную наружность, умное выраженіе лица, прекрасные глаза и носъ нѣсколько приподнятый, подобно родному дѣду его, владѣтельному принцу Ангальтъ-Цербстскому. Все это подтверждаютъ и портреты великаго князя, писанные въ то время (см. сказанное въ примѣчаніи), а также слѣдующее, весьма обстоятельное въ семъ отношеніи, письмо, адресованное, въ теченіе того же 1773 года, тогдашнимъ прусскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, графомъ Сольмсомъ, ** барону Ассебургу:

* Петръ III былъ вообще слабаго сложенія; часто хворалъ, и въ 1744 году, послѣ обрученія своего, три раза былъ опасно боленъ: сперва воспаленіемъ, потомъ летучею оспой, а вслѣдъ затѣмъ, и настоящею оспой (von Helbig, *Biographie Peter des Dritten, Tübingen, 1808*, т. I, стр. 50). Въ томъ же году и обрученная невѣста его постигнута была тяжкою болѣзнію (*Осмынадесятый вѣкъ*, Москва, 1868 года, книга I, стр. 423 и 424). А Павелъ I, какъ выше сказано, до вступленія въ зрѣлые года, вынесъ по крайней мѣрѣ пять недуговъ. Онъ былъ боленъ: 1) въ Москвѣ, въ 1762 году, во время коронаціи Екатерины II (*Записки княгини Дашковой*, стр. 83); 2) въ Петербургѣ, въ 1765 году (*Русск. Вѣст.* 1870 года № 1, стр. 10 и 11); 3) тамъ же, въ 1768 году (№ 2 того же журнала, стр. 569); 4) въ 1769, и 5) въ 1776 (см. гл. V и VI сего заключительнаго повѣствованія). Что же касается до портретовъ великаго князя Павла Петровича писанныхъ до 1773 года, то нѣкоторые изъ нихъ находились на бывшей въ прошломъ году въ С.-Петербургѣ, въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ, выставкѣ старинныхъ портретовъ, гдѣ былъ также современный портретъ владѣтельнаго принца Христіана-Августа Ангальтъ-Цербстскаго (по каталогу № 263), роднаго дѣда Павла I съ материнской стороны (отца Екатерины II), доказывающій, какъ выше замѣчено, въ отношеніи формы носа, поразительное между ними сходство.

** См. № 1й *Русск. Вѣст.* 1871, стр. 135 — 137. Графъ Викторъ Фридрихъ Сольмс-Зонненвалде состоялъ съ 1763 по 1779 годъ посланникомъ при Россійскомъ дворѣ, отъ котораго и получилъ 24го іюля 1765 года Александровскую ленту (см. *Историч. Собраніе спис-*

„Le Grand Duc a de quoi se faire aimer d'une jeune personne. Sans être grand de taille, il est *beau de visage*, parfaitement bien fait, agréable dans la conversation et dans ses manières, *doux*, extrêmement poli, prévenant et d'une humeur *gaie*. Dans ce beau corps demeure l'âme la plus belle, la plus honnête, la plus généreuse et, en même temps, la plus pure et la plus innocente, qui ne connoît le mal que du mauvais côté, qui n'en connoît que ce qu'il faut pour être résolue de l'éviter pour lui même, et pour le désapprouver en d'autres; enfin, on ne sauroit dire assez de bien de ce Grand Duc, et Dieu le conserve dans les sentiments qu'il a actuellement. Si j'en disois davantage, je me soupçonnerai moi même d'adulation.“*

сковь кавалерамъ, Москва, 1814 года, стр. 218), вѣроятно за подписанный 31го марта 1764 же года секретный договоръ объ оборонительномъ союзѣ между Россіей и Пруссіей, имѣвшій въ основаніи своемъ взаимное обязательство поддерживать избраніе Понятовскаго въ королѣ Польши и не допускать установленіе тамъ наследственнаго правленія. Сольмсъ былъ потомъ оберъ-гофмаршаломъ Фридриха II и умеръ въ Берлинѣ въ 1783 году; отъ брака съ прусскою фрейлиной, графиней Денгофъ (Dönhof), имѣлъ сына Христіана, который былъ гофмаршаломъ при своемъ дворѣ и умеръ въ 1799 году. Вдова его, рожденная графиня Шлиппенбахъ, вступила тогда во второй бракъ съ ганноверскимъ государственнымъ министромъ Омштедъ (Ompteda). Древность рода Сольмсъ восходитъ до XII столѣтія и, кромѣ этой угасшей вѣтви, въ Германіи существуетъ понынѣ шесть или семь разныхъ линій графовъ Сольмсъ (Klüber, *Genealogische Staats-Handbuch*).

Ассебургъ тотъ самый дипломатъ, которому поручено было Екатериной II отыскать невѣсту для ея сына и который такъ подробно описалъ свойства трехъ Дармштадтскихъ принцессъ. Во время поѣздки ихъ въ Россію, онъ находился въ имѣніи своемъ Мейсдорфъ и ожидалъ тамъ развязки своей брачной негодіи (см. *Русск. Вѣст.* № 9й 1870 года, стр. 94—100 и 103—105, и № 1й 1871 года, стр. 124—135, 3е приложение къ листу Екатерины II, № VIII).

* „Въ великаго князя легко влюбиться любой дѣвицѣ. Хотя онъ не высокаго росту, но очень *красивъ лицомъ*, весьма правильно сложенъ, разговоръ и манеры его пріятны; онъ *кротокъ*, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ и *веселаго* нрава. Подъ этою прекрасною оболочкой скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и, вообще, овѣдуша о дурномъ лишь насколько это нужно для того чтобы вооружиться рѣшимостью самому избѣгать и не одобрять его въ другихъ. Однимъ словомъ, невозможно сказать довольно въ похвалу великому князю. Да сохранить въ немъ Богъ теперешнія его чувства. Еслибъ я сказалъ еще что-либо болѣе, то самъ бы сталъ подозрѣвать себя въ низкомъ ласкательствѣ.“

Точно такъ же и все что прежде замѣчено было Порошинымъ * и Димсдалемъ ** о физическихъ и нравственныхъ свойствахъ великаго князя удостовѣряетъ что онъ былъ ловокъ, превосходно сложенъ, хотя и небольшого роста, воспріимчивъ и впечатлителенъ.

Какъ бы ни былъ онъ приготовленъ къ знакомству съ принцессами, но онъ могъ думать что застанетъ ихъ еще въ Гатчинѣ, и эта встрѣча на дорогѣ все-таки должна была въ известной степени имѣть для него характеръ внезапности, который вѣроятно и отразился общимъ смущеніемъ юныхъ сердецъ. У цесаревича, конечно, въ это время господствовала одна мысль, одно чувство, одна надежда,—высмотрѣть между трехъ невѣстъ подругу которая во всѣхъ отношеніяхъ достойна и способна другихъ составить счастье всей его жизни. Принцессы же не могли не быть поражены тѣмъ что предъ ними былъ не только прекрасный молодой человекъ, въ рукахъ котораго находилась въ эту минуту ихъ участь, но и окруженный обаяніемъ и популярностью наследникъ всероссійскаго престола....

Но великій князь Павелъ Петровичъ уже умѣлъ владѣть собою и обладалъ тою самоувѣренностью, которую ему и слѣдовало имѣть въ столь высокомъ санѣ. Онъ первый нашелся, выразивъ очень умно и развязно ландграфинѣ свою признательность за то что она для него предприняла столь дальное и утомительное путешествіе.

Состоявшій въ свитѣ ея свѣтлости баронъ Штраутенбахъ (*Русск. Вѣстн.* 1870. № 9й, стр. 117) сообщилъ объ этомъ Ассесбургъ слѣдующимъ образомъ:

„Le Grand Duc, dans son compliment à Madame la Landgrave, la remercia avec beaucoup de politesse, d'avoir voulu entreprendre un voyage aussi long et aussi pénible, mais dont tout le bonheur de sa vie avoit dépendu.“

* *Записки* С. Порошина, состоявшаго при великомъ князѣ до 1768 года. С.-Петербургъ, 1844 года.

** См. извлечение изъ *Записки* составленной въ томъ же 1763 году осполпрививателемъ Димсдалемъ и переведенной съ французскаго языка К. К. Злобинымъ, (*Русск. Вѣстн.* № 1й за 1870 годъ., стр. 10, 44—49 и 58 и 59 и № 2й, стр. 549—552 и 572).

Погода была въ этотъ день жаркая, вполнѣ лѣтняя. Императрица сидѣла въ бѣлѣ-мѣстномъ экипажѣ (вѣроятно открытымъ) съ ландграфиней, ея дочерьми и генераломъ Бауеромъ. * Ихъ сопровождали: князь Орловъ, баронъ Черкасовъ, генералъ Ребиндеръ, а также дамы и кавалеры Дармштадтскаго двора.

Для Екатерины II это была, безъ сомнѣнія, минута торжества и удовлетворенной гордости. Тому уваженію которое

* То же письмо Штраутенбаха къ Ассебургу. Мы не знаемъ вѣхалъ ли великій князь изъ Царскаго Села верхомъ или въ экипажѣ, и съ кѣмъ именно—съ графомъ ли Панинымъ или съ кѣмъ-либо изъ состоявшихъ при немъ молодыхъ кавалеровъ; но имѣемъ полное основаніе полагать что въ экипажѣ императрицы посаженъ былъ не князь Орловъ, а генералъ Бауеръ, потому что предвидѣлось что при встрѣчѣ съ цесаревичемъ, ему пришлось бы уступить его высочеству свое мѣсто въ этомъ самомъ экипажѣ (ср. въ примѣчаніи къ этой главѣ описаніе V картины). Орловъ, какъ генералъ-адъютантъ, какъ хозяинъ въ Гатчинѣ и какъ главный распорядитель поѣзда, вѣроятно вѣхалъ верхомъ; а подверженный подагрѣ баронъ Черкасовъ конечно въ слѣдующей каретѣ сопровождалъ дармштадтскимъ дамамъ; генералъ же Ребиндеръ вѣхалъ, должно полагать, въ третьей каретѣ, съ дармштадтскими кавалерами. Шестимѣстные экипажи чуть ли не были тогда въ модѣ при нѣкоторыхъ дворахъ, и въ такомъ же экипажѣ Екатерина II вѣзла въ Финляндію, на свиданіе съ шведскимъ королемъ Густавомъ III (*Записки* кн. Дашковой, стр. 217). Штраутенбахъ, называя его *большою каретой* (carosse)—что заставляетъ насъ подозрѣвать его въ далеко несовершенномъ знаніи французскаго языка и полагать что это была открытая коляска,—сравниваетъ его съ подобнымъ же экипажемъ видѣннымъ имъ у дармштадтскаго принца Георга-Вильгельма, дочь котораго, принцесса Шарлотта, также была одно время въ числѣ невѣстъ цесаревича (см. *Русск. Вѣст.* 1870 года № 9, стр. 100 и *Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg*, Berlin. 1842, p. 264). О Штраутенбахѣ Ассебургъ говоритъ, въ тѣхъ же *Запискахъ*, что это былъ преданный другъ семейства ландграфини. О немъ узнаемъ изъ сочиненія Эдуарда Фэзе (Vehse) *Geschichte der Deutschen Höfe*, Hamburg, 1853, часть V, стр. 394 и 399, что онъ жилъ постоянно въ Дармштадтѣ (а не въ замкѣ Пирмазенсѣ, въ 16ти миляхъ оттуда, служившемъ резиденціей ландграфу Лудвигу IX), гдѣ также имѣли пребываніе: тамошній уроженецъ, извѣстный въ свое время литераторъ Штурцъ (Sturz) и Меркъ (Merck), другъ Гёте. Первый изъ нихъ часто бывалъ во дворцѣ у ландграфини; а второй сопровождалъ ее въ Россію, вѣроятно въ званіи секретаря (см. ту же книжку *Русск. Вѣст.*, стр. 117 и *Carl Wagner, Briefe aus dem Freundenskreise Goethe, Höpfner und Merck*, Leipzig, 1847). Въ письмахъ ландграфини къ ея матери, принцессѣ Цвейбрюк-

она внушала Европѣ къ своему государству обязаны были и сама Екатерина и ея единственный сынъ такимъ почетомъ какого не знали, ни императоры Германно - Римской имперіи, ни короли старѣйшихъ династій въ Испаніи, Франціи и Англіи. Имъ привозили невѣсты не только сосватанныхъ, сговоренныхъ, помолвленныхъ, а даже обрученныхъ, а иногда заочно съ ними обвѣнчанныхъ (*mariages par procuration*). *Здѣсь еще невѣсты еще не было*; Екатерина поставила на своемъ и не измѣнила ни единой йоты въ той программѣ и обстановкѣ которая задумала за два года предъ тѣмъ. *

кенской, рожденной принцессѣ Нассау-Саарбрюккѣ, упоминается также въ числѣ ея спутниковъ графъ Нессельродъ, отецъ канцлера и родной дѣдъ гофмейстера графа Д. К. Нессельрода, до котораго дошло по преданію что дѣдушка его былъ принятъ въ русскую службу по рекомендаціи ландграфини. Онъ женатъ былъ на дочери патриція города Франкфурта-на-Майнѣ, г. Гонтара и, навѣщая семью своего тестя, могъ бывать по сосѣдству въ Дармштадтѣ. Но, надо полагать что подобно барону Ассебургу, проводившему ландграфиню отъ Дармштадта до *Лейпцига*, графъ Нессельродъ сопровождалъ ее *никакъ не далѣе Берлина*, откуда отправился оухимъ путемъ въ Петербургъ; иначе бы въ перепискѣ Екатерины II съ Черкасовымъ непременно упоминалось о прибытіи графа Нессельрода на русской эскадрѣ въ Ревель, въ свитѣ ландграфини. Во всякомъ случаѣ, тайный совѣтникъ графъ Нессельродъ нѣсколько лѣтъ спустя уже былъ россійскимъ посланникомъ въ Лиссабонѣ (см. *Росс. Родосл. Книг.*, Т. III, стр. 203 и *Записки Ассебурга*, стр. 262, 308 и 309: *Etat des appointements des Ministres de Russie dans les pays étrangers en 1779*).

* При чтеніи писемъ Екатерины II къ Ассебургу и къ Черкасову, становится яснымъ что съ самаго начала 1771 года, программа ея установилась на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Добиться чтобы, подобно тому какъ ее привезла въ Россію ея мать, принцесса Ангальтъ-Цербстская (подъ предлогомъ принесенія благодарности императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ за милости оказанныя ей вслѣдствіе родственныхъ отношеній къ Гольштейнскому дому), одна изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ непременно *протестантскаго, а отнюдь не римско-католическаго исповѣданія*, по поводу родства, или подъ какимъ бы то ни было инымъ предлогомъ (кромя истиннаго), согласилась прибыть къ Російскому двору съ нѣсколькими дочерьми.

2. Еслибъ онѣ были малолѣтними, то Екатерина II бралась *сама* или, по крайней мѣрѣ, *на своихъ глазахъ воспитывать ихъ* и преимущественно *ту которая была бы избрана въ невѣсты цесаревичу*, причемъ обѣщала обезпечить приданымъ оудьбу таковыхъ принцессъ

52хъ-лѣтняя почтенная и умная особа одного изъ древнѣйшихъ владѣтельныхъ домовъ привезла трехъ дочерей своихъ на показъ и на выборъ наслѣднику всероссійскаго престола, и еще въ Любекѣ, сядя на императорскій фрегатъ, предупреждена была отъ имени Екатерины II что вѣрнѣйшее средство снискать ея расположеніе заключалось въ томъ чтобы *постоянно оказывать величайшее уваженіе ея августѣйшему сыну и народу Русскому.*

Очевидно что каждый изъ бывшихъ въ Гатчинѣ или Царскомъ Селѣ свидѣтелей событія 15го июня 1773 года долженъ былъ понимать что тутъ совершается нѣчто небывалое.... Дѣйствительно, несмотря на сѣтованія ландграфини, высказывавшіяся въ письмахъ которыя она писала еще изъ Дармштадта, и повторявшіяся при каждомъ удобномъ случаѣ во время пути, то въ Берлинѣ, то въ Ревелѣ (ср. 4е приложение къ письму № VIII и письму № XXI, во второмъ эпизодѣ), несмотря даже на вмѣшательство короля Прусскаго (см. тамъ же), Екатерина II осталась непреклонною и въ этотъ день могла повторить какъ ровно за мѣсяцъ предъ тѣмъ: „Здѣсь еще *невѣсты нѣтъ*; а просто ландграфиня едетъ къ моему двору съ дочерьми *повидатся, познакомится*, такъ какъ принцъ Генрихъ, * а до него принцъ Ан-

по достиженіи ими совершеннолѣтія, равно какъ и иныхъ, которыя, совершивъ поѣздку въ Россію, могли бы не понравиться.

3. Императрица выражала готовность взять даже на себя всѣ путевыя издержки матери съ дочерьми.

4. Выслать для нихъ русскую эскадру въ одинъ изъ нѣмецкихъ портовъ и принять ихъ за-просто, въ одномъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ.

и 5. Отказывалась за сумъ связывать себя заочно какимъ бы то ни было дальнѣйшимъ обязательствомъ (*Je ne veux m'engager à rien avant de les avoir vues.* См. письма адресованныя Ассбургъ Екатериной II изъ Петербурга, 30го января ст. ст. и изъ Царскаго Села 17го (28го) мая 1771 года, и графомъ Н. И. Панинымъ 19го октября 1772 года). И почти вся эта программа (за исключеніемъ только 2го параграфа, оказавшагося непримѣнимымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ) исполнена была съ послѣдовательностью и точностью дѣйствительно изумительными!

* Въ 1770 году, въ бытность свою въ Петербургѣ, этотъ родной братъ Фридриха Великаго и слодвижникъ его въ семилѣтней войнѣ, заявилъ императрицѣ Екатеринѣ *первую мысль о раздѣлѣ Польши.* См. далѣе, въ главѣ V этой статьи, вторичный пріѣздъ его въ Петербургъ, въ 1776 году. Княгиня Дашкова упоминаетъ объ немъ на стр. 104 своихъ *Записокъ.*

гальтскій и герцогъ Курляндскій приѣхали“ * (№ IV)... и прибавить: „Не цалуйте руки у особъ не принадлежащихъ къ царской фамилии: ландграфиня и ея дочери не принадлежатъ къ ней!“ (№ V.)

Конечно, императрица еще не связана была ничѣмъ, кромѣ нѣкоторой нравственной отвѣтственности. Однакожь она была сильно заинтересована какъ глава династїи и какъ мать; а наилучшимъ доказательствомъ тому что тутъ громко говорило материнское чувство служить та обширная *собственноручная* переписка которую она вела по сему случаю и *часть которой*

* Это могъ быть принцъ Ангальтъ-Бернбургскій или иной; но едва ли Цербтскій владѣтельный принцъ, родной братъ Екатерины II, котораго Гельбигъ называетъ *bizzage Mann*, за то что онъ не принялъ приглашенія Петра III прїѣхать въ Петербургъ и вступить въ русскую службу (*Biographie Peter des Dritten*, Tübingen, 1808, т. II, стр. 75). Сама же Екатерина II, по воцареніи, дѣлала все возможное для того чтобы заставить всѣхъ забыть о своемъ иностранномъ происхожденіи (ср. *Записки* кн. Дашковой, стр. 246) и не могла желать появленія при своемъ дворѣ роднаго брата, котораго она мало знала, такъ какъ воспитывались они врозь, она въ Штетинѣ, а онъ въ Лозаннѣ (ср. *Русск. Вѣст.* 1871 года № 3й, стр. 287), но присутствіе котораго живо напомнило бы что она родилась германскою принцессой. Въ 1762 году, вражда противъ Прусаковъ была возбуждена въ Россіи до крайней степени, потому что русскія войска нѣсколько лѣтъ сряду напрасно жертвовали жизнью изъ-за чужихъ интересовъ. Посему, когда вслѣдствіе нравственнаго потрясенія которое причинило Екатерину II извѣстіе о внезапной кончинѣ Петра III, этой государынѣ пришлось прибѣгнуть къ кровопусканію, и большая часть царедворцевъ съѣхались къ ней на другой день чтобъ узнать объ ея здоровьѣ, — она вышла къ нимъ и привела ихъ въ неописанный восторгъ, объявивъ съ многозначительною улыбкой: „Докторъ Роджерсонъ вчера вынулъ изъ меня послѣднія капли нѣмецкой крови!...“ (Вполнѣ достовѣрное преданіе.) Впрочемъ, за словомъ послѣдовало и дѣло: русское правительство отозвало свою армію и поставило себя въ самое выгодное положеніе, объявивъ себя *нейтральнымъ* между Пруссіей и Австріей. Таковы были *первыя* шаги на пути той огромной популярности которую въ послѣдствіи пріобрѣла Екатерина II! Между тѣмъ, въ угоду ей, Фридрихъ II щедро вознаграждалъ жителей ея родоваго княжества Ангальтъ-Цербтскаго за собраныя съ нихъ во время войны контрибуціи; а такъ какъ принцъ Фридрихъ-Августъ, ненавидѣвшій короля именно вслѣдствіе занятія имъ его владѣній, жилъ тогда въ Гамбургѣ, то, въ бытность свою въ Москвѣ, въ 1775 году, императрица и писала московскому главнокомандующему, князю М. Н. Волконскому:

составляетъ сообщенная нами корреспонденція съ Черкасовымъ. Инструкціи ему и Ребиндеру, одна въ 11ти, другая въ 18ти пунктахъ, не только въ черновыхъ экземплярахъ написаны Екатериной II, но и *ею самой переписаны на блѣ*; даже всѣ приложенія къ ея письмамъ (за исключеніемъ копій съ одного донесенія князя Долгорукова, переписаннаго писарскою рукою), несмотря на значительный объемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ 3е приложеніе къ № VIII, подробное описаніе Дармштаттскаго двора), суть драгоценныя ея *автографы*, произведенія свѣтлой мысли и трудолюбивыхъ рукъ великой Екатерины. Что же касается именно до писемъ адресованныхъ ею Ассе-

„Пожалуй сыщи мнѣ здѣсь какого-нибудь полковника или генералъ-майора Нѣмца, умнаго и вѣрнаго человѣка, котораго я бѣ могла къ брату моему послать чтобъ его уговаривать вхаты въ свой домъ (то-есть къ себѣ домой) и сюда не пріѣхать.“

Очень можетъ быть что тогда выборъ палъ на Г. Х. Ребиндера, ибо въ 1773 году Екатерина II уже отзывалась объ немъ какъ о человѣкѣ доказавшемъ свою смѣлливость и тактъ (ср. *Русск. Вѣст.* 1870 № 9й, стр. 107). Что же касается до князя Волконскаго, то онъ такъ хорошо зналъ по-нѣмецки что одно изъ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеній закончилъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Es geht unserer Kaiserin wohl,

So geht es wie soll;

Und geht es wie es soll,

So geht es uns allen wohl! (См. *Осьмнадцатый Вѣкъ*, Москва 1868 кн. I, стр. 112, 113 и 161).

Слово „герцогъ“ (а не принцъ) еще не разрѣшаетъ тутъ сомнѣнія. Съ 1762 до исхода 1769 года, то-есть до отреченія своего отъ курляндскаго престола въ пользу старшаго сына своего, Э. I. Биронъ (бывшій регентъ, а затѣмъ ссыльный), былъ владѣтельнымъ герцогомъ, потомъ все-таки долженъ былъ сохранить титулъ герцога, передавъ бразды правленія сыну, который также съ этой минуты сталъ герцогомъ. Первый умеръ въ концѣ 1772 года, то-есть менѣе чѣмъ за годъ до написанія этого письма. Именно въ этотъ промежутокъ новый герцогъ Петръ Биронъ могъ пріѣзжать въ Петербургъ для пріятія нѣкотораго рода инвеституры отъ нашего двора. Но, намекъ на пребываніе при ономъ герцогѣ Курляндскаго можетъ точно такъ же относиться и къ проѣзду самаго Э. I. Бирона чрезъ Петербургъ, по возвращеніи изъ Ярослава (ср. *Русск. Вѣст.* 1870 № 3й, стр. 168 и 169).

бургу, Долгорукову * и Черкасову, то первыя замѣчательно длинны и обстоятельны (см. далѣе въ концѣ этой и III главы); а бѣольшая часть послѣднихъ написана императрицей ранехонько поутру, другія вслѣдъ за завтракомъ (№ XX) или предъ купаньемъ (№ XIX), нѣкоторыя послѣ обѣда (№ XXV), иной разъ и въ воскресный день (№№ X, XIV и XXIII), то-есть въ такое время когда она обыкновенно и безъ особенной экстренности дѣлами не занималась; наконецъ письма Екатерины II часто скрещивались съ донесеніями Ассбургга и Черкасова, такъ напримѣръ къ первому прибыло въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1771 года въ теченіи одной недѣли два русскихъ курьера (*Записки* его, стр. 254); что же касается собственно до переписки императрицы съ Черкасовымъ, то въ продолженіи одного мѣсяца то-есть съ 13го мая по 14е іюня, случилось, что *семь* разъ оба корреспондировавшія лица писали другъ другу *въ одинъ и тотъ же день*, а именно: 13го, 14го, 16го, 21го, 25го мая, 2го и 9го іюня, такъ что эти письма и донесенія непременно должны были встрѣчаться дорогой. Случалось также что Екатерина II писала Черкасову *по два* (всего четыре раза: 2го, 4го, 7го и 8го іюня) или *по три дня сряду*, какъ напримѣръ 13го, 14го и 15го мая, а предъ самымъ его пріѣздомъ она *два дня сряду* писала ему *по два раза въ сутки*....

Что же вынуждало Екатерину II къ такой дѣятельности, къ сосредоточенію по цѣлымъ часамъ мыслей и заботъ на одномъ предметѣ, къ написанію отвѣта иногда второпяхъ, въ самую минуту полученія всеподданнѣйшаго донесенія?... Что же, наконецъ, если не самое теплое материнское чувство заставляло ее вести обширную переписку совершенно конфиденціально, помимо всякихъ статсъ-секретарей, а иногда и самого вице-канцлера?... Она не хотѣла допускать чтобы чрезъ графа Панина отразилось иноземное вліяніе (короля Прусскаго) на выборъ невѣсты, и выборъ этотъ она желала предоставить *себѣ самой обще съ сыномъ своимъ*. ** Исключительное въ этомъ дѣлѣ довѣріе свое

* О письмахъ Ребиндеру и Долгорукову см. №№ II, III и приложение къ № XV, начинающееся со словъ: „Собственноручное В. И. В. писанье отъ 28го минувшаго апрѣля удостоился получить исправно вчерась поутру.“

** Вотъ положительное доказательство того что выборъ предполагалось сдѣлать *сообща*. Заимствуемъ его изъ вышеприведеннаго письма Панина Ассбурггу, отъ 19го октября 1772 года: „Il faudrait une fatalité inouïe pour qu'aucune des trois Princesses n'emportât le suffrage

къ барону Черкасову Екатерина II высказываетъ въ нѣсколькихъ письмахъ; а когда она опасается что агенты Фридриха II станутъ руководить ландграфиней при Россійскомъ дворѣ, то съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, въ качествѣ императрицы и матери, поручаетъ Черкасову очень серьезно напомнить ея свѣтлости что въ подобныхъ обстоятельствахъ права матери выше всѣхъ постороннихъ притязаній. (№ VIII.)

Но и тогда, надѣясь на энергію Черкасова, она заранее указываетъ ему на ту изъ трехъ принцессъ которая ей больше другихъ нравится, и лишетъ ландграфинѣ: „*Mes yeux sont tournés vers la mer*“.... давая ей тѣмъ чувствовать что фрегатъ *Св. Маркъ* несетъ если не самого кесаря, то по крайней мѣрѣ его fortuna, то-есть надежду ея материнскаго сердца и Россіи, словомъ, ту особу которая должна составить счастье будущаго Всероссійскаго императора. *

de l'Auguste Mère conjointement avec celui de son fils. Тутъ же онъ прибавляетъ что оба нѣжно любятъ другъ друга, то-есть императрица и цесаревичъ (*qui s'aiment si tendrement*). О женитьбѣ его Панинъ же отзывался какъ о предметѣ въ высшей степени близкомъ благу государственному и *сердцу нѣжной матери*. (Делеша адресованная въ январѣ мѣсяцѣ 1768 года, изъ Москвы, русскіи посылнику при Датскомъ дворѣ Сальдерну (*objet qui intéresse si essentiellement et le bien de l'Etat et les sentiments d'une mère tendre*). Сама Екатерина II съ нетерпѣніемъ ожидала донесеній Ассбургга (*J'attends avec impatience votre réponse*, письмо 30го января 1771) и Черкасова (вся переписка съ нимъ это подтверждаетъ) и сердечно благодарила обоихъ за ихъ хлопоты. (*Je vois avec sensibilité et reconnaissance les soins, le zèle et la prudence, que vous mettez dans vos recherches*,—письмо Ассбурггу, отъ 16го (27го) января 1772).

* Недавно мы имѣли случай видѣть въ галлерей драгоцѣнныхъ вещей Императорскаго Эрмитажа весьма замѣчательную золотую табакерку или скорѣе бомбоньерку большаго размѣра (*boîte à pastilles*), съ восемью миниатюрными картинами (подъ стекломъ), чрезвычайно отчетливо исполненными по заказу Екатерины II въ Парижѣ, въ 1774 году, живописцемъ Бларанбергомъ (*van Blarenberghe*), именно въ память сватовства и женитьбы цесаревича Павла Петровича. Эта четырехугольная бомбоньерка хранится въ такъ-называемой *комнатѣ павлина* (*chambre du paon*, — посреди ея стоятъ часы съ музыкой, принадлежавшіе князю Потемкину и имѣющіе видъ павлина), въ XIII витринѣ, подъ № 4.043. Прежде чѣмъ сообщить описаніе этихъ превосходныхъ миниатюръ, замѣтимъ что на V, VI и VII картинахъ, Екатерина II изображена подъ видомъ Минервы; что на первой изъ

Вслѣдъ за симъ, письма самой ландграфини, изъявленная ею полная покорность и совершенная готовность слушать одну императрицу, и наконецъ донесеніе Черкасова о лично сдѣланныхъ ея свѣтлости внушеніяхъ, уже установили между обѣими матерями тѣ узы взаимнаго довѣрія подъ вліяніемъ котораго мы ихъ теперь находимъ. Торжествующая Екатерина конечно

нихъ она приглашаетъ великаго князя пересѣсть въ экипажъ принцессъ Дармштадтскихъ, и что въ ту минуту какъ онъ къ нимъ садится, Амуръ воззаетъ стрѣлу въ его сердце. Это подтверждаетъ высказанное нами предположеніе что, встрѣтившись на дорогѣ изъ Гатчины въ Царское Село съ принцессами, цесаревичъ занялъ въ экипажѣ императрицы мѣсто генерала Бауера. Что же касается до IV картины, то тутъ баронъ А. И. Черкасовъ ошибочно представленъ вручающимъ ландграфинѣ письмо Екатерины II *среди сада*. Вѣроятно живописецъ не зналъ той подробности что, какъ это и видно изъ всеподданнѣйшихъ донесеній Черкасова, письмо вручено было уже по прибытіи ландграфини въ самый Екатерининскій дворецъ. Баронъ изображенъ тутъ напудреннымъ и въ голубомъ французскомъ кафтанѣ. При немъ два офицера, придворный конюшенный офицеръ Богдановъ (?) и докторъ Кельхенъ (?), оба въ бѣлыхъ кафтанахъ. Но вотъ и подробное описаніе этихъ картинъ, составленное самимъ миниатюристомъ и сохранившееся съ тѣхъ поръ въ Эрмитажѣ:

Premier tableau, sous la boîte. Une escadre de trois vaisseaux appareillant pour mettre à la voile et aller prendre la Landgrave de Hesse Darmstadt et les Princesses ses filles. Minerve et Neptune président à ce voyage et le protègent. (Русская эскадра снимается съ якоря въ Кронштадтѣ 7го мая и отправляется за принцессами въ Травемюнде. См. *Русск. Вѣстн.* 1870. № 9, стр. 107—109.)

Second tableau, au dessus de la boîte. L'escadre, qui amène les Princesses, entre en rade à Reval. Les vaisseaux sont pavoisés et ornés de banderoles, de guirlandes, etc.... Aux fenêtres de la cabine du grand vaisseau l'on voit les Princesses, saluées par le peuple; plus bas est une musique militaire. (Прибытіе принцессъ въ Ревель, 6го июня, см. тамъ же, стр. 118.)

Troisième tableau, derrière la boîte. Le débarquement des Princesses. Elles sont assises sous un pavillon, dans une chaloupe, dont les Jeux et les Ris sont les rameurs, et les guides. Un Amour attire la barque vers la terre, où les Nymphes se disposent à recevoir les Princesses. Des salves partent de la forteresse et des vaisseaux. (Принцессы дострагуютъ берега въ шлюпкѣ, при шумечной пальбѣ.)

Quatrième tableau, coté droit de la boîte. Les Princesses sont reçues par un seigneur, accompagné de deux officiers, qui présente une lettre à leur mère. A droite trois musiciennes, et dans le fond, un pavillon, sous lequel est préparée une collation. Des Amours et des Plaisirs cueillent des fleurs et en sèment le chemin des Princesses. (Баронъ Черкасовъ принимаетъ принцессъ въ Екатерининскомъ саду. Вдали бесѣдка, гдѣ приготовленъ завтракъ. Амуры и Радости срываютъ цвѣты и бросаютъ ихъ къ ногамъ принцессъ.)

уже въ эту минуту рѣшилась (если ей это и прежде не приходило на умъ) не отпускать ландграфиню въ обратный путь со всѣми тремя ея дочерьми.... Иначе бы она и не позволила великому князю благодарить ее за предпринятое для него путешествіе....

Во всякомъ случаѣ, графъ Панинъ, хорошо знавшій свою государыню, вѣрно предсказалъ, когда писалъ слѣдующее: „Cet empressement de la Landgrave à remplir un désir si juste,

Cinquième tableau, coté gauche de la boîte. Rencontre des Princesses et du Grand Duc. Minerve les conduit dans un char, attelé de quatre chevaux de front. Elle invite le Prince à y prendre place. Toutes sortes d'équipages sont à sa suite. Un Amour, couché sur l'impériale du char, décoche une flèche contre le Grand Duc au moment où il y monte. (Встрѣча великаго князя съ принцессами, 15го іюня, ср. выше сего и въ Русск. Вѣстникъ 1870 года, № 10, стр. 506.)

Sixième tableau, du coté de devant. Mariage de L. L. A. A. I. I. Le Grand Duc et son Epouse sont conduits à l'autel de l'Hyménée par Minerve, qui les couvre de son bouclier. Les Plaisirs leur jettent des fleurs, plusieurs Nymphes offrent des sacrifices et de l'encens à l'Hymène. L'autel de ce dieu est placé dans un bois sacré. A gauche on voit le peuple témoigner sa joie par des danses. Le chiffre des Augustes époux (P. N.) paroît dans l'air comme un astre nouveau. (Аллегорія бракосочетанія ихъ высочествъ. Ихъ вензель П. Н., то-есть Павелъ и Наталья, появляется въ видѣ новаго свѣтила; см. далѣе, въ этой статьѣ: Описаніе счастливо совершившагося 29го сент. 1773 торжества высокобрачнаго сочетанія, и пр.)

Septième tableau, sous le couvercle de la boîte. Voeux de la nation pour avoir un Héritier. Les dieux, prenant intérêt à la prospérité de l'Empire, se sont engagés d'avance à exaucer ces vœux. Lucine, déesse des Accouchements, présente à Minerve le nouveau-né. La Justice et les autres Vertus entourent le Trône de cet enfant désiré. Uranie lui montre sur le globe le vaste Empire, qui lui est destiné. Mercure se chargera de son instruction. Aux pieds du Trône est un globe, figurant le vaste Empire de Russie. Il paraît prêt à suivre deux colombes, symbole de la douceur, qui caractérise le Règne de l'Impératrice Catherine II. (Разрѣшеніе великой княгини отъ бремени. См. въ концѣ главы V этого разказа. Здѣсь двѣ голубицы служатъ символомъ кротости правленія Екатерины II.)

Huitième tableau, dans la boîte. (Эта картина вкладывается въ бомбоньерку и вынимается изъ нея.) Réjouissances publiques. Feu d'artifice lancé sur la Néva. Les décorations représentent le Parnasse et les attributs de la guerre. Les victoires, remportées sur mer et sur terre depuis 1769, y sont figurées. Le fond de ce tableau est occupé par le palais des Souverains. (Народныя празднества. Фейерверкъ на Невѣ. Аллегорическое изображеніе побѣдъ одержанныхъ Русскими съ 1769 года на сушѣ и на морѣ.)

Подобная табатерка, подаренная Екатериной II князю Г. Г. Орлову, принадлежит нынѣ графу В. П. Орлову-Давыдову. На ней изображены также въ миниатюрѣ и вѣроятно тѣмъ же Бларабергомъ разныя эпизоды восшествія императрицы Екатерины на престолъ 27го іюня 1762 (Ср. Русск. Вѣстн. 1870, № 3, стр. 166 и 167.)

ravira Sa Majesté et, en lui captivant la reconnaissance d'une Souveraine magnanime et généreuse, satisfaira en même temps à la tendresse et aux sentiments maternels de la Landgrave qui doivent lui être communs avec Sa Majesté.... (То же письмо къ Ассбургу, отъ 19го октября 1772 года.)

Есть даже преданіе будто стоя на балконѣ тогдашняго Гатчинскаго дворца, въ то время когда ландграфиню и ея дочерей высаживали изъ дорожной кареты, императрица тотчасъ узнала по осанкѣ, манерамъ и посылу ту принцессу которая, по сдѣланнымъ Ассбургомъ и Черкасовымъ описаніямъ, уже была тогда предназначена ею въ невѣсты цесаревичу. *

Что же касается до ландграфини, то хотя, по собственному ея сознанію, смущеніе ея было велико и сердце сильно билось, но билось оно уже отчасти отъ пріятной увѣренности что дальняя ея поѣздка увѣчается успѣхомъ, отчасти же и отъ неизвѣстности: которая именно изъ ея дочерей будетъ выбрана въ супруги наследника всероссійскаго престола?

На другой день она писала Фридриху Великому изъ Царскаго Села:

„L'Impératrice, pour diminuer mon embarras et celui de mes filles, a eu la bonté de venir hier à notre rencontre à Gatschina,

* Этому преданію, впрочемъ, противопоставляютъ другое, а именно: будто, когда принцессы Баденскія подѣзжали къ Зимнему дворцу съ своею матерью, Екатерина II, стоявшая на балконѣ комендантскаго подѣзда, извѣстномъ подъ именемъ *фонарика*, замѣтивъ что одна принцесса проворно выскочила изъ кареты, а другая осторожно, неторопливо и съ достоинствомъ перешла ступени экипажа, сказала: „Вотъ эта будетъ моею внучкой!“ Эта принцесса и вступила въ бракъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ подъ именемъ великой княгини Елисаветы Алексѣевны. Мать этихъ принцессъ была та самая принцесса Амалия которая съ сестрами своими, принцессами Дармштадтскими, была въ Россіи въ 1773 году; но у ней было не двѣ дочери, а три, и въ 1793 году, при пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ, ни одна изъ нихъ еще не была въ замужствѣ. Уже по этому такое преданіе становится сомнительнымъ; а еще болѣе потому что оно почерпнуто, какъ насъ увѣряютъ, изъ разказовъ графа Н. П. Румянцева который хотя и велъ свадебную негодіацію, но въ 1793 году въ Петербургъ не былъ, а оставался во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ состоялъ тогда россійскимъ посланникомъ (ср. конецъ главы II и гл. VI сего повѣствованія). Относительно же Гатчинскаго дворца слѣдуетъ замѣтить что при Павлѣ I, а затѣмъ и при Николаѣ I, къ нему сдѣланы были значительныя пристройки.

terre appartenant au Prince Orloff, avec une suite peu nombreuse. On y dîna et, venant ici, le Grand Duc vint à notre rencontre. C'est alors, Sire, que j'ai eu l'air plus embarrassé que mes filles. *Il est aimable et d'une grande politesse.* Quant à l'Impératrice, elle a le don d'inspirer dès les premiers moments de la confiance et de l'assurance. J'ai redouté ces premiers instants; je suis enchantée de les avoir passés, mais il reste encore à savoir: quel sera l'objet choisi?... Mon sang ne sera pas tranquille jusqu'à cet instant là. J'ai remis à l'Impératrice la lettre de V. M. Je Lui dois les bontés, que cette Princesse me témoigne. Celles, dont V. M. m'honore, font mon bonheur et ma gloire...." *

Замѣтимъ теперь что отзывъ о томъ что великій князь былъ нрава веселаго подтверждаетъ и Екатерина II, прося Ассбургга заранѣе дать понять принцессѣ Вильгельминѣ Дармштадтской что при Россійскомъ дворѣ очень цѣнить веселое расположение духа, а также манеры предупредительныя и граціозныя, что сама она отъ природы весела и сынъ ее также веселъ. (Je vous conseille de laisser échapper sans affectation devant elle, dans vos propos, quelques mots sur ce qu'à la Cour de Russie on fait grand cas de la gayeté et d'un maintien prévenant et gracieux, que je suis d'un naturel très gay et mon fils aussi. (Письмо отъ 16го (27го) января 1772 года).

Надо полагать что намекъ произвелъ свое дѣйствіе. Между тѣмъ Ассбургъ доказалъ основательное знаніе человѣческаго сердца: онъ никогда не позволялъ себѣ слишкомъ расхваливать ни наружность, ни нравственныя качества принцессъ, и именно вслѣдствіе этого онъ превзошелъ ожиданія. (Записки Ассбургга, стр. 262.)

* „Императрица была въ такой степени добра что для того чтобъ уменьшить смущеніе мое и моихъ дочерей, съ небольшою свитой выѣхала намъ навстрѣчу въ Гатчину,—имѣніе князя Орлова. Тамъ былъ обѣденный столъ, и пока мы ѣхали сюда, мы повстрѣчали великаго князя. Тогда-то, государь, я еще болѣе сконфузилась чѣмъ мои дочери. Онъ любезенъ и чрезвычайно учтивъ. Что же касается до императрицы, она имѣетъ даръ съ первыхъ минутъ внушать довѣріе и самоувѣренность. Я опасалась этихъ мгновений: я очень рада что они прошли; но остается узнать: кто будетъ предметомъ выбора?... Кровь моя не уймется до того времени. Я вручила императрицѣ письмо В. В.—ства. Я обязана вамъ, государь, благорасположеніемъ котораго меня удостоиваетъ эта монархия. Тѣ милости которыми я почтена отъ васъ составляютъ мое счастье и мою славу.“

Вотъ что ему объ этомъ писалъ Штраутенбахъ:

„Le jour suivant nous trouvâmes le Prince Orloff, qui invita les Princesses à dîner à une maison de plaisance (Gatschina), qu'il a sur la route; et quelle fut notre surprise d'y trouver S. M. l'Impératrice; Elle-même nous y reçut avec cette noblesse et avec cette bonté, qui lui assugétit tous les cœurs. Mad. la Landgrave soutint très bien cette première entrevue; mais les Princesses grillées, extenuées déjà par la chaleur et dans le plus grand embarras d'ailleurs qui puisse se penser, avoient peine de se soutenir sur leurs jambes. On remarqua cependant très bien que S. M. étoit contente. Elle témoigna trouver les Princesses *mieux* qu'Elle ne l'avait cru et la Princesse Wilhelmine surtout *beaucoup mieux* que son portrait, et on apperçut dès lors, que celle-là lui plaisait le mieux.“ *

Написанное въ воскресенье, 16го (27го) числа, письмо ландграфини оставалось цѣлыя сутки неотправленнымъ къ королю Прусскому. Колебанія продолжались, и ландграфиня съ часу на часъ надѣялась пріобрѣсти увѣренность въ окончательной развязкѣ. Понятно что не рѣшивъ еще дѣло, Екатерина II даже старалась въ этотъ промежутокъ не слишкомъ часто встрѣчаться со своими гостями.

Къ этому именно времени слѣдуетъ отнести № XV изъ числа сохранившихся у насъ собственноручныхъ записочекъ императрицы (см. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 1, стр. 52, № 2, стр. 556—563, № 3, стр. 186—187, № 9, стр. 92, и 1871 года № 1, стр. 137). Помѣщая здѣсь эту записочку и оставляя въ

* „На другой день (то-есть 15го іюня) мы встрѣчены были княземъ Орловымъ, который пригласилъ принцессъ къ обѣду на своей дачѣ (Гатчинѣ), находящейся по пути. И каково было наше удивленіе застать тамъ императрицу!... Она встрѣтила насъ съ тѣмъ достоинствомъ и тою привѣтливостью которыя приковываютъ къ ней всѣ сердца. Ландграфиня очень хорошо выдержала это первое свиданіе; но принцессы, загорѣвшія, утомленныя зноемъ и въ величайшемъ смущеніи, какое можно себѣ представить, едва держались на ногахъ. Присутствующіе замѣтили однакожь что ея величество *была довольна*. Она выразила что находить принцессъ *лучше* чѣмъ предполагала, и особенно принцессу Вильгельмину, *гораздо лучше* чѣмъ ея портретъ. Всѣ съ этой минуты догадались что она ей понравилась больше другихъ.“ Это письмо доказываетъ что секретъ довѣренный Черкасову былъ свято соблюденъ (ср. 9й пунктъ его инструкціи и письма Екатерины II №№ XII, XV, XVIII, XX, XXI, XXIII, XXV—XXVII), и что встрѣча съ императрицей въ Гатчинѣ для ландграфини и принцессы была *совершенною неожиданностью*.

ней, какъ въ предшествовавшихъ, орфографію подлинника, долгомъ считаемъ напомнить что по прибытіи ландграфини въ Царское Село, баронъ Черкасовъ, согласно § 11 своей инструкціи, продолжалъ состоять при ея свѣтлости.

Записочка эта написана на клочкѣ самой толстой (похожей на сахарныя обертки) и желто-сѣрой бумаги, особенно торопливымъ почеркомъ. Вотъ ея содержаніе:

„Je dineré Demain chés moi et Vous autres chés Vous crainte encore de mal entendu je Vous le notifie par écrit.“ (Я буду обѣдать завтра въ своихъ внутреннихъ апартаментяхъ, а вы всѣ на своей половинѣ. Во избѣжаніе новаго недоразумѣнія, уведомляю васъ о семъ письменно.)

Въ сущности, казалось бы, выборъ не долженъ былъ представлять большихъ затрудненій: за старшую принцессу, *Амалию*, не задолго предъ тѣмъ сватался послѣдній принцъ Баденскій, она чуть ли не была уже за него помолвлена и притомъ была годомъ старше цесаревича; а младшая сестра, принцесса *Луиза*, заранѣе объявила что не перемѣнитъ вѣроисловѣданія; значить оставалась средняя, принцесса *Вильгельмина*, 18ти лѣтъ, * то-есть почти ровесница великаго князя, за которую сама ея мать ручалась королю Прусскому, еще за годъ предъ симъ, когда писала ему: „Je réponds que ma fille Wilhelmine acceptera sans aucune difficulté....“ (Письмо изъ Дармштадта отъ 5го іюня 1772 года.) и которой Фридрихъ II, при проѣздѣ ея чрезъ Потсдамъ, предрекъ что она будетъ руссійскою цесаревной....

18го іюня отправлено было ландграфиней въ Берлинъ начатое за два дня предъ симъ письмо, причемъ къ нему сдѣлана была слѣдующая приписка:

„Le choix est fait, Sire, tel que V. M. l'avez prédit. C'est ma fille Wilh.-lmine, qui doit épouser le Grand Duc. Cela ne sera déclaré qu'après le retour du courrier, que j'envoie ce soir au Landgrave; mais l'Impératrice m'a permis d'en faire part à V. M., connaissant tout ce que je Lui dois et le grand attachement, que j'ai pour Elle. Je La supplie de me conserver Ses bontés ...etc.“ **

* Она родилась въ 1755 году 13го (24го) или 14го (25го) іюня (См. письма №№ X и XI, а также во II и въ V главахъ сего повѣствованія.)

** Выборъ сдѣланъ, государь, и такъ какъ вы предсказали. Именно дочь моя Вильгельмина выходитъ за великаго князя. Это будетъ объявлено лишь по возвращеніи курьера котораго я отправляю

Самъ Фридрихъ Великій *, въ своей *Histoire de mon temps* (tome VI, p. 119), поздравляетъ себя съ тѣмъ что ему *вполнѣ* посчастливилось породнить принца прусскаго съ наследникомъ русскаго престола, *направивъ* выборъ *Екатерины II* (de fixer le

нынче вечеромъ къ ландграфу; но императрица позволила мнѣ увѣдомить о семъ В. В—ство, ибо знаетъ сколько я вамъ взыскана и какъ велика моя привязанность къ вамъ. Убѣдительнѣйше прошу сохранить свое ко мнѣ благорасположеніе, и пр.“

* Фридрихъ II еще съ 1772 года посвященъ былъ въ негодіаціи Ассбургга. Положеніе сего послѣдняго было крайне сложно, затруднительно и фальшиво. Въ началѣ своего порученія, онъ хотя и пожертвовалъ мѣстомъ посланника *Датскаго* двора въ Петербургъ, но считался у этого двора на службѣ и получалъ отъ него пенсію (около 4.000 талеровъ). Для исполненія *секретнаго* порученія Екатерины II выпускать невѣсту цесаревичу такого рода положеніе признавалось даже весьма удобнымъ; ибо, не возбуждая подозрѣній, давало самому дѣлу меньше огласки. Между тѣмъ, Ассбургъ однакожъ получалъ отъ *русскаго* правительства по 4.000 руб. въ годъ, что, *по тогдашнему курсу*, составляло 5.000 талеровъ. Но при всемъ этомъ, владѣя помѣстьями въ княжествѣ Гальберштадтскомъ, онъ былъ *прусскимъ* подданнымъ. Въ 1771 году положеніе это нѣсколько упростилось тѣмъ что Екатерина II, со свойственною ей обворожительною любезностью, окончательно переманила Ассбургга въ русскую службу. Она написала ему 17го (28го) мая: „Après vous avoir entretenu de mes affaires, il est juste que je vous parle des vôtres. Quittez le service de ceux, qui ne savent point reconnaître ni vos vertus, ni tant d'années, sacrifiées pour leur utilité. Les bras de vos amis sont ouverts, jetez-vous y hardiment et soyez assuré qu'il y a dans le monde des contrées, où on se fait gloire de distinguer, de chérir et de considérer les gens de mérite. Mr le Comte de Panine vous entretiendra plus amplement à ce sujet. Je vous prie instamment de compter sur lui et sur moi: nous répondrons volontiers l'un pour l'autre....“ 7го декабря того же года Ассбургъ официально принять былъ въ руссiйскую службу чрезвычайно для него выгодно, то-есть съ чиномъ *дѣйствительнаго тайнаго советника*; но положеніе его было все-таки двусмысленнымъ, такъ какъ онъ остался *прусскимъ* подданнымъ. Въ 1772 году, чуть ли не при четвертомъ посѣщеніи Дармштадтскаго двора, онъ проговорился ландграфинѣ о цѣли своихъ разѣздовъ и о преимущественныхъ видахъ на принцессу Вильгельмину. Въ это время ландграфиня уже была въ перепискѣ съ Фридрихомъ Великимъ, который нисколько не затруднился препоручить своему государственному министру графу Финкенштейну передать Ассбурггу желаніе свое видѣть его негодіаціи *направленными* къ тому чтобъ Екатерина II непременно выбрала въ невѣсты цесаревичу одну изъ Дармштадтскихъ принцессъ. На это пись-

choix, que l'Impératrice fit d'une belle fille) именно на принцессу Вильгельмину, которая и *получила яблоко*.

Вспомнимъ что не задолго предъ тѣмъ Екатерина II употребила это самое выраженіе, отнеся его собственно къ принцессѣ Вильгельминѣ, въ замѣткѣ сдѣланной собственноручно на пересланной Черкасову, въ Ревель, выпискѣ изъ длинной делеша Ассебурга, причемъ предлагала Черкасову пари что

мо Функенштейна, отъ 8го августа 1772, Ассебургъ отвѣчалъ весьма сдержанно, осторожно и уклончиво, но и не безъ достоинства, отзываясь что останется вполне вѣренъ принятымъ на себя обязанностямъ; но что онъ, впрочемъ, только простое орудіе, и что благополучіе его заключается именно въ томъ что рѣшеніе вопроса не предоставлено ему. Вообще, нельзя не отдать въ извѣстной мѣрѣ справедливости Ассебургу: проникнувшись тѣмъ чрезвычайно полезнымъ для каждаго служащаго убѣжденіемъ *что нѣтъ въ мірѣ ничего дѣла важнѣе того которое ему доверено* (см. стр. 282 его *Записокъ—grande affaire*, и письмо его Функенштейну: *la plus importante affaire du tems, la plus épineuse de toutes les commissions*), видя притомъ что Екатерина II и Панинъ сами признаютъ данное ему порученіе очень важнымъ и живо интересуются имъ, онъ предался ему страстно (тамъ же, стр. 254, 272-275 и 283, *intérêt passionné*), сознавая что тутъ дѣло шло прежде все, го объ обезпеченіи счастія нѣсколькихъ милліоновъ людей, въ числѣ которыхъ онъ имѣлъ друзей (стр. 282). Порученіе свое, дѣйствительно трудное, Ассебургъ выполнилъ не только очень осторожно, но и съ большимъ тактомъ, рѣдкимъ даромъ наблюдательности и тонкимъ знаніемъ человѣческаго сердца (стр. 257 и 262). Несмотря на то что Ассебургъ былъ въ перепискѣ съ графомъ Сольмсомъ (стр. 429—433), мы полагаемъ что Фридрихъ II увлекся, если не прихвастнулъ, когда въ *Запискахъ* своихъ вздумалъ увѣрять что, *возбудивъ въ Ассебургѣ прусскій патриотизмъ*, онъ его совершенно заставилъ плясать по своей дудкѣ и служить себѣ, а не Екатеринѣ II (см. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9 стр. 96). Скорѣе можно бы сказать что донесенія его, наполненные мельчайшими подробностями, отзывались тяжелымъ нѣмецкимъ ледантизмомъ, чѣмъ обвинять его что онъ *что-либо скрывалъ* отъ императрицы. Между тѣмъ, для существовавшей между ландграфиней и Ассебургомъ переписки выдуманно было нѣчто въ родѣ дипломатическаго шифра, то-есть заранѣе условленныя названія, значеніе которыхъ имъ однимъ было извѣстно, и тутъ-то король Пруссій игралъ довольно важную роль подъ именемъ *компаніона книгопродавца* (*l'associé du libraire*). *Книгопродавцемъ* называлась Екатерина II; предполагаемая женитьба—*подпиской на сочиненіе приготовленное къ изданію*; дочери же ландграфини—*les volumes de l'ouvrage* (см. *Записки Ассебурга*, стр. 257).

выборъ падеть именно на эту принцессу. Вспомнимъ также что относительно ея права Екатерина II писала на томъ же документѣ: „Я увѣрена что эта всѣхъ честолюбивѣе; кого ни-что не интересуетъ и не веселитъ, того загло честолюбіе: это неизмѣнная аксіома....“ (Прил. 3е къ № VІІІ.) Не забудемъ также что въ этой делешѣ (отъ 23го апрѣля (4го мая) 1773), Ассбургъ скорѣе выхвалялъ принцессу Амалію, а всего болѣе принцессу Луизу, которая по крайней мѣрѣ не была старше цесаревича, какъ первая, ни почти ровесницей его, какъ принцесса Вильгельмина, а цѣлыми двумя годами моложе его, и что въ отчетѣ присланномъ объ нихъ изъ Ревеля, Черкасовъ также преимущественно склонялся въ пользу младшей сестры (№ XXI).... Къ тому же какъ это случилось что *препятствія*, которыя всегда играютъ такую важную роль въ романахъ, разжигая страсти молодыхъ людей и побуждая преодолевать ихъ во что бы то ни стало, не имѣли тутъ никакого вліянія на великаго князя и, такъ-сказать, не задѣли заживо ни его самолюбія, ни самолюбія Екатерины II? Впрочемъ, быть-можетъ, и были попытки отклонить принцессу Луизу отъ рѣшимости не перемѣнять религію, такъ какъ Ассбургъ надѣялся что она не устоитъ въ этой рѣшимости (делеша Панину отъ 12го февраля 1773).... Но кто же предпочелъ принцессу Вильгельмину: императрица или самъ цесаревичъ?... Едва ли можно допустить не разъ выраженную догадку будто съ помощью умной и честолюбивой невестки, Екатерина II надѣялась вполне завладѣть сердцемъ своего сына, точно также какъ и предположеніе что заподозривъ прусскую интригу въ томъ что Ассбургъ, такъ сильно стоявшій прежде за принцессу Вильгельмину, вдругъ отшатнулся отъ нея, Екатерина II захотѣла распорядиться наперекоръ ему.

Впрочемъ эта государыня только разъ, въ письмѣ Черкасову (№ XXVI), дала понять что *ея* выборъ рѣшить все; а Фридрихъ Великій, также только однажды, въ своихъ запискахъ говорить: „*Le choix, que fit l'Impératrice*“. (Выборъ который сдѣлала императрица. т. VI, стр. 256.) Однакожь независимо отъ того что, какъ мы это объяснили въ послѣднемъ примѣчаніи, королю-исторіографу не всегда можно довѣрять безусловно, сошлемся на тѣ доказательства которыя мы недавно привели относительно того что выборъ предположено было сдѣлать съ общаго согласія между матерью и сыномъ и замѣтимъ что слишкомъ за годъ

предъ тѣмъ, цесаревичу не только сообщались предположенія о его женитьбѣ, но и что все касавшееся до нихъ рѣшалось съ общаго согласія между имъ и императрицей. Въ письмахъ своихъ къ Черкасову и Ассебургу, она никогда не употребляла торжественнаго выраженія *мы*, оставляя его для манифестовъ и рескриптовъ; а говоря о себѣ, писала *Je* (я). Вслѣдствіе сего становится очевиднымъ что когда она, 16го (27го) января 1772 года писала Ассебургу: „*Vous ne voulez pas que nous fassions attention au portrait de la Princesse de Wurtemberg.... Nous la trouvons fort avancée pour son âge.... Nous n'en pouvons rien dire de plus, car c'est un enfant, dont nous attendons que vous nous fassiez la description; mais il me semble, d'après ses traits, que la bonté sera son seul mérite*“, то подъ словомъ *nous*, употребленномъ здѣсь далеко не случайно, Екатерина II положительно разумѣла себя вмѣстѣ съ великимъ княземъ. И онъ, въ письмѣ написанномъ Ассебургу 30го августа (10го сентября) 1773 года, съ своей стороны подтверждаетъ что читалъ его делами, говоря: „*Je vois se confirmer ce que vous avez si souvent écrit....*“

Хотя въ рескриптѣ своемъ отъ 28го того же августа мѣсяца императрица въ официальной формѣ и писала Ассебургу: „*mon choix et celui de mon fils*“, но относительно выбора вся загадка заключается, кажется, въ томъ что подъ вліяніемъ донесеній Ассебурга, графъ Панишъ, желанія коего совпадали съ желаніями Фридриха II, издавна расположилъ своего августѣйшаго питомца въ пользу принцессы Вильгельмины, что наследникъ насмотрѣлся на ея портретъ, привезенный еще весной 1772 года барономъ Бюлеромъ (ср. *Русск. Вѣстн.* 1870 года № 9, стр. 104), привыкъ считать ее за свою суженую и желалъ притомъ поскорѣе жениться на той принцессѣ которая на замужство съ нимъ не находила препятствій ни въ сердцѣ своемъ, еще свободномъ, ни въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, и что именно потому, немедленно по пріѣздѣ ко двору нашему, принцесса Вильгельмина легко, скоро и окончательно овладѣла пылкою душой великаго князя, послѣ чего онъ такъ непреклонно высказался въ ея пользу что Екатеринѣ II стало невозможно препятствовать тому что цесаревичу казалось залогомъ его благополучія. Страстная, восторженіая и нѣжная привязанность которую онъ съ тѣхъ поръ питалъ къ той которая сдѣлалась первою его супругой подтверждаетъ въ нѣкоторой степени такой взглядъ. Еслибы выборъ не сдѣланъ былъ

имъ лично, то великій князь, все-таки уже имѣвшій тогда свою долю самостоятельности, никогда бы не привязался къ предмету выбора въ такой степени какъ это случилось (см. въ слѣдующей главѣ письма ландграфини отъ 9го іюля и 20го августа).

Не пройдемъ однакожь молчаніемъ что въ *Запискахъ* Ассесбурга, который въ это время не былъ нѣщо въ Царскомъ Селѣ, а оставался въ Германіи, сказано:

„*Es scheint, dass beim ersten Anblick der Princessinen, die Kaiserin, so wohl als ihr erlauchter Sohn, sich für die Princessin Wilhelmine entschieden.*“ (Кажется что съ перваго взгляда императрица и ея августѣйшій сынъ оба избрали принцессу Вильгельмину.)

Тутъ же описанъ очень любопытный фактъ, если допустить что помѣта 26мъ іюня означаетъ новый стиль. За три дня до отправленія письма ландграфини королю Прусскому о совершившемся выборѣ (ни 16го, ни 17го іюня она о немъ ничего еще не знала), то-есть 15го (26го) числа, въ самый день прѣзѣда принцессъ въ Царское Село, когда выборъ этотъ (если онъ уже дѣйствительно состоялся) долженъ былъ быть величайшимъ секретомъ между тремя особами: императрицей, великимъ княземъ и графомъ Панинымъ, послѣдній (прежде еще чѣмъ ландграфиня успѣла увѣдомить мужа своего, *отца невесты*, о выборѣ) рѣшился оловѣстить (находившагося впрочемъ тогда не въ Дармштатѣ) Ассесбурга и окончить письмо свое слѣдующимъ образомъ:

„*Souffrez, comme ami, que je Vous embrasse du fond de mon cœur, en Vous félicitant d'un tel succès de Votre négociation; je finis avec les souhaits les plus vifs que toutes vos entreprises puissent Vous réussir de même. Réposez Vous sur la bienfaisance (вѣроятно b'ienveillance) de l'Impératrice....*“ *

Приведемъ теперь къ одному знаменателю всѣ свѣдѣнія которыя въ разное время были собраны о нравственныхъ свойствахъ новой великой княгини.

Въ *Запискахъ* Ассесбурга, на стр. 252, 253, 268 и 283 читаемъ:

„Ландграфиня Каролина Гессенъ-Дармштатская была одною изъ самыхъ образованныхъ (*éclairée*), замѣчательнѣйшихъ (*aus-*

* „Позвольте обнять васъ, какъ друга, отъ всего сердца, поздравляя васъ съ такимъ успѣхомъ вашей негодіаціи; оканчиваю искреннѣйшими пожеланіями чтобы всѣ ваши предпріятія точно такъ же хорошо удавались. Положитесь на благосклонность государыни императрицы.“

gereichnetsten) и добръшихъ (vortreffliche) принцессъ своего времени. * Такъ думали о ней современники и таковымъ осталось мнѣніе о ней потомства. *Блестящія качества ума и сердца ея дочерей были результатомъ ея воспитанія и заботъ, и эти качества дали поводъ къ избранію ея дочерей въ супруги первостепенныхъ германскихъ принцевъ. Въ нѣкоторыхъ изъ ихъ домовъ цвѣтеть еще ея потомство, и многія изъ числа внучекъ ландграфини представляли собою, въ послѣднее время, столь обильное испытаніями, сочетаніе такихъ высокихъ добродѣтелей (Fürstentugenden), которыя въ другихъ странахъ считаются рѣдкостью.*"

Но еще въ началѣ 1771 года Екатерина II извѣстилась чрезъ Ассбургъ что маркграфиня Баденъ-Дурлахская, сестра ландграфа Гессенъ-Дармштатскаго Лудвига IX и слѣдовательно родная тетка принцессы Вильгельмины, обвиняла ее въ наклонности *заводить въ своей семьѣ раздоры*. Императрица, желавшая знать всю правду насчетъ своей будущей невѣстки, написала Ассбургу, 17го (28го) мая, слѣдующее:

„La Princesse Wilhelmine de Darmstadt m'a été décrite, et surtout du côté de la bonté du cœur, comme *un chef d'oeuvre de la nature*; mais, outre que je sais *qu'il n'y en a pas dans ce monde*, vous me dites qu'elle doit avoir l'esprit prompt et *incliné à la désunion*; cela, joint à l'esprit de Mr son père et à un nombre considérable de sœurs et de frères établies (sic) ou à établir, *me donne de la retenue à son égard*; cependant, je vous prie, donnez-vous la peine de *l'examiner de nouveau*...." **

* Мнѣніе Екатерины II о ландграфинѣ, см. письма ея Вольтеру Ассбургу и кн. Волконскому въ III главѣ сего разказа. Впрочемъ, даже Эд. Фэзе (Vehse), въ своей весьма желчно написанной *Истории германскихъ дворовъ*, въ т. V, на стр. 376, 394—406, признаетъ ландграфиню женщиной замѣчательною и ума необыкновеннаго (bedeutend und geistvoll) и выхваляетъ ея великодушіе. Онъ только укоряетъ ее за то что, по его мнѣнію, она уронила себя (erniedrigt) тѣмъ что предприняла путешествіе въ Россію, продолжавшееся шесть мѣсяцевъ и имѣвшее цѣлью отвезти дочерей своихъ на *смотрины* (Brautschau). На стр. 213 своего IV тома, онъ также очень выхваляетъ ея младшую дочь, принцессу Луизу.

** „Принцессу Вильгельмину Дармштатскую мнѣ описали какъ *совершенство*, особенно въ отношеніи доброты сердца. Но независимо отъ того что *совершенства нѣтъ въ мірѣ*, вы мнѣ говорите что умъ ея быстръ и склоненъ къ раздорамъ. Это обстоятельство, равно какъ нравъ ея отца да и значительное число сестеръ и братьевъ, участь

8го августа 1771 года Екатерина II опять писала Ассбургру о той же принцессѣ:

„Je souhaite que vous vous donniez la peine d'examiner autant qu'il vous sera possible le quel de ces avis approche le plus de la *vérité*, et qu'à ce point vous croyiez plus à vous-même et à vos yeux, qu'à tous les propos qui pourraient vous revenir sur son compte....“ *

16го (27го) января слѣдующаго 1772 года императрица писала тому же дипломату:

„Le portrait de la Princesse Wilhelmine de Hesse-Darmstadt; que vous nous avez envoyé, prévient favorablement en sa faveur; *il faudrait être bien difficile pour trouver à redire à cette figure là*. Les traits du visage sont réguliers; je l'ai comparée au premier portrait, que vous m'aviez envoyé ci-devant de cette Princesse, et j'ai relue la description que vous faites des articles en quoi vous trouvez que le peintre a manqué. De cet examen il résulte que la gayeté et l'agréable (compagne ordinaire de la gayeté) ont disparu de dessus ce visage, et que peut-être la gêne d'une éducation sévère et d'une vie gênante et monotone s'y sont placés; ce qui disparaîtrait bientôt, si cette jeune personne se trouvait moins gênée, et qu'elle sut qu'un *air guindé et trop sérieux* ne serait pas le moyen de réussir selon les vues ou l'instinct de son ambition.... (Здѣсь слѣдуетъ приведенный выше намекъ на то что при Русскомъ дворѣ надо имѣть веселый видъ.) Il se pourrait, si tel est, que *l'ambition* soye son premier mobile, que vous la voyez changer du soir au lendemain, car tels sont les jeunes gens et même une partie du genre humain; et peu à peu elle se déferoit de ses mouvements désagréables et *grimaciers*, que vous lui avez remarqués. Tout ce que vous nous dites de sa *moralité*, n'est point à son désavantage, et pourroit composer une *personne solide et de mérite*. Mais il faut débrouiller d'où viennent ces bruit sur son *penchant à la désunion*? Cite-t-on quelque fait? Madame la Landgrave de Durlach, sa tante, *qui l'en accuse*, a-t-elle des preuves à alléguer? Et ne juge-t-elle point de sa nièce par passion ou d'après quelque goût analogue à son propre caractère? Et les autres personnes, qui donnent cours

которыхъ либо уже устроена, либо придется устраивать, *вынуждаютъ мнѣ нѣкоторую воздержанность по отношенію къ ней*. Однакожь, прошу васъ, потрудитесь снова *всмотрѣться въ нее*.“

* „Я желаю чтобы вы потрудились разузнать, насколько это будетъ возможно, которое изъ этихъ мнѣній ближе къ правдѣ, и чтобы, въ семъ отношеніи, вы больше довѣряли себѣ самому и своимъ глазамъ чѣмъ всякимъ постороннимъ толкамъ, которые бы могли дойти до васъ насчетъ этой принцессы.“

à ces bruits, quelles raisons en donnent-elles? Je vous prie, *tâchez d'aller à la source*, et examinez, sans prévention, ces soupçons *valent-ils la peine d'être acceptés* ou sont-ils *des misères dignes d'être méprisées*? Un enfant fort innocent peut redire par confiance ou indiscretion un propos: ce qui brouille deux personnes; un troisième, d'un esprit circonspect, s'écrie: cet enfant est d'une humeur inquiète, et au bout du compte, cet enfant n'est rien du tout encore qu'un *étourdi*, ce qui ne laisse pas d'être à sa place lorsqu'il est vif...." *

* „Портретъ принцессы Вильгельмины, который вы намъ прислали, предупреждаетъ въ ея пользу; *надо бы было быть очень взыскательнымъ чтобы въ какомъ бы то ни было отношеніи не остаться довольнымъ этою наружностью*. Черты лица правильны. Я сравнила этотъ портретъ принцессы съ первымъ, который вы мнѣ прежде прислали, и я снова прочла сдѣланное вами описаніе тѣхъ частей въ коихъ вы нашли ошибки со стороны живописца. Эта провѣрка приводитъ къ тому что веселіе и *пріятность* (обычная спутница веселія) исчезли съ этого лица, и что на немъ, быть-можетъ, отразилось стѣсненіе, какъ послѣдствіе строгаго воспитанія и образа жизни скучнаго и однообразнаго, и что это стѣсненіе пропадетъ само собою, чуть принцесса почувствуетъ себя болѣе развязною и узнаетъ что посредствомъ *чопорнаго и серіознаго вида* она далеко не достигнетъ ни осуществленія своихъ надеждъ, ни удовлетворенія своего *честолюбія*. (Здѣсь слѣдуетъ намекъ на то что при Русскомъ дворѣ надо имѣть веселый видъ.) Если она дѣйствительно поступаетъ подъ вліяніемъ *честолюбія*, то очень можетъ быть что вы со дня на день замѣтите въ ней перемѣну; ибо таковы не только дѣти, но и большая часть человѣческаго рода; и, такимъ образомъ, она мало-по-малу отвыкнетъ отъ *уфимокъ* которыя вы въ ней замѣтили. Все что вы пишете о ея *нравственныхъ свойствахъ* ей благопріятно и можетъ украсить особу *степенную и исполненную достоинствъ*. Но надо разобратъ откуда взялись слухи о *наклонности принцессы заводить распри*? Указываютъ ли на какой-либо фактъ? Ландграфиня Дурлахская, ея тетка, которая взвела на нее это обвиненіе, можетъ ли представить доказательства? И не судить ли она злобно о своей племянницѣ или по какой-нибудь свойственной своему собственному характеру наклонности? И другія лица которыя распускаютъ эти слухи чѣмъ они ихъ подтверждаютъ? Прошу васъ: постарайтесь дойти до источника и разберите, безъ предубѣжденія, стоить ли обращать вниманіе на эти навѣты или же это сущіе пустяки, заслуживающіе лишь презрѣнія? Самое невинное дитя можетъ повторить довѣрчиво или неосторожно то что случайно слышало, и изъ-за этого выходитъ между двухъ лицъ ссора. Третье лицо, ума ограниченнаго, восклицаетъ: о, это дитя нрава безпокойнаго; а въ сущности этотъ ребенокъ еще ни что иное какъ вѣтренникъ, чѣмъ всегда бываютъ рѣзвые дѣти.“

Вѣроятно Ассбургъ донесъ, послѣ точнаго изслѣдованія, что неблагопріятныя для принцессы Вильгельмины слухи оказались сущими пустяками (*des misères*).

Какъ бы то ни было, завершаемъ ея характеристику слѣдующимъ отзывомъ объ этой принцессѣ, даннымъ ея матерью уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, въ письмахъ къ королю Прусскому: *Elle est prudente pour une jeune personne.* (Она осторожна не по годамъ.)

Теперь остается только сказать что 27го іюня всеимости-вѣйше пожалованы были Екатерининскія ленты не только самой ландграфинѣ и тремъ принцессамъ Гессенъ-Дармштатскимъ, но и оставшейся въ Германіи старшей сестрѣ ихъ, ландграфинѣ Каролинѣ Гессенъ-Гомбургской (*Историческое собраніе списковъ кавалералъ четырехъ російскихъ орденовъ*, Москва, 1814 года, стр. 160 и *Hoffmeister*, p. 157). Что же касается до самого владѣтельнаго ландграфа Гессенъ-Дармштатскаго, Лудвига IX, и старшаго сына его, наследнаго принца Гессенъ-Дармштатскаго, то они лишь полтора года спустя, именно 25го декабря 1774 года, получили Андреевскія ленты. (То же *Собраніе списковъ*, стр. 117.)

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЕРЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Кстати замѣтимъ относительно присланныхъ изъ Германіи портретовъ принцессы Вильгельмины (изъ коихъ одинъ былъ писанъ во весь ростъ) и принцессы Вуртембергской (см. нѣсколько выше, въ томъ же письмѣ Екатерины II къ Ассбургу) что намъ совершенно неизвѣстно гдѣ они теперь находятся. Въ Зимнемъ Дворцѣ, въ Романовской галлерей, есть нѣсколько портретовъ ихъ, но тамъ они представлены въ Екатерининскихъ лентахъ, пожалованныхъ имъ уже по пріѣздѣ въ Петербургъ (см. конецъ этой главы), изъ чего очень легко вывести заключеніе что всѣ эти портреты писаны въ Россіи.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ

1.

Подъ броней съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья.

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно
Какъ бряцаетъ бронь,
Толчетъ лалоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
Ну, Владиміръ, что жь?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь?

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво!
Не лировъ держусь!
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою —
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6.

Безъ меня другихъ довольно!
Сядутъ — полонъ столъ!
Только лакомы ужь больно:
Любятъ женскій полъ!

7.

Всѣ твои богатыри-то,
Значить, молодежь;
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!

8.

Тѣмъ-то я ихъ болѣ стою
Что забылъ ужь бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

9.

Правду молвить, для княжаго
Не гожусь двора!
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора!

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болить!

11.

Душно въ Кіевѣ что въ скринѣ,
Только киснетъ кровь!
Государынѣ лустыня
Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять,
По нутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

14.

Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

ГР. АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ.

СВАТОВСТВО

1.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели,
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

2.

Повѣдай, пѣсня наша,
На весь на русскій край,
Что мѣсяцовъ всѣхъ краше
Веселый мѣсяцъ май!

3.

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
Черешни расцвѣли —
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

4.

Затѣмъ такъ бодръ и веселъ,
Владиміръ, старый князь,
На подлокотни креселъ
Сидить облокотясь.

5.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
Въ красѣ свдыхъ кудрей,
Сидитъ княгиня рядомъ
За пряжей за своей;

6.

Кружась, жужжить и пляшетъ
Ея веретено,
Черемухою лашетъ
Въ открытое окно;

7.

И тутъ же молодья,
Потулившія взглядъ,
Двѣ дочери княжія
За ляльцами сидятъ;

8.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
И взоры въ ткань ушли,
Въ груди жь поется лихо:
Ой ладо, лель - люли!

9.

И вовсе имъ не шьется,
Хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьется,
Въ веселый мѣсяцъ май.

10.

Когда жь беретъ изъ мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обѣ дочки
Косятся на окно.

11.

Но вотъ, забывъ о пряжѣ,
Княгиня молвить вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
Пріѣхали самъ-другъ!

12.

Съ коней спрыгнули смѣло
У самага крыльца,
Узнать я не успѣла
Ни платья, ни лица!

13.

А князь смѣется:—Знаю!
Пусть входятъ молодцы,

Не дальняго, чай, краю
Залетные птенцы!

14.

И вотъ ихъ входитъ двое,
Въ лохмотьяхъ и въ тряпьяхъ,
Съ пеньковой бородою,
Въ пеньковыхъ волосахъ;

15.

Вошедши, на икону
Крестятся въ красный кутъ,
А послѣ по поклону
Хозяевамъ кладутъ.

16.

Князь проситъ ихъ садиться,
Онъ хитрость ихъ проникъ,
Заранѣ веселится
Обману ихъ старикъ.

17.

Но онъ обычай знаетъ,
И рѣчь заводитъ самъ:
— Отколѣ, вопрошаетъ,
Пожаловали къ намъ? "

18.

— Мы, княже-господине,
Мы съ моря рыбаки,
Сейчасъ завязли въ тинѣ,
Среди Дѣвпра-рѣвки!

19.

Двухъ рыбокъ златоперыхъ
Старались мы поймать,
Да спрятались въ кокорахъ,
Пришлось подождать!

20.

Но князь имъ молвитъ: — Братья,
Неправда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И съ вами нѣтъ свѣтей!

21.

Днѣпра чисты стремнины,
Свѣтла его вода,
Не видано въ немъ тины
Отъ вѣку никогда!

22.

Но гости молвятъ: —Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй скажемъ глаже:
Мы брыньскіе стрѣлки!

23.

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
По дебрямъ по лѣснымъ,
А нонѣ двѣ куницы
Пушистыя слѣдимъ;

24.

Трущобой шли да дромомъ,
Досель удачи нѣтъ,
Но насъ къ твоимъ хоромамъ
Двойной приводитъ слѣдъ!

25.

А князь на это: — Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы,
И даже не въ пыли!

26.

Куницъ же бьютъ зимою,
А нонѣ мѣсяцъ май,
За звѣрью за иною
Пришли ко мнѣ вы чай!

27.

— Ну, княже, молвятъ гости,
Тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости
Кто мы такіе суть:

28.

Мы бѣдные калики,
Мы старцы-гуслары,

Но лѣтъ не горемыки
Гдѣ только есть пиры!

29.

Мы скрозь отъ Новограда
Сюда съ прилѣвомъ шли:
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

30.

И еслибы двѣ свадьбы
Задумалъ ты сыграть,
Мы стали раслѣввать бы
Да струны разбирать!

31.

— Вотъ это, князь отвѣтилъ,
Другой выходитъ стихъ,
Но гуслей не замѣтилъ
При васъ я никакихъ;

32.

А что съ прилѣвомъ шли вы
Чрезъ цѣлый русскій край,
Оно теперь не диво,
Въ веселый мѣсяцъ май!

33.

Теперь въ вѣтвяхъ березы
Поютъ и соловьи,
Въ лугахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,

34.

И много, въ небѣ рѣя,
Поетъ пернатыхъ стай —
Всѣхъ мѣсяцевъ звонче
Веселый мѣсяцъ май!

35.

Но строй гусярный, други,
Наврядъ ли вамъ знакомъ:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечомъ!

36.

Въ мѣшкѣ не спрятать шила,
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:
Пленковичъ ты Чурило,
А ты Степанычъ Дюкъ!

37.

Тутъ съ нихъ дохмотья спали,
И свѣтаы какъ заря,
Два славные предстали
Предъ нимъ богатыря;

38.

Съ нихъ бороды упали,
Смѣются ихъ уста,
Подобная едва ли
Являлась красота.

39.

Ихъ кровь отъ силъ избытка
Играетъ горячо,
Корсунская накидка
Надѣта на плечо;

40.

Коты изъ аксамита
Съ камѣнемъ цвѣтнымъ,
А бѣрца вкрестъ обвиты
Оборомъ золотнымъ;

41.

На поясѣ широкомъ
Крыжатые мечи;
Орлинымъ мечутъ окомъ
Не взоры, но лучи.

42.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
Глядятъ на нихъ княжны,
Какъ будто превращеньемъ
Онѣ удивлены;

43.

И очи тотчасъ тихо
Склонили до земли,

А сердце скачетъ лихо:
Ой ладо, дель-люли!

44.

Княгиня-жь молвить:—Знала
Я это напередъ,
Не даромъ куковала
Кукушка у воротъ,

45.

И снилось мнѣ съ полночи
Что, голову поднявъ
И въ лѣсъ уставя очи,
Нашъ лаесть волкодавъ!

46.

Но видъ принявъ суровый,
Пришельцамъ молвить князь:
— Отсѣтствуйте: почто вы
Вернулись, не спросясь?

47.

Указанъ былъ отсель
Вамъ путь на девять лѣтъ—
Какимъ же дѣломъ смѣли
Забыть вы мой запретъ?

48.

— Не будь, о княже, гнѣвъ!
Твой дворъ чтобъ видѣть вновь,
Армянскихъ двухъ царевенъ
Отвергли мы любовь!

49.

Зане твоихъ издавна
Мы любимъ дочерей!
Отдай же ихъ, державный,
За насъ, богатырей!

50.

Но видъ храня суровый,
А самъ въ душѣ смѣясь:
— Мнѣ эта вѣсть не нова,
Отвѣтилъ старый князь;

51.

Отъ Русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,
А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!

52.

Но рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,
Всѣ глубя я и мели
Оцѣпами залру!

53.

Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ кунницъ,
Ограду! я изъ стали
Поставлю кругъ границъ;

54.

Ни неведомъ вамъ болѣ,
Ни свѣтъ не ловить—
Обаче въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить!

55.

Коль быть хотятъ за вами,
Ино ихъ не замай!
Пускай рѣшаютъ сами
Въ веселый мѣсяцъ май!

56.

Услышавъ слово это,
Съ Чурилой славный Дюкъ
Отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
Сердцецъ ихъ слышенъ стукъ.

57.

Что дочери имъ сказали —
Кто хочетъ отгадай!
Мы словъ ихъ не слышали
Въ веселый мѣсяцъ май!

58.

Мы словъ ихъ не слышали,
Намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
Намъ иволги мѣшали
И рокотъ соловьевъ!

59.

И звонко такъ въ болотѣ
Кричали журавли,
Что мы, при всей охотѣ,
Разслышать не могли!

60.

Такая намъ досада,
Разслышать не могли!
Ой ладо, дяди-ладо!
Ой ладо, дель-люли!

ГР. АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ.

РУССКІЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ

Въ настоящее время Россія имѣетъ болѣе 10.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, уже открытыхъ для движенія. Безпрерывно открывающіяся новыя вѣтви увеличиваютъ ежедневно эту цифру, и принимая въ соображеніе проектируемыя линіи, можно безъ преувеличенія сказать что она удвоится въ близкомъ будущемъ. Развитие ихъ совершается въ прогрессіи постоянно возрастающей, и хотя наши желѣзныя дороги начаты постройкой не болѣе четверти вѣка тому назадъ, онѣ являются уже дѣломъ въ высшей степени національнымъ. И можетъ ли быть иначе? Утверждать противное значило бы отрицать дѣло ясное какъ день.

Всякое новое изобрѣтеніе для практическаго примѣненія его въ какой-либо странѣ должно подвергнуться измѣненіямъ которыхъ требуютъ ея матеріальныя средства, климатъ и нравы жителей. Желѣзныя дороги не могли избѣжать этого общаго закона, и достаточно поверхностнаго ихъ изученія чтобъ убѣдиться въ справедливости нашего замѣчанія. Путь проходящій по мѣстностямъ періодически сковываемымъ морозами и потомъ наводняемымъ долженъ проводиться и строиться инженерами которымъ хорошо извѣстны нерѣд-

ко страшныя перемѣны производимыя временами года. Станціонныя развѣзды безъ поворотныхъ платформъ не дѣйствующихъ въ холода, сосновыя шпалы употребляемыя на пространствахъ двухъ третей государства, дѣйствіе метелей, способъ построения зданій назначенныхъ для подвижнаго состава,—все требуетъ продолжительнаго опыта и глубокаго изученія потребностей страны. Каждая страна имѣетъ свои потребности. Россія требуетъ русскаго пути. То же должно сказать и о подвижномъ составѣ. Локомотивъ долженъ выдерживать суровость стужи и побѣждать сопротивленіе снѣга. Своею тяжестью онъ не долженъ обременять пути, трудно исправляемаго въ зимнее время. Онъ долженъ быть построенъ по такой системѣ чтобы какъ можно менѣе расшатывалъ рельсы утвержденныя на сосновыхъ шпалахъ. Пассажирскіе вагоны также должны быть приспособлены къ климату; они не могутъ имѣть многочисленныхъ дверокъ, сквозь которыя проходитъ сквозной вѣтеръ, столь вредный для здоровья; они должны имѣть двойныя окна и топиться зимой. Товарные вагоны должны строиться, какъ и вездѣ, сообразно съ естественными продуктами страны. Итакъ, подвижной составъ и постройка нашихъ желѣзныхъ дорогъ должны удовлетворять потребностямъ климата.

То же самое должно сказать и объ управленіи; ему необходимо принимать въ разчетъ привычки населенія и установившіеся обычаи, чтобы согласовать потребности управленія и публики. Сила вещей требуетъ для нашихъ желѣзныхъ дорогъ русскаго управленія, изъ чего вытекаетъ обязательство ввѣрить его исключительно русскимъ людямъ. Первенство предоставленное иностранцамъ напрасно возбудило тревогу; оно могло быть только временное, пока сформировался національный личный составъ. Опытъ доказалъ намъ что при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ наша страна можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, какъ относительно инженеровъ, такъ и относительно предпринимателей. Что касается общей денежной отчетности и общаго контроля, движенія и соединенныхъ съ нимъ службъ, напримѣръ контроль и отчетность станцій, то они возбудили соревнованіе, доставившее намъ людей весьма способныхъ, сознающихъ вполнѣ падающую на нихъ ответственность, какъ за безопасность публики, такъ и за вѣрность счетовъ.

Отрасль управленія завѣдующая товарнымъ движеніемъ, товарная служба у насъ почти вовсе не существуетъ, ибо невоз-

можно назвать этимъ именемъ группу чиновниковъ которые на различныхъ линіяхъ имѣютъ въ виду устроить эту службу. Это пробѣлъ достойный крайняго сожалѣнія, и по нашему мнѣнію, не чуждый мелочныхъ денежныхъ расчетовъ многихъ изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Мы возвратимся еще къ этому важному вопросу.

Подвижной составъ и тяга поѣздовъ — вотъ тѣ стороны дѣла относительно которыхъ Россія до нынѣ остается данницей чужихъ странъ; эту истину излишне доказывать, такъ какъ она уже проникла въ общественное мнѣніе. Публика обратила вниманіе на это обстоятельство. Значительныя пожертвованія были сдѣланы для устройства школъ которыя могли бы сформировать личный составъ желѣзныхъ дорогъ. Собраніе акціонеровъ линіи едва открытой для эксплуатаціи назначило часть своего воловаго дохода на устройство техническихъ школъ для образованія механиковъ и другихъ агентовъ. Это рѣшеніе дѣлаетъ честь тѣмъ кто его приняли и представляетъ достойный примѣръ для подражанія.

Мы не станемъ разсматривать въ настоящую минуту приведетъ ли къ желанной цѣли тотъ путь который нынѣ избранъ; вопросъ этотъ представится намъ въ послѣдствіи. Мы только желаемъ заявить о единодушій стремленій надѣлать государство полезными учрежденіями, какія бы жертвы для того ни потребовались. Эти пожертвованія возбуждаютъ много надеждъ; мы въ правѣ предполагать что они доставятъ людей образованныхъ, которые въ свою очередь будутъ полезны своими свѣдѣніями по механикѣ не только на желѣзныхъ дорогахъ, но и въ различныхъ отрасляхъ промышленности и земледѣлія, которыя въ этомъ отношеніи оставляютъ желать еще многого.

Итакъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ агентовъ-техниковъ, безъ прямого вліянія на управленіе, весь личный составъ содѣйствующій постройкѣ и эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ есть русскій. Во всякомъ случаѣ предметъ величайшей важности найти въ самихъ себѣ необходимыя средства для дѣятельности. Опасаться нечего чтобы результаты пострадали отъ этого, ибо если относительно доходовъ эксплуатація еще неудовлетворительна, то есть надежда что, по примѣру постройки, она достигнетъ результатовъ которые можно будетъ поставить въ параллель съ результатами достигаемыми въ остальной Европѣ.

Можетъ-быть недостаточно былъ замѣченъ и оцѣненъ толчокъ данный постройкѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ нѣкоторыми изъ нашихъ строителей. Въ нѣсколько лѣтъ они построили значительныя линіи, и по цѣнамъ такимъ умѣреннымъ какихъ не ожидалось. Примѣръ ихъ нашелъ послѣдователей. Другіе послѣшили пойти по ихъ слѣдамъ, и ежегодно громадная цифра присоединяется къ числу верстъ уже эксплуатируемыхъ. Составились огромныя состоянія — это правда. Они возбудили зависть, и это въ порядкѣ вещей, но можно ли сожалѣть что успѣхъ увѣнчалъ дѣло людей предприимчивыхъ? Мы этого не думаемъ. Состоянія эти совершенно законны; они возбудили громадное соревнованіе, указавъ цѣль которую можно достигнуть. Воздадимъ же честь этимъ людямъ: они мощно содѣйствовали быстрому выполненію нашей желѣзнодорожной сѣти, и остается пожалѣть что они не благоразсудили предоставить на пользу эксплуатаціи свою дѣятельность и свои организаторскіе таланты.

Многое остается сдѣлать чтобы поставить управленіе нашими желѣзными дорогами на одинъ уровень съ прочими странами: нѣкоторыя дали важныя финансовыя результаты, но не всѣ умѣютъ ихъ поддержать; многія еще прибѣгаютъ къ государственному бюджету для уплаты процентовъ по затраченному капиталу, и на всѣхъ дорогахъ расходы по эксплуатаціи слишкомъ высоки. Мы предполагаемъ себѣ добросовѣстно изслѣдовать причины которыя, по нашему мнѣнію, задерживаютъ успѣхъ. Мы изслѣдуемъ постепенно долю неудачи приходящуюся на каждого, начиная съ акціонера до пассивнаго агента. Мы тщательно будемъ избѣгать личностей, вообще не интересныхъ для читателя и почти всегда затемняющихъ вопросъ о которомъ идетъ рѣчь. Мы рассмотримъ одну за другою системы принятыя для постройки, подвижнаго состава и организаціи. Мы воспользуемся при этомъ изученіи нашею продолжительною практикой, и сочтемъ себя вполне вознагражденными за наши усилія, если нашъ примѣръ увлечетъ другихъ, болѣе насъ способныхъ принять участіе въ честной и безпристрастной критикѣ.

I. А к ц і о н е р ь.

Мы раздѣляемъ акціонеровъ на двѣ категоріи: акціонеръ-игрокъ и акціонеръ-собственникъ.

Акціонеръ-игрокъ не заботится объ управленіи; онъ ожидаетъ результатовъ, старается ихъ предусмотрѣть, прислушиваясь къ биржевымъ толкамъ, требуетъ всегда чтобы будущее приносило было въ жертву настоящему, и смотря по своимъ впечатлѣніямъ, продаетъ или сохраняетъ свои акціи. Намъ нечего заниматься имъ и его комбинаціями.

Акціонеромъ-собственникомъ мы называемъ такого который не безъ основанія считаетъ себя собственникомъ известной доли промышленнаго предпріятія, управленію коего онъ старается посвятить заботы соразмѣрныя съ этою долей, ему принадлежащею.

Владѣтель акцій который не заботится о предпріятіи, не только виновенъ относительно самого себя, такъ какъ состояніе его можетъ пострадать, но также и относительно государства, которое временно уступило ему часть общественнаго достоянія. Тотъ кто ссылается на свою неспособность или недосугъ, для устраненія отъ себя обязанностей налагаемыхъ владѣніемъ акцій, не оправдываетъ своего образа дѣйствій, ибо, владѣя состояніемъ которое онъ не можетъ сдѣлать производительнымъ, онъ можетъ, подобно олекунскимъ управленіямъ, помѣстить его въ облигаціи или иныя цѣнности, всегда гарантированныя, и предоставить другимъ заботы интересующія общественную безопасность или государственную собственность.

Владѣлецъ желѣзнодорожныхъ акцій есть членъ общества эксплуатирующаго известный родъ промышленности, налагающій, подобно всякому другому, известные обязанности. Общество это занимаетъ многочисленныхъ агентовъ; оно отвѣчаетъ въ гражданскомъ порядкѣ за ихъ дѣйствія, но избавлено ли оно вслѣдствіе этого отъ всякой нравственной отвѣтственности? Мы не думаемъ этого, ибо главною причиною важныхъ несчастій или административныхъ безпорядковъ можетъ быть постановленіе общаго собранія акціонеровъ принятое слишкомъ небрежно или въ видахъ дурно понятой экономіи.

Акціонеръ не можетъ также оставаться равнодушнымъ къ

матеріальному и нравственному положенію личнаго состава употребляемаго компаніей. Онъ долженъ содѣйствовать основанію вспомогательныхъ кассъ, на случай болѣзни или отставки служащихъ, на обезпеченіе имъ средствъ для будущаго, устройству школъ, которыя, поднимая уровень нравственнаго развитія, устраняютъ порочныя страсти, столь гибельныя для преуспѣянія каждаго предпріятія.

Цифра дивиденда есть мѣрило управленія: когда она слаба и измѣнчива, то показываетъ, если нѣтъ какихъ-нибудь ненормальныхъ обстоятельствъ, дурную администрацію. Постоянно высокая, она есть свидѣтельство порядка и экономіи, внушающее довѣріе къ управленію.

Ошибочно было бы предполагать что экономія несовмѣстна съ хорошею администраціей. Напротивъ того, по нашему мнѣнію, она есть самое вѣрное доказательство разумнаго заведыванія дѣлами. Разумѣется, мы говоримъ объ экономіи хорошо понимаемой, то-есть обезпеченной расходами иногда очень высокими, коихъ требуютъ прочность построекъ, удовлетворительность подвижнаго состава и подборъ способныхъ служащихъ.

Экономія примѣняемая безъ разбора къ работамъ и матеріаламъ нерѣдко разстроиваетъ все дѣло, и вообще ведетъ къ новымъ издержкамъ, гораздо болѣе значительнымъ чѣмъ тѣ кои требуются устройствомъ того или другаго заведенія или своевременною покупкой необходимыхъ предметовъ.

Служба неспособнаго агента ведетъ къ излишнимъ расходамъ. Слишкомъ смѣло было бы опредѣлить *minimūm* суммы какой агентъ даннаго рода долженъ стоить администраціи и въ настоящемъ и въ будущемъ. Относительно инженера, на примѣръ, потерю отъ неудачнаго выбора должно опредѣлять сотнями тысячъ рублей, и въ виду этой цифры, какую важность можетъ имѣть экономія сдѣланная на счетъ жалованья человѣка способнаго?

Дивидендъ долженъ быть постоянною заботой акціонера; цифра его, сравниваемая съ дивидендомъ прочихъ линій, разумѣется, принимая въ соображеніе размѣры ихъ, представляетъ ему нравственное значеніе компаніи которой онъ ввѣрилъ свои капиталы. Были попытки осмѣять акціонера занимающагося только процентами и цифрой дивиденда. Признаемся, мы не понимаемъ этихъ сарказмовъ. Они ни на чемъ не основаны и исходятъ отъ людей встрѣтившихъ противо-

дѣйствіе своимъ комбинаціямъ, принять которыя воспрепятствовали ихъ прежнія дѣйствія.

Акціонеръ долженъ убѣдиться что вредъ причиняемый публикѣ имѣетъ для него непосредственнымъ послѣдствіемъ ущербъ его интересамъ. Такъ, на примѣръ, если вслѣдствіе дурнаго росписанія пассажирскихъ поѣздовъ, часть центровъ населенія по которымъ проходитъ линія не можетъ ими пользоваться, то, очевидно, сборы уменьшатся, тогда какъ расходы останутся тѣ же, ибо поѣзды будутъ отправляемы во всякомъ случаѣ. Убытокъ не ограничивается нѣсколькими мѣстами которыя остаются незанятыми. Многіе пользуются своими лошадьми; нерѣдко устанавливается сообщеніе въ дилижансахъ, которое удваиваетъ свои отправленія, смотря по неудобствамъ поѣздовъ неловкаго конкурента; новая компанія принимаетъ на себя скорую доставку товаровъ и побуждаетъ публику усвоивать привычки которыя обыкновенно остаются не легкѣ.

Затрудненія испытываемыя при отправленіи товаровъ, въ особенности на промежуточныхъ станціяхъ, причиняютъ часто гораздо болѣе значительныя потери. Почти всегда отправитель наталкивается на отвѣтъ, сдѣлавшійся пошлымъ вслѣдствіе повтореній: „Нѣтъ вагоновъ“. Въ такомъ случаѣ одному Богу могутъ быть извѣстны время и хлопоты какихъ потребуетъ отправленіе товаровъ. Надо сказать правду что отвѣтъ часто совершенно вѣренъ для станціи, но менѣе вѣренъ для линіи; но если агентъ коему поручено распредѣленіе подвижнаго состава по станціямъ полагаетъ что транспорты самые выгодные для его администраціи должны имѣть преимущество, то товаръ или будетъ отправленъ или же будетъ ждать до безконечности, и наконецъ переправится какимъ-нибудь инымъ способомъ. Недостатокъ вагоновъ, истинный или ложный, есть, по моему мнѣнію, главное препятствіе къ преуспѣванію нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

При выдачѣ концессіи на желѣзную дорогу, правительство опредѣляетъ число вагоновъ которое компанія обязана пустить въ ходъ. Число это, основанное на официальныхъ статистическихъ данныхъ, достаточно въ первое время, но въ скоромъ времени различныя причины дѣлаютъ его совершенно недостаточнымъ; причины эти:

- 1) Движеніе вагоновъ одной линіи на другихъ линіяхъ. Соединительныя вѣтви, связывающія дороги между собою,

суть необходимое дополненіе русской сѣти и составляютъ одно изъ лучшихъ ея преимуществъ. Но компанія занимающая извѣстное число вагоновъ у другой компаніи, очевидно, не владѣетъ уже положеннымъ числомъ вагоновъ. Возразятъ что вторая компанія обязана доставить немедленно первой равное число вагоновъ. Это только въ теоріи, а на практикѣ дѣло идетъ иначе. Первая компанія, зная что за нанятый вагонъ слѣдуетъ платить, будетъ ожидать крайней необходимости чтобы потребовать замѣны вагоновъ отправленныхъ ею на дорогу первой компаніи, а такъ какъ этой послѣдней необходимо развѣдать основательно ли требованіе, найти и отправить вагоны (если притомъ таковые найдутся у нея), то пройдетъ много дней въ продолженіи коихъ товарамъ придется болѣе или менѣе пострадать.

2) Количество вагоновъ изъятыхъ изъ движенія для починокъ превосходитъ часто цифру опредѣленную для того на основаніи концессіи.

3) Компаніи, не отдавая себѣ надлежащаго отчета въ своихъ потребностяхъ, отдаютъ въ наемъ свои вагоны другимъ компаніямъ на опредѣленное время.

4) Наконецъ подвижной составъ не всегда распределенъ надлежащимъ образомъ на различныхъ пунктахъ линіи.

Правительство, опредѣляя число вагоновъ которымъ должна владѣть каждая компанія, несомнѣнно имѣло въ виду предусмотрѣть всѣ потребности; невозможно допустить чтобы вагоны двигались пустые въ обѣ стороны, или стояли на станціяхъ, по недостатку товаровъ для отправленія, а это случается очень часто, несмотря на надзоръ правительственной инспекціи.

Правительственный контроль организованъ очень хорошо (?) и ежедневно оказываетъ важныя услуги; но непрерывное наблюдение за распределеніемъ подвижнаго состава для него физически невозможно. Даже самого многочисленнаго личнаго состава было бы недостаточно чтобы прослѣдить день за днемъ за положеніемъ которое можетъ измѣниться съ прибытіемъ каждаго поѣзда, и которое вслѣдствіе этого всегда можно скрыть.

Относительно отправки товаровъ инспекція принуждена ожидать жалобъ, но всякому извѣстно что русскій купецъ жаловаться не любитъ, особенно если онъ не увѣренъ въ своемъ правѣ. Онъ предпочитаетъ хранить молчаніе, а дѣла идутъ все хуже, и обращаются наконецъ въ общественное бѣдствіе.

Слѣдствіе предписанное два года тому назадъ по Высочайшему повелѣнію подтверждаетъ сказанное нами выше. Но всякое злоупотребленіе исчезнетъ при обязательствѣ для каждой компаніи отправлять и выдавать товары въ опредѣленный срокъ, подъ опасеніемъ уплаты вознагражденія, въ видѣ проторей-убытковъ отправителямъ, по приговору суда. Мѣра эта требуется свойствомъ самаго дѣла, она существуетъ вездѣ, она есть логическое послѣдствіе обширной монополіи предоставленной компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что рано или поздно она приобрѣтетъ силу закона въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ. Это вопросъ времени, и гг. акціонеры совершили бы важное и во всѣхъ отношеніяхъ полезное дѣло, еслибы разрѣшили его немедленно.

Вызывая со стороны государства подобную мѣру, съ перваго взгляда кажется что компаніи дѣйствуютъ въ ущербъ своимъ интересамъ. Это совершенно ошибочно. Онѣ уплачиваютъ нѣсколько вознагражденій, это несомнѣнно, но эти вознагражденія будутъ плодотворнымъ сѣменемъ, которое дастъ богатую жатву. Въ скоромъ времени онѣ увидятъ что доходы ихъ увеличиваются, а расходы уменьшаются, — необходимое слѣдствіе дѣятельности которая обнаружится между всѣми подлежащими службамъ. Можно опасаться что настоящее число вагоновъ не будетъ достаточно, но это невѣроятно. Въ послѣдніе годы было много построено и получено подвижнаго состава. Если, однако, необходимы новыя покупки, то за этимъ останавливаться нечего; во что бы ни стало, компаніи должны стать въ такое положеніе чтобы удовлетворять потребностямъ торговли. Было бы прискорбно, еслибы онѣ задумали отсрочить затрату которая рано или поздно все-таки окажется необходимою. Въ этотъ промежутокъ онѣ добровольно потеряли бы значительные барыши и отдали бы столь желанную минуту когда страна будетъ вполне пользоваться своими желѣзнодорожными линіями.

Это обязательство перевозить въ опредѣленный срокъ представляемые товары окажетъ свое благотворное вліяніе во всѣхъ частяхъ желѣзнодорожной службы. Агенты всѣхъ степеней, зная что виновные ни въ какомъ случаѣ не избѣжатъ ответственности за убытки причиненные компаніи, будутъ гораздо осторожнѣе, какъ въ выборѣ личнаго состава, такъ и въ исполненіи постановленій. Они не станутъ поддаваться вліянію

причинъ совершенно чуждыхъ ихъ дѣлу и не станутъ ком-
прометтировать свое положеніе введеніемъ въ личный составъ
неспособныхъ агентовъ.

Акціонеры избираютъ изъ своей среды директоровъ дол-
женствующихъ составлять правленіе. Число ихъ опредѣ-
ляется различными соображеніями, измѣняющимися от-
носительно каждой компаніи. Выборъ падаетъ преимуще-
ственно на компаньоновъ владѣющихъ наибольшимъ чис-
ломъ акцій. Причина эта не можетъ имѣть абсолютнаго зна-
ченія; быть въ высшей степени заинтересованнымъ чтобы
дѣла шли хорошо еще недостаточно; необходимо имѣть спо-
собности для надлежащаго руководства управленіемъ. Вы-
боръ падаетъ на людей опытныхъ, знатоковъ дѣла, каковы
финансисты, промышленники, негоціанты и пр. Въ принципѣ
невозможно обозначить тотъ или другой классъ людей; вся-
кое сословіе общества можетъ доставить людей которые ре-
комендуются своею извѣстностію; тѣмъ не менѣе техники
должны быть назначаемы съ величайшею осторожностію, такъ
какъ они вообще склонны дѣйствовать по своему произво-
лу и на дѣлѣ уклоняются отъ возложенной на нихъ обязан-
ности администраторовъ, чтобы разыгрывать роль агентовъ
ускользающихъ отъ всякой серіозной отвѣтственности.

Единственный отвѣтственный уполномоченный котораго
имѣютъ акціонеры есть избранное ими правленіе. Ежегод-
но правленіе представляетъ отчетъ въ своемъ управленіи
акціонерамъ собирающимся въ общее собраніе. Каждый ак-
ціонеръ можетъ представить въ установленной формѣ свои
замѣчанія или предлагать совѣту вопросы, но онъ не дол-
женъ терять изъ виду, — повторимъ это еще разъ, — что
правленіе есть его единственный уполномоченный, и что
оно одно отвѣтственно за управленіе предъ собраніемъ.
Требовать отчета у агентовъ, каковы бы они ни были,
значитъ принуждать правленіе ихъ назначившее прини-
мать ихъ сторону и придавать преніямъ техническій ха-
рактеръ, мало благопріятный акціонеру, не обладающему, ка-
ковы бы ни были его спеціальныя свѣдѣнія, необходимыми
элементами чтобы противопоставить побѣдоносные аргумен-
ты разсужденіямъ своего противника. Лѣтъ десять тому на-
задъ былъ примѣръ что сильная оппозиція не привела ни къ
какому результату потому именно что, не обратясь къ прав-
ленію, она прямо напала на агентовъ, вовлекая ихъ въ пренія

техническія или личныя, которыя не только не прояснили фактовъ, но внушили мысль о существованіи оппозиціи во что бы ни стало, основанной на корпоративномъ неудовольствіи. Напротивъ того, еслибы постановленіе послѣдовало въ заключеніе преній между правленіемъ и акціонерами-оппонентами, то, даже въ случаѣ весьма незначительнаго числа голосовъ на сторонѣ послѣднихъ, ихъ замѣчанія не потеряли бы значенія и оуружили бы предостереженіемъ для правленія, которое послѣднее могло отклонить, но существованія котораго оно не могло бы не признать.

Верста есть единица употребляемая для исчисленія всего что относится къ постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ; такимъ образомъ говорятъ: концессія на столько-то на версту; стоимость постройки по столько-то на версту; гарантія государства на капиталъ по столько-то на версту; число локомотивовъ потребное на версту и пр. Расходы по эксплуатаціи также исчисляются на версту и на поѣздъ. Цифра эта получается раздѣленіемъ суммы всѣхъ расходовъ по эксплуатаціи въ продолженіе года на число верстъ пройденныхъ всѣми поѣздами въ теченіе этого времени. Частное число даетъ сумму во что среднимъ числомъ обходится поѣздъ на каждую пройденную версту.

Способъ исчисления расходовъ по эксплуатаціи стоимостью, среднимъ числомъ, поѣзда на пространствѣ единицы протяженія, принять повсюду; онъ рационаленъ, легко понимается и почти тождественъ для всѣхъ линій которыя находятся въ одинаковыхъ условіяхъ эксплуатаціи, даже въ такомъ случаѣ если въ сборахъ будетъ значительная разница. Мы должны замѣтить при этомъ что увеличеніе сборовъ отнюдь не поведетъ, какъ бы могло показаться съ перваго взгляда, къ увеличенію поверстнаго расхода, а напротивъ того, должно повести къ его пониженію, ибо цифра главныхъ расходовъ, почти не измѣняющихся, каковы бы ни были сборы, какъ на примѣръ проценты на складочный капиталъ, расходы по управленію, содержанію и наблюденію пути, на личный составъ и пр. распредѣляется на болѣе значительное число верстъ поѣздовъ вызванныхъ увеличеніемъ движенія.

Желательно было бы чтобъ этотъ способъ вычисленія былъ принятъ всѣми администраціями русскихъ желѣзныхъ дорогъ,

съ тѣмъ же подраздѣленіемъ расходовъ по службамъ, такъ чтобы выставить на видъ всѣ неудобства и преимущества различныхъ системъ находящихся въ употребленіи.

Но исчислять расходы по эксплуатаціи на основаніи такого-то сбора и полагать что слабая цифра ихъ есть признакъ хорошаго управленія, значило бы вводить другихъ въ заблужденіе и заблуждаться самому. Изъ вышесказаннаго мы видимъ что линія можетъ израсходовать на издержки по эксплуатаціи 100% своего валоваго дохода и находится въ лучшемъ положеніи относительно управленія, чѣмъ другая линія расходы по управленію коей не превышаютъ 40 или 45% ея сборовъ.

Исчисленіе расходовъ по эксплуатаціи по стольку-то процентовъ съ валоваго дохода можетъ, правда, указать замѣчательный финансовый результатъ, но оно можетъ также служить прикрытіемъ недѣятельности управленія, особенно въ тѣхъ случаяхъ когда по его винѣ уклонился приливъ благосостоянія, принесенный стеченіемъ обстоятельствъ.

Вопросы предлагаемые правленію должны быть ясны и точны, и если только не встрѣтятся исключительныхъ обстоятельствъ, коихъ предусмотрѣть невозможно, то должны касаться лишь представленныхъ результатовъ по сравненію съ тѣми которые получались прежде или съ результатами добытыми на другихъ линіяхъ. Если сдѣланные отвѣты не уничтожаютъ представленныхъ замѣчаній, акціонеръ возбуждаетъ постановленіе собранія формулованное такимъ образомъ: „Общее собраніе приглашаетъ правленіе“ и пр. или: „Общее собраніе обращаетъ вниманіе правленія“ и пр.

Рѣшенія принимаются общимъ собраніемъ не съ тѣмъ чтобы набросить порицаніе на правленіе, которое само заинтересовано хорошимъ управленіемъ, а напротивъ того чтобы придать ему относительно личнаго состава новую нравственную силу, основанную на желаніи всѣхъ и каждого, которая по тому самому и не можетъ не быть признана.

Общее собраніе акціонеровъ избираетъ изъ своей среды членовъ ревизіонной комиссіи которая должна разсмотрѣть отчетность и положеніе предпріятія во всѣхъ отношеніяхъ.

Обревизовать всѣ отчеты большаго предпріятія, для составленія коихъ было употреблено въ теченіе года множество агентовъ, есть дѣло матеріально невозможное для комиссіи

изъ нѣсколькихъ членовъ, которые сами имѣютъ свои собственныя занятія. Вслѣдствіе этого, чтобы не ограничивать этой ревизіи поверхностнымъ разсмотрѣніемъ книгъ, которое можетъ свидѣтельствовать развѣ только о чистотѣ въ которой онѣ ведутся, коммиссія приступаетъ къ повѣркѣ нѣкоторыхъ счетовъ, которые она и рассматриваетъ во всѣхъ подробностяхъ.

Элементы этихъ счетовъ, извлеченные изъ книгъ, вручаются ей за подписью начальника отчетности, который вслѣдствіе этого принимаетъ на себя отвѣтственность въ точности доставленныхъ цифръ. Такимъ образомъ, распредѣляя суммы уплаченныя въ продолженіе года личному составу данной службы, узнается соотвѣтствуетъ ли жалованье того или другого агента содержанию назначенному постановленіями правленія. Суммы уплачиваемыя предпринимателямъ работъ могутъ быть такъ же распредѣляемы по отдѣламъ, для узнанія вытекаетъ ли цѣна единицы внесенная въ контрактъ изъ раздѣленія общей суммы на число договоренныхъ единицъ.

Счетъ матеріаловъ раздѣляется на двѣ графы,—матеріаловъ потребленныхъ и тѣхъ которые остаются еще въ запасѣ. Первый долженъ быть воспроизведенъ особыми счетами различныхъ службъ, допускающихъ только цифру потребления дѣйствительно выполненную, второй можетъ повѣряться инвентарно. Цифры сравниваются съ среднею годовою цифрой биржевыхъ курсовъ, относительно товаровъ оцѣняемыхъ на биржѣ, а относительно всѣхъ прочихъ, съ общими цѣнами установившимися въ торговлѣ.

Ревизіонная коммиссія оканчиваетъ свои засѣданія инспекціей эксплуатированныхъ линій и работъ еще производящихся.

Длина линій принадлежащихъ одной компаніи перѣдко настолько велика что тщательное изслѣдованіе всего протяженія весьма продолжительно, утомительно и почти невозможно для коммиссіи имѣющей обыкновенно въ своемъ распоряженіи очень мало времени. Какъ относительно отчетности, которую тщательно провѣрить она въ состояніи была только по нѣкоторымъ отдѣламъ, такъ и для осмотра, она избираетъ извѣстные пункты, преимущественно тѣ которые были предметомъ важныхъ работъ и счета коихъ она ревизовала; она осматриваетъ пути, станціи, склады и мастерскія на протяженіи какого требуетъ инспекція выбранныхъ пунктовъ.

Распредѣляя такимъ образомъ свои занятія, коммиссія не

лишаетъ себя свободы дѣйствія на другихъ частяхъ линіи. Она всегда можетъ расширить свою дѣятельность, если находитъ видѣнное недостаточнымъ для добросовѣстнаго выполненія возложеннаго на нее порученія.

Заключаемъ эту главу повтореніемъ вышесказаннаго, что владѣтель капитала долженъ играть первенствующую роль въ акціонерныхъ обществахъ. Равнодушіе есть почти всегда главная причина неуспѣха. Нечувствительно оно передается отъ вершинъ правленія въ низшіе слои его и порождаетъ всевозможные безпорядки. Это равнодушіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ порицанія что ежегодно нѣсколькихъ минутъ дѣльно употребленныхъ достаточно для акціонера чтобы произнести объ управленіи представленномъ его разсмотрѣнію сужденіе, которое будетъ имѣть отголосокъ во всѣхъ разрядахъ личнаго состава. Его дѣло значительно облегчится, если онъ потребуетъ чтобы результаты были представлены ему какъ мы указали выше.

Отнесенныя къ единицѣ, у насъ къ верстѣ, всѣ расходы разгруппируются на цифры столь несложныя что общаго взгляда будетъ достаточно чтобы оцѣнить ихъ значеніе и сравнить ихъ съ другими цифрами того же рода.

Не должно терять изъ виду что разумное изученіе расходовъ сдѣланныхъ по разнымъ службамъ имѣетъ огромное вліяніе на весь личный составъ, который въ этомъ изслѣдованіи пріобрѣтаетъ увѣренность что успѣхи хорошихъ агентовъ не останутся непризнанными и что они получаютъ вознагражденіе, тѣмъ болѣе значительное, чѣмъ болѣе удовлетворили всѣхъ и cadaго добытые результаты.

Когда расходы по эксплуатаціи будутъ приведены къ простѣйшему ихъ выраженію и будутъ въ состояніи выдержать сравненіе съ расходами заграничныхъ линій, то новая эра откроется для нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Экономія и проистекающій изъ нея порядокъ превратятъ въ дивидентъ суммы поглощаемыя нынѣ эксплуатаціей. Самые дурные періоды обезпечатъ по крайней мѣрѣ проценты съ капитала, а производительные годы доставятъ высшіе дивиденды соотвѣтствующіе промышленному и земледѣльческому богатству страны которой служатъ желѣзныя дороги.

II. Правленіе.

Акціонеры, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, избираютъ изъ своей среды членовъ правленія, на которое возлагается управленіе общими капиталами положенными въ предпріятіе.

Постройка и эксплуатація желѣзной дороги есть предпріятіе заключающее въ себѣ четыре особыя части: 1) финансовую, 2) торговую, 3) судебную и 4) техническую.

Выборъ акціонеровъ, повидимому, долженъ былъ бы стремиться къ тому чтобы каждая изъ этихъ спеціальностей имѣла своихъ представителей въ правленіи. Разсмотримъ совершенно ли логично это разсужденіе и не слѣдуетъ ли допустить въ немъ нѣкоторыхъ ограниченій.

Само собою разумѣется что каждый изъ акціонеровъ являющихся кандидатами въ директоры долженъ удовлетворять одному изъ главныхъ условій устава, заключающагося въ томъ чтобъ онъ былъ владѣльцемъ опредѣленнаго числа акцій.

Части финансовая и торговая совершенно основательно поручаются банкирамъ, капиталистамъ, крупнымъ собственникамъ, негоціантамъ, промышленникамъ, высшимъ агентамъ государственной финансовой администраціи, словомъ, всѣмъ лицамъ которыя по своимъ занятіямъ хорошо знакомы съ финансовымъ и торговымъ рынкомъ,—мы не можемъ уже сказать одной столицы, ни даже одной страны, но всей Европы, благодаря громадному развитію которое желѣзныя дороги, въ соединеніи съ электрическимъ телеграфомъ, служащимъ имъ дополненіемъ, придали международнымъ сношеніямъ.

Для правленія акціонернаго общества весьма важно имѣть полныя свѣдѣнія объ европейскомъ торговомъ и финансовомъ рынкѣ, дабы избрать удобную минуту для выпуска новыхъ цѣнностей, акцій или облигацій, или приступить къ тѣмъ или другимъ операціямъ. Но если точныя свѣдѣнія объ европейскомъ финансовомъ или торговомъ рынкѣ необходимы для русскихъ директоровъ, то сколь полезно будетъ для нихъ знать въ настоящую минуту дѣйствительную цѣнность ихъ собственныхъ акцій, а въ будущемъ, перемѣны которыя могутъ произойти въ этой цѣнности.

Въ скоромъ времени Россія будетъ имѣть желѣзнодорожную сѣть въ 15.000 верстъ. Для многихъ изъ линій было бы выгодно сліяніе въ одну компанію. Вопросъ этотъ уже былъ возбужденъ и, насколько намъ извѣстно, не привелъ ни къ какому результату, потому что цѣнность различныхъ дорогъ не могла быть установлена къ удовольствію всѣхъ сторонъ. Необходимо главнымъ образомъ чтобы каждая линія была оцѣнена сообразно съ ея производительною цѣнностью соотвѣтственно со стоимостью ея первоначальнаго учрежденія и съ ея расходами по эксплуатаціи. Значитъ, необходимо избрать единицу сравнительной статистики.

Каждое изъ европейскихъ государствъ обнародуетъ периодически, съ бѣльшимъ или меньшимъ тщаніемъ, финансовыя результаты своихъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ государству или уступленныхъ компаніямъ. Эти статистическія данныя, изъ коихъ многія не лишены достоинства, не могутъ быть сравниваемы между собою безъ продолжительныхъ вычисленій, ибо въ нихъ употребляются различныя единицы протяженія, вѣса, мѣры и монеты. Достойно всякаго сожалѣнія что общее единство мѣръ всякаго рода до сихъ поръ еще не принято, несмотря на то что его всѣ требуютъ. Русскія мѣры, отчасти десятичныя, не представляютъ серьезныхъ неудобствъ, и мы спокойно можемъ ожидать общаго соглашенія по этому предмету, которое, благодаря событіямъ 1870 и 1871 годовъ, послѣдуетъ, повидимому, еще не скоро.

Почти всѣ статистики желѣзныхъ дорогъ принимаютъ за основанія слѣдующія данныя: 1) расходы, 2) сборы и 3) проценты.

Всѣ эти данныя относятся къ одной единицѣ—общей мѣрѣ, которая есть *мѣра-день* или *мѣра-поѣздъ*. Мы примемъ единицу *версту-поѣздъ* предпочтительно предъ единицей *день-поѣздъ*, потому что она лучше ставитъ на видъ общность расходовъ по эксплуатаціи, которые, должно сознаться, далеки еще отъ желаемого сокращенія, и потому также что расходъ по эксплуатаціи зимняго дня, вызываемый суровымъ климатомъ Россіи, слишкомъ разнится съ расходомъ по эксплуатаціи лѣтняго дня.

Разсмотримъ вопросъ въ финансовомъ отношеніи, которое въ дѣлѣ управленія господствуетъ надъ всѣми прочими. Мы получимъ:

- 1) Сборы рублями на версту и на повѣздъ.
- 2) Расходы
- 3) Проценты

Эти три данныя суть финансовыя основанія дѣла; они одни могутъ доставить всѣ необходимые элементы для установленія финансовыхъ результатовъ, въ какой бы формѣ ни желали ихъ представить.

Сборъ служитъ мѣрой значительности движенія пассажировъ и товаровъ; онъ свидѣтельствуетъ о торговомъ значеніи странъ по которымъ идетъ дорога и объ усиліяхъ которыя дѣлаются для увеличенія его.

Расходъ показываетъ степень совершенства эксплуатаціи и цѣну употребленныхъ матеріаловъ; онъ указываетъ также степень вліянія правленія.

Проценты указываютъ соотвѣтствіе съ потребностями дѣла суммъ истраченныхъ на болѣе или менѣе экономическую постройку. Цифра процентовъ зависитъ также отъ размѣровъ складочнаго капитала на сооруженіе дороги.

Итакъ очевидно что каждая изъ этихъ отраслей требуетъ людей со спеціальными свѣдѣніями, и хорошо составленное правленіе должно заключать въ себѣ людей свѣдущихъ въ финансовомъ, торговомъ, административномъ и техническомъ отношеніяхъ.

Изъ предыдущаго, по нашему мнѣнію, уже достаточно явствуетъ что правленіе должно заключать въ себѣ знатоковъ по дѣламъ финансовымъ и торговымъ.

Часть судебная въ извѣстной мѣрѣ имѣетъ своими представителями директоровъ, выборъ которыхъ опредѣляется свѣдѣніями въ финансовомъ и торговомъ отношеніи, но ежеминутно въ администраціи большаго предпріятія могутъ возникнуть разногласія, возбуждающія вопросы высшей юриспруденціи.

Итакъ, директорамъ полезно было бы допустить въ свою среду юридическій элементъ. Онъ будетъ наблюдать чтобы всѣ дѣйствія были строго законны, и чтобъ интересы компаніи были обезпечены, наконецъ, онъ своими совѣтами будетъ помогать агентамъ по тяжбынымъ дѣламъ.

Разсмотримъ теперь какую роль должны играть въ правленіи техники.

Выборъ сдѣланный акціонерами или иныя причины могутъ

привести въ правленіе членовъ обладающихъ техническими свѣдѣніями, которыя они при другихъ занятіяхъ употребляли съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Дѣятельность такихъ лицъ въ правленіи, долженствующемъ оставаться чисто административнымъ, вмѣсто ожидаемой пользы, можетъ оказываться вредною для общаго хода дѣла и отяготительною для компаніи.

Техники имѣютъ вообще, чтобы не сказать всегда, склонность принимать участіе въ исполненіи работъ часто весьма привлекательныхъ по ихъ красотѣ или по трудностямъ которыя онѣ представляютъ для выполненія. Для принятія въ нихъ участія, онѣ принуждены окружать себя агентами уже участвующими въ дѣйствительной службѣ по постройкѣ и эксплуатаціи; онѣ поручаютъ имъ выполненіе второстепенныхъ или приготовительныхъ работъ, которыми какъ директоръ онѣ не имѣютъ возможности заняться. Мало-по-малу число этихъ агентовъ увеличивается, и для оправданія такого увеличенія, стараются убѣдить себя что совершенно необходимо чтобы всѣ службы по линіи, или по различнымъ линіямъ принадлежащимъ къ одной и той же администраціи, имѣли представителей въ правленіи, дабы каждое рѣшеніе было принимаемо съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Посмотримъ что изъ этого выходитъ. Начальники различныхъ частей представляютъ свои предложенія или проекты, проходящіе чрезъ соотвѣтствующія бюро центрального управленія. Допустимъ что эти проекты признаны дѣльными. Правленіе принимаетъ ихъ. Къ чему же служить многочисленный и начеистый личный составъ, разсматривавшій ихъ, если все дѣло ограничивается такою передачей? Но возразятъ намъ, если эти предложенія или проекты были бы признаны ошибочными, то они были бы преобразованы въ-время, дабы не подвергать правленіе непріятности что его предложенія будутъ отвергнуты или измѣнены подлежащимъ министерствомъ. Это можетъ-быть и правда. Но развѣ бюро состоящія при правленіи непогрѣшимы? Мы этого не думаемъ. Въ министерствахъ же есть всегда свои свѣдущіе люди, и правленія желѣзныхъ дорогъ всегда рискуютъ что проекты ихъ будутъ отвергнуты, какимъ бы путемъ они ни были составлены.

Впрочемъ, если техники которыхъ причисляютъ къ своимъ канцеляріямъ иныя правленія дѣйствительно искусные люди той же спеціальности коимъ поручена дѣйствительная служ-

ба, почему же не замѣнить послѣднихъ первыми? Такимъ образомъ устранены были бы двойныя должности, которыхъ наименьшій недостатокъ, бросающійся въ глаза съ перваго взгляда, есть лишній расходъ. Разсмотримъ же и другія неудобства, которыя гораздо серьезнѣе.

Агентъ, состоящій при правленіи, которому поручено пересматривать приготовительныя работы по какой-либо части, принужденъ по необходимости принимать въ соображеніе убѣжденія директора занимающагося преимущественно этою частью. Какъ бы ни велика была независимость его характера, онъ будетъ принужденъ отодвинуть на второй планъ мнѣніе и опытность начальника дѣйствительной службы, которому поручено исполненіе, и не осмѣлится устранить убѣжденія правленія въ виду данныхъ ему предписаній. Исполнитель, ограждаемый рѣшеніями правленія, дѣйствуетъ. Зло которое онъ могъ бы предусмотрѣть по своей опытности, по своему постоянному присутствію при работахъ и особенно вслѣдствіе отвѣтственности которой подвергся бы еслибъ его доля въ рѣшеніи была значительнѣе, совершается. Онъ отдаетъ о томъ отчетъ кому слѣдуетъ. Правленію представляется рапортъ; ошибка приписывается непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, дурно понятому приказанію или какому-нибудь бѣдному низшему агенту, который ничего не въ состояніи былъ сдѣлать, и который подвергается взысканію. Правленіе принуждено расплачиваться за ошибки источникомъ которыхъ была его же среда.

Повторимъ еще разъ. Правленіе избранное акціонерами есть представитель капиталистовъ, главное стремленіе коихъ производительная затрата ихъ капиталовъ. Оно не можетъ лускаться въ техническіе вопросы, не рискуя потерпѣть неудачу; оно должно предоставить это дѣло спеціальнымъ агентамъ которые прошли курсъ техническихъ наукъ и приобрѣли опытность благодаря продолжительнымъ работамъ, что и должно быть единственнымъ поводомъ къ ихъ выбору. Правленіе можетъ постоянно слѣдить за службой этихъ агентовъ, которыхъ оно можетъ удалить во всякое время.

При постройкѣ правленіе должно цѣнить инженера труда коего отличаются не только по исполненію работъ, но также по быстротѣ, порядку и экономіи которыя соблюдались при производствѣ, такъ что работы эти могли окончиться безъ преній и процессовъ, не рѣдко скандальныхъ въ томъ

отношеніи что они обнаруживаютъ невѣденіе одной изъ договаривающихся сторонъ, дозволившее другой предусмотрѣть его еще до подписанія контракта.

Результаты эксплуатаціи оцѣнить еще легче. Количество сбора съ версты поѣзда есть цифра съ которою слѣдуетъ справляться. Мы говоримъ съ версты поѣзда, а не по столько-то процентовъ съ валоваго дохода доставленнаго съ версты. Мы уже упоминали и считаемъ не лишнимъ повторить снова, до какой степени можетъ быть ошибоченъ этотъ способъ оцѣнки, прикрывающій при случаѣ такіе результаты которые могли бы быть объяснены только безпорядкомъ или небрежностію. Основывая свои пренія на цифрахъ, красно-рѣчіе коихъ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, правленіе сумѣетъ выполнить свои обязанности со справедливостію, служащею основаніемъ всякой хорошей администраціи, и можетъ обратить въ ничто всѣ личныя соображенія, которыя слишкомъ часто тревожатъ его при исполненіи его трудныхъ обязанностей.

Смѣемъ надѣяться что мы достаточно ясно поставили на видъ неудобства которыя могутъ проникнуть въ правленіе съ водвореніемъ въ немъ техниковъ. Мы далеки отъ мысли удалить по принципу людей прославившихся грандіозными работами и могущихъ еще оказать важныя услуги своей странѣ. Мы указали только неудобства, но не ставили общаго правила, изъ котораго могутъ быть во многихъ случаяхъ счастливыя исключенія.

Примѣръ нѣкоторыхъ правленій подтверждаетъ сказанное нами: они пригласили къ себѣ, съ назначеніемъ жалованья, гражданскихъ инженеровъ, которые составили себѣ въ званіи управляющихъ или инженеровъ на другихъ линіяхъ заслуженную репутацію. Въ періодическихъ собраніяхъ, они помогаютъ при обсужденіи техническихъ или административныхъ вопросовъ съ пользою для всѣхъ.

Мы должны сказать также нѣсколько словъ объ агентахъ служащихъ представителями директоровъ коимъ мѣсто ихъ жительства прелятствуетъ присутствовать въ засѣданіяхъ правленія. Не желая вдаваться въ личности, мы не можемъ обсуждать способностей этихъ представителей, но такъ какъ не рѣдко всѣ средства ихъ существованія составляютъ жетоны, получаемые ими за свое представительство, то очень можетъ-

быть что они имѣютъ гораздо болѣе въ виду переизбраніе директоровъ ихъ уполномочившихъ, чѣмъ интересы общества къ которому они принадлежатъ *de facto*, если не *de jure*.

Намъ кажется что гораздо удобнѣе было бы поручить голосъ отсутствующаго дивектора другому присутствующему. Двойной голосъ поданный директоромъ совершенно независимымъ доставилъ бы болѣе гарантіи безпристрастію постановленія, чѣмъ голосъ случайнаго повѣреннаго, слишкомъ часто раздѣляющаго мнѣнія вліятельныхъ членовъ административнаго совѣта или правленія.

К. ПЕЛИСЬЕ.

(Продолженіе будетъ.)

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ВОЕЙКОВЫМЪ ВЪ 1830 ГОДУ

И ЕГО ПЯТНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОБРАНІЯ

I.

Александръ Федоровичъ Воейковъ былъ человекъ не столько замѣчательный собственною литературною дѣятельностью, сколько обстоятельствами сопровождавшими и отчасти порождавшими эту дѣятельность, въ основаніи которой лежали желчь, гибкость мнѣній, назойливость, нѣкоторая доза начитанности и очень много ѣдкаго, мефистофельскаго сарказма и остроумія, при отсутствіи чувства деликатности и журнальной правды. Замѣчательнъ Воейковъ былъ еще и по той обстановкѣ въ какой нѣкогда онъ находился и по тѣмъ звѣздамъ первой величины около которыхъ онъ постоянно вращался. Но весь этотъ блескъ былъ только до извѣстной эпохи, до переселенія его изъ Москвы въ Петербургъ, хотя и въ Петербургѣ, почти до конца двадцатыхъ годовъ, послѣ кончины (1826) исторіографа Н. М. Карамзина, большаго его покровителя и защитника, Воейковъ имѣлъ свое значеніе, благодаря какъ ласковымъ къ нему отношеніямъ В. А. Жуковскаго, И. А. Крылова, князя П. А. Вяземскаго и В. А. Перовскаго, такъ, а можетъ-быть и въ особенности благодаря его рукописному памфлету въ ѣдкихъ и ловкихъ стихахъ на все и на всѣхъ въ нашей тогдашней литературѣ, памфлету извѣстному подъ названіемъ *Домъ сула-*

шедшихъ, отрывки изъ котораго были еще недавно въ памяти и на устахъ почти всей грамотной Россіи.

Я началъ знать Александра Федоровича съ 1830 года, уже хромого (по случаю его паденія изъ экипажа въ 1824 году), въ огромномъ черномъ парикѣ, въ громадныхъ очкахъ и вообще весьма непривлекательнаго, по внѣшности по крайней мѣрѣ. Онъ въ то время и до смерти жилъ въ небольшомъ деревянномъ и тогда уже ветхомъ домѣ, стоявшемъ въ Шестилавочной улицѣ, что нынче Надеждинская, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ теперь высятся красивыя палаты главнаго управленія государственнаго коннозаводства. Здѣсь у него по пятницамъ, вечеромъ, около шести часовъ, такъ какъ позже четырехъ часовъ тогда никто въ Петербургѣ не обѣдалъ, собиралось всегда человѣкъ двадцать, преимущественно изъ пишущей братии, которые тутъ читали свои произведенія, передавали разныя слетни, собираемыя въ редакціяхъ и особенно въ книжныхъ лавкахъ; а подчасъ выказывали мысли довольно свѣтлыя или передавали изъ своихъ личныхъ воспоминаній біографическія подробности о личностяхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, даже знаменитыхъ, какъ на поприщѣ государственномъ, такъ и литературномъ. Въ то время о которомъ я говорю, то-есть съ 1830 по 1838 годъ, за годъ до смерти Воейкова, въ теченіи восьмилѣтняго моего съ нимъ знакомства, онъ мало говорилъ, по крайней мѣрѣ я мало отъ него слышалъ, о своихъ прежнихъ знаменитыхъ друзьяхъ, а только постоянно восклицалъ съ какимъ-то напускнымъ восторгомъ объ отношеніяхъ своихъ къ глубокоуважаемому имъ другу и благодѣтелю Леонтію Васильевичу Дубельту, бывшему столько лѣтъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, портреты котораго были у него во всѣхъ комнатахъ. Воейковъ любилъ въ разговорѣ употреблять много прилагательныхъ и вообще говорилъ съ какимъ-то глухимъ лаѳосомъ, соединеннымъ съ какъ бы волчьимъ завываньемъ, причемъ онъ непремѣнно кусалъ свои пальцы, доводимые этимъ кусаньемъ до того что онъ обвертывалъ ихъ черною тафтой или надѣвалъ на нихъ черную тафтяную перчатку, и тогда уже упражнялся въ кусаніи точеной деревянной рукоятки своей, неразлучной съ нимъ, трости. Говоря съ вами, онъ имѣлъ привычку устойчиво смотрѣть вамъ въ глаза черезъ стекла своихъ очковъ или, напротивъ, приподнявъ эти очки на лобъ и уставляя на васъ черные, бѣгающіе, налитые кровью и косоватые глаза.

Разкажу какъ и при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Воейковымъ. Въ эту пору, — когда я уже работалъ для *Сѣверной Пчелы*, — въ Петербургѣ выходило нѣсколько маленькихъ еженедѣльныхъ или дважды въ недѣлю, или даже и черезъ день являвшихся листковъ исключительно литературнаго характера. Одинъ изъ этихъ листковъ, издававшийся подъ названіемъ *Сѣвернаго Меркурія*, отличался чрезмѣрною рѣзкостью мнѣній, неправильнымъ выходомъ своихъ номеровъ и часто пребойкими, злыми и остроумными статейками въ стихахъ и прозѣ, гдѣ преимущественно доставалось Гречу, Булгарину, Полевому и Воейкову. Всѣ эти господа журналисты вслухъ и открыто отзывались объ этомъ листкѣ съ презрѣніемъ, уподобляя его москѣ Крылова; но со всѣмъ тѣмъ ѣдкія элиграммы этого листка частенько очень сердили аристократовъ нашей журналистики, и они охотно изыскали бы вѣрное средство выбить перо изъ руки издателя-редактора, оставшаго армейскаго поручика Михаила Алексѣевича Бестужева-Рюмина, который почти постоянно былъ пьянъ, почему за маломальски исправнымъ выходомъ этого остроумнаго листка наблюдали другія лица, преимущественно добровѣйшій и честнѣйшій, но презабавный тогдашній аматёръ-литераторъ Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, и еще весьма состоятельный, даже богатый, нѣкто Николай Александровичъ Татищевъ, косноязычный, изнеможенный, сильно гнусившій, но страстно любившій журналистику, находившій (о вкусахъ и цвѣтахъ не спорятъ) что лучше и остроумнѣе *Сѣвернаго Меркурія* ничего найти нельзя. Публика видимо отчасти раздѣляла это мнѣніе г. Татищева, потому что таки довольно охотно подписывалась на этотъ листокъ, въ каждомъ номерѣ котораго такъ или иначе являлись въ злой карикатурѣ корифеи тогдашней нашей журналистики. Это, повидимому, правилось петербургскою публикѣ, незнакомой еще тогда съ Брамбеусомъ и не имѣвшей понятія о сатирическихъ журналахъ въ родѣ *Весельчака* и *Искры*, явившихся лѣтъ 25 спустя. Воейковъ въ своихъ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* сильно ратовалъ противъ Бестужева-Рюмина, упрекая его въ пьянствѣ. Въ отвѣтъ на это слѣдовали колкіе, но циничные отвѣты въ *Сѣверномъ Меркуріи*. Гречъ не бралъ въ свою *Сѣверную Пчелу* статейкъ съ юмористическимъ характеромъ на литературныхъ и не литературныхъ двигателей того времени и вообще на извѣстныя въ городѣ личности, отличавшіяся какими-нибудь эксцентричностями. Не бралъ же

онъ этихъ статей потому что товарищъ его, знаменитый Фаддей Булгаринъ, считался великимъ мастеромъ писать юмористическія статьи, какими наводнялъ *Пчелу* преисправно, взимая за нихъ довольно крупный гонорарій. Какъ бы то ни было, но между соиздателями было тайное условіе—отстранять отъ *Пчелы* всѣ юмористическія статьи и даже, по возможности, стараться уничтожать ихъ. Узнавъ объ этомъ на опытъ, по уничтоженіи въ каминѣ Греча нѣкоторыхъ моихъ статей, я отправился къ Бестужеву-Рюмину со сверткомъ новыхъ статей, осмѣивавшихъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ между прочимъ знаменитую тогда въ Петербургѣ личность нѣкоего Элькана, всюдусущаго и всѣмъ надоевшаго, а также и нѣсколько другихъ рельефныхъ личностей, игравшихъ въ то время разныя роли въ столицѣ. Въ тѣ патріархальныя времена редакціи не имѣли ничего общаго съ нынѣшними, и дѣло велось совершенно иначе, бѣльшею частью однимъ лицомъ, безъ штата субъредакторовъ, секретарей и постоянныхъ сотрудниковъ. Было много охотниковъ печатать свои статьи бѣльшею частію даромъ, считая еще великою честью что статейка удостоилась печати. Конечно, не всѣ такія статьи и статейки непременно печатались: многія возвращались авторамъ, многія пропадали у редакторовъ. Однако сколько-нибудь сносныя статьи принимались съ любезностью, выражавшеюся посылкой къ автору двухъ-трехъ, иногда десяти билетовъ на журналъ или газету. Это было для молодыхъ писакъ, къ числу какихъ и я принадлежалъ, верхомъ благополучія, давая имъ возможность распространять листокъ или жиденькую книжечку, печатавшіе ихъ статьи, въ кругу своихъ знакомыхъ; а эти знакомые, въ свою очередь, были довольны что знакомятся съ юнымъ писателемъ, доставляющимъ имъ экземпляръ періодическаго изданія печатающаго его прозу или стихи. Гречъ въ числѣ сотрудниковъ имѣлъ двухъ-трехъ постоянныхъ и въ томъ числѣ и меня, какъ я уже о томъ упоминалъ въ моей статьѣ: *Четверги у Н. И. Греча* (№ 4 журнала *Заря* 1871). Съ постоянными, такъ - сказать, крѣпостными своими сотрудниками Гречъ былъ крайне нецеремоненъ и трактовалъ ихъ очень легко; къ сотрудникамъ же *дилеттантамъ*, какъ онъ ихъ называлъ, Николай Ивановичъ относился особенно любезно, ежели замѣчалъ въ нихъ хоть малѣйшій талантъ, и обыкновенно, принимая отъ нихъ даровую статью, восклицалъ: „А намъ статейку, дай Богъ здо-

ровья вамъ!“ повторяя часть куплета изъ славившагося когда-то водевиля: *Фениксъ или утро журналиста*, гдѣ талантливый тогдашній актеръ Рамазановъ вывелъ на сцену самого Греча, усвоивъ себѣ весьма ловко всю его внѣшность, манеры и привычки. Случаю угодно было чтобъ я засталъ дома, въ первый мой визитъ, Михаила Алексѣевича Бестужева-Рюмина, жившаго тогда въ дрянномъ деревянномъ домишкѣ гдѣ-то въ Саперномъ переулкѣ, въ довольно забавномъ и эксцентричномъ положеніи. Этотъ г. Бестужевъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, средняго роста, темноволосый, не столько плотный, сколько широко-костный, широко-грудый, сутуловатый и съ огромною головою, въ видѣ ливнаго котла, да и лицо-то у него было цвѣта какого-то мѣдно-краснаго, съ глазами сѣро-карими, изъ которыхъ одинъ препорядочно косилъ. Говорилъ онъ пришепелывая, словно имѣлъ кашу во рту, и съ довольно замѣтнымъ заиканьемъ. Усовъ и бороды въ тѣ времена никто почти не носилъ, а у него даже и бакенбарды не росли. Свѣтскими манерами этотъ господинъ не отличался: рѣчь его, пересыпанная площадными, извощичьими выраженіями, дѣлалась неестественно по-гостинодворски учтива, съ прибавкой съ почти къ каждому слову, когда онъ хотѣлъ съ кѣмъ-нибудь быть вѣжливымъ по своему, голосъ же его отличался постоянною, непріятною хрипотой, свойственною голосу людей находящихся въ томъ положеніи которое называется съ перепоя. Одѣвался Бестужевъ безвкусно и имѣлъ видъ *domestique endimanché*, то-есть лакея въ праздничномъ туалетѣ, въ которомъ изобиловали яркіе цвѣта, какъ напримѣръ, свѣтло-синій фракъ, красновато-розовый жилетъ и бронзоваго цвѣта шаравары, съ глубокими карманами. Вообще онъ не отличался ни изяществомъ, ни знаніемъ свѣтскихъ приличій, причемъ, хотя и былъ журналистъ, изъ всѣхъ наукъ зналъ порядочно одну лишь русскую грамматику и писалъ совершенно правильно, но во всемъ другомъ отличался поразительнымъ невѣжествомъ, которымъ Богъ знаетъ для чего даже любилъ хвастать: не говоря уже о томъ что онъ не зналъ ни одного изъ обыкновеннѣйшихъ въ общежитіи иностранныхъ языковъ, не имѣлъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, почему безъ строгаго наблюденія за его редакторствомъ гг. Татищева и Глѣбова, надѣлалъ бы въ печати самыхъ жалкихъ ошибокъ, которыя доставили бы торжество его врагамъ; а враговъ у него было не початый конецъ. Въ числѣ ихъ главный

Воейковъ, лично ненавидѣвшій бѣднаго Бестужева и хлопотавшій за кулисами серьезно о высылкѣ его изъ столицы.

Итакъ, я, отправясь къ Бестужеву, со сверткомъ юмористическихъ моихъ очерковъ (самаго, какъ помнится, дѣтскаго качества), вошелъ въ сѣни его деревяннаго домика и, не звоня, проникъ чрезъ полуотворенную дверь въ прихожую, узкую, тѣсную, въ которой висѣли шубы, валялись сапоги, сапожные щетки и полуразбитая тарелка съ ваксой и важно прогуливался зашедшій со двора лѣтучъ, тщетно искавшій тутъ себѣ пищи. Тутъ же у окна была большая клѣтка съ жаворонкомъ. За дверью, въ сосѣдней комнатѣ, слышно было чье-то плесканье въ водѣ и какое-то хрюканье съ глухимъ воемъ, заглушаемое отъ времени до времени чьими-то словами: „Эхъ! налопался! Сегодня видно и не отольешь тебя, чортъ косоглазый!“ Я началъ кашлять, чтобы дать о себѣ знать, и тогда тотъ же голосъ крикнулъ: „Ежели кто по *Ментурию*, входите, нечего церемониться!“ Такъ какъ я былъ именно по *Ментурию*, то вошелъ въ комнату въ моей енотовой шубѣ и со шляпой на головѣ. Зрѣлище представлявшееся мнѣ поразило меня: довольно большое зальце, въ четыре окна, гдѣ всѣ ломберные открытые столы и стулья покрыты были грудami экземпляровъ газеты *Сѣверный Меркурій* и различными другими газетами, журналами, книгами. Вообще въ комнатѣ царствовалъ хаосъ, соединявшій съ книгами и газетами остатки утренняго завтрака или вчерашняго ужина, бутылки и штофы полупустые, табакъ, сигары, трубки и табачную золу. Около одного изъ оконъ, полуобнаженный, безъ халага, валявшася на полу, сидѣлъ издатель-редакторъ *Сѣвернаго Меркурія*, наклонивъ голову надъ громаднымъ ушатомъ, а вѣрный его слуга, могшій служить натурщикомъ для портрета Чичиковскаго Петрушки, поливалъ голову своего барина ледяною водой, стекавшею въ чанъ, и тѣмъ отрезвлялъ его. Однако прототипъ Петрушки, ожидавшій видѣть наборщика изъ типографіи, увидя меня, сконфузился, вспомнивъ что выраженія его могли быть услышаны, и просилъ меня снять тутъ же шубу, положить ее на диванъ, а самому войти въ слѣдующую маленькую комнату, величаемую имъ кабинетомъ. При этомъ добрый холостъ благодушно и деликатно сказалъ: „*Мигрень* у Михаила Алексѣевича мигомъ пройдетъ. Вотъ я ему льдомъ потру голову, и онъ скоро къ вамъ явится.“

И точно черезъ четверть часа явился Бестужевъ, съ кото-

рымъ я познакомился и имѣлъ въ послѣдствіи ни одинъ случай убѣдиться что онъ былъ необыкновенно добрый и весьма честный малый, къ своему несчастью, однако, удрученный отвратительною слабостію къ горячимъ напиткамъ. Бестужевъ печаталъ безъ критики и разбора всѣ лустяки какіе я ему доставлялъ безпрерывно, и часто говаривалъ что при такомъ пароходномъ сотрудничествѣ можно безостановочно выпускать въ четвергъ и въ воскресенье номера газеты. Это дѣйствительно и исполнялось довольно аккуратно. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о статьяхъ *Сѣвернаго Меркурія*; но я предоставляю себѣ удовольствіе когда-нибудь передать читателямъ примѣры всей тогдашней журналистики, разумѣется, куріозу ради, а не для чего другаго. Для приведенія этого предположенія въ исполненіе, надо будетъ мнѣ хорошенько порыться въ моемъ рукописномъ домашнемъ архивѣ и посѣтить нѣсколько разъ Публичную Библіотеку.

II.

Нельзя не сказать что въ тогдашней журнальной болтовнѣ являлись по временамъ вещи далеко не ничтожныя, а напротивъ, полныя остроумія и юмора. Къ числу такихъ не принадлежала однако площадная брань какая обращена была Бестужевымъ, ни съ того, ни съ сего, въ *Сѣверномъ Меркуріи* на появившійся въ то время литературно-салонный французскій, выходившій по воскресеньямъ, листокъ *Le Furet*, издаваемый молодымъ Французикомъ, малорослымъ, съ черною гривой, одареннымъ голосомъ удушеннаго лѣтуча, Шарлемъ де Сень-Жюльеномъ, лекторомъ французскаго языка при Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ то время былъ ректоромъ Дюгуровъ (Dugour), Французъ-эмигрантъ, не знавшій слова по-русски, однако пердѣлавшій свою франскую фамилію на русскій ладъ. Всего пошлѣе въ критикѣ Бестужева на *Furet*, что по-русски значитъ „хорекъ“,—было то что Бестужевъ назвалъ *помоеройкой* и эту салонную газетку и ея редактора-издателя, превосходно принятаго во всѣхъ салонахъ петербургскихъ „сливокъ“. Такъ, молоденькій Французикъ съ косматою шевелюрой былъ очень и очень *gouté dans les salons de M-me la comtesse de Laval* *, то-есть

* Въ тѣ времена ходила по рукамъ каррикатура на которой представлена была графиня Лаваль держащая ложку предъ ртомъ, а

старой толстухи „Лавальши“. Въ салонахъ сильно возоліяли за честь Monsieur Charles de St.-Julien, оскорбленнаго публично какимъ-то misérable journaliste russe. Гречъ кое-гдѣ подстрекалъ чтобы Бестужева выслали изъ Петербурга за обруганіе имъ газетки имѣющей счастье быть читаемою постоянно государыней императрицей; Воейковъ, съ своей стороны, инсинуировалъ противъ Бестужева за эту дерзость у „благодѣтеля“ своего Леонтія Васильевича Дубельта. Все это не прошло бы даромъ Бестужеву, и разъ добрѣйшій Николай Александровичъ Татищевъ, пріѣхавъ отъ своей кузины comtesse Agripine (Закревской), сообщилъ чрезъ Глѣбова, поздно вечеромъ Бестужеву что онъ, Татищевъ, упросилъ за него графиню Агрипину чтобъ она похотѣла о немъ у графа Бенкендорфа. Добрѣйшей графинѣ Бенкендорфъ, всегда смѣявшейся надъ графиней Лаваль, Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ разказалъ всю эту исторію или бурю въ стаканѣ воды, и графиня взялась быть защитницей русскаго журналиста. „Охота же мнѣ была написать эту статью объ этой дрянной французской газеткѣ!“ заикаясь поговаривалъ Бестужевъ, когда до него дошли слухи что его выходкамъ противъ М-г Сенъ-Жюльена даютъ совершенно превратный толкъ. Среди всего этого шума и этой перестрѣлки, я доставилъ Бестужеву статью опровергавшую первую напечатанную имъ, ни съ того, ни сего, въ *Mercurie* противъ *Furet* и напротивъ восхвалявшую французскій листокъ выше лѣса стоячаго. Когда эта моя статья была напечатана, я отправился съ нею въ гостиную милой, любезной и необыкновенно образованной г-жи Ламе, жены инженеръ-полковника Ламе, который вмѣстѣ съ другомъ своимъ полковникомъ Клапейрономъ оказалъ большія услуги ученой технической части по нашему вѣдомству путей сообщенія, какъ при Бетанкурѣ, такъ и при бывшемъ тогда главноуправляющимъ герцогъ Александръ Виртембергскомъ. Г-жа Ламе, кузина и подруга дѣтства М-г Сенъ-Жюльена, тотчасъ сообщила ему переводъ моей статьи, мною же у нея въ кабинетѣ сдѣланный. И вотъ, на другой же день, при вѣжливомъ письмѣ редактора-издателя *Furet*, я получалъ всю коллекцію еженедѣльнаго листка, правду сказать, очень миленькаго и

на ложкѣ малenkій человекъ, въ которомъ я не могъ не узнать любезнѣйшаго М-г St.-Julien. Подъ каррикатурой подпись: Madame L'avale.

разнообразнаго, въ количествѣ пяти экземпляровъ, то-есть одного для меня и четырехъ для моихъ знакомыхъ. Не прошло сутокъ послѣ этой присылки, какъ явился ко мнѣ самъ М-г Charles de St.-Julien, приглашавшій меня быть его сотрудникомъ по части отчетовъ о русской текущей литературѣ и журналистикѣ, разумѣется, за честь и удовольствіе быть сотрудникомъ de cette charmante feuille de salons de la capitale, и иногда, разокъ въ недѣлю, за возможность пользоваться редакторскимъ кресломъ въ тогдашнемъ Маломъ Театрѣ, гдѣ въ то время играли исключительно Французы, труппа которыхъ была составлена превосходно. Недавно какъ-то въ Публичной Библіотекѣ вздумалось мнѣ взглянуть на мои старинные грѣхи въ этомъ *Furet*, выходившемъ здѣсь въ Петербургѣ за 40 лѣтъ предъ симъ. Мои *comptes rendus* о тогдашней русской литературѣ были не что иное какъ торопливое издѣліе семнадцатилѣтняго юноши, писавшаго о многомъ по слухамъ, а о другомъ по своимъ отношеніямъ. Такъ напримѣръ я расхвалилъ тогда романъ Греча *Черная женищина* и вообще отзывался съ особеннымъ уваженіемъ о всемъ томъ что творилось въ *Пчелѣ*. Все это впрочемъ было совершенно чистосердечно, потому что я въ тѣ времена былъ твердо убѣжденъ въ высокихъ достоинствахъ произведеній перьевъ Греча и Булгарина и въ великомъ значеніи ихъ газеты, хотя, правду сказать, чтеніе романовъ Николая Ивановича Греча наводило на меня зѣвоту и нагоняло тоску непреодолимую. Но какъ бы ни было, а въ тѣ времена статьи мои въ *Furet* о littérature contemporaine russe, имѣли свое положительное значеніе, и я сдѣлался, самъ не подозревая, мишенью различныхъ любезностей многихъ тогдашнихъ нашихъ беллетристовъ. Такъ, напримѣръ, я помню что въ ту пору И. И. Калашниковъ прислалъ мнѣ богато переплетенный экземпляръ своего романа *Калчадалка*, а Н. А. Полевой доставилъ мнѣ изъ Москвы полный экземпляръ своего истинно прекраснаго *Телеграфа*. Затѣмъ ужъ я, бывало, превозносилъ же Богъ знаетъ какъ *le Télégraphe de Moscou*, что было пріятно почтенному Николаю Алексѣвичу, особенно по тому обстоятельству что серьезный *Journal des Débats* заимствовалъ неоднократно на свои столбцы отчеты маленькаго *Furet* о тогдашней русской текущей литературѣ. Еще помнится мнѣ что покойный князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, передалъ однажды графинѣ Лаваль одну изъ своихъ тогдашнихъ книгъ,

помнится, *Пестрыя Сказки* или что-то въ этомъ родѣ, съ тѣмъ чтобъ о ней было упомянуто въ *Furet*, и редакторъ этой газетки прислалъ мнѣ эту книгу чтобъ о ней faire une aimable mention, то-есть сдѣлать любезный отзывъ. „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ что за 40 лѣтъ предъ симъ семнадцатилѣтній мальчикъ, знавшій порядочно французскій языкъ, могъ такъ куралесить въ русской литературѣ посредствомъ сотрудничества въ маленькомъ салонномъ французскомъ листкѣ.

Вообще газетка *Furet*, feuille hebdomadaire свѣтскихъ и литературныхъ новостей, занимала довольно почетное мѣсто съ килсеками и журналами модъ во всѣхъ блестящихъ петербургскихъ салонахъ, какихъ тогда въ столицѣ было многое множество. Извѣстность русскихъ литературныхъ отчетовъ моихъ въ *Furet* дошла, къ бѣдѣ моей, и до столь извѣстнаго, даже знаменитаго тогдашняго плодовитѣйшаго стихокропателя, маститаго графа Дмитрія Ивановича Хвостова, имя котораго въ исторіи нашей литературы сдѣлалось предметомъ всеобщаго глумленія по причинѣ страсти этого старика-самодура не только писать и печатать свои вирши, но и читать ихъ всѣмъ и каждому или заставлять этихъ всѣхъ и cadaго читать ему вслухъ его стихи, которыми онъ восхищался, и которыми были всегда биткомъ набиты какъ карманы его сѣраго съ Анненскою звѣздой фрака, испачканнаго сзади пудрой, а спереди табакомъ, такъ карманы двухъ ливрейныхъ гайдуковъ, сопровождавшихъ сіятельнаго пѣту на прогулкахъ въ Лѣтнемъ Саду. Изъ этихъ-то резервуаровъ, маленькій, сгорбленный, сухощавый старичокъ, сморщенный какъ печеное яблоко, потрясавшій головой, густо напудренною, постоянно извлекалъ массы своихъ стихотворныхъ брошюръ и листковъ, издававшихся имъ на всевозможные случаи. Графъ обыкновенно въ Лѣтнемъ Саду подсаживался къ знакомымъ и незнакомымъ, и всѣхъ мучалъ чтеніемъ этихъ стиховъ до того что постоянные посѣтители сада всѣми силами старались улизнуть отъ его сіятельства. Въ это же время въ Лѣтнемъ Дворцѣ Петра I жила въ лѣтомъ тогдашній министръ финансовъ графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, который нашелъ нужнымъ, съ своимъ откровеннымъ простодушіемъ, не лишеннымъ, однако, насмѣшливости, разъ навсегда отдѣлаться отъ поэтическихъ нападений графа Дмитрія Ивановича, сказавъ ему въ Лѣтнемъ

Саду, своимъ зычнымъ голосомъ, во всеуслышаніе: „Фаши стихи, фаше сіятельство, крафъ Тмитрій Ифанычъ, такъ превосходны што саставляютъ меня самого пролофать писать такіе же стихи, и это беретъ отъ меня фрема косутарственной слушлы, шресъ што я софершаю косутарственное преступленіе, уклоняясь отъ моихъ оязанностей престолу и отечестфу. А потому я финушденъ буду котатайствофать фысочайшее повелѣніе сапретить фамъ, крафъ, шитать мнѣ фаши лѣвни-тельные стихи“. Графъ Дмитрій Ивановичъ былъ далеко не глупъ; но страсть къ своимъ виршамъ въ немъ была до того сильна, что онъ не понялъ насмѣшливой шутки Канкринъ и всѣмъ ее разказывалъ, давъ, однако, себѣ слово не отвлекать государственнаго мужа отъ его запятій, которыми онъ обязанъ по присягѣ престолу и отечеству. Узнавъ объ этомъ, извѣстный острякъ и шутникъ, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, любившій потрунить и пошутить, пресеріозно увѣрилъ графа Дмитрія Ивановича что ежели Канкринъ пожалуется на него, за чтеніе ему стиховъ, государю, то императоръ назначитъ графу Дмитрію Ивановичу для жительства одно изъ его имѣній и освободитъ его отъ сенаторства. Такимъ образомъ, графъ Канкринъ былъ застрахованъ отъ чтенія стиховъ Хвостова или „хвостовщины“, какъ прозвалъ стихи эти Гречъ. Достоверно извѣстно что графъ Хвостовъ нанималъ, за довольно порядочное жалованье въ годъ, на полномъ своемъ содержаніи и иждивеніи, отставнаго чиновника, всѣ обязанности котораго ограничивались слушаніемъ и чтеніемъ вслухъ стиховъ графа. Говорятъ что, не взирая на хорошее содержаніе, чиновники эти болѣе года не выдерживали э.ой пытки и постоянно перемѣнялись, увѣряя что они на этой службѣ заболѣваютъ какою-то особенною болѣзнью, которую шутники называли „стихофобіей“. Въ Лѣтнемъ Саду графъ старался ловить пріѣзжихъ провинціаловъ, восхищавшихся честью бесѣдовать съ сенаторомъ-звѣздоносцемъ, почему эти добрые люди выслушивали и сами вслухъ читали его стихи. За это графъ приглашалъ многихъ изъ нихъ къ себѣ въ домъ на обѣдъ, что было вершиной почета для наивныхъ провинціаловъ, какихъ тогда въ Россіи еще было не мало, но какіе нынче, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и при сближеніи самыхъ даже захолустьевъ со столицами, значительно убавляются. Всѣхъ анекдотовъ и толковъ о графѣ Дмитріи Ивановичѣ не перечесть долго; почему, давъ

понятіе о немъ читателю, перехожу къ тому что лично до меня въ знакомствѣ моемъ съ графомъ Хвостовымъ относится.

Какъ я въ Лѣтнемъ Саду ни лавировалъ, но попался графу Хвостову словно куръ во щи, и онъ замучалъ меня своими стихами, отзываясь при этомъ съ восторгомъ (разумѣется поддѣльнымъ) о моихъ статьяхъ во французскомъ листкѣ, въ *Figet*, и приглашая къ себѣ въ гости. Онъ жилъ тогда въ Сергеевской улицѣ, въ своемъ длинномъ, желтомъ, неуклюжемъ двухъ-этажномъ домѣ, который давнымъ давно не существуетъ и замѣненъ какими-то изящными чертогами, какъ извѣстно, наполняющими эту аристократическую улицу. Я у графа не былъ и, признаюсь, имѣлъ школьничество дать ему свой фальшивый адресъ, гдѣ-то у Бертова моста, въ малой Коломнѣ, тогда какъ я проживалъ тогда въ Басковомъ переулкѣ, въ мезонинѣ деревяннаго дома противъ артиллерійскихъ казармъ, который тогда принадлежалъ киверному фабриканту отставному унтеръ-офицеру Глотову, а нынче стоитъ все въ томъ же видѣ, только не вѣдаю уже кому принадлежитъ онъ теперь. Однако этотъ фальшивый адресъ не спасъ меня: въ одно утро, въ воскресенье послѣ обѣдни, предъ Глововскимъ зеленоватотабачнаго цвѣта домикомъ съ мезониномъ остановилась голубая карета четверкой съ фореитеромъ. Два ливрейныхъ лакея въ синихъ сюртукахъ, съ малиновыми воротниками и серебряными галунами на треугольныхъ шляпахъ и на калишонахъ, соскочили съ запятокъ. Одинъ сталъ у дверецъ, другой вошелъ на дворъ и направился по лѣстницѣ въ мой мезонинъ. Онъ подалъ мнѣ визитную карточку графа со словами написанными красными чернилами: „Не откажите, молодой писатель, потѣшите старика, поѣзжайте съ нимъ къ нему на домъ теперь же. Графъ Дм. Хвостовъ“.

Отнѣкиваться было уже совершенно неприлично; я надѣлъ фракъ, взялъ шляпу, набросилъ на плеча шинель, и поѣхалъ въ графской каретѣ вмѣстѣ съ его сіятельствомъ. Онъ дорогой ни полслова не говорилъ мнѣ о мистификаціи съ адресомъ и только страдалъ тѣмъ что заарестуетъ на обѣдъ. Однако я отъ этой чести отклонился, доказавъ ему невозможность принять его лестное приглашеніе, такъ какъ я „обязанъ“ по воскресеньямъ бывать у Дмитрія Гавриловича Бибикова, моего тогдашняго начальника по департаменту виѣшной торговли. Дома графъ угостилъ меня отменно хорошимъ шоколатомъ съ бисквитами, послѣ чего не могъ утерпѣть чтобы не прочесть

мнѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ стиховъ, только - что тогда имъ произведенныхъ. Предъ тѣмъ какъ намъ распрощаться, добрый старичокъ взялъ съ меня слово что я буду у него скоро и, при этомъ, онъ снабдилъ меня печатною тетрадью въ большую четвертку съ новыми своими стихотвореніями. На заглавномъ листѣ этого in quarto, очень красиво и даже роскошно напечатаннаго, старикъ-стихотропатель написалъ при мнѣ же нѣсколько стиховъ съ посвященіемъ мнѣ „юному критику газеты французской *Furet* отъ удивляющагося его таланту и вѣрности сужденія старика-поэта, до гроба поклонника музъ и грацій“. Таково было содержаніе этихъ шести стиховъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ именами Аполлона и почти всѣхъ жителей Парнаса красовались имена и фамиліи, какъ его сіятельства, такъ вашего покорнѣйшаго слуги. При выходѣ на улицу, со стихотвореніемъ завернутымъ въ трубку, я вспомнилъ что въ этотъ вечеръ предстоялъ мнѣ, послѣ обѣда у моего директора департамента, маленькій баликъ на Васильевскомъ острову, у моихъ добрыхъ и многоуважаемыхъ тогдашнихъ знакомыхъ Башудкихъ. * Вслѣдствіе этого воспоминанія о баликѣ, я распорядился пріобрѣсти себѣ лале-выя перчатки самыя свѣжія. Фурнировался я всѣми туалетными вещами въ отменно хорошемъ тогдашнемъ магазинчикѣ Дюливье, въ домѣ Рогова на Невскомъ проспектѣ, хозяинъ и хозяйка котораго отличались замѣчательною образованностію, обширною начитанностію и коммерческою любезностію самаго лучшаго тона. Естественно что маленький магазинъ г. и г-жи Дюливье былъ всегда биткомъ набитъ. Взявъ на чистыя деньги перчатки, я оставилъ въ магазинѣ свертокъ съ печатными стихами и рукописнымъ посвященіемъ, сказавъ что ежели завтра я не зайду мимоходомъ за этою тетрадью, то хозяева въ правѣ дѣлать съ нею все что имъ заблагорассудится. Едва прошло пять дней послѣ этого, какъ я получилъ отъ графа Дмитрія Ивановича цидулочку съ приглашеніемъ меня завтра вечеромъ на чашку чая. Забывъ о существованіи тетради со стихотвореніями и посвященіемъ, я отправился въ Сергіевскую, гдѣ былъ принятъ съ распростер-

* Глава этого семейства былъ тогда старецъ Данилъ Яковлевичъ Башудкій, братъ извѣстнаго петербургскаго коменданта Павла Яковлевича Башудкаго и отецъ Александра Даниловича, нынѣшняго сенатора, а также дядя весьма извѣстнаго въ нашей литературѣ Александра Павловича Башудкаго, издателя *Панорамы Петербурга*.

тыми объятіями и угощенъ нѣсколькими стаканами хорошаго чая со сливками и съ отличными, повидимому, домашними, печеньями. Сидѣли въ гостиной голубой съ серебряными звѣздочками и освѣщенной многими канделябрами съ восковыми свѣчами, такъ какъ тогда о каллетовскихъ стеариновыхъ свѣчахъ только-что еще начинали слегка поговаривать и употребляли ихъ въ видѣ опыта. Графъ, какъ водится, читалъ свои стихи и заставлялъ читать ихъ своего чиновника-наемника. Графиня Хвостова, урожденная княжна Горчакова, тетка нынѣшняго нашего государственнаго канцлера, въ напудренныхъ бѣлыхъ старушка, окруженная тремя или четырьмя старообразными и весьма невзрачными компаніонками, одѣтыми однако очень модно и вычурно, да еще лентою или шестью болонками и молсами, съ ошейниками и побрякушками, присутствовала тутъ же, дѣлая видъ что слушаетъ стихи своего мужа, лаская сабакъ, или играя въ дурачки съ которою-нибудь изъ своихъ дамъ. Графиня Хвостова во всемъ Петербургѣ славилась своимъ французскимъ языкомъ, который она такъ умѣла удивительно уродовать. Разказывали что когда ея братъ князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, за какой-то военный совершенный имъ подвигъ, она сказала: „*Mon frère a reçu la cavalerie à travers l'épaule* (кавалерскую ленту чрезъ плечо) *pour avoir été blessé au caviar gauche*“ (лѣвую икру). А когда ее спрашивали о гувернёрѣ ея сына, кто это? она отвѣчала: „*C'est le monsieur, qui marche derrière mon fils* (ходитъ за моимъ сыномъ) *et lui montre la langue française*“ (преподаетъ ему правила французскаго языка). Оласаясь расхохотаться когда ея сіятельство пустится говорить по-французски, я прикинулся не умѣющимъ говорить по-французски и просилъ чтобы со мною говорено было по-русски. Графиня однако, зная что я пишу статейки во французской газетѣ, выразила по этому случаю свое удивленіе и сказала по поводу этого обстоятельства одной изъ своихъ невзрачныхъ компаніонокъ что-то на своемъ французскомъ діалектѣ невыяснимо абсурдное, заставившее меня прикусить языкъ, чтобы не фыркнуть. Графъ сталъ говорить мнѣ очень любезно о тѣхъ стихахъ какіе онъ мнѣ подарилъ со своимъ посвященіемъ. Платя дань учтивости и вѣжливости, я отвѣчалъ что тетрадь эта занимаетъ первое мѣсто въ моей библіотечкѣ, а посвященіе начертанное его

рукой приводитъ въ восхищеніе мою мать, показывающую всѣмъ и каждому этотъ лестный документъ. Но однако я жестоко былъ наказанъ за мою безстыдную ложь, потому что старикъ графъ Дмитрій Ивановичъ, хотя былъ конечно самодуръ съ своимъ несчастнымъ стихолетствомъ, но все-таки былъ притомъ свѣтскій и порядочный человѣкъ чистаго Екатерининскаго типа, почему съ любезною усмѣшкой сказалъ мнѣ: „Видно чудеса Каліостро возобновляются. Вы говорите что тетрадь эта у васъ на квартирѣ, а между тѣмъ она вотъ у меня здѣсь“. И онъ подалъ мнѣ эту злополучную тетрадь, вынувъ ее изъ ящика преддиваннаго стола. Я покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ. Дѣло объяснилось тѣмъ что графиня купила какую то матерію въ магазинѣ Дюливье, и товаръ этотъ завернули въ расшитую хозяевами магазина, оставленную мною на ихъ распоряженіе тетрадь, состоявшую изъ одного печатнаго листа въ 8 страницъ, то-есть въ четвертку. Графъ велѣлъ разглядить этотъ листъ при содѣйствіи переплетчика; но не отдалъ мнѣ его обратно, говоря что онъ отдастъ мнѣ этотъ экземпляръ тогда когда я въ наказаніе подарю его не однимъ, а многими моими посвщеніями.

III.

Въ первое же воскресенье, за обѣдомъ у Дмитрія Гавриловича Бибикова, моя исторія со стихотвореніями и посвященіями графа Хвостова была разказана мною очень комично и сдѣлала у Бибиковыхъ такой фуроръ, что на другой же день пересказана была графу и графинѣ Канкринымъ, равно какъ графу и графинѣ Бенкендорфъ. Хохоту было много. Я же написалъ эту исторію, *comme un fait du jour*, моему редактору издателяю Charles de St.-Julien, который изъ этого матеріала состряпалъ въ довольно бойкихъ стихахъ комичную балладу-легенду, гдѣ подъ именемъ *comte De-la-Queue* (то-есть графъ Хвостовъ) изобразилъ чудака стихолета со всѣми его странностями и смѣшными замашками и увлеченіями, фабулой же драмы было вышеозначенное происшествіе съ тетрадью *in-quarto* и съ собственноручнымъ посвященіемъ; а мѣсто дѣйствія перенесено было въ какое-то захолустье Франціи.

Стихотвореніе М-г Сень-Жюльена, прочитанное во всѣхъ салонахъ, очень разогорчило добраго и не глупаго, но страстно влюбленнаго въ свои стихотворенія графа Дмитрія Ивановича

Хвостова. Онъ непременно хотѣлъ какъ-нибудь наказать юношу за шутку надъ нимъ, шутку столь публичную и такъ ядовито его задѣвшую, хотя, правду сказать, въ стихотвореніи М-г Сень-Жульена я былъ вовсе не повиненъ. Графиня, при всей добротѣ своей, гнѣвалась на основателя этой шутки, то-есть на меня, потому что monsieur St-Julien считался, по ея мнѣнію, только моимъ оружіемъ, и говорила что надобно придумать мальчишкѣ строгое и памятное наказаніе. Въ это время какъ нарочно пріѣхалъ къ графу Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, который частенько въ ту пору посѣщалъ графа, такъ какъ это было осенью предъ подпиской на періодическія изданія, а графъ бралъ ежегодно на свой счетъ по сотнѣ экземпляровъ Воейковскихъ изданій, съ тѣмъ однако условіемъ чтобы въ слѣдующемъ году было непременно напечатано въ журналахъ Воейкова хоть одно стихотвореніе графа Дмитрія Ивановича. Графъ, а больше всего графиня, рассказали Воейкову всю исторію моего проступка и предъявили ему злощастное стихотвореніе объ malheureux cracheur de méchants vers comte De-la-Queue. Воейковъ прежде всего хотѣлъ написать противъ меня ругательную статью или помѣстить мою персону въ свой *Домъ сумашедшихъ*. Однако первое онъ нашелъ не вполне достигающимъ цѣли, а второе призналъ черезчуръ почетнымъ для меня, по крайней молодости моихъ лѣтъ.

Затѣмъ рѣшено было въ общемъ комитетѣ пригласить меня въ имѣющее быть у графа на дняхъ вечернее литературное собраніе, гдѣ будутъ читать свои прелестныя (для нихъ) произведенія, подъ предсѣдательствомъ самого хозяина-амфитріона, такіе „знаменитые“ поэты и прозаики, какъ Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, авторъ сладко-снотворныхъ элегій; Лобановъ, переводчикъ Росиновой трагедіи *Федра*; онъ, Воейковъ, переводчикъ *Виргилія* и *Делиля*; Огинскій, переводчикъ какой-то древней исторіи Гольдсмида; Борисъ Михайловичъ Ф (Ѳ) едоровъ, авторъ романа *Князь Курбскій* и бесчисленнаго множества дѣтскихъ и не дѣтскихъ стихотвореній; Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, авторъ военныхъ воспоминаній того чего не видалъ, сидя въ штабѣ, и тоже стихотворъ; Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, творецъ сладенькихъ стишковъ; баронъ Егоръ Ѳедоровичъ Розенъ, стихотворъ и прозаикъ; Андрей Ивановичъ Подолинскій, богатый малороссійскій помѣщикъ и авторъ многихъ стишковъ въ альманахахъ и пр. и пр. И посреди-то этого сонма „знаменитыхъ“ писателей

рѣшено было посадить меня на скамью подсудимыхъ; а Воейкову предоставить быть моимъ и обвинителемъ-прокуроромъ, и судьей, и наконецъ экзекуторомъ-палачомъ. Воейковъ самъ назначилъ себѣ всѣ эти роли и радовался что онъ среди этого блистательнаго общества жестоко отмститъ мнѣ своимъ, какъ онъ выражался, „оборваньемъ“ за всѣ мои анонимныя замѣтки въ *Сѣверномъ Меркуріи* о всѣхъ тѣхъ географическихъ и историческихъ промахахъ какими были постоянно наполнены его изданія *Русскій Инвалидъ*, *Славянинъ* и *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. *

Само собою разумѣется что я ничего не зналъ и не вѣдалъ о готовившемся противъ меня комplotъ и, ничего не подозрѣвая, явился на литературный вечеръ, который, какъ я надѣялся, долженъ былъ доставить собою новую пищу моей сатирической наблюдательности и дать мнѣ возможность поразказать объ этомъ литературно-карикатурномъ собраніи за обѣдомъ у Дмитрія Гавриловича Бибикова, въ первое же воскресенье. Когда я вошелъ въ ярко-освѣщенную залу графа Хвостова, устроенную на этотъ разъ для литературныхъ чтеній, съ длиннымъ столомъ, покрытымъ малиновымъ сукномъ съ золотыми галунами и кистями и обставленнымъ креслами, обитыми малиновымъ же бархатомъ съ золочеными гвоздиками, въ залѣ было уже нѣсколько лицъ, которымъ графъ представилъ меня въ качествѣ юноши пишущаго во французскомъ журналѣ отчеты о современной русской литературѣ, а въ *Сѣверной Пчелѣ* статьи о замѣчательныхъ и талантливыхъ русскихъ самородкахъ въ дѣлѣ промышленности.—„Жаль только, что стиховъ не пишетъ и стиховъ не любитъ“, восклицалъ графъ Дмитрій Ивановичъ. Въ числѣ почетныхъ гостей былъ и князь Ширинскій-Шихматовъ, который имѣлъ, какъ извѣстно, главное участіе въ редакціи и составленіи цензурнаго устава 1826 года, прозваннаго *Гасильникомъ Просвѣщенія*, а также *Драконовымъ Кодексомъ*. Въ 1830 году этотъ князь Ширинскій-Шихматовъ былъ кажется директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Онъ былъ, какъ помню, въ форменномъ синемъ фракѣ со звѣздой и сидѣлъ на диванѣ, имѣя около себя пиитовъ Лобанова и Владиміра Ивановича Панаева. На

* Ошибки эти бывали такъ рѣзки что молоденькій 17ти-лѣтній мальчикъ могъ ихъ замѣтить, особенно въ то время когда онъ еще свѣжо помнилъ уроки географіи и исторіи.

сдѣланную обо мнѣ рекомендацію, князь Ширинскій сказалъ на всю залу: „Трудно повѣрить въ литературныя качества того молодаго человѣка который не стихотворствуетъ. Безъ любви къ стихамъ нѣтъ эстетики, безъ эстетики нѣтъ поэзіи, безъ поэзіи нѣтъ чувства, остается одна чувственность; нѣтъ жизни, остается одно прозябаніе.“ Въ это самое время вошелъ юный, почти такой же юный какъ я, только очень и очень богатый помѣщикъ и тогдашній поэтъ Андрей Ивановичъ Подолинскій, миловидный, скромный, кроткій и застѣнчивый, одѣтый модно и щеголевато, но съ различными байроновскими замашками въ самомъ туалетѣ своемъ, замѣтными въ небрежно-тщательно повязанномъ галстухѣ, открывавшемъ бѣлоснѣжную шею, и въ причeskѣ, состоявшей изъ массы каштановыхъ локоновъ, закинутыхъ назадъ и падавшихъ на плечи. Даже камей на груди, рѣдкій по древности и добытый изъ Геркуланума, даже слишкомъ широкополая шляпа Боливаръ, въ лѣвой рукѣ, все, при нѣкоторой наблюдательности, просилось на эффектъ и отличалось аффектаціей. Подолинскій былъ принятъ хозяиномъ и хозяйкой, равно какъ ихъ гостями, съ восторгомъ заставившимъ смутиться этого робкаго юношу, который, казалось, очень былъ радъ что увидѣлъ среди этого синклита меня и дружески пожалъ мнѣ руку.—„А вы развѣ знакомы?“ спросилъ графъ Хвостовъ.—„По дому Марьи Алексѣевны Крыжановской, урожденной Перовской, ваше сіятельство“, сказалъ провинціалъ Подолинскій.—„И по четвергамъ Николая Ивановича Греча“, прибавилъ я.

— Вотъ истинно поэтическая душа! воскликнулъ князь Ширинскій-Шихматовъ, съ улыбкой, потрясая и прижимая къ груди руку Подолинскаго, покрытую брилліантовыми, аметистовыми, рубиновыми и изумрудными перстнями. Вслѣдъ за этимъ князь сказалъ какіе-то два-три стиха изъ псалмовъ Давидовыхъ о святости поэзіи и непосредственно за этими стихами весьма прозаически спросилъ Подолинскаго:

— А когда же, Андрей Ивановичъ, вы подадите прошеніе министру о причисленіи васъ къ министерствѣ народнаго просвѣщенія?

Изъ всего того что я тутъ слышалъ, замѣтно было что поэзія поэзіей, а малороссійскія имѣнія въ 2.000 душъ этого юнаго поклонника музъ имѣли въ глазахъ всѣхъ этихъ сладкихъ восторженниковъ къ его личности не послѣднее значеніе.

Раздалось постукиваніе шпоръ и бряцанье сабли, всегдашнѣе въ ту пору предвѣстники появленія армейскаго кавалериста, говорю „армейскаго“ потому что истые гвардейцы, въ тѣ времена комъ-ильтотные въ высшей степени, умѣли какъ-то носить и саблю и шпоры такъ что ни тѣ, ни другія не издавали звуковъ. Явился малорослый, свѣтловолосый баронъ Егоръ Федоровичъ Розенъ, съ желтоватыми усиками, въ своей адъютантской формѣ, съ разстегнутымъ вопреки формы воротникомъ; онъ шелъ довольно скоро, маша по полу длиннымъ бѣлымъ султаномъ своей треугольной шляпы, а правою рукою поправлялъ на груди перепутавшіеся серебряные аксельбанты. И его приняли любезно; но все-таки далеко не такъ любезно какъ Подолинскаго. Раскланившись со всѣми довольно угловато, онъ дружески обнялъ меня и началъ своимъ крикливо-пискливымъ дискантикомъ разказывать, обращаясь ко всѣмъ, о томъ что онъ сегодня въ книжномъ магазинѣ Сленина встрѣтилъ Соболевскаго, друга Александра Сергѣевича Пушкина, который ему сказалъ что Пушкинъ начинаетъ по высочайшему повелѣнію приступать къ собранію свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, и что въ городѣ уже заболтались о томъ что будто онъ получить званіе исторіографа. Это всѣхъ заинтересовало. Но достойно было особеннаго вниманія то что поэты, какъ Шихматовъ, Панаевъ и Лобановъ, говорившіе съ натяжнымъ восторгомъ о стихотворствѣ, въ сущности же все-таки чиновники въ душѣ, стали тотчасъ при этомъ слухѣ поговаривать о томъ что, вѣроятно, это дѣло устроено по ходатайству и рекомендаціи Василя Андреевича Жуковскаго, знающаго хорошо финансовыя бѣдствія Пушкина, которому будетъ положенъ конечно знатный окладъ. Изъ всѣхъ этихъ господъ одинъ только оказался чистосердечнымъ другомъ поэзіи, именно старичокъ-стихоплетъ графъ Хвостовъ, который сказалъ:

— Ежели Пушкинъ поведется по чиновничьей стезѣ и будетъ работать по заказу, хотя бы даже по Высочайшему, скажи тогда, нашъ Александръ Сергѣевичъ, прости поэзіи.

Ширинскій и Панаевъ возстали противъ этого мнѣнія графа Хвостова и говорили графу что они также служатъ и царю, и музамъ; да и самъ онъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, вѣдь сенаторствуетъ, а кто же больше его сіятельства приносить даровъ и жертвъ поэзіи? Графъ улыбался и приговаривалъ: „Да то мы, а то вѣдь Пушкинъ“!...

Благородный, кроткій и незлобивый старецъ такъ радушно отзывался о Пушкинѣ, хотя конечно зналъ ту ѣдкую и грязную эпигramму какую Пушкинъ. какъ-то разъ послѣ завтрака устрицами съ шампанскимъ у Елисеева съ Вельгорскимъ и Соболевскимъ, карандашомъ написалъ на какомъ-то попавшемся ему конвертѣ.

IV.

Постукиваніе трости о паркетъ въ сосѣдней залѣ возвѣстило появленіе Воейкова, прежде котораго за нѣсколько секундъ показался на порогѣ ливрейный лакей, провозгласившій:—Статскій совѣтникъ г. Воейковъ. И статскій совѣтникъ г. Воейковъ въ форменномъ съ серебряными пуговицами синемъ фракѣ Академіи Наукъ, съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, показался, съ своимъ чернымъ, густымъ какъ шалка парикомъ и съ своими огромными очками, оправленными въ черепаху. Онъ вошелъ и началъ тотчасъ здороваться на право и на лѣво, цѣлуясь съ одними, пожимая руки другимъ. За нимъ слѣдомъ шелъ и угловато также всѣмъ кланялся, съ какою-то подпрыжкой, молодой поэтъ, Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, весь въ черномъ, въ очкахъ, самъ ярко-розовый, рыжевatenькій, съ узенькими бакенбардочками, словно двѣ ленточки свѣтло-коричневаго цвѣта. Этотъ добрѣйшій г. Глѣбовъ былъ страстный стихотворъ, который однако не читалъ насильно всѣмъ своихъ стихковъ, писалъ и прозой не дурно. Онъ помѣщалъ свои стихи во всѣхъ журналахъ и во всѣхъ альманахахъ и имѣлъ такой уживчивый нравъ что одновременно былъ помощникомъ Бестужева-Рюмина по изданію *Сѣвернаго Меркурія* и вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ усердно для *Литературныхъ Прибавленій* Воейкова, которыя Гречъ прозвалъ „Литературными Придавленіями“ редактора *Русскаго Инвалида*. Этотъ тогдашній литераторъ Глѣбовъ былъ какъ дѣвушка застѣнчивъ и постоянно какъ-то конфузился, подергивался какъ-то конвульсически когда говорилъ, причемъ имѣлъ привычку хватать всѣхъ сколько-нибудь коротко знакомыхъ за пуговицы. Вообще онъ былъ довольно смѣшонъ и даже карриатуренъ, хотя впрочемъ все это въ немъ было вполне натуральное, нисколько не напускное, какъ бываетъ у нѣкоторыхъ другихъ, старающихся брать аффектаціей. Раскланявшись со всѣми, Глѣбовъ, не ожидая видѣть меня здѣсь, удивленно обратился ко мнѣ и тотчасъ ухватилъ меня за пуговицу; но я отклонилъ эту его обычную любезность, говоря ему шутя

что онъ постоянно даетъ сильную работу моему старику Тимоѣю, зашивающему пуговицы моихъ фраковъ послѣ каждой встрѣчи съ нимъ, добрѣйшимъ Александромъ Николаевичемъ. Между тѣмъ предъ началомъ литературнаго вечера, до пріятія поэтическихъ брашенъ, явились лакеи съ подносами душистаго чая, которымъ предсѣдавшіе занялись довольно внимательно. Воейковъ, уписавъ какой-то сдобный крендель и запивъ его быстрыми глотками чая изъ громадной чашки, повидимому ему спеціально назначенной, поправилъ очки и обратился со всегдашнимъ своимъ гробовымъ завываньемъ къ князю Ширинскому-Шихматову, только что кончившему прихлебываніе чая, перемежаемое чтеніемъ почти шолотомъ какой-то новой идилліи Панаева, назначенной для чтенія на этомъ вечерѣ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, на что это похоже? Вы допускаете въ нашей Россійской Академіи Богъ знаетъ какія неправильности!

— Какія, какія, Александръ Ѳедоровичъ, какія неправильности? вопрошалъ князь.

— Да хоть бы тѣ, продолжалъ Воейковъ, покусывая искусанный уже набалдашникъ своей трости,—да хоть бы тѣ, князь Платонъ Александровичъ, хоть бы тѣ напрімѣръ-съ, ваше сіятельство, что нашему непремѣнному секретарю, знаменитому осударю Петру Ивановичу, еще отвалили окладъ. Скоро кажется доходы всего Русскаго царства пойдутъ на этого одного господина.

— Это вовсе не наше дѣло, Александръ Ѳедоровичъ, это по желанію президента академіи. Вы знаете, Александръ Ѳедоровичъ, сила соломѣ ломить! замѣтилъ князь со смѣсью досады, сожалѣнія и чиновничьей значительности.

— Пусть соломенные человѣчки и ломаются, восклицалъ Воейковъ, постукивая очень не церемонно своею клюкой,—а я человѣкъ желѣзный, гранатный, такимъ силамъ не поддаюсь. На то у меня въ рукахъ обоюдоострое перо, которое какъ разъ усадить всякаго несправедливца въ тотъ отдѣлъ моего Дома сумашедшихъ который особо отъ литературнаго отдѣла мною строится. Въ этотъ-то отдѣлъ пусть сядетъ господинъ Академіи Россійской непремѣнный секретарь, осударь Петръ Ивановичъ Соколовъ.

Не лишнее замѣтить что разговоръ о Домѣ сумашедшихъ, съ которымъ Воейковъ иногда любилъ носиться, не могъ быть

пріятель и князю Ширинскому-Шихматову, который, за участие свое въ составленіи жестокаго цензурнаго устава, самъ былъ посаженъ Воейковымъ въ *гражданское* отдѣленіе его *Дома сумашедшихъ* и ѣдко, злобно очерченъ и обруганъ.

Однако произнесенное Воейковымъ, съ особымъ удареніемъ, слово „осударь“ заставило всѣхъ разсмѣяться, и Лобановъ, переводчикъ Расина, весьма докторально пояснилъ что г. Соколовъ доказываетъ упорно будто слѣдуетъ писать и говорить не „государь“, а „осударь“ на точномъ основаніи славянскаго словопостроенія.

Завязался по поводу этого слова полу-филологическій, полу-завиральный споръ, давшій однако поводъ графу Хвостову сказать какіе-то собственные свои стихи, въ которыхъ слово „осударь“ и „государь“ повторялось самымъ страннымъ образомъ, причемъ доказывалось что будто и то и другое возможно въ письменномъ и разговорномъ употребленіи.

— И овцы цѣлы, и волки сыты! захохоталъ съ какимъ-то дикимъ воплемъ Воейковъ.—А все-таки, г. Соколова я упряталъ въ мой *Домъ сумашедшихъ*.

— Это не новость, Александръ Федоровичъ, замѣтилъ баронъ Розенъ своимъ спеціальнымъ, ему одному свойственнымъ акцентомъ и ему одному присущею лѣвучею интонаціей, какой до знакомства моего съ Розеномъ и послѣ его смерти я никогда ни отъ кого не слыхивалъ.—Вы написали эту эпиграмму кажется въ 1815 году, то-есть за 15 лѣтъ предъ симъ.

— Да, достопочтенный баронъ, за 15 лѣтъ это правда, говорилъ уже тихо Воейковъ,—да, точно давно я заклеимилъ его, однако я теперь, сегодня же, вновь редактировалъ эту эпиграмму, и ежели угодно, то прочту ее почтенному обществу.

— Прочтите, прочтите, Александръ Федоровичъ, прочтите, говорилъ князь Ширинскій - Шихматовъ, улыбаясь,—вашею эпиграммой начнемъ наше засѣданіе. Вы согласны, графъ?

— Вполнѣ, вполнѣ согласенъ, шамкалъ графъ Хвостовъ.— Но вѣдь кажется Петръ Ивановичъ написалъ какое-то стихотвореніе?

— Никогда ничего не писалъ, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, сей секретарь русской словесности,* со злобой сказалъ Воейковъ

* Говоря это, Воейковъ лгалъ, потому что Соколовъ на своемъ вѣку перевелъ нѣсколько дѣльныхъ книгъ съ латинскаго языка и еще издалъ составленную имъ христоматию, что все видно изъ его біографіи въ *Справочномъ Словарѣ* Старчевскаго.

и, кашлянувъ, да грызая немножко свою трость, началъ съ завываньемъ:

„Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Ивановичъ осударь,
Академіи російской
Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ;
Три оклада получаетъ
И столовые беретъ.“

* *
*

На дворѣ академіи
Грядъ капуста накопалъ;
Не приютъ лѣвцамъ Россіи,
А лабазъ—для дегтя склалъ.“

Никто не хотѣлъ замѣтить что это старая редакція, и новаго ничего въ ней нѣтъ кромѣ переменны цифры 2 на 3, при упоминаніи объ окладахъ. Всѣ смѣялись и рукоплескали. Только одинъ постоянный въ своихъ мнѣніяхъ баронъ Розенъ, принявъ недовольный видъ, сказалъ своимъ крикливо-лѣвучимъ голосомъ, съ акцентомъ не то нѣмецкимъ, не то польскимъ, не то старо-славянскимъ, но какъ всегда грамматически отчетисто и старательно отчеканивая каждое слово:

— Легко ругать и поносить человѣка, не легко только отдавать справедливость за скромныя дѣянія чистаго человѣколюбія, скрываемаго такъ какъ скрывается благородная, но скромная фіялка. Да, милостивые государи (я не скажу, осударя! улыбнулся онъ), да, этотъ самый Петръ Ивановичъ Соколовъ, какъ свидѣтельствуешь въ своихъ запискахъ всѣми нами уважаемый и цѣнимый переводчикъ древнихъ классиковъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, сласъ на Васильевскомъ островѣ, во время наводненія 7го ноября 1824 года, пятнадцать человѣкъ погибавшихъ, подавая имъ веревки, и никому не разказывалъ о своемъ подвигѣ. Къ тому же я долженъ заявить что Александръ Федоровичъ не правъ, говоря въ своей сатирѣ будто Соколовъ ничего не переводилъ, ничего не издавалъ, тогда какъ онъ издалъ нѣсколько очень хорошихъ своихъ переводовъ съ латинскаго языка, и его переводы приняты во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Воля ваша, а такъ жестоко отзываться о честномъ труженникѣ, каковъ

Соколовъ, который мнѣ ни свать, ни братъ, право не пригоже, право не любовно!...

Эта рыцарская выходка барона Розена, появившагося защитникомъ Соколова, готова была произвести свой эффектъ, потому что Воейковъ, съ остервененіемъ приподнявъ парикъ, съѣхавшій на сторону, сталъ чесать ногтями въ головѣ, — а эта невзрачная манипуляція означала приближеніе бурной волны со стороны хромого переводчика *Георгики*. Но графъ Хвостовъ кстати во-время подплылъ къ Воейкову и сказалъ ему своимъ старческимъ голосомъ сколько могъ громко:

— Александръ Федоровичъ, позвольте представить вамъ моего новаго юнаго знакома. Онъ тогда назвалъ и представилъ ему меня. Воейковъ злобно и бѣшено, вскинувъ очки на лобъ, взглянулъ на меня своими мутными глазами, не вставъ и не подавая руки, и сказалъ:

— Свѣтопреставленіе! Дѣти, едва отъ соска, пускаются въ литературу и журналистику! Этотъ мальчикъ, не знающій еще порядочно грамоты русской, пишетъ французскія статьи о русской литературѣ и о русской журналистикѣ. Подъ крыломъ такого богопротивнаго человѣка, каковъ Гречъ, этотъ птенецъ нашелъ себѣ пріютъ и пойдетъ, конечно, по стопамъ такого достойнаго наставника. Поздравляю, молодой человѣкъ! Изъ васъ въ школѣ Греча выйдетъ что-нибудь въ родѣ вашего наставника, который способенъ на все на свѣтѣ, только на все недоброе. Но видно Богъ слышитъ молитвы вашихъ родителей, ежели вы ихъ имѣете, и, слыша ихъ, не полускаетъ васъ до окончательнаго паденія, приведя васъ путями Провидѣнія въ домъ его сіятельства графа Дмитрія Ивановича, гдѣ, кромѣ дѣлъ добродѣтельныхъ, вы ничего не увидите. А вертелъ Греча....

— О какомъ вертелѣ Греча вы позволяете себѣ говорить? взвизгнулъ баронъ Розенъ. — Александръ Федоровичъ, образумтесь, придите въ себя, вы въ какомъ-то болѣзненномъ состояніи. Что съ вами? Какъ вы осмѣливаетесь оскорблять этого молодаго человѣка? Откуда вы взяли это право?... Я никогда не позволю при мнѣ ругать Греча, у котораго я хорошо принять, какъ я никогда никому не позволилъ бы поносить васъ при себѣ, имѣя честь быть принять у васъ. Этого молодаго человѣка многіе изъ насъ, которые гораздо старше его, считаютъ своимъ товарищемъ; Карлгофъ, Глѣбовъ, Подольскій, я, мы все знаемъ его съ хорошей

стороны. Не понимаю откуда вы взяли право оскорблять его здѣсь.

Все общество старалось принять видъ будто ничего не видитъ и не слышитъ, почему Шихматовъ, Лобановъ, Панаевъ, Огинскій и съ ними самъ хозяинъ, графъ Хвостовъ, разговаривали между собою о постороннихъ какихъ-то предметахъ, оставляя сначала меня на жертву Воейкову, а потомъ Воейкова на жертву барону Розену, который расхаживалъ не на шутку и сильно постукивалъ ножами сабли; а Воейковъ, вынувъ изъ кармана платокъ преогромнаго размѣра, вытиралъ потъ градомъ катившійся съ его лица, посинѣвшаго и побагровѣвшаго, причемъ онъ распускалъ галстукъ и пилъ холодную воду стаканъ за стаканомъ. Повидимому, онъ задыхался отъ гнѣва, но страшился прилива крови. Въ это время, имѣя около себя Глѣбова и Подолинскаго, я сначала стоялъ какъ окаменѣлый, какъ пораженный громомъ, но потомъ, придя въ себя и слыша энергическія слова честнаго барона Розена, тихо спросилъ Глѣбова:

— Скажите на милость, Александръ Николаевичъ, что этотъ господинъ Воейковъ, котораго я первый разъ въ жизни вижу и котораго желалъ бы никогда нигдѣ не встрѣчать, пьянъ сегодня или онъ сумашедшій сорвавшійся съ цѣпи?

Тогда Глѣбовъ, весьма конфиденціально, взявъ меня въ сторону, въ амбразуру дальняго окна, разказалъ мнѣ о томъ комплотѣ который былъ устроенъ здѣсь за то что St.-Julien, съ моихъ словъ, написалъ шуточную балладу такъ сильно раздосадовавшую графа Дмитрія Ивановича. Тутъ все мнѣ сдѣлалось яснымъ. Я сожалѣлъ, но поздно, о всей этой исторіи и рѣшился отнынѣ впредь никогда не бывать въ домѣ графа Дмитрія Ивановича, дѣяніе же Воейкова хотѣлъ непременно предать тисненію, какъ въ *Съверномъ Меркуріи*, такъ и въ *Furet*. Но это не было мною исполнено по стеченію обстоятельствъ которыя будутъ видны изъ послѣдующаго разказа.

Воейковъ отъ природы не злой, но часто злобствовавшій искусственно и въ высшей степени самодурный, способенъ былъ, однако, приходить въ себя, почему тотчасъ графъ Хвостовъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Юный гость мой, я извиняюсь предъ вами за впечатлительнаго и бѣшенаго пріятеля моего, Александра Федоро-

вича Воейкова, который очень сожалѣетъ теперь самъ о своей вспышкѣ и приглашаетъ васъ на свои пятницы.

На это я почтительно объяснилъ графу что нога моя у г. Воейкова никогда не будетъ, это положительно, какъ то что сегодня такое-то число, потому что я молодой, очень еще молодой человекъ, могу забыть грубыя выходки такого человека который въ дѣды мнѣ годится; но ежели этотъ же самый человекъ при мнѣ поносить другаго человека, отъ котораго кромѣ добраго и полезнаго для себя я ничего никогда не видѣлъ (это было въ началѣ моихъ сношеній съ Гречемъ, когда, дѣйствительно, онъ мнѣ оказалъ множество такихъ услугъ какія забыть способно только самое чорстовое сердце), то, естественно, я не могу ему этого дозволить и не могу бывать подъ его кровлей, гдѣ, безъ сомнѣнія, онъ уже безъ всякой церемоніи будетъ поносить Греча, защищаемый своими домашними пенатами. А потому, не желая теперь нарушать своимъ присутствіемъ гармонію общества, въ которое я былъ приглашенъ съ цѣлію мнѣ извѣстною и понятною, я благодарю его сіятельство за ласковое вниманіе и расположеніе ко мнѣ и удаляюсь.

Бѣдный графъ, и безъ того щедушный, всѣмъ этимъ утомился и, почти ничего не понимая, простился со мной. Затѣмъ онъ отошелъ къ своимъ гостямъ и, какъ я уже послѣ слышалъ отъ А. И. Подолинскаго, сказалъ Воейкову:—Пересолили, пересолили, Александръ Федоровичъ!

— Кто жь зналъ, ревнулъ Воейковъ, — что у мальчишки столько друзей и во главѣ ихъ этотъ бѣлобрысый чухонскій Баярдъ? Да, вздоръ, онъ у меня будетъ на пятницахъ: завтра же я пошлю къ нему экземпляръ моихъ изданій и угомоню такимъ письмомъ писать какія старикашка Воейковъ собаку съѣлъ.

Спустясь съ пятницы графа Хвостова на улицу, я по часамъ убѣдился что еще не поздно: было едва восемь часовъ вечера, почему я двинулся на Невскій проспектъ, въ тотъ домъ гдѣ нынѣ совершенно перестроенный и переименованный искуснымъ архитекторомъ Отель-Бельвю и гдѣ тогда на дворѣ была довольно обширная квартира занимаемая инженеръ-полковниками Ламе и Клапейрономъ, моими хорошими знакомыми, гдѣ я проводилъ иногда пріятно вечера въ обществѣ дамъ Ламе и Клапейронъ и нѣсколькихъ ихъ родственниковъ и друзей. Къ числу первыхъ принадлежалъ мой юный редакторъ

Furet г. Сень-Жюльенъ, къ числу вторыхъ, директоръ института глухонѣмыхъ, лысый какъ ладонь старикъ, г. Флѣри, впрочемъ очень ученый, а еще болѣе пріятный и интересный Французъ собесѣдникъ, хорошо знакомый съ блестящею частью петербургскаго общества. Здѣсь я, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего со мною случившагося въ тотъ самый вечеръ, разказалъ всей честной компаніи что произошло на литературномъ вечерѣ *du vieux cracheur de méchants vers*. Разказывая это происшествіе, я, конечно, не щадилъ красокъ для изображенія самымъ каррикатурнымъ образомъ журналиста Воейкова со всеми его весьма не граціозными ухватками и манерами, при различныхъ, далеко не салонныхъ привычкахъ.

— *Ah! le vilain merle!* говорили дамы-Парижанки.

— *Il faut tailler dans le vif,* восклицала живая и впечатлительная брюнетка гжа Ламе, — *Charles, cher petit cousin, mon chou, de grace faites de tout cela un article, mais un de ces articles à faire crever de rage le journaliste perruqué.*

Шарль, то-есть Шарль де Сень-Жюльенъ, всегда тая у ногъ своей кузины, готовъ былъ исполнить ея повелѣніе, жестоко отфухтелить сердитаго журналиста *Vokoffz*; но рѣшено было приступить къ статьѣ не иначе какъ по полученіи завтра отъ меня меморіи о всемъ ходѣ этой драмы, изъ которой надо было скроить каррикатурную траги-комедію. Къ тому же надобно было придумать и различные русскіе псевдонимы.

V.

Возвратясь поздно домой въ Басковъ переулокъ, я проспалъ дольше обыкновеннаго и утромъ спѣшилъ въ департаментъ, ибо хотя Дмитрій Гавриловичъ Бибиловъ и былъ очень милъ со мной, называя меня однимъ изъ своихъ гвардейцевъ, однако съ нашимъ „безрукимъ“, какъ его называли чиновники, шутить было неудобно, и за неисправность по службѣ гвардейцу могло быть втрое хуже чѣмъ обыкновенному армейцу. Проработавъ въ департаментѣ до четырехъ часовъ, я возвратился къ обѣду домой, гдѣ, къ удивленію моему, нашелъ огромный тюкъ съ брошюрованными книжками и печатными тетрадями, при письмѣ залечатаемомъ огромною гербовою печатью, украшенною различными орденовыми регаліями. Оказалось что все это прислано изъ Шестилавочной отъ генерала (статскихъ совѣтниковъ лакеи въ

то время сплошь и рядомъ величали генералами) Воейкова. На конвертѣ оригинальна была надпись, которая вполнѣ характеризовала Александра Федоровича съ его сатирическими выходками, облеченными въ форму вѣжливости и даже напускной почтительности. Надпись эта была слѣдующая: *Его благородію (по рангу), высокоблагородію (по роду, внесенному въ VI книгу), милостивому государю, губернскому секретарю, младшему помощнику столоначальника департамента вѣншней торговли, сотруднику газеты въ 300 №№ въ годъ „Сѣверной Пчелы“; газеты дважды въ недѣлю выходящей „Сѣверный Меркурій“ и еженедѣльной воскресной французской газеты „Furet“ В. П. Б....ву.* Письмо гласило:

„Милостивый государь В.... П...! Нижеподписавшійся, наиболѣе уважающій ваши разнообразные таланты, проявляющіеся въ трехъ газетахъ и въ одной изъ оныхъ даже на языкѣ Вольтера, Расина и Бюффона, при всей юности вашего семнадцати-лѣтняго возраста, — имѣетъ честь объяснить вамъ что онъ нижеподписавшійся, старикашка-грѣхободникъ Воейковъ, находясь вчера вечеромъ, въ седьмомъ часу по полудни, въ домѣ его сіятельства сенатора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, ордена Св. Анны 1й степени и другихъ ниже онаго орденовъ кавалера, графа Дмитрія Ивановича Хвостова, творца многаго множества стихотвореній, издаваемыхъ имъ обыкновенно чрезъ каждый годъ въ V томахъ, прибылъ на сей вечеръ въ болѣзненномъ состояніи, каковое періодически его, Воейкова, удручаетъ и тогда доводитъ до печальнаго разстройства, при каковомъ въ дѣйствіяхъ своихъ онъ отчета дать не всегда можетъ. Въ этомъ-то прискорбномъ состояніи духа, происходящемъ отъ головныхъ контузій, при паденіи изъ экипажа въ 1824 году пріобрѣтенныхъ, онъ, Воейковъ, въ желаніе своего, нанесъ вамъ, наиболѣе уважаемый имъ и всѣми высоко цѣнимый юный писатель, вмѣщающій въ себѣ зачатки будущей великой знаменитости отечественной литературы, — невѣжливыми словами неудовольствіе. А посему онъ, Воейковъ, проситъ васъ, милостивѣйшій государь, извинить ему эту вчерашнюю нелѣпѣйшую его вспышку и обдать ее потокомъ вашей снисходительности и благодушія, столь приличнаго вашему юному возрасту и многолюбезной вѣжности, равно какъ великодушнымъ забвеніемъ. Вы, милостивѣйшій государь, юный товарищъ по Аполлону, конечно и хорошій христіанинъ и памятуете слова Спасителя нашего: *Азъ же на тя, Господи, уповахъ. Въ руку твою азъребѣи мои: избави мя изъ рукъ врагъ моихъ и отъ гонящихъ ми*, и Господь, видя смиреніе ваше, избавитъ васъ отъ такихъ враговъ какіе могутъ быть поопасѣе и повреднѣе мгновенно враждовавшаго вамъ хромоногаго старикашки Воейкова, который предлагаетъ вамъ свою

искреннѣйшую пріязнь, какъ слабый даръ невещественный, духовный и сердечный; а въ памятованіе просить принять въ даръ вещественный полные экземпляры журнала *Славянинъ* и газеты *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, каковыя отнынѣ постоянно получать будете. Вы же чрезвычайно обязать изволите Воейкова, ежели пришлете ему тѣ номера *Furet* гдѣ были и есть ваши интереснѣйшія и полезнѣйшія статьи съ отчетами о современной русской литературѣ. Но самое громаднѣйшее и неоцѣннѣйшее одолженіе ваше будетъ то ежели вы, милостивѣйшій государь, забывая зло и творя благо, — посвятить будете пятничныя вечера Воейкова, какія способны будутъ присутствіемъ такого знаменитаго юнаго писателя великолѣпно украситься, чѣмъ чрезвычайно обязать изволите того который съ чувствами наиболѣе почтенія имѣетъ честь быть“ и пр.

Куріозное письмо это, начавшееся излишнею откровенностью, вмѣстившее потомъ вовсе не кстати текстъ изъ Св. Писанія, сѣхало наконецъ на злобно насмѣшливую гиперболу восхваленія, походившую на ругательства въ напыщенной формѣ, — сохранялось у меня въ теченіи многихъ лѣтъ, хотя во время моего почти восьмилѣтняго знакомства съ Воейковымъ онъ неоднократно желалъ получить письмо это отъ меня обратно, увѣряя меня что оно было написано въ болѣзненномъ его припадкѣ, а не въ нормальномъ состояніи. * Не имѣя привычки писать сначала начерно, а потомъ перебѣлять, я не могу представить копіи того письма какое въ отвѣтъ на письмо Воейкова было мною написано. Помню только что въ письмѣ этомъ я высказалъ Воейкову слѣдующее: 1) Напрасно онъ приносить извиненія, потому что вчерашнія слова его обращенныя собственнo ко мнѣ я принялъ за шутку, конечно немножко странную, но простительную такому старцу, какъ онъ, да еще и удрученному недугами тѣлесными и нравственными. 2) Благодарность моя ему за присылку журналовъ и преспровожденіе экземпляра *Furet*. 3) Приглашеніе его бывать у него принять не могу, потому что не желаю слышать, находясь подъ его кровлей,

* Съ письма этого, благодаря его оригинальности, тогда же однимъ изъ моихъ родственниковъ, собирателемъ подобнаго рода куріозовъ, была снята вѣрная копія. Эта то копія теперь пригодилась мнѣ. Подлинникъ же сгорѣлъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими моими бумагами, во время пожара, бывшаго въ отсутствіе мое изъ Петербурга, въ 1864 году, въ квартирѣ гдѣ оставалось нѣкоторыя изъ моихъ вещей.

ругательствъ на такого человѣка какъ Н. И. Гречъ, который можетъ-быть и достоинъ за что-либо порицаній, но я, считая себя ему много обязаннымъ, ихъ слышать не могу хладнокровно. 4) Жаль что въ окончаніи своего письма г. Воейковъ употребляетъ столь преувеличенную гиперболу для выраженія похвалъ обращаемыхъ ко мнѣ, что надобно быть мнѣ черезчуръ простофилей чтобы не понять всю силу ироніи этихъ доведенныхъ до пагоса похвалъ и 5) Въ текстахъ изъ Св. Писанія я крайне не силенъ; но нѣтъ надобности быть знаткомъ духовнаго краснорѣчія, чтобы не понять что приведенный текстъ едва ли приведенъ здѣсь вполне уместно и кстати.

Отвѣтъ мой къ А. О. Воейкову, съ экземпляромъ французской газетки, отнесенъ былъ вечеромъ, старымъ и единственнымъ слугою моей матери, добрымъ и нестнымъ Тимошеемъ, знавшимъ меня съ младенчества и пользовавшимся у насъ тѣмъ патріархальнымъ вниманіемъ какимъ въ былыя времена пользовались въ коренныхъ русскихъ домахъ заслуженные слуги, очень правда мало служившіе, но очень много о своей службѣ и своемъ значеніи мечтавшіе и вездѣ о нихъ возглашавшіе. Этотъ Тимошей былъ прототипъ простодушія и простоумія, но отличался честностью и безсребренностью истинно примѣрными и вниманія достойными. Каково же было мое удивленіе когда на другое утро, именно въ воскресенье, когда я только что собирался къ поздней обѣдѣ, — вдругъ явился ко мнѣ полицейскій офицеръ въ треуголкѣ, съ городovýmъ и будочникомъ, снабженнымъ веревкой. Въ тѣ времена появленіе полиціи производило самое отвратительное впечатлѣніе, какое усилилось еще больше тѣмъ что полиціянтъ, младшій помощникъ квартальнаго надзирателя, объявилъ мнѣ что онъ долженъ взять на веревку моего человѣка Тимошея, обвиняемаго въ кражѣ овчинной шубы въ передней квартиры статскаго совѣтника Воейкова, вчера вечеромъ, когда приходилъ съ письмомъ отъ меня. Всѣ протесты и клятвы мои и слезы бѣднаго моего Тимошея были тщетны: квартальный чиновникъ, съ носомъ столь же багровымъ какъ воротникъ его мундира, былъ непреклоненъ. Употребляя кстати имя тогдашняго оберъ-полицеймейстера Сергія Александровича Кокошкина, котораго часто видалъ въ домѣ у Крыжановскихъ, я успѣлъ лишь въ томъ что согласилъ квартальнаго не брать на веревку моего человѣка, а отвести его въ квартиру г. Воейкова для личныхъ показаній и уликъ съ

тамошнею прислугой, относительно нравственности которой бывший тутъ старикъ городской отзывался очень неодобрительно. Узнавъ о бѣдѣ страшейся надъ Тимоѣеюшкой, всѣ въ домѣ Глотова жившіе и Тимоѣея любившіе возопіяли; даже самъ хозяинъ дома, унтеръ-офицеръ Готовъ, имѣвшій грудь покрытую медалями и солдатскими орденами, пришелъ и объявилъ что и онъ идетъ на защиту Тимоѣеюшки, такъ что мы двинулись къ дому занимаемому Воейковымъ въ Шестилавочной преизрядною ватагой. Пришедши въ сѣни, мы вошли въ довольно грязную прихожую, никогда, повидимому, не убираемую, а поутру въ одиннадцатомъ часу особенно невзрачную и не отличавшуюся свѣжестью и пріятностію воздуха. Здѣсь былъ какой-то служитель въ родѣ отставнаго солдата, съ пьяною фізіономіей, на ларѣ уже полулежалъ бородатый какъ бы кучеръ, похожій также на бѣлаго солдата, въ полшубкѣ; около двери ведущей въ комнаты вертѣлся запачканный казачокъ лѣтъ четырнадцати; изъ двери корридора выглядывала какая-то женская фигура въ чепчикѣ. Какъ только мы вошли, мальчикъ отворилъ дверь въ залу, а самъ куда-то скрылся. Скоро изъ дальней комнаты послышался звонокъ, на который медленно пошелъ субъектъ съ пьяною фізіономіей, въ суконной курточкѣ, бородачъ же всталъ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ я услышалъ знакомое съ вечера у графа Хвостова постукиваніе костыля по полу, и тогда двери передней распахнулись и явился самъ Александръ Федоровичъ Воейковъ, въ красномъ шалевомъ платкѣ на головѣ вмѣсто парика, въ канаусовой оранжевой рубахѣ, съ косымъ воротомъ, въ зеленомъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху и въ желтыхъ торжковскихъ сафьянныхъ сапогахъ, сущій разноцвѣтный какаду.

— А! Привели вчерашняго вора, заревѣлъ онъ,—прекрасно, прекрасно! дѣлая видъ что меня не видитъ, хотя я стоялъ близко, и разыгралъ удивленіе и восхищеніе, когда я сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Человѣкъ этотъ отцу и матери моимъ служить болѣе двадцати лѣтъ честно и вѣрно. Я и хозяинъ дома въ которомъ я живу, гвардіи унтеръ-офицеръ Готовъ, да и тридцать человѣкъ рабочихъ Глотова готовы всѣ присягнуть въ томъ что Тимоѣей Фирсовъ шубы вашего кучера не воровалъ. Ежели же непремѣнно угодно, то я готовъ уплатить вамъ стоимость этой вещи, принявъ мѣры чтобъ отнынѣ

впредь нога моего служителя никогда не переступала порога вашего дома.

Едва успѣвъ я кончить мой маленькій спичъ какъ Воейковъ уже душилъ меня въ своихъ объятіяхъ, восклицая что я благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ людей и примѣръ всему русскому дворянскому юношеству, потому что умѣю такъ отстаивать и защищать честь своего стараго слуги. При этомъ онъ объявилъ что все это была фальшивая тревога, что шуба нашлась, что она была гдѣ-то засунута пьянымъ кучеромъ и пр. и пр. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ облобызалъ и моего, не на шутку струсившаго Тимоѣея и подарилъ ему пятирублевую ассигнацію, прося принять ее отъ него въ вознагражденіе за сдѣланный на него поклѣпъ. Затѣмъ вся эта исторія кончилась благополучно и, какъ я уже узналъ въ послѣдствіи, стороной, была мнѣ на смѣхъ устроена Воейковымъ, который провѣдалъ отъ своихъ челядинцевъ что мой Тимоѣей, въ тотъ день когда былъ съ письмомъ, похвасталъ въ разговорѣ будто его молодой баринъ такой добрый что, случись съ нимъ, Тимоѣею Фирсовымъ, какая-нибудь бѣда, баринъ молоденькій пойдетъ за него въ огонь и въ воду. Но попавшись въ эту ловушку, я не могъ, не сдѣлавъ самой грубой ошибки по части приличія, не принять приглашенія Александра Оедоровича перейти изъ прихожей въ его комнаты, изъ которыхъ первая была небольшая зала съ желтыми обоями. по видимому, судя по мебели, служившая столовою и чайною. Вторая комната была огромная, въ пять оконъ, голубая гостиная съ оранжевою мебелью. Изъ этой гостиной видна была зеленая комната въ родѣ малой гостиной и параднаго кабинета съ библіотекой на показъ. За этимъ кабинетомъ-выѣской былъ, конечно, болѣе уютный пріютъ для занятій. Оно такъ и было. Воейковъ имѣлъ съ боку, вмѣстѣ съ грязною спальней, столько же грязную рабочую комнату, гдѣ царилъ хаосъ примѣрный. Въ теченіе почти восьмилѣтняго моего знакомства съ Воейковымъ интимность моя съ нимъ не дошла до той степени чтобъ я былъ принимаемъ, подобно нѣкоторымъ его друзьямъ, въ этомъ, какъ онъ называлъ, святилищѣ, которое всего справедливѣе могло бы быть названо грязнилищемъ. Тѣ три комнаты которыя были на виду и въ которыхъ принимаемы были гости нельзя сказать чтобы также отличались голландскою опрятностью; но нельзя также сказать чтобъ ужь слишкомъ были нечисты. Они напоминали

собой провинціальную жизнь, гдѣ, при множествѣ слугъ, царствуютъ вездѣ ералашъ и отсутствіе вкуса и гдѣ нѣтъ тѣни надлежащаго порядка и опрятности.

Александръ Федоровичъ, извиняясь что онъ въ такомъ утреннемъ дезабилье, усадилъ меня въ голубой гостиной, сказавъ:

— Вотъ здѣсь мы съ шести часовъ вечера по пятницамъ собираемся, конечно не въ такомъ многочисленномъ обществѣ какъ то какое бываетъ у Греча въ его огромныхъ залахъ, а все-таки десятка два человекъ тутъ бываетъ, и все людей одушевленныхъ любовью къ русской словесности. У меня тутъ бывають и тайные и дѣйствительные тайные совѣтники, и адмиралы, и полные генералы. А однако никто не принимается по рангу. И явился, напримѣръ, Пушкинъ нашъ безсмертный, такъ хоть онъ и едва ли титулярный совѣтникъ, я приму его съ восторгомъ, ей-Богу, готовъ отъ порога прихожей до этого дивана проползти предъ нимъ на коленяхъ, принимая въ моей хатѣ это свѣтило изъ свѣтилъ нашей современной литературы.

Слыша такія рѣчи изъ устъ Воейкова, я не могъ не подумать про себя что все-таки у него есть мелочная страстишка къ рангамъ, это было замѣтно уже изъ того что онъ на каждомъ шагу старается напомнить что де у него въ его знакомствѣ очень много превосходительныхъ и высокопревосходительныхъ. О расположеніи къ почетной вѣншности свидѣтельствовао въ Воейковѣ еще и то что онъ никогда не разставался съ своимъ Владимірскимъ крестомъ, который даже и теперь своею черно-алою лентой служилъ ему галстукомъ по вороту оранжевой рубахи русскаго покроя.

Затѣмъ Воейковъ, высовывая отъ времени до времени языкъ и почесывая потомъ ногтями, что было также въ числѣ далеко не изящныхъ привычекъ старика,* сталъ мнѣ повѣствовать о своемъ уваженіи къ моему таланту, къ мастерскому умѣнью очерчивать характеристики, какъ, напримѣръ, я изобразилъ Жукова въ біографіи его. Потомъ, не давъ мнѣ возможности защищаться отъ этихъ гиперболическихъ похвалъ, которыя были діаметрально противоположны всему

* Объ этой странной привычкѣ Воейкова упоминаетъ и покойный И. И. Лажечниковъ въ своемъ предсмертномъ романѣ *Дочь панцырнаго боярина*.

тому что у графа Хвостова на дняхъ онъ относительно меня же и самому же мнѣ провозглашалъ, онъ воскликнулъ:

— Преклоняюсь предъ вашимъ юношескимъ чувствомъ искренняго, неподдѣльнаго расположенія къ Н. И. Гречу. Духовно желаю чтобы вы не имѣли случая пожалѣть о томъ что ваши святыя чувства пріязни и уваженія, чувства чисто искреннія, поэтическія, невинныя, не встрѣтили бы мефистофельскаго, оскорбительнаго глумленія.

Замѣтивъ что слова эти произвели на меня непріятное впечатлѣніе, Воейковъ схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Можете быть увѣрены, любезный и глубоко уважаемый мною юноша, что отнынѣ впредь всегда, когда бы вы здѣсь ни были, вы не услышите чтобъ я или кто-нибудь изъ пятничныхъ моихъ гостей, при васъ, сколько-нибудь невыгоднымъ образомъ отозвался о Гречѣ, котораго по различнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ я могу не любить; но все-таки я былъ бы въ высшей степени несправедливъ и даже невѣжественъ ежели бы не сказалъ что услуги Гречемъ оказанныя нашему языку его грамматикой велики и что вообще онъ хорошо потрудился и трудится на пользу нашей литературы. Одно чего нельзя ему простить, это тѣсную связь съ Булгаринымъ, котораго однако онъ ругательски ругаетъ на каждомъ шагу.

Съ послѣднимъ обстоятельствомъ я не могъ не согласиться, и Воейковъ, выпучиваясь, косясь и ловывая, сказалъ: „Какая-то психическая задача эта связь! Да, психическая задача!

Вскорѣ мы разстались и я на прощаньи далъ слово быть у Александра Оедоровича въ первую же пятницу, за день до которой Воейковъ сдѣлалъ мнѣ визитъ, посидѣлъ въ моей миниатюрной свѣтелкѣ, находилъ у меня все превосходнымъ, начиная съ маленькой моей библіотеки до вѣшалки для верхняго платья, снова гиперболически расхваливалъ меня до смѣшнаго и ушелъ, ковыляя и унося второе мое „честное слово“ что явлюсь въ слѣдующую пятницу.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ В. В.

(До слѣд. №.)

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Въ Лондонѣ вышла недавно книга посвященная описанію настоящаго положенія Россіи. (*Russia in 1870*. By Herbert Barry. London. 1871.) Авторъ ся, г. Барри, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи въ качествѣ директора желѣзнаго завода и имѣлъ возможность познакомиться съ бытомъ и нравами крестьянскаго сословія. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ выражаетъ опасеніе что она покажется многимъ неудовлетворительною, потому что онъ не говоритъ ничего о русской литературѣ, войскѣ, флотѣ и вообще о такихъ вещахъ съ которыми мало знакомъ. Нельзя не пожелать чтобы всѣ иностранцы описывающіе Россію слѣдовали примѣру г. Барри. Вся его книга проникнута искренностью и сочувствіемъ къ описываемой странѣ. Эти прекрасныя качества выступаютъ особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ авторъ говоритъ о русскихъ крестьянахъ. Лучше русскаго работника трудно найти въ какой-либо другой странѣ, говоритъ онъ. „Дайте ему модель, и онъ скопируетъ ее, какова бы она ни была, отъ замка до часовъ.“ „Чтобъ увидать русскихъ крестьянъ съ лучшей стороны, надо побывать гостемъ, какъ мнѣ случилось бывать, въ какой-нибудь уединенной деревушкѣ, далеко отъ стука колесъ, и гдѣ едва знакомы съ именемъ какого-нибудь города“. Описывая депутата отъ крестьянъ присланнаго съ какою-нибудь просьбой или по дѣлу, г. Барри говоритъ:

„Замѣьте его спокойную и серіозную осанку, вѣжливый

поклонъ съ которымъ онъ встаетъ, свободное теченіе его рѣчи когда онъ говоритъ то что имѣетъ сказать; такъ ясно и точно опредѣляетъ онъ факты, такъ умно приводитъ аргументы, и когда онъ сядетъ съ красивымъ поклономъ, вы спросите, кто тѣ люди которые называютъ его невѣжественнымъ, скотоподобнымъ дикаремъ, не способнымъ къ нравственному и умственному развитію?

Авторъ не скрываетъ пороковъ которые замѣчаетъ въ русскихъ мужикахъ, но старается найти имъ оправданіе. Русскій мужикъ имѣетъ склонность къ воровству, говоритъ онъ, но этотъ порокъ есть слѣдствіе его своеобразныхъ понятій о собственности. Русскій мужикъ говоритъ: „Богъ создалъ лѣсъ, землю и воду для всѣхъ людей, и нѣтъ возможности убѣдить его что онъ не правъ когда онъ воруетъ руководствуясь этимъ принципомъ.“ Страсть крестьянъ къ пьянству приводитъ автора въ ужасъ, но вообще всѣ пороки которые онъ въ нихъ замѣчаетъ онъ приписываетъ невѣжеству, недостатку народныхъ школъ и низкому уровню умственного и нравственного развитія духовенства. „Тотъ кто жилъ какъ я, говоритъ онъ, среди русскихъ крестьянъ, кто познакомился съ ихъ правами и обычаями, научился прощать ихъ недостатки и цѣнить преимущественно ихъ любовь къ ближнимъ и доброту сердца, присоединить свой голосъ къ моему за необходимость для нихъ образованія, единственнаго условія котораго недостаетъ чтобы русскій крестьянинъ, а съ нимъ вся Россія заняли подобающее имъ мѣсто въ мірѣ.“ Объ освобожденіи крестьянъ и его послѣдствіяхъ авторъ говоритъ съ восторгомъ, и исчисливъ множество фактовъ доказывающихъ улучшеніе сельскаго быта, присовокупляетъ что вопреки недоброжелательно распространяемому въ Европѣ мнѣнію, освобожденіе „не только не было ошибкой, но успѣхомъ и великимъ успѣхомъ“. Авторъ путешествовалъ также по Сибири и находитъ что нѣтъ другой страны гдѣ было бы такъ легко нажить капиталъ какъ въ Россіи и преимущественно въ Сибири. „Это покажется страннымъ, говоритъ онъ, людямъ которые привыкли считать Сибирь „обширною мерзлою пустыней, населенною только политическими преступниками, проводящими жизнь въ непрерывной борьбѣ съ волками, осларивающими у нихъ обладаніе лѣсомъ.“ Часть ея обширнаго пространства дѣйствительно необитаема, продолжаетъ авторъ, но тамъ гдѣ

ему случалось бывать, климатъ былъ „умѣренный и сносный“, почва плодородная, дороги не хуже чѣмъ въ другихъ частяхъ Имперіи, почтовые станціи лучше чѣмъ въ центральной Россіи, а народъ цивилизованнѣе. Что же касается минеральныхъ богатствъ Сибири, то, по мнѣнію г. Барри, очень немногіе имѣютъ о нихъ правильное понятіе, такъ какъ въ настоящее время только незначительная часть этихъ богатствъ разрабатывается и то „весьма неудовлѣнительно и при самомъ дурномъ управленіи“. Авторъ усердно рекомендуетъ эту страну иностранцамъ, которымъ здѣсь „благопріятствуютъ и покровительствуютъ“ и которые всегда „пожинаютъ обильную жатву на этой дѣвственной почвѣ“.

Вообще вся книга г. Барри, несмотря на нѣкоторыя возраженія съ которыми нельзя согласиться, есть полезный вкладъ въ англійскую литературу, бѣдную дѣльными сочиненіями о Россіи.

Г. Митфордъ, секретарь англійскаго посольства въ Японіи, издалъ книгу подъ названіемъ: *Сказанія старой Японіи*. (*Tales of old Japan*. A. B. Mitford. 2 vols. London. 1871.) Авторъ уже извѣстенъ своими статьями объ Японіи, напечатанными въ *Fortnightly Review* и *Cornhill Magazine* и нѣсколькими переводами и донесеніями касающимися японскихъ дѣлъ и вошедшими въ Синюю Книгу прошлаго года. Журнальные статьи перепечатаны въ настоящемъ изданіи и служатъ полезными дополненіями къ сказаніямъ, переведеннымъ, по словамъ автора, съ японскаго языка. Нельзя не согласиться съ авторомъ что народная литература, хотя бы чисто легендарная, можетъ дать болѣе вѣрное понятіе о воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ и общественной жизни народа чѣмъ личныя наблюденія и впечатлѣнія путешественника. Самая характерная черта японской цивилизаціи, какъ видно изъ сказанія, есть строгое раздѣленіе установившееся между различными сословіями общества. Феодальная система, господствовавшая въ Японіи во времена правленія тайкуновъ, создала многочисленный воинственный классъ, и какъ во всѣхъ феодальныхъ странахъ воины сдѣлались героями народныхъ сказаній и пѣсенъ. Почти всѣ „сказанія старой Японіи“ прославляютъ этихъ воиновъ, ихъ геройство, мужество, преданность долгу и презрѣніе къ смерти, и самое лучшее изъ нихъ есть разказъ о со-

рока семи Ронинахъ, которымъ начинается книга г. Митфорда. Слово Ронинъ въ буквальный переводъ означаетъ человекъ-волна, то-есть такого человека котораго судьба какъ волну бросаетъ изъ стороны въ сторону. Исторія сорока семи Рониновъ можетъ дѣйствительно служить образцомъ высочайшаго геройства и безкорыстной преданности долгу, а презрѣніе къ жизни и смерти, свойственное Японцамъ, доведено въ ней до невѣроятной степени. О самоубійствѣ, дозволенномъ закономъ, были написаны цѣлые тракаты, описывающіе до мельчайшихъ подробностей обязанности самоубійцы и его секунданта, и недавно въ одно изъ засѣданій японскаго парламента самоубійство было названо святыней японскаго національнаго духа, выраженіемъ преданности принципу, великимъ украшеніемъ имперіи, опорой религіи и поощреніемъ добродѣтели. Не менѣе интересны въ книгѣ г. Митфорда японскія проповѣди. Желая привлечь ихъ къ пониманію слушателей, буддистскіе проповѣдники придаютъ своимъ поученіямъ характеръ увеселительный, юмористическій, вставляютъ въ нихъ забавныя исторіи, анекдоты, оригинальныя сравненія. Внушая, напри-мѣръ, своимъ слушателямъ что всякій человекъ имѣетъ свои обязанности, проповѣдникъ говоритъ: никому не придетъ въ голову уткнуться носомъ съ олахало или употребить люпитръ для книги вмѣсто подушки. Однако какъ много особъ которыя приводятъ въ гнѣвъ своихъ мужей, заставляютъ горевать своихъ женъ и родственниковъ. Не то же ли это самое что уткнуться носомъ въ олахало или употребить люпитръ для книги вмѣсто подушки? „Я не имѣю намѣренія сказать“, продолжаетъ проповѣдникъ, „что здѣсь находятся подобныя особы. Тѣмъ не менѣе ихъ много, хотя бы напри-мѣръ на Индѣйскихъ улицахъ“. Говоря о неосторожныхъ бракахъ, авторъ приводитъ слова народной пѣсни: „еслибы люди знали напередъ всѣ дѣйствія къ которымъ это ведетъ, они стали бы рѣже ходить по ночамъ съ молодыми дѣвушками любоваться на цвѣты,“ и продолжаетъ: „Когда человекъ женится, онъ думаетъ какъ онъ будетъ счастливъ и какъ пріятно будетъ жить своимъ домомъ, но прежде чѣмъ дно семейнаго чайника потемнѣетъ, онъ будетъ подобенъ человеку пытающемуся плыть по полю, съ перелутанными мыслями, и вопреки всѣмъ своимъ ожиданіямъ

найдетъ что удовольствіе жить своимъ домомъ есть иллюзія. Взгляните вонъ на ту женщину! Преслѣдуемая заботами, она не думаетъ о своей наружности. Съ нечесаною головой, съ фартукомъ повязаннымъ вмѣсто пояса, съ ребенкомъ за пазухой, она несетъ какой-то жалкій бобовый соусъ, который ходила покупать. Что это за созданіе? И все это есть слѣдствіе того что человѣкъ не послушался предостереженій родителей, не хотѣлъ дожидаться настоящаго времени, но поспѣшилъ обзавестись хозяйствомъ. А кто въ этомъ виноватъ? Страсть не допускающая размышленія“.

Одно появленіе книги г. Митфорда, показывающей что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ можно познакомиться со всѣми классами японскаго общества, съ ихъ нравами и образомъ мыслей и литературой, нѣкогда ревниво охраняемой отъ любопытности иностранцевъ, показываетъ какъ измѣнилось положеніе вещей въ Японіи съ тѣхъ поръ когда можно было прожить лѣтъ десять въ открытомъ японскомъ портѣ и уѣхать не узнавъ почти ничего о Японіи и ея обитателяхъ.

II.

Изъ историческихъ книгъ мы упомянемъ объ *Истории англійской колонизаціи въ Америкѣ въ XVII столѣтіи*, г. Нейля, консула Соединенныхъ Штатовъ въ Дублинѣ (*The English Colonisation of America during The Seventeenth Century. By Edward D. Neile, Consul of the United States of America in Dublin*). Авторъ не обладаетъ талантомъ драматическаго изложенія. Въ его книгѣ читатели не найдутъ увлекательнаго разказа о приключеніяхъ, предпріятіяхъ, успѣхахъ и неудачахъ англо-американскихъ колонистовъ. Но въ ней заключаются много интересныхъ фактовъ, заимствованныхъ изъ старыхъ книгъ и рѣдкихъ рукописей касающихся ранней исторіи Виргиніи. Такъ напримѣръ, не лишены интереса его замѣчанія о результатахъ тайной подачи голосовъ и о неудачахъ постигавшихъ кандидатовъ Якова I. Къ нравственнымъ качествамъ первыхъ виргинскихъ колонистовъ авторъ относится совершенно безпристрастно и не скрываетъ что они искали за Атлантическимъ океаномъ не свободы, совѣсти и вѣротерпимости, но религіознаго господства. Вотъ

мѣры къ которымъ прибѣгали первые виргинскіе законодатели въ интересахъ нравственности и религіи:

„Прежній виргинскій кодексъ присуждалъ смертную казнь за богохульство надъ Святою Троицею и за оскорбленіе короля, а также уличенному въ третій разъ въ неприличной божбѣ. За неоказаніе должнаго уваженія духовному лицу виновный подвергался публичному сѣченію и три воскресенья сряду долженъ былъ просить прощенія въ церкви. За непосѣщеніе церкви и катехизическаго класса въ воскресенье виновный подвергался: въ первый разъ лишенію недѣльной провизіи, во второй сѣченію, въ третій смертной казни. Если только-что переселившійся колонистъ отказывался сходить къ священнику чтобы дать отчетъ въ своей вѣрѣ, его подвергали ежедневному сѣченію пока онъ не соглашался. Прачка, за пролажу бѣлья, подвергалась публичному сѣченію. Булочникъ продававшій хлѣбы меньше узаконенной мѣры подвергался обрѣзанію ушей. Мы содрагаемся отъ такихъ узаконеній, но они были согласны съ духомъ времени когда считалось заслугой предъ Богомъ принудить человѣка къ исповѣданію извѣстной формы доктринальной вѣры, и возможнымъ заставить человѣка быть честнымъ и добродѣтельнымъ гражданиномъ.

Профессоръ Ранке издалъ книгу подъ названіемъ *Германскія державы и союзъ князей: германская исторія отъ 1780 до 1790. (Die deutschen Mächte und der Fürstenbund: deutsche Geschichte von 1780 bis 1790. Von Leopold von Ranke. Erstes Band. Leipzig. London.)* Годы описываемые авторомъ представляютъ много интереснаго для его соотечественниковъ. Они были началомъ царствованія Іосифа II Австрійскаго и послѣднимъ періодомъ жизни Фридриха Великаго. Въ концѣ прошлаго столѣтія Австрія и Пруссія были уже врагами, и профессоръ Ранке обращаетъ вниманіе читателей на фактъ что въ 1778 году Австрія заняла сильную позицію при Кенигсбретцѣ, куда Прусаки приблизились чрезъ Селезію и Саксонію. Но тогда Австрія уклонилась отъ битвы, которую тѣмъ не менѣе должна была принять почти столѣтіе спустя. Авторъ разказываетъ о попыткахъ къ сближенію между Фридрихомъ и Іосифомъ и объ ихъ взаимномъ недовѣріи другъ къ другу. „Это молодой человѣкъ полный честолюбія“, писалъ Фридрихъ объ Іосифѣ. „Его мать еще держитъ его въ рукахъ, но онъ переноситъ ея власть съ нетерпѣніемъ. Онъ носитъ въ

груды великіе замыслы. Вступивъ на престолъ онъ предприметъ что-нибудь противъ Венеціи, или Баваріи или Силезіи; еще нельзя сказать что именно, но Европу охватитъ пламень". Иосифъ, съ своей стороны, писалъ матери о Фридрихѣ: „Онъ говоритъ много, но въ каждомъ словѣ таится какая-нибудь цѣль. Онъ можетъ-быть дѣйствительно желаетъ мира, но не изъ любви къ миру, а потому что въ настоящее время не можетъ надѣяться на успѣхъ". Когда Фридрихъ умеръ, Иосифъ написалъ Кауницу: „Какъ солдатъ я оплакиваю потерю великаго человѣка, жизнь котораго составитъ эпоху въ военномъ искусствѣ. Какъ гражданинъ я сожалею что смерть не постигла его тридцатью годами раньше. Въ 1756 году она была бы полезнѣе чѣмъ въ 1786." Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Фридриха, Иосифъ задумалъ союзъ между Австріей и Пруссіей. Такой союзъ, думалъ онъ, поставитъ Германію на высоту могущества, сдѣлаетъ ее непобѣдимой законодательницей Европы. Но Кауницъ воспротивился такому измѣненію традиціонной политики, и доказалъ Иосифу неосуществимость его плана. Изъ всѣхъ историческихъ лицъ съ которыми знакомить читателей книга Г. Ранке, ни одно не очерчено такъ ярко какъ Кауницъ. Хотя австрійскій министръ былъ всегда врагомъ Пруссіи, авторъ относится къ нему съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Изъ сочиненій по части біографій особенно замѣчательна біографія Рейхлина, написанная молодымъ нѣмецкимъ ученымъ Лудвигомъ Гейгеромъ. (*Johann Reuchlin, sein Leben und seine Werke. Von Dr. Ludwig Heiger.*) Эта біографія, составленная съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла, стоила автору громадныхъ трудовъ, ускорившихъ, какъ предполагаютъ, его смерть, но онъ воздвигъ памяти Рейхлина монументъ достойный великаго гуманиста. Иоганъ Рейхлинъ родился въ 1455 году въ Пфортгеймѣ. Кончивъ курсъ въ латинской школѣ, онъ поступилъ пятнадцати лѣтъ во Фрейбургскій университетъ, но вскорѣ возвратился опять въ свой родной городъ, гдѣ его прекрасный голосъ доставилъ ему доступъ ко двору Карла I. Въ качествѣ наставника и друга третьяго сына этого государя, Рейхлинъ отправился въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ университетъ и кромѣ того занялся изученіемъ латинскаго и греческаго языковъ. Избравъ своею спеціальностью юриспруденцію, онъ переѣхалъ въ Орлеанъ, а

потомъ въ Пуатье, гдѣ получилъ титулъ доктора правъ. Возвратившись на родину онъ поселился въ Тюбингенѣ и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ въ сношеніяхъ съ царствовавшими домами, исполняя различныя порученія въ качествѣ адвоката, посредника и делегата. Герцогу Эбергарду Виртембергскому онъ служилъ четырнадцать лѣтъ, пользуясь его уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ. Потомъ, послѣ пребыванія въ должности бібліотекаря Гейдельбергскаго университета, Рейхлинъ былъ избранъ судьей Швабскаго союза и занималъ эту должность одиннадцать лѣтъ. Отказавшись наконецъ отъ общественной дѣятельности, онъ поселился въ Штутгартѣ, гдѣ имѣлъ небольшую собственность. Но непрерывныя войны заставили его въ 1519 году переселиться въ Ингольштатъ, гдѣ герцогъ Вильгельмъ предложилъ ему должность профессора греческаго и еврейскаго языковъ. Рейхлинъ принялъ предложеніе и имѣлъ удовольствіе видѣть на своихъ лекціяхъ не менѣе трехсотъ слушателей, что было большимъ утѣшеніемъ для утомленнаго жизненными неудачами старика. Пребываніе въ Ингольштатѣ было счастливымъ, но кратковременнымъ періодомъ въ его жизни. Морозная язва заставила его переселиться въ Тюбингенъ. Въ продолженіи зимы 1521—1522 годовъ онъ читалъ лекціи въ Тюбингенскомъ университетѣ, но дальнѣйшіе его ученые планы были прерваны смертью въ іюнѣ 1522 года. Рейхлинъ былъ человѣкъ съ многостороннимъ образованіемъ, что доказываютъ его сочиненія. Онъ написалъ исторію, славившуюся въ свое время, издалъ латинскій словарь и нѣсколько латинскихъ комедій, и много переводовъ съ греческаго на латинскій языкъ. Но дѣятельность его была преимущественно обращена на изученіе и объясненіе еврейской литературы. Ожесточенная полемика возбужденная крещенымъ Евреемъ Пфефферкорномъ и доминиканскими монахами по поводу богословскихъ оочиненій Рейхлина была печальнымъ эпизодомъ въ его жизни. Онъ принужденъ былъ отвѣчать своимъ врагамъ, искать покровительства, переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Всѣ замѣчательнѣйшіе гуманисты и общественное мнѣніе были на сторонѣ Рейхлина, но враги его тѣмъ не менѣе достигли своей цѣли, и въ 1520 году, декретомъ папы, Рейхлину запрещено было писать. Рейхлинъ никогда не былъ приверженцемъ реформациі, хотя способствовалъ ей въ значительной степени всѣмъ направленіемъ своей дѣятельности, отреченіемъ отъ схоластики и

обращеніемъ общественнаго вниманія на изученіе христіанства по первоначальнымъ источникамъ. По характеру Рейхлинъ былъ изъ числа рѣдкихъ людей. Самоотверженный, миролюбивый, равнодушный къ почестямъ, готовый подѣлиться со всякимъ своимъ умственнымъ богатствомъ, онъ былъ вполне достоинъ „Апоѳеозы“ Эразма и извѣстной поэмы Гете.

Къ біографическимъ сочиненіямъ можно также причислить два большіе тома посвященные жизнеописанію послѣднихъ Стюартовъ. *Les derniers Stuarts à Saint Germain en Laye. Documents inédits authentiques, puisés aux archives publiques et privées. Par la marquise Campana de Cavelli. Tomes I et II.*) За двумя вышедшими томами должны послѣдовать еще четыре. Читатели узнаютъ исторію всѣхъ Стюартовъ до малѣйшихъ подробностей прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до послѣднихъ, къ которымъ сочинительница питаетъ чувства доходящія до благоговѣнія. „Les Stuarts!“ восклицаетъ она. „On ne saurait prononcer ce nom sans y associer l'idée d'une race royale des plus illustres vouée au malheur.“ Послѣ краткаго похвальнаго слова всѣмъ Стюартамъ вообще, она помѣщаетъ письма и различные документы относящіеся къ сватовству окончившемуся бракомъ герцога Йоркскаго съ Маріей Моденскою. Нѣкоторыя изъ писемъ чрезвычайно интересны, нѣкоторыя новы. Далѣе слѣдуетъ дневникъ путешествія невѣсты въ Лондонъ, ея пребываніе тамъ, но всего интереснѣе разказъ о побѣгѣ королевы, и вслѣдъ за ней короля изъ Англіи, которымъ оканчивается второй томъ.

III.

На англійскомъ языкѣ почти одновременно появились три книги описывающія болѣе или менѣе отдаленное будущее. Одна изъ нихъ, написанная въ формѣ романа, названа *Будущее Поколѣніе*. (*The next generation*. By I. F. Maguire.) Дѣйствіе происходитъ въ 1891 году. Оказывается что въ продолженіи двадцати лѣтъ въ Англіи просвѣщеніе и вѣро-терпимость распространятся на всѣ классы общества; въ 1891 году не будетъ болѣе господствующей церкви; землевладельцы, арендаторы и поденщики будутъ жить въ наилучшихъ отношеніяхъ между собою; Ирландія помирится съ Англіей, вслѣдствіе того что въ Дублинѣ будетъ засѣдать мѣстный парламентъ; половина государственнаго долга будетъ

уплачена; весь Китай будетъ завоеванъ, и Китайцы будутъ находиться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ завоевателями, и съ своимъ вице-королемъ; Франція и Америка будутъ важнѣйшими и могущественными союзниками Англіи, а судя по молчанію автора о Пруссіи можно предположить что она снизойдетъ опять на степенъ второстепенной державы. Что же будетъ причиной что въ такое краткое время совершится такое множество перемѣнъ? Повидимому не что иное какъ эманципація женщинъ. Книга г. Магира полна женщинами и ихъ подвигами. Въ началѣ романа мы застаемъ цѣлое министерство въ ужасѣ, вслѣдствіе того что оппозиція пріобрѣла такого талантливаго члена какъ миссъ Клара Картеръ. Вождь консервативной партіи, мистеръ Смусбой, признаетъ себя не въ силахъ бороться съ прекрасною Кларой. Къ счастью, лорду Астериску, премьеру, удастся найти поддержку въ Граціи О'Доннелъ, дочери генерала О'Доннеля, завоевателя Китая. Бóльшая часть должностей въ министерствѣ лорда Астериска занята женщинами. Ева Робертсонъ—министръ народнаго просвѣщенія; талантливая Селина Бетсъ—канцлеръ казначейства, досточтимая Меліора Темплъ—министръ общественныхъ работъ. На долю послѣдней выпадаетъ честь построить новое зданіе парламента, когда современное будетъ уничтожено пожаромъ. Великій билль объ эманципаціи женщинъ будетъ проведенъ преимущественно стараніями лорда Ланкастера и лорда Сидоніи, какъ видно изъ слѣдующей фразы письма мистрисъ Бетсъ, главы палаты общинъ: „и дѣйствительно, лордъ Ланкастеръ, вы и лордъ Сидонія послужили нашему дѣлу болѣе чѣмъ всѣ другіе общественные дѣятели. И будьте увѣрены что мы, женщины, благодарны вамъ“. Дѣятельность лорда Ланкастера описана слѣдующими словами, по случаю его появленія на балѣ въ женскомъ клубѣ „Минерва“:

„Посвѣщеніе лорда Ланкастера было справедливо сочтено скорѣе за выраженіе сочувствія торжеству великаго дѣла чѣмъ простою любезностью вліятельному обществу. Лордъ Ланкастеръ принесъ громадную пользу дѣлу, ускоривъ движеніе,—не сначала, потому что онъ, какъ сотни другихъ, былъ недовѣрчивъ, но когда убѣдился что оно возможно; и тогда, какъ намъ извѣстно, онъ далъ ему сильный толчокъ и торжественность, въ которой оно сильно нуждалось до вмѣшательства его свѣтлости. За нѣсколько лѣтъ до описываемаго вечера этотъ почтеннѣйшій изъ нашихъ государственныхъ людей принималъ мало участія въ общественныхъ дѣлахъ,

хотя вмѣстѣ съ тѣмъ велъ жизнь далеко не праздную, о чемъ свидѣлствуютъ прекрасныя произведенія его пера, плоды зрѣлаго опыта и любви къ ближнимъ, усиливающейся съ каждымъ годомъ. Между лордомъ Ланкастеромъ и министерствомъ лорда Астериска существовало дружеское соглашеніе, но ни къ кому изъ членовъ кабинета не относился онъ съ такимъ сочувствіемъ какъ къ мистрисъ Бетсъ. Человѣкъ необычайно разборчивый, всю жизнь изучавшій людей въ качествѣ сослуживцевъ и сотрудниковъ, или въ качествѣ подчиненныхъ и орудій, лордъ Ланкастеръ могъ вполне оцѣнить спокойный умъ мистрисъ Бетсъ, ея замѣчательный здравый смыслъ и широкій взглядъ на всѣ важные вопросы. Онъ часто думалъ какъ полезна была бы ему въ его административной дѣятельности сотрудница такая осторожная, умѣренная, благоразумная и съ такимъ прекраснымъ характеромъ.

Не знаемъ будутъ ли въ 1891 году молодость и красота условіями для поступленія въ парламентъ, но большинство героинь г. Магира не старше двадцати пяти лѣтъ и принадлежатъ къ числу „прекраснѣйшихъ женщинъ трехъ соединенныхъ королевствъ“. Само собою понятно что вслѣдствіе блестящаго положенія страны, улучшенія общественной нравственности и законовъ, у членовъ парламента будущаго поколѣнія дѣла будетъ мало, и у героевъ и героинь мистера Магира хватаетъ времени и на сердечныя дѣла. Грація О’Доннель, главная героиня, влюблена въ мистера Лоулеса, ирландскаго члена. Она даже можетъ-быть не согласилась бы поступить въ парламентъ еслибы не имѣла намѣренія слѣдить тамъ за отношеніями мистера Лоулеса и миссъ Клары Картеръ, къ которой она его ревнуетъ. Миссъ Клара, вождь оппозиціи, дѣйствительно кокетничаетъ съ мистеромъ Лоулесомъ, но съ самою безкорыстною цѣлю: она желаетъ перетянуть его на сторону своей политической партіи. Ея интриги оказываются неудачными, и романъ кончается множествомъ счастливыхъ браковъ между членами парламента.

Другая книга, описывающая болѣе отдаленное будущее, имѣетъ очевидно цѣлю показать конечный результатъ нѣкоторыхъ политическихъ и соціальныхъ теорій проповѣдуемыхъ въ наше время. Она называется *Грядущее человечество* (*The coming race*. Edinbourg and London 1871.) Авторъ вводитъ насъ въ таинственный подземный міръ, обитаемый существами которымъ суждено подняться на поверхность земли и вытѣснить нашихъ несчастныхъ потомковъ. Обитатели подземнаго

міра опередили насъ на нѣсколько столѣтій относительно научныхъ открытій и между прочимъ открыли какую-то таинственную силу природы, названную „врилъ“. Всѣ извѣстныя намъ силы природы суть только видоизмѣненія таинственнаго вриля. Съ помощью этой силы обитатели Врилии (такъ называется ихъ подземный міръ) могутъ совершать различныя чудеса. Они умѣютъ летать; могутъ поддерживать постоянный свѣтъ въ своемъ темномъ мірѣ; оружіе ихъ превосходитъ въ такой же степени пушки и митральезы, въ какой послѣднія превосходятъ стрѣлы. Открывъ врилъ, они сразу освободились отъ многихъ золъ которымъ подвержено современное намъ человѣчество. Они не могутъ воевать потому что ихъ оружіе слишкомъ смертоносно; у нихъ не существуетъ рабочаго вопроса, потому что рабочее сословіе замѣнено усовершенствованными машинами. Между ними господствуетъ полная равноправность, но демократическаго правленія они не одобряютъ. Когда открывшій ихъ Американецъ изъ Нью-Йорка разказалъ имъ о блестящихъ результатахъ всеобщей подачи голосовъ, они не только не пришли въ восторгъ, но объявили что этотъ образъ правленія имъ давно извѣстенъ подъ именемъ *Колъ-Поизъ*, слово которое, какъ оказалось, въ переводѣ на американскій языкъ означаетъ „страшный вздоръ“, и прибавили что они считаютъ неслѣпостью предоставить правленіе государствомъ невѣжественному большинству. Образъ правленія на которомъ они остановились заставляетъ предполагать что они одобряютъ теорію Конта, хотя они остались деистами и вѣрятъ въ безсмертіе души. Обязанности ихъ государя, имѣющаго право избирать себѣ преемника, значительно облегчены тѣмъ что всѣ его подданные такъ умны и благонамѣренны что преступленія имъ незнакомы. Они пренебрегаютъ богатствомъ какъ лишнимъ бременемъ. Они не честолюбивы и считаютъ отправление общественныхъ обязанностей не средствомъ къ достиженію почета, но тяжелою обязанностью. Они вполне преданы наукѣ. Когда Американецъ явился къ нимъ, они тотчасъ же рѣшили предложить ему пожертвовать имъ свое тѣло для вскрытія, а возможность отказа съ его стороны считалась неслѣпостью въ странѣ гдѣ всѣ искренно вѣрятъ въ безсмертіе души. Женщины въ этомъ мірѣ пользуются первенствомъ, потому что имѣютъ болѣе власти надъ таинственнымъ врилемъ. По той же причинѣ онѣ способны къ наукамъ. Онѣ могли бы уничтожить въ одну

секунду неправящагося имъ мужчину. Но такой случай былъ только разъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій; тогда мужчины эмигрировали въ другую страну и заставили женщинъ быть осторожнѣе. Обитатели Врилліи не занимаются поэзіей; искусства пришли въ упадокъ съ тѣхъ поръ какъ люди сдѣлались неспособны къ тѣмъ чувствамъ которыми искусства служатъ выраженіемъ. Въ странѣ гдѣ всѣ повинуются законамъ, гдѣ всѣ пользуются одинаковыми правами, гдѣ нѣтъ ни зависти, ни ревности, ни честолюбія, не можетъ быть ни героевъ, ни преступниковъ. Одинъ человѣкъ похожъ на другаго какъ двѣ капли воды. Отпечатокъ меланхолическаго спокойствія лежитъ на всемъ окружающемъ ихъ. Они никогда не смѣются, хотя всегда спокойно улыбаются. Они достигли всѣхъ своихъ цѣлей, имъ нечего болѣе желать, не къ чему стремиться. Скучно будетъ жить въ такомъ мірѣ, и если дѣйствительно такова вершина горы на которую поднимается человѣчество, то остается только пожелать чтобъ оно подольше не достигало этой вершины, какъ бы ни было трудно восхожденіе.

Третья книга въ этомъ же родѣ называется *Anno Domini 2071*. Она переведена съ голландскаго и, какъ мы узнаемъ изъ предисловія переводчика, выдержала въ оригиналѣ три изданія и удостоилась перевода на нѣмецкій языкъ. Тѣмъ не менѣе она далеко не такъ забавна какъ *Будущее поколѣніе* и не такъ остроумна какъ *Грядущее человечество*, хотя имѣетъ съ ними много общаго. На многіе очень интересные вопросы она не даетъ отвѣтовъ. Мы не узнаемъ напримѣръ какая религія, какія философскія и соціальныя теоріи будутъ господствовать въ 2071 году. Что же касается до политическаго устройства, то единственный ясно обозначенный фактъ есть всеобщая подача голосовъ, примѣненная въ буквальномъ смыслѣ слова. Сначала право голоса получили женщины, потомъ кому-то пришло въ голову что нѣтъ основанія лишать этого права несовершеннолѣтнихъ, и такъ дошло постепенно до того что младенцы сдѣлались гласными. Но такъ какъ многіе изъ новыхъ гласныхъ не умѣли ни ходить, ни говорить, то возникъ вопросъ какъ привлечь ихъ къ отправленію своей обязанности, и послѣ сильной агитаціи, потрясшей міръ въ 2071 году, рѣшено было что за младенцевъ будутъ голосовать ихъ матери.

IV.

Въ Америкѣ давно раздаются жалобы, и повидимому справедливыя, что американская жизнь не даетъ сюжетовъ для интересныхъ романовъ. Люди въ этой странѣ прогресса очень похожи другъ на друга. Тамъ нѣтъ мѣстныхъ, освѣженныхъ преданіемъ обычаевъ, нѣтъ мѣстныхъ нарѣчій и костюмовъ, нѣтъ сословій, налагающихъ свой отпечатокъ на людей и создающихъ контрасты, которые даютъ такой богатый матеріалъ романистамъ въ Европѣ. Но если въ Америкѣ дѣйствительно мало индивидуальной разницы между людьми, то нельзя отвергать что контрастъ между богатствомъ и бѣдностью тамъ давно существуетъ и быстро усиливается, въ особенности въ большихъ городахъ. Если вѣрить новому роману американской писательницы миссъ Фельпсъ и официальному отчету Массачузетскаго „бюро статистики и промышленности“, на который она ссылается, въ Америкѣ существуетъ многочисленный, обремененный работой, плохо вознаграждаемый невѣжественный рабочій классъ, находящій что право подавать голосъ не можетъ замѣнить средствъ къ существованію; фабриканты искуснѣе рабочихъ толкуютъ законы въ свою пользу; женщины и дѣти работаютъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для здоровья и нравственности, и какъ неизбѣжное послѣдствіе такого порядка вещей, растетъ озлобленное, деморализованное поколѣніе, угрожающее взволновать монотонную поверхность американскаго общества.

Мы не въ состояніи судить насколько справедливы показанія и предположенія миссъ Фельпсъ и ограничимся тѣмъ что передадимъ въ немногихъ словахъ содержаніе ея романа, озаглавленнаго *Безгласный товарищъ*. (*The Silent Partner. By Elizabeth Stuart Phelps. London. 1871*). Дѣйствующія лица конечно раздѣляются на двѣ категоріи: богатыхъ и бѣдныхъ. Представителями первой являются члены мануфактурной фирмы Гайль и Кельзо. Дочь Кельзо помолвлена съ сыномъ Гайля, и когда мистеръ Кельзо погибаетъ вслѣдствіе несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ, миссъ Кельзо становится безгласнымъ товарищемъ фирмы. Въ началѣ романа она представлена дѣвушкой выросшею въ роскоши, не знающею цѣны деньгамъ, живущею только для удовольствій. Она и на жениха своего смотритъ какъ на вещь созданную для ея забавы. Послѣ

смерти отца она удаляется на время въ мѣстечко „Пяти Водопадовъ“, гдѣ находятся мельницы ея фирмы и случайно сходится съ молодою фабричною дѣвушкой, по имени Синъ Гартъ, которая знакомитъ ее съ бѣдствіями фабричной жизни и открываетъ ей глаза на окружающую ее нищету. У миссъ Гартъ есть нѣмая сестра, быстро теряющая зрѣніе и слухъ отъ губительной работы на бумагопрядильной фабрикѣ. Сестры живутъ въ страшной нищетѣ. Въ числѣ ихъ знакомыхъ есть семейство англійскаго эмигранта, мистера Мелля, прѣхавшаго искать счастья въ Америку. Жена Мелля умираетъ отъ чахотки, которую получила вслѣдствіе вредной работы на мельницѣ. На его дочь фабричная жизнь подѣйствовала деморализующимъ образомъ. Его восьмилѣтній сынъ приобрѣлъ привычку курить, и однажды для удовлетворенія своей страсти залѣзъ въ карманъ къ своему товарищу. Завязалась борьба, мальчикъ попалъ въ машину и былъ раздавленъ. Его мертвое тѣло принесли домой десять минутъ спустя послѣ смерти его матери. Отецъ, погоревавъ немного, освѣдомился какое вознагражденіе дадутъ ему за смерть сына. Миссъ Кельзо присутствовала при нѣкоторыхъ изъ подобныхъ сценъ. Она предложила своему жениху принять нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта рабочихъ на мельницѣ. Женихъ взглянулъ на ея предложеніе какъ на женскій капризъ, посоветовалъ ей взять классъ воскресной школы и не мѣшаться въ коммерческія дѣла. Миссъ Кельзо, не думая долго, отказывается быть его женой и объявляетъ что онъ для нея не дороже ея фортепіано, и что она исполнитъ свое филантропическое намереніе безъ его помощи. Съ этихъ поръ она посвящаетъ свою жизнь улучшенію нравственности и быта рабочихъ, хотя средства которыми она достигаетъ своей цѣли повидимому ограничиваются угощеніемъ рабочихъ разъ въ двѣ недѣли чаемъ, музыкой и популярными чтеніями. Тѣмъ не менѣе рабочіе начинаютъ быстро подвигаться по пути цивилизаціи и платятъ своей благотворительницѣ безграничною преданностью. Заключение романа очень просто, хотя нѣсколько оригинально. Одинъ изъ младшихъ товарищей фирмы влюбляется въ миссъ Кельзо и дѣлаетъ ей предложеніе. Въ то же время миссъ Гартъ, ея помощница, получаетъ предложеніе со стороны добродѣтельнаго рабочаго. Обѣ дѣвушки, посоветовавшись другъ съ другомъ, рѣшаютъ что бракъ есть дѣло само по себѣ хлопотливое, а хлопотъ у нихъ и безъ того много, и

отказываютъ своимъ женихамъ. Миссъ Кельзо продолжаетъ заботиться о рабочихъ, а миссъ Гартъ дѣлается проповѣдницей. Вотъ содержаніе *Безгласнаго товарища*. Несмотря на свою тенденціозность, романъ не лишенъ и художественныхъ достоинствъ и читается съ большимъ интересомъ.

Изъ англійскихъ романовъ можно указать на романъ г. Гиббона, *По недостатку золота*. (*For lack of gold. A novel. By Charles Gibbon, author of Robin Gray. 3 vols.*) Въ немъ прекрасно описана шотландская сельская жизнь и шотландскіе характеры, которые рѣдко удаются англійскимъ романистамъ. Особенно хорошъ характеръ Ангуса Ламба, небогатаго фермера, и его матери, строгой пуританки, грубой въ обращеніи, съ грубымъ голосомъ, съ отрывочною рѣчью, не просящею и не предлагающею сочувствія, но безконечно любящею и нѣжною въ глубинѣ сердца. Въ лицѣ Анны Блеръ авторъ изобразилъ честную шотландскую дѣвушку, подвергающуюся тяжелому испытанію отъ столкновенія любви къ отцу и жениху и пытающуюся исполнить честно и терпѣливо свой долгъ относительно обоихъ. Когда исторія принимаетъ трагическій оборотъ, Анна дѣлается настоящею героиней. Хорошъ также характеръ Балкери, тилъ мелкаго землевладѣльца, родившагося въ деревнѣ и получившаго воспитаніе вмѣстѣ съ крестьянскими мальчиками въ народной школѣ, но по своему положенію стоящаго ступенью выше ихъ. Авторъ рисуетъ его слѣдующимъ образомъ:

„Это былъ высокій, плотный человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, хотя казался старше. Съ перваго взгляда его можно было принять за сильнаго человѣка, но взглянувъ внимательнѣе можно было замѣтить что онъ неестественно толстъ для своихъ лѣтъ, вслѣдствіе чего казался выше и сильнѣе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Лицо у него было круглое, почти залывшее, а глаза, темно-каріе, смотрѣли тусклымъ, стекляннымъ взглядомъ. Волосы у него были темно-каштановые, короткіе и курчавые, шея толстая какъ у бульдога и болѣзненно-красная назадъ, и этого недостатка не могли скрыть его волосы, и даже высокій воротникъ сюртука достигалъ своей цѣли въ слабой степени. Тѣмъ не менѣе видно было что отъ природы онъ человѣкъ хорошій и могъ бы опять сдѣлаться такимъ еслибы постарался хорошенько. Даже теперь, со своею неряшливостью и равнодушіемъ къ своему здоровью,—двумя

ясными признаками испорченнаго человѣка,—онъ имѣлъ свободныя, добродушныя манеры, а въ глазахъ его по временамъ проглядывала шутливость, заставлявшая забывать о многихъ недостаткахъ характера и наружности.“

Дѣйствительно, несмотря на его грубость, въ немъ были хорошіе задатки; когда сдѣлавшись женихомъ Анны Блеръ, противъ ея воли, онъ полюбилъ ее искренно и глубоко, въ немъ проснулись лучшіе стороны его души и онъ обнаружилъ мужество и благородство, которыхъ отъ него трудно было ожидать.

V.

Извѣстный уже нѣсколькими трудами американскій историкъ Дж. Дреперъ издалъ недавно *Исторію американской междоусобной войны*. Несмотря на множество уже вышедшихъ различныхъ сочиненій относящихся къ этому предмету, книга г. Дрепера есть едва ли не первая попытка изложить во всей подробности и полнотѣ великое историческое событіе, и потому нѣтъ надобности говорить объ интересѣ такого произведенія. Кромѣ важности самого политическаго факта борьбы въ огромныхъ размѣрахъ двухъ противоположныхъ тѣловъ жизни и правительства, событія этой борьбы интересны и богаты поученіями даже относительно военныхъ операцій, несмотря на то что блескъ этихъ послѣднихъ въ настоящее время нѣсколько затмился болѣе поразительными результатами войнъ 1866 и 1871 годовъ. Книга г. Дрепера заключаетъ также въ себѣ много весьма интересныхъ подробностей какъ о причинахъ приведшихъ къ борьбѣ, такъ и въ особенности о едва ли гдѣ описанныхъ въ совокупности послѣднихъ актахъ ея, о распушеніи побѣдоносныхъ армій, о ихъ поглощеніи вновь мирными занятіями, безъ опасности для правительства и порядка, и о политикѣ великодушія принятой побѣдителями въ часъ торжества.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые недостатки свойственные г. Дреперу обнаруживаются въ первыхъ же страницахъ его произведенія. Принадлежа къ школѣ г. Бокля старающейся объяснять всѣ историческія явленія дѣйствіемъ физическихъ причинъ, авторъ доводитъ эту теорію до крайности, предпосылая своему разказу одного эпизода изъ американской жизни изслѣдованіе о геологическомъ строеніи американскаго материка, и за-

тѣмъ подробнѣйшее описаніе настоящаго положенія огромныхъ провинцій составляющихъ Соединенные Штаты. Такое предисловіе тѣмъ болѣе утомительно что авторъ лишенъ живописности въ слогѣ, и нѣкоторыя разсужденія въ которыя онъ вдается весьма скучны. Послѣ этого предисловія, г. Дреперъ не тотчасъ же приступаетъ къ предмету своего труда, но посвящаетъ нѣсколько главъ описанію переворотовъ освободившихъ Англію отъ невѣжества среднихъ вѣковъ, освобожденію англійскихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія въ XV столѣтіи, и затѣмъ описанію послѣдовательныхъ колонизацій Америки.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ описаній, которыя могли бы съ большою выгодой для читателя быть сокращены въ бѣглые очерки, авторъ, наконецъ, приступаетъ къ самой исторіи междоусобной войны, начиная съ причинъ приведшихъ къ отчужденію сѣверныхъ штатовъ отъ южныхъ. Эти причины перечислены у г. Дрепера съ большою точностью и ясностью. Уже при самомъ образованіи Союза зародыши будущихъ раздоровъ таились въ противоположностяхъ аристократическихъ колонистовъ Виргиніи и Каролины съ болѣе демократическими переселенцами Массачузетса и Нью-Йорка. На этой почвѣ учрежденіе рабства, пріобрѣтавшее все большее значеніе съ увеличеніемъ производства хлопка, главнаго произведенія южныхъ штатовъ, постепенно порождало все новыя поводы къ столкновеніямъ между свободнымъ, энергическимъ и образованнымъ Сѣверомъ и гордымъ рабовладельческимъ Югомъ. Съ каждымъ годомъ вражда все усиливалась, въ особенности въ послѣдніе годы предъ войной, по мѣрѣ того какъ Югъ, несмотря на возрастающее производство хлопка и требованіе его за границу, и несмотря на продолжительную монополію власти, сталъ склоняться къ уладку, въ сравненіи съ быстрыми успѣхами Сѣверянъ въ цивилизаціи и процвѣтаніи. Послѣднею непосредственною причиной разрыва были, какъ всѣмъ извѣстно, избраніе президентомъ республики г. Линкольна, который давно былъ извѣстенъ какъ противникъ рабства, но г. Дреперъ совершенно справедливо говоритъ что это обстоятельство вовсе не оправдывало мятежа и отпаденія, и потому отвѣтственность за начало междоусобной войны, конечно, должна пасть на южныхъ вождей. Избраніе Линкольна, конечно, означало торжество великой партіи которая настойчиво обличала рабство, но власть

президента въ Соединенныхъ Штатахъ весьма ограничена, а Вашингтонскій конгрессъ не имѣлъ еще того значенія какое онъ приобрѣлъ въ междуусобной борьбѣ. Въ то время права отдѣльныхъ штатовъ по многимъ вопросамъ не подлежали спору, и съ теченіемъ времени, въ превратностяхъ борьбы партій, южные штаты снова могли бы достигнуть политическаго преобладанія. До какой степени избраніе Линкольна вовсе не было абсолютно связано съ требованіемъ отмены невольничества, это доказывается тѣми уступками которыя онъ и другіе аболиціонисты готовы были сдѣлать для сохраненія союза въ цѣлости. Они не только давали обѣщаніе не касаться учрежденія рабства въ южныхъ штатахъ, но даже предлагали возстановить законы о бѣглыхъ невольникахъ во всей ихъ строгости. Такимъ образомъ хотя рабство и было, конечно, коренною причиною раздора, но война началась вовсе не за освобожденіе Негровъ, а вслѣдствіе ослѣпленія южныхъ вождей, рѣшившихся образовать совершенно отдѣльную рабовладѣльческую конфедерацію. Это обстоятельство весьма хорошо выяснено г. Дрелеромъ.

Организація отдѣльной конфедераціи не представила большихъ трудностей, такъ какъ отдѣльные штаты привыкли пользоваться въ значительной мѣрѣ независимостью отъ центральной власти, а нерѣшительность, колебанія и переговоры Сѣвера дали время мятежу приготовить свои силы. Но нападентіе на фортъ Самтеръ раскрыло глаза самымъ нерѣшительнымъ, и съ этой минуты весь Сѣверъ энергически воспрянулъ для подавленія мятежа. Одиннадцать штатовъ составляли отпавшую лигу, Кентукки, Мерилендъ и Делаверъ еще колебались, но всѣ остальные штаты твердо стояли за сохраненіе Союза. Борьба съ самаго начала была неравною. Населеніе Сѣвера было многочисленнѣе; оно неизмѣримо превосходило соперниковъ матеріальными средствами, владѣло моремъ и имѣло прочно установленное правительство, признанное всѣми иностранными государствами. Но въ началѣ это превосходство силъ не было такъ очевидно, и Югъ имѣлъ на своей сторонѣ многія преимущества выставившія его весьма опаснымъ и грознымъ противникомъ. Силы Союза были разсѣяны измѣнническими дѣйствіями Флойда и его сообщниковъ; безпорядокъ и нерадѣніе господствовали въ войскѣ и флотѣ, многіе офицеры покидали свои посты и переходили на сторону Юга, и населеніе Сѣвера, преданное мирнымъ занятіямъ, не имѣло, казалось,

никакихъ военныхъ способностей, какъ бы оно ни было храбро и энергично. Южане прежде своихъ противниковъ успѣли организовать весьма почтенную армію. При помощи обмана, насилія и неожиданности они успѣли овладѣть главными арсеналами, а соціальное положеніе создало изъ плантаторовъ аристократію съ дѣтства привыкшую къ употребленію оружія. Мѣстныя условія также не были неблагопріятны для Юга, ибо онъ могъ ограничиться оборонительною войною, тогда какъ Сѣверяне не могли подавить мятежъ иначе какъ наступательными дѣйствіями, которыя приходилось вести по огромнымъ пространствамъ, пересѣченнымъ горными хребтами, непроходимыми лѣсами и большими рѣками. Возможность ограничиваться оборонительнымъ положеніемъ въ надеждѣ утомить противниковъ самою громадностью усилій необходимыхъ для покоренія Юга давала конфедаретистамъ огромное преимущество въ борьбѣ, и это до такой степени вѣрно что когда въ концѣ 1862 года побѣда увлекла генерала Ли перейти Потомакъ и вторгнуться противъ его желанія въ Мерилендъ, угрожая самому Вашингтону, то это самое вторженіе впервые наглядно и обнаружило всю несоразмѣрность силъ Сѣвера и Юга, и силы послѣдняго значительно истощились этимъ конвульсивнымъ напряженіемъ. Вторженіе это, кромѣ того, какъ доказали послѣдствія, было также важною политическою ошибкой, ибо населеніе пограничныхъ сомнительныхъ штатовъ, раздраженное реквизиціями конфедаратистовъ, не дало имъ помощи, на которую съ увѣренностью разчитывали южные вожди, а на всемъ Сѣверѣ оно возбудило бурю негодованія, увлекшую и тѣхъ которые всѣ еще сомнѣвались въ законности покоренія конфедерации силой оружія.

Кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, южные вожди несомнѣнно разчитывали на помощь европейскихъ морскихъ державъ, Англіи и Франціи, взиравшихъ съ опасеніемъ на возраставшее могущество Соединенныхъ Штатовъ. Они были даже увѣрены что если борьба затянется, то манчестерскіе фабриканты потребуютъ отъ англійскаго правительства вооруженнаго вмѣшательства, чтобъ открыть запертые рынки хлопка. Послѣднее признаніе Англіей правъ воюющей стороны за конфедаратистами поощрило надежды послѣднихъ на заступничество. Но Англія и безъ того была убѣждена въ неизбѣжномъ распаденіи великой американской республики, а первые успѣхи Южанъ въ борьбѣ еще болѣе усилили

преувеличенное въ Европѣ мнѣніе о средствахъ конфедераціи. Поэтому англійская политика, выказывая всячески свое сочувствіе Югу, не находила нужнымъ рѣшиться на матеріальныя жертвы для поддержанія мятежа, такъ какъ положеніе нейтральной державы было для нея выгодно и передавало въ ея руки всю американскую морскую торговлю, на время совершенно убитую крейсерскими подвигами *Алабамы* и другихъ судовъ.

Мы не можемъ прослѣдить всего разказа г. Дрелера о различныхъ событіяхъ гигантской четырехлѣтней войны. Военныя дѣйствія описаны имъ съ подробностью и ясностью рекомендующими его книгу читателямъ. Слѣдуетъ только замѣтить что онъ не вполне справедливъ къ южнымъ генераламъ и не достаточно оцѣниваетъ замѣчательныя военныя способности Ли, Джексона и другихъ южныхъ генераловъ. Точно также историкъ не совсѣмъ справедливъ, отказывая въ административныхъ способностяхъ президенту конфедераціи Девису и его кабинету. Но за то чрезвычайно интересны тѣ главы въ которыхъ авторъ съ патріотическою гордостью приводитъ доказательства громадныхъ усилій совершенныхъ республикой для веденія войны и обнаруженныхъ ею чрезвычайныхъ силъ. Собранные имъ изъ достовѣрныхъ источниковъ отчеты о вооруженіяхъ Сѣвера на сушѣ и на морѣ, о его финансахъ, о заключенномъ имъ колоссальномъ займѣ, даютъ понятіе о поразительномъ могуществѣ республики. Замѣчательно однако что авторъ описавшій съ такимъ сочувствіемъ усилія въ пользу сохраненія Союза, въ заключеніе своего труда, высказываетъ мнѣніе что это обширное государство вѣроятно, хотя можетъ-быть въ отдаленномъ будущемъ, распадется, и что различныя условія климата и вліяніе мѣстныхъ интересовъ рано или поздно приведутъ къ распаденію Союза на нѣсколько независимыхъ республикъ.

ПО ПОВОДУ

„ЕЖЕГОДНИКА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ“ *

Старинное широкое понятіе о государственной тайнѣ начинается, благодаря Богу, все болѣе и болѣе суживаться. Гласность проникаетъ въ необозримые склады, запасы и груды писанной бумаги, которыми завалены всѣ наши департаменты, кацеляріи, комитеты, комиссіи и прочія бюрократическія учрежденія. Проникновеніе гласности куда бы то ни было есть конечно дѣло хорошее, но оно представляется чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ-то какъ бы враждебнымъ той средѣ которую оно, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, освѣщаетъ своимъ потайнымъ фонаремъ. Публика относится къ свѣдѣніямъ доставляемымъ дѣятельностію постороннихъ и случайныхъ взглядатаевъ, то съ излишнимъ любопытствомъ, какъ ко всякому куріозу или скандалу, то съ извѣстною недовѣрчивостію, предполагая или враждебный умыселъ, или по крайней мѣрѣ не свѣдущій и поверхностный взглядъ со стороны частнаго лица раскрывающаго официальные факты. Совершенно въ другомъ свѣтѣ являются эти факты, когда ихъ обнародываетъ сама администрація, если только она съ другой стороны не препятствуетъ ихъ гласному обсужденію. Это послѣднее условіе такъ важно что отсутствіе его не только совершенно ослабитъ доброе впечатлѣніе произведенное официальной откровенностію, но и поведетъ къ совершенно противоположному

* *Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ II на 1870. Составленъ подъ редакціей А. Б. Бушена. Спб. 1871.*

результату, то-есть заставить подозрѣвать въ умышенномъ искаженіи истины съ цѣлю или скрыть недостатки, или подготовить общественное мнѣніе къ проведенію какой-либо неблагоприятной мѣры. Обнародованіе официальныхъ данныхъ, разумѣется при допущеніи права ихъ обсужденія, приноситъ огромную пользу самой центральной администраціи тѣмъ что облегчаетъ ей контроль той массы вѣдомостей и цифръ, которыя поступаютъ къ ней ежедневно отъ подчиненныхъ лицъ и мѣстъ и разсмотрѣніе которыхъ не имѣетъ смысла, если не производится лицами специально этимъ занятыми и разрабатывающими эти факты систематически и сравнительно, какъ данныя не только практическія, но и научныя.

Кто не помнитъ какія наивныя опасенія предшествовали первому обнародованію нашего бюджета и къ какимъ благимъ послѣдствіямъ повело его добросовѣстное обнародованіе? На чемъ иномъ основано возвышеніе нашего заграничнаго кредита, которому единственно мы обязаны возможностью выстроить такую обширную сѣть желѣзныхъ дорогъ въ столь короткое время? Самое составленіе государственной росписи, при возможности обсужденія ея не одними только составителями, приняло болѣе правильную и рациональную форму и тѣмъ уяснило множество запутанностей и устранило множество ошибокъ, вкравшихся при негласномъ контролѣ способа взиманія государственныхъ доходовъ и порядка ихъ расходованія.

Государственная роспись, при всемъ своемъ важномъ практическомъ значеніи, есть и всегда будетъ произведеніемъ теоретическимъ, какъ всякій планъ предстоящихъ дѣйствій, а потому и составляетъ одинъ сплошной и цѣльный документъ, легко усвоиваемый при внимательномъ чтеніи и весьма удобный для обнародованія. Совершенно не въ томъ видѣ представляются тѣ документы коими сопровождаются свѣдѣнія о дѣйствительномъ расходованіи государственныхъ денежныхъ средствъ. Здѣсь частное преобладаетъ надъ общимъ, фактъ надъ системой, а потому обнародованіе въ подлинникѣ такихъ документовъ для большинства лицъ интересующихся финансовыми вопросами было бы почти бесполезно, за исключеніемъ какихъ-либо двухъ, трехъ тружениковъ, у которыхъ могло бы достать терпѣнія сводить въ правильныя таблицы всю эту массу необработанныхъ свѣдѣній. Министерство финансовъ предупредило и эту потребность публики

изданіемъ лежащаго предъ нами *Ежегодника министерства финансовъ*, выпускъ I на 1869 и выпускъ II на 1870, подъ редакціей г. Бушена.

Прежде нежели излагать наши замѣчанія и недоразумѣнія по нѣкоторымъ частностямъ, обратившимъ наше вниманіе, мы должны оговориться что понимаемъ всю трудность работы о которой говоримъ, и невозможность въ первые два года привести ее въ тотъ видъ въ которомъ она, конечно, будетъ представляться по мѣрѣ улучшенія въ слѣдующіе годы, лишь бы съ этимъ изданіемъ не случилось того же что произошло съ *Временникомъ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ*, который послѣ одного тома, вышедшаго въ 1866, не появлялся болѣе.

Прежде всего насъ поразило отсутствіе при второмъ выпускѣ *Ежегодника* опечатокъ или по крайней мѣрѣ списка опечатокъ, какой былъ приложенъ при первомъ выпускѣ: неужели такихъ опечатокъ вовсе нѣтъ во II выпускѣ? Инымъ можетъ показаться страннымъ что мы начинаемъ разборъ книги съ опечатокъ. Что же дѣлать если вѣрность цифръ при всякаго рода таблицахъ и особенно при таблицахъ статистическихъ играетъ столь важную роль, что отсутствіе этой вѣрности, отъ какихъ бы она причинъ ни происходила, отъ недобросовѣстности ли составителя, или отъ небрежности корректора, совершенно уничтожаетъ всю пользу ожидаемую отъ этихъ таблицъ. Разсматривая подобныя таблицы, вы боитесь дѣлать какіе-либо выводы или сравненія, ибо вдругъ можетъ оказаться что цифра 6 перевернута въ 9 или прибавлено или убавлено случайно нѣсколько сотъ тысячъ или милліоновъ. Есть книга которая вся состоитъ изъ однихъ только цифръ, именно таблицы логарифмовъ, но и въ ней ошибки не въ такой степени важны какъ въ таблицахъ статистическихъ: ошибочный логарифмъ можно замѣтить и легко исправить вычисленіемъ на основаніи извѣстной формулы, статистическую же цифру если и возможно иногда залодозрить, но за то никогда не возможно поправить, развѣ только въ какомъ-либо итогѣ. Если вы замѣтили въ статистическихъ таблицахъ коими пользуетесь какія-либо опечатки, то вы не можете спокойно приводить изъ нихъ никакой цифры, опасаясь что данныя на которыхъ вы основываете ваши заключенія въ основаніи своемъ невѣрны. Такъ напримѣръ въ *Статистическомъ Временникѣ*, въ выпускѣ I (единственномъ), на страницѣ 67 напечатано: „про-

странство, населеніе и *наеленность* Кавказскаго намѣстничества." Конечно слово *наеленность* напечатано вмѣсто слова *населенность*, и здѣсь только выпала буква с, но если въ крупномъ шрифтѣ заголовка допущена такая небрежность, то какъ положиться на массу цифръ въ таблицахъ? Можетъ-быть и тамъ выпадали цифры и были замѣняемы или только сближаемы по усмотрѣнію рабочихъ, безъ надзора со стороны корректоровъ, а главное, со стороны самого издателя! Вотъ почему мы сожалѣемъ что г. Бушенъ не былъ наученъ примѣромъ *Временника*, и при второмъ выпускѣ своего *Ежегодника* не приложилъ списка опечаткамъ, какъ сдѣлано это при первомъ, или положительно не заявилъ что опечатокъ въ его изданіи не существуетъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самаго содержанія двухъ выпусковъ *Ежегодника министерства финансовъ*.

Каждый выпускъ раздѣленъ на три отдѣла: финансы, кредитъ, и промышленность и торговля.

Отдѣлъ финансовъ имѣетъ три подраздѣленія: 1) свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ; 2) свѣдѣнія о дѣйствительномъ исполненіи государственныхъ росписей, въ первомъ выпускѣ за 1866 и 1867, а во второмъ за 1868 и 1869 годы, и 3) въ первомъ выпускѣ сводъ государственныхъ росписей съ 1863 по 1869 годъ, во второмъ государственная роспись за 1870.

Начнемъ съ разсмотрѣнія свѣдѣній о государственныхъ доходахъ.

Таблица № 1й озаглавлена въ первомъ выпускѣ: „свѣдѣнія о поступленіи *податей* и окладныхъ сборовъ,“ а во второмъ „свѣдѣнія о поступленіи окладныхъ сборовъ.“ Случайно ли опущено во второмъ выпускѣ слово *податей*, или какъ тавтологія, или наконецъ это опущеніе имѣетъ какое-либо значеніе,—рѣшить трудно.

Самый окладъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

За 1866.....	60.567.436 руб.
„ 1867.....	97.918.740 „
„ 1868.....	107.741.428 „
„ 1869.....	97.863.541 „

Чѣмъ объяснить это колебаніе въ окладѣ? Примѣчаніе внизу таблицъ что за 1866 годъ нѣтъ свѣдѣній о Восточной Сибири, за 1867 нѣтъ свѣдѣній о Сибири вообще, за 1868 о Землѣ Войска Донскаго и о Восточной Сибири, а за 1869 о Землѣ

Войска Донскаго и о губерніяхъ и областяхъ Восточной и Западной Сибири, указываетъ только на неисправность нашей бюрократической машины, но не объясняетъ возвышенія и уменьшенія оклада, который все-таки долженъ быть извѣстенъ центральной администраціи.

Дѣйствительное поступленіе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

За 1866	58.912.324 руб.	менѣе оклада	1.665.111 руб.
„ 1867	97.406.690	„ „ „	512.050 „
„ 1868	106.707.995	„ „ „	1.033.433 „
„ 1869	98.015.190	болѣе оклада	151.648 „

Невозможно не выразить удивленія бросающемуся въ глаза факту что то самое населеніе которое не могло выплатить въ 1866 году окладъ въ 60 милліоновъ выплатило въ 1867 году 97 милліоновъ; а въ 1868 году даже 106 милл. Отчего это произошло? 1867 годъ былъ неурожайный, и дѣйствіе этого неурожая должно было съ особенною силою отозваться въ первые зимніе и весенніе мѣсяцы слѣдующаго 1868 года, а между тѣмъ въ этомъ году мы видимъ наибольшее поступленіе окладныхъ сборовъ. Отсутствие свѣдѣній по таблицѣ о нѣкоторыхъ сибирскихъ губерніяхъ также невозможно объяснить, ибо если эти свѣдѣнія въ тѣхъ годахъ гдѣ оныя имѣются вовсе элиминировать для уравненія, то противоположность цифръ представится еще болѣе поразительною.

Разсматривая поступленіе сравнительно съ окладомъ отдѣльно по губерніямъ, мы находимъ значительный перевѣсъ исправнаго сбора надъ неисправнымъ, несмотря на значительное возвышеніе оклада, а именно:

Поступило: болѣе оклада: менѣе оклада:

Въ 1866 году по 14 губерніямъ ... по 40 руб.

„ 1867 „ „ 21 губерніи ... „ 30 „ изъ 3 не было свѣд.

„ 1868 „ „ 24 губерніямъ ... „ 30 „

„ 1869 „ „ 29 губерніямъ ... „ 21 „ изъ 3 не было свѣд.

Въ 5ти губерніяхъ сборъ постоянно превышаетъ окладъ въ продолженіи 4хъ лѣтъ сряду, а именно: въ Екатеринославской, Курской, Полтавской, Симбирской и Тульской.

Въ 5ти губерніяхъ сборъ превышалъ окладъ въ послѣдніе 3 года, а именно: въ Оренбургской, Подольской, Тульской, Харьковской и Херсонской.

Въ 4хъ губерніяхъ сборъ превышалъ окладъ 3 года, но не сряду, а именно: въ Астраханской, Костромской, Ставропольской и Ярославской.

Въ 7ми губерніяхъ сборъ превышалъ окладъ только послѣдніе два года, а именно: во Владимірской, Гродненской, Казанской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и Ярославской.

Наибольшее превышеніе поступленія надъ окладомъ имѣло мѣсто въ 1867 году по Уфимской губерніи и простиралось на 588.927 рублей (при окладѣ въ 1.963.700 рублей).

Наибольшая недоимка въ теченіи одного года оказалась въ 1867 году по Новгородской губерніи, именно въ 393.351 руб. (при окладѣ въ 1.353.501 руб.). По этой же самой губерніи въ 1869 году поступленіе превышало окладъ на 157.115 рублей при томъ же окладѣ.

Несмотря на всѣ усилія употребленныя нами на изученіе разсматриваемыхъ таблицъ поступленія окладныхъ сборовъ, мы не могли найти руководящей нити къ объясненію представляемыхъ ею явленій. Для насъ остается загадочна причина возвышенія оклада съ 60 милліоновъ въ 1866 году на 107 милліоновъ, т.-е. на 77%, и снова пониженія его въ 1869 на 98 милліоновъ. Сравненіе съ отчетами государственнаго контроля также не повело къ уясненію дѣла, потому что различіе цифръ этого отчета съ тѣми которыя обнародованы министерствомъ финансовъ такъ велико что не допускаетъ никакого сравненія и основано очевидно на коренномъ различіи въ системѣ группированія цифръ.

За таблицей № 1й, о поступленіи податей и окладныхъ сборовъ, слѣдуютъ таблицы о *поступленіи съ крестьянъ взносов въ уплату капитальнаго по выкупнымъ ссудамъ долга* (Вѣд. № II) и о *поступленіи выкупныхъ платежей съ крестьянъ собственниковъ* (Вѣдом. № III). Насъ удивляетъ зачѣмъ и какъ попали эти вѣдомости въ отдѣлъ финансовъ, когда въ той же книгѣ есть отдѣлъ кредита, гдѣ находится особое подраздѣленіе озаглавленное такъ: *свѣдѣнія по выкупной операціи*, занимающее большое число страницъ, но очевидно не полное, именно вслѣдствіе отдѣленія отъ него тѣхъ двухъ таблицъ которыя попали не въ свое мѣсто, между окладными и неокладными сборами. Выкупная операція ведется конечно правительствомъ, но не на правительственныя средства и имѣетъ гораздо менѣе связи съ финансами государства, нежели приплата гарантіи по желѣзнымъ дорогамъ, ибо тамъ приплата эта заимствуется прямо изъ казны и составляетъ обязательство неопредѣленной ссуды, по мѣрѣ надобности, изъ средствъ государственнаго казначейства;

въ выкупной же операціи все участіе правительства заключается въ веденіи счетоводства, въ печатаніи выкупныхъ бумагъ и въ надзорѣ за ихъ выпускомъ и печатаніемъ. Даже самые расходы необходимые на содержаніе выкупнаго учрежденія заимствуются изъ общей суммы поступающихъ выкупныхъ платежей, которые суть не что иное какъ оброки слѣдующіе землевладѣльцамъ за данную въ надѣлъ землю, пониженные на 20%, то-есть на одну пятую часть. Съ какою цѣлю сближены таблицы поступленія выкупныхъ платежей съ таблицей поступленія окладныхъ сборовъ догадаться довольно трудно. Если имѣлось въ виду показать размѣръ повинностей платимыхъ крестьянами, то и эта цѣль не достигается, ибо въ таблицѣ окладныхъ сборовъ означены денежныя суммы поступающія не съ однихъ крестьянъ, а таблицы выкупныхъ платежей не представляютъ собою повинностей платимыхъ крестьянами, а только тѣми которымъ предоставленъ надѣлъ или часть его въ собственность, да и то не всѣми. ибо есть крестьяне получившіе часть наѣла и ничего за нее не платящіе кромѣ личной подушной подати, наравнѣ съ безземельными дворовыми людьми. Для полноты свѣдѣній о суммахъ платимыхъ крестьянами нужно было представить таблицу земскихъ и общественныхъ сборовъ собираемыхъ со всѣхъ крестьянъ, а главное, таблицу оброковъ и цѣнностей натуральныхъ повинностей тѣхъ крестьянъ которые не вышли еще на выкупъ. Это тѣмъ болѣе важно что этотъ родъ повинности превышаетъ выкупные платежи на 20 процентовъ. Примѣчаніе помѣщенное на 11 страницѣ II выпуска и цифры въ немъ заключающіяся тогда имѣли бы дѣйствительный смыслъ, въ настоящемъ же видѣ они представляютъ только случайное сближеніе.

Таблица IV, *о доходѣ отъ пошлинъ за свидетельства и билеты на право торговли и промысловъ за 1864—1869 годы*, озаглавлена нѣсколько иначе во II выпускѣ, именно опущено слово и *за патенты*, хотя цифры въ ней за прежніе годы тѣ же самыя, слѣдовательно и сборъ за патенты въ нихъ также заключается. Намъ кажется что сборъ за патенты слѣдовало бы отнести къ акцизному сбору, ибо взятіе патента не освобождаетъ отъ взятія торговаго свидетельства и есть не иное что какъ принадлежность и существенная часть винной регалии, увеличеніе или уменьшеніе которой не имѣетъ ничего общаго съ развитіемъ торговли и промысловъ.

Мы видимъ изъ таблицы что сборъ въ ней означенный возросъ съ 1864, когда онъ составлялъ 8.294.756 рублей, до 10.390.680 въ 1869; не можемъ сказать есть ли это явленіе признакъ успѣха развитія промышленности или только слѣдствіе увеличенія числа литейныхъ заведеній. Можетъ-быть слово патентъ было въ I выпускѣ *Ежегодника* употреблено въ смыслѣ *droit de patente*, и сборъ за литейные патенты сюда не включенъ. Во всякомъ случаѣ выписываемъ результаты дохода отъ пошлинъ за свидетельства и билеты на право торговли и промысловъ какъ онъ означенъ въ IV таблицѣ *Ежегодника* за 1870 годъ.

Въ 1864 году	8.294.756 руб.
„ 1865 „	8.860.110 „
„ 1866 „	9.411.208 „
„ 1867 „	9.609.503 „
„ 1868 „	10.176.401 „
„ 1869 „	10.390.680 „

Въ этомъ же году съ привислинскихъ губерній 755.141 рубль.

Кромѣ разсматриваемаго нами *Ежегодника* существуетъ еще другое правительственное изданіе въ которомъ заключаются болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ поступленіи государственныхъ доходовъ за 1866, 1867 и 1868 годы, это *Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи* за каждый изъ упомянутыхъ годовъ. Сравнивая цифры этого отчета съ цифрами *Ежегодника*, мы встрѣтили по первымъ таблицамъ такую разность, что не рѣшились упоминать о ней, приписывая ее различію въ системѣ группировки данныхъ или собственному неумѣнью отыскать ключъ этой загадки, что же касается до таблицы № 14й, то сомнѣнія въ послѣднемъ обстоятельстве быть не можетъ, ибо по 1 § смѣты по департаменту мануфактуръ и торговли статья о пошлинахъ за право торговли и промысловъ составляетъ одну строчку. Цифра сбора по *Отчету* не сходится съ цифрой *Ежегодника*, какъ видно изъ слѣдующаго:

По *Отчету государственнаго контроля.* По *Ежегоднику министерства финансовъ.*

Въ 1866 году 8.347.954 руб.	9.411.208 руб.
„ 1867 „ 9.472.674 „	9.609.503 „
„ 1868 „ 10.077.206 „	10.176.401 „

Цифры *Отчета* ниже цифръ *Ежегодника* за всѣ три года, а въ 1866 весьма значительно, чего пока нельзя объяснить случайною ошибкой. Не имѣя повода подозрѣвать то или другое изданіе въ неточности, слѣдуетъ предположить что въ *Ежегодникъ* присоединены еще какія-либо другія пошлины, но какія именно опредѣлить невозможно, несмотря на большую дробность статей по отчету. Весьма жаль что редакція *Ежегодника*, который вышелъ въ свѣтъ гораздо позже *Отчета государственнаго контроля* не взяла на себя трудъ сама сдѣлать это сравненіе и разъяснить причину несходства этихъ двухъ официальныхъ изданій, смущающаго посторонняго читателя.

Питейный доходъ (по Iму выпуску табл. № V, а по Iму выпуску № VI) представляетъ слѣдующіе результаты:

Въ 1863 году	138.095.267 руб.		
„ 1864 „	108.047.433 „	По Отчету государственнаго	
„ 1865 „	122.951.642 „	контроля.	
„ 1866 „	116.060.791 „	Въ 1866 году	118.401.349 руб.
„ 1867 „	123.344.672 „	„ 1867 „	133.571.444 „
„ 1868 „	123.101.296 „	„ 1868 „	132.857.775 „
„ 1869 „	126.387.997 „	„ 1869 „	136.790.286 „

Итакъ цифры *Ежегодника* министерства финансовъ опять не сходятся, и притомъ поразительно не сходятся съ цифрами *Отчетовъ государственнаго контроля*, и это несходство было или не могло не быть въ виду редакціи *Ежегодника*, такъ какъ послѣдній *Отчетъ* вышелъ прежде II выпуска *Ежегодника*, но редакція ничего не упоминаетъ о причинахъ такого разногласія двухъ официальныхъ изданій.

Впрочемъ это явленіе, несмотря на свою странность, не столь поразительно какъ слѣдующее: приведенныя цифры *Ежегодника*, на страницахъ 16 и 17 втораго выпуска несогласны съ цифрами того же *Ежегодника*, на страницахъ 20 и 21 (по Iму выпуску), и со страницами 42 и 43 того же самаго втораго выпуска. Вотъ примѣръ.

По стр. 15 перваго выпуска.	По стр. 20 и 21 того же выпуска.
Въ 1865 году 116.060.791 руб.	Въ 1866 году 121.518.857 руб.
„ 1867 „ 123.344.672 „	„ 1867 „ 133.920.646 „
По стр. 17 втораго выпуска.	По стр. 42 и 43 того же выпуска.
Въ 1868 году 123.101.296 руб.	Въ 1868 133.384.468 руб.
„ 1869 „ 126.387.997 „	„ 1869 137.279.275 „

Итакъ три ряда различныхъ официальныхъ цифръ! Какъ же дѣлать изъ нихъ какіе-либо практическіе выводы объ успѣхѣхъ или неуспѣхѣхъ финансовыхъ мѣръ?

Таблица № VI втораго выпуска представляетъ подробную таблицу солянаго дохода за 1868 и 1869, а въ первомъ выпускѣ свѣдѣнія заключаются въ сокращенномъ видѣ (таблица № V) за 1866 и 1867 годы. Выписываемъ тѣ и другія въ хронологическомъ порядкѣ.

		По отчетамъ контроля.	
Въ 1866 году	6.195.774 руб.	Въ 1866 году	10.813.418 руб.
„ 1867 „	6.884.594 „	„ 1867 „	11.742.912 „
„ 1868 „	10.896.673 „	„ 1868 „	10.871.653 „
„ 1869 „	9.802.276 „	„ 1869 „	9.788.600 „

Эти свѣдѣнія *Ежегодника* и притомъ подробныя не сходятся съ тѣми же цифрами *Ежегодника* по таблицѣ о дѣйствительномъ исполненіи государственныхъ росписей, но за то показаніе послѣдней таблицы за 1866 и 1867 цифра въ цифру согласно съ цифрами *Отчета государственнаго контроля*, даже копейка въ копейку, за 1868 представляетъ разность въ 9 р. 2 к., а 1869 нѣсколько большую, такъ что *Ежегодникъ* оказывается несогласенъ въ этомъ случаѣ только самъ съ собою. Это же несогласіе продолжается и въ 1869, такъ какъ на страницѣ 19 и II вып. *Ежегодника* соляной доходъ показанъ за 1869 годъ въ 9.802.276 руб., а на страницѣ 42 того выпуска въ 9.788.600 р. Впрочемъ разность сотни тысячъ ничего не значитъ послѣ разности въ 4 или 5 милліоновъ, какъ за 1866 и 1867 годы.

Воспользуемся хотя частнымъ случаемъ сходства свѣдѣній *Ежегодника* министерства финансовъ со свѣдѣніями *Отчета государственнаго контроля*; мы выписываемъ изъ послѣдняго цифры собственно солянаго акциза, какъ данныя которыми можно руководствоваться при сужденіи объ отмѣнѣ или по крайней мѣрѣ о пониженіи этого тягостнаго въ экономическомъ отношеніи налога. Акциза съ соли поступило:

Въ 1866 году	6.494.281 руб.
„ 1867 „	6.756.473 „
„ 1868 „	6.552.295 „
„ 1869 „	5.590.245 „

Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ вычесть издержки взиманія самаго налога, которыя не могутъ быть незначительны, такъ что регалія эта доставляетъ казнѣ едва ли 5 милл., а вреда приносить государству, конечно, на цифру въ нѣсколько разъ большую. Мы даже полагаемъ что совершенная отмѣна этого налога не уменьшила бы, но увеличила общую сумму государственныхъ доходовъ, какъ вслѣдствіе развитія промышленно-

сти вообще, такъ и вслѣдствіе возвышенія арендной платы за добычу соли изъ казенныхъ источниковъ.

Таблица VII представляетъ свѣдѣнія о табачномъ доходѣ 1866 года. Представляемъ ихъ по *Ежегоднику* и *Отчетамъ* контроля:

По <i>Ежегоднику</i> .		По <i>Отчетамъ</i> государственнаго контроля.	
Стр. 11я первого вып.	Стр. 20я.		
Въ 1866 „ 4.144.111 р.	Въ 1866 „ 5.155.121 р.	Въ 1866 „ 5.155.121 р.	
„ 1867 „ 4.393.868 „	„ 1867 „ 7.021.864 „	„ 1867 „ 7.021.864 „	
Стр. 22я второго вып.	Стр. 42я и 43я.		
Въ 1868 „ 5.751.012 р.	Въ 1868 „ 7.324.388 р.	Въ 1868 „ 7.324.388 р.	
„ 1869 „ 6.272.252 „	„ 1869 „ 7.739.600 „	„ 1869 „ 7.739.147 „	

Итакъ цифры контроля согласны съ цифрами *Ежегодника* стр. 20й первого и стр. 42й и 43й второго выпуска, остается только два ряда различныхъ цифръ самого *Ежегодника*, но увы, въ немъ есть и третій рядъ: на стр. 20й и 21й второго выпуска за 1866 и 1867 годы встрѣчаются еще новыя цифры:

Въ 1866 году	5.199.794 руб.
„ 1867 „	5.518.672 „

Для чего же было печатать всю эту путаницу, если есть вѣрныя цифры въ *Отчетѣ* контроля?

Таблица № VIII, о поступленіи свеклосахарнаго дохода, представляетъ цифры несогласныя съ цифрами помѣщенными на страницахъ того же *Ежегодника*, какъ видно изъ слѣдующаго:

Свеклосахарнаго дохода поступило:			
по таблицѣ № VIII.		по стр. 20 и 21 (1го вып.) и 42 и 43 (2го)	
Въ 1866 году	444.967 руб.	Въ 1866 году	504.400 руб.
„ 1867 „	1.231.216 „	„ 1867 „	1.568.471 „
„ 1868 „	2.134.984 „	„ 1868 „	2.711.242 „
„ 1869 „	1.267.075 „	„ 1869 „	1.857.702 „

Второй рядъ цифръ совершенно согласенъ за первые три года съ цифрами государственнаго контроля, но не слисанъ съ него, потому что отчетъ контроля за 1869 годъ еще не обнародованъ. Редакція признаетъ однако эти собственные ея цифры невѣрными, ибо въ особомъ разсужденіи (стр. 25я), дѣлая сближеніе дохода отъ внутренняго налога на сахаръ съ доходомъ получаемымъ отъ налога на привозный сахаръ, принимаетъ для перваго цифры таблицы № VIII. Разсужденіе это оканчивается страннымъ выводомъ: съ 1го августа 1867 года акцизъ на сахаръ внутренняго производства увеличенъ съ 30 к. съ пуда на 50 к., потому и доходъ отъ сего увеличился, но вмѣстѣ съ этимъ значительно сократился

привозъ сахара изъ-за границы. Какъ же это понять? Сахаръ внутренняго производства сталъ дороже, а между тѣмъ его стали употреблять болѣе и притомъ въ такой степени что таможенный доходъ съ привознаго сахара въ томъ же году упалъ съ 4 милл. (1866) на 1.705.343 р. въ 1867, а въ 1869 дошелъ до 224.621 р., то-есть уменьшился въ 16 разъ. Тутъ что-нибудь есть ошибочное—или цифры, или сдѣланные изъ нихъ выводы.

Опасаясь чтобы замѣтка наша не приняла слишкомъ обширный размѣръ и не утомила читателей множествомъ цифръ и подробностей, безъ изложенія которыхъ обойтись невозможно, мы не останавливаемся на разсмотрѣнii остальной части и почитаемъ себя въ правѣ сдѣлать это, потому что намъ кажется что изъ приведенныхъ нами фактовъ читатели могутъ сами сдѣлать правильное заключеніе о свойствахъ обоихъ выпусковъ офиціального *Ежегодника* министерства финансовъ.

Намъ остается однако сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ таблицъ о поступленіи выкупныхъ платежей о которыхъ мы выше сказали что, по нашему мнѣнію, ихъ слѣдовало бы сблизить съ тѣми свѣдѣніями о выкупной операціи которыя помѣщены въ другомъ отдѣлѣ *Ежегодника*.

На страницѣ 262й (II вып. *Ежс.*) помѣщены двѣ таблицы: № III, краткая вѣдомость о положеніи выкупной операціи по 1е января 1870 года, и № IV, балансъ выкупной операціи тоже по 1е января 1870 года. По первой изъ этихъ таблицъ количество ссуды крестьянамъ за землю по *утвержденнымъ* сдѣлкамъ показано въ 519.508.821 р., и по *исполненнымъ* сдѣлкамъ 493.801.063 р., и эта послѣдняя цифра составляетъ во второй таблицѣ (№ IV) единственную статью актива баланса, подъ названіемъ долга крестьянъ за пріобрѣтенныя въ собственность земли. Но далѣе въ той же самой таблицѣ говорится объ утвержденныхъ актахъ, и выкупная ссуда по этимъ актамъ показана въ 134.753.720 руб. Возникаетъ недоумѣніе, заключается ли эта сумма въ одной изъ двухъ предыдущихъ, гдѣ говорится только о сдѣлкахъ, или она должна быть къ нимъ приложена, и къ которой изъ нихъ именно? Подробная вѣдомость, предшествующая названнымъ двумъ таблицамъ, также ничего въ этомъ отношеніи не выясняетъ.

Балансъ по выкупной операціи заключаетъ въ своемъ пассивѣ нѣсколько свѣдѣній о количествахъ выпущенныхъ выкупныхъ бумагъ, и эти цифры конечно вѣрны въ бухгалтерскомъ

смыслѣ, но онѣ не представляютъ собою дѣйствительнаго положенія дѣла, ибо и долгъ крестьянъ уже не тотъ и часть выкупныхъ бумагъ уже погашена по тиражамъ или поступила въ распоряженіе Государственнаго Банка при уплатѣ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ и при одновременныхъ уплатахъ нѣкоторыми крестьянами всей капитальной суммы. Эти свѣдѣнія должны быть въ виду министерства финансовъ, если же ихъ нѣтъ, то это опять указываетъ на неисправность нашей бюрократической машины. Скрывать подобныя свѣдѣнія нѣтъ ни малѣйшаго повода, ибо извѣстіе о всякомъ погашеніи долга возвышаетъ кредитъ казны и довѣріе публики къ производимымъ ею операціямъ. Хотя конечно выкупная операція производится не на счетъ казны, и правительство не участвуетъ въ ней даже настолько какъ при гарантіи частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть равнодушно къ цѣнности выкупныхъ бумагъ. Изъ *Отчета государственнаго контроля* за 1869 (стр. 154 и 155) видно что на содержаніе главнаго выкупнаго учрежденія употреблено было 131.678 р. 94 к., какъ надо полагать изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства, ибо эта сумма вошла въ общій итогъ 78 милл. расходовъ по системѣ государственнаго кредита. Это единственное указаніе въ *Отчетѣ государственнаго контроля* на существованіе казенной кредитной операціи въ 500 милліоновъ рублей. Въ статьѣ 143 Положенія о выкупѣ упоминается о составленіи *запаснаго капитала* выкупной операціи, но ни въ одномъ изъ правительственныхъ изданій нѣтъ свѣдѣній какъ великъ этотъ капиталъ и даже о самомъ его существованіи. Билеты 2го выпуска, которыми въ извѣстномъ порядкѣ замѣняются прочія выкупныя бумаги, погашаются ежегодными тиражами, и если собрать всѣ публикаціи о тиражахъ, то можно опредѣлить погашенную сумму долга лежащаго на крестьянахъ: но почему бы этого было не сдѣлать редакціи *Ежегодника*? Такой трудъ былъ не слишкомъ тяжелъ для офиціальнаго учрежденія и результатъ его былъ бы лучше многихъ другихъ таблицъ помѣщенныхъ въ этомъ изданіи. Нельзя не быть благодарными редакціи *Ежегодника* за выясненіе вопроса о поступленіи выкупныхъ платежей. Оказывается что не только нѣтъ страшныхъ недоумокъ, коими извѣстныя лица съ извѣстною цѣлю смущали нашу публику, но что въ 1869 году поступило свыше оклада на этотъ годъ

1.377.123 руб. 25 к., то-есть болѣе на $4\frac{1}{2}$ процента. Въ 1868 поступило менѣе на 622.651 р., а въ 1867 болѣе на 1.353.621 руб.; за предшествующіе годы не имѣется свѣдѣній. Итакъ за три послѣдніе года поступило болѣе оклада на 2.108.093 руб. Цифра весьма почтенная. Это превышеніе оклада происходитъ отъ двухъ причинъ: а) отъ уплаты прежнихъ недоимокъ, и б) отъ уплаты нѣкоторыми крестьянами, на основаніи 165 ст. Пол. о выкупѣ, всей капитальной суммы долга, но нигдѣ нѣтъ свѣдѣній сколько именно такихъ уплатъ было сдѣлано и увеличивается ли (число ихъ или уменьшается. Мы особенно обращаемъ вниманіе на поступленіе этого рода, потому что почитаемъ его самымъ вѣрнымъ признакомъ возвышенія или упадка не только имущественнаго благосостоянія, но и успѣха нравственнаго развитія крестьянъ. Только трезвый и бережливый можетъ сберечь деньги для подобной уплаты, и только развитый крестьянинъ пойметъ что это лучшее употребленіе которое онъ можетъ сдѣлать изъ своихъ денегъ. На стр. 8й втораго выпуска *Ежегодника* есть таблица № 11 озаглавленная такъ: *Вѣдомость о поступленіи съ крестьянъ взносовъ въ уплату капитальнаго по выкупнымъ ссудамъ долга*, но мы не можемъ утвердительно сказать представляетъ ли она тѣ свѣдѣнія о которыхъ мы говоримъ или только свѣдѣнія о той части выкупныхъ платежей которая отчисляется въ уплату капитальнаго долга. Во всякомъ случаѣ считаемъ полезнымъ сообщить ихъ читателямъ, свѣдя предварительно по годамъ итоги, что (замѣтимъ мимоходомъ) слѣдовало бы сдѣлать редакціи *Ежегодника*.

За 1867 годъ.....	172.092	руб.	$16\frac{1}{2}$	коп.
„ 1868 „	246.979	„	$91\frac{3}{4}$	„
„ 1869 „	243.410	„	$90\frac{1}{4}$	„

Еслибы были обнародованы свѣдѣнія за прежніе годы, то можно бы было свести итогъ всей капитальной уплаты и сказать утвердительно какого рода эта уплата капитала—обязательная или добровольная. Будемъ надѣяться что при слѣдующемъ выпускѣ *Ежегодника* всѣ сомнѣнія исчезнутъ.

Какъ однако велика эта обязательная уплата капитальной части долга или по крайней мѣрѣ какъ должна она быть велика, предполагая что выкупные платежи поступаютъ въ полномъ количествѣ? *Ежегодникъ* на этотъ вопросъ не даетъ отвѣта, но пользуясь его другими свѣдѣніями, можно сдѣлать приблизительное вычисленіе.

Выкупныхъ ссудъ назначено (стр. 146 второго выпуска):

Въ 1862 году.....	20.687.293
„ 1863 „	78.781.606
„ 1864 „	101.877.779
„ 1865 „	73.824.148
„ 1866 „	74.963.793
„ 1867 „	64.741.088
„ 1868 „	53.389.212

На основаніи ст. 150 Пол. о выкупѣ назначено четыре срока въ годъ для выдачи выкупныхъ бумагъ, но такъ какъ нѣтъ свѣдѣній по четвертямъ года, то мы примемъ что уплата должна начинаться только съ 1го янв. слѣдующаго года, и пользуясь извѣстными таблицами Виолена, вычислимъ сколько по ссудѣ каждаго года должно быть уплачено капитала къ 1му января 1870 года.

По ссудамъ 1862 года.....	1.684.351
„ 1863 „	5.317.834
„ 1864 „	5.629.354
„ 1865 „	3.181.892
„ 1866 „	2.363.230
„ 1867 „	1.327.190
„ 1868 „	533.892
	<hr/> 20.334.743

Итакъ, при самомъ снисходительномъ вычисленіи, сумма погашеннаго крестьянами долга превышаетъ 20 милліоновъ. Соответствуетъ ли она суммѣ уплаченныхъ по тиражамъ билетовъ 2го выпуска, мы не знаемъ; но если память насъ не обманываетъ, то едва ли она ея не превышаетъ и весьма значительно. Можетъ-быть часть ея отчислена въ запасный капиталъ? Все это вопросы которые легко могла бы разъяснить редакция *Ежегодника министерства финансовъ*. Наше вычисленіе въ 20 милл. не точно, но оно ниже дѣйствительности, и мы весьма желаемъ чтобы неточность наша была исправлена, но только съ большею осмотрительностію нежели составлены свѣдѣнія *Ежегодника* по выкупной операціи (выпускъ Iй), гдѣ на стр. 147, въ первомъ столбцѣ процущены 20.687.229 р. ссуды за 1862, которые находятся на стр. 141 того же выпуска. Какъ же послѣ этого подводятся итоги если 20 милл. ни почему, тогда какъ внѣшняя точность такова что при итогѣ въ 19.738.994 всей выкупленной крестьянами земли показаны и 2.031 квадр. саж., то-есть повидимому соблюдена точность до $\frac{1}{6}$ десятины?

В. Р.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ

(ОТВѢТЪ Г. ПЫЛИНУ.)

Г. Пылинъ счелъ полезнымъ откликнуться въ *Вѣстникъ Европы* на статью мою *Идеалисты и реалисты*, вызванную его книгой объ *Общественномъ движеніи при Александрѣ I*. Мое воззрѣніе на книгу г. Пылина извѣстно читателямъ *Русскаго Вѣстника* (№ 7); въ настоящемъ же случаѣ мнѣ кажется не лишнимъ обратить ихъ вниманіе и на самого автора этой книги, такъ какъ онъ въ нѣкоторомъ отношеніи представляетъ предметъ любопытный для наблюдателя.

Г. Пылинъ обладаетъ способностью группировать факты и представлять ихъ въ осязательномъ видѣ; разказъ льется у него занимательно, и вниманіе читателя поддерживается съ начала до конца. Чего же не достаетъ г. Пылину чтобы заслужить почетное названіе историка? Уваженія къ наукѣ, серьезности мысли и точности слова; онъ слабъ понятіемъ. Въ этомъ именно заключается поучительность и даже типичность г. Пылина, какъ предмета наблюденія: писательскія достоинства его суть слѣдствіе индивидуальныхъ его качествъ, а важные его недостатки суть результатъ извѣстныхъ условій нашего общества.

Много было писано въ послѣднее время о недостаткахъ русской школы, и г. Пылинъ представляетъ своею особою неоспоримое тому доказательство. Русскіе мальчики не менѣе,

напримѣръ, германскихъ или англійскихъ способны отъ природы; но если ученику который не овладѣлъ еще правописаніемъ начинаютъ читать Лермонтова и Гоголя съ комментаріями; если развиваютъ „высшіе взгляды“ и „историческія задачи“; если объясняютъ характеръ рыцарства и вліяніе Византіи на Россію мальчику который еще не успѣлъ образоваться ни одного понятія въ своей головѣ; если, пользуясь уроками языкоученія и чистой математики, не приучили его къ строго-логическому мышленію, къ точному уясненію каждаго принимаемаго имъ представленія и къ точному же выраженію каждой мысли, то будетъ ли онъ въ состояніи, спрашиваемъ, понять когда-нибудь что знаніе пріобрѣтается не иначе какъ трудомъ, что наука есть дѣло серьезное, и что говорить, и особенно говорить публично, слѣдуетъ только о томъ что знаешь досконально, что каждое понятіе имѣетъ свое содержаніе и свой опредѣленный кругъ и каждое слово—свое опредѣленное значеніе? Нѣтъ, изъ такого человѣка выйдетъ ничто иное какъ верхоглядъ, фразеръ и ни къ какому серьезному труду не пригодный человѣкъ. Чѣмъ болѣе природа дала ему способностей тѣмъ хуже, потому что тѣмъ болѣе будетъ казаться ему легкимъ все трудное, неважнымъ и скучнымъ все строгое и серьезное, заманчивымъ все шумящее, блестящее, одуряющее.

Таковыми людьми было богато царствованіе Александра I и особенно первые годы этого царствованія. Удивительное, фантастическое, невѣроятное было это время! Изъ Италіи; изъ Англіи, изъ малороссійскихъ своихъ деревень слетѣлись въ Петербургъ юноши (не лѣтами, а понятіями), какъ гусарскіе корнеты получившіе громадное наслѣдство, каждый съ своею особенною фантазіей. Надо освободить крестьянъ, рѣшаетъ одинъ сидя въ своемъ дормезѣ; надо дать Россіи конституцію, провозглашаетъ другой; à bas всѣ трактаты и всѣ союзы, восклицаетъ третій,—„Англія наша естественная союзница“ и больше ничего намъ не надо; надо „перестроить все безобразное зданіе Русскаго государства“, заключаетъ четвертый. Прекрасно; будемъ перестраивать, освобождать, конституировать; но покажите же ваши проекты. Ихъ-то и не бывало! Почему? Потому что эти господа не въ состояніи были, въ то время о которомъ здѣсь говорится, составить что-либо похожее на проектъ; они могли только мечтать, строить воздушные замки, подавать „des idées“, предоставляя разраба-

тивать ихъ и *coucher tout cela sur le papier* другимъ. Къ несчастію, этихъ „другихъ“ не находилось. Одинъ изъ юныхъ фантазеровъ, и притомъ самый радикальный, садится самъ писать конституцію, и что же? Онъ конечно не доводитъ ее до конца,—и что же могли довести до конца люди такого закала!—но дописываетъ однакожь достаточно чтобы мы съ удивленіемъ увидѣли выходящимъ изъ-подъ пера этого республиканца радикально противоположное тому что онъ хотѣлъ.

Какой любопытный сюжетъ представляетъ эпоха въ которую случались такіа чудеса, для мыслителя, для человѣка нѣсколько знакомаго съ государственными науками, для историка въ настоящемъ значеніи этого слова, особенно если онъ не только рисовальщикъ, но и колористъ! Вотъ сюжетъ который избралъ г. Пылинъ; но прогуливаясь въ этой нѣкотораго рода кунсткамерѣ, онъ.... „слона и не замѣтилъ“. Напротивъ, люди о которыхъ только что сказано, въ его глазахъ и суть именно

.... тѣ отечества отцы

Которыхъ мы должны принять за образцы,

подъ опасеніемъ прослыть ретроgrадами и получить оскорбительное, по мнѣнію г. Пыпина, названіе консерваторовъ! Это и суть именно тѣ люди о которыхъ, и исключительно о которыхъ, съ любовью и уваженіемъ отзывается историкъ „общественнаго движенія“ въ 25ти-лѣтнее громкое царствованіе Александра I.... И знаете ли почему? Потому что онъ самъ очень похожъ на нихъ. Подобно тѣмъ кого онъ великодушно взялъ подъ свою защиту, онъ способенъ только сочувствовать или не сочувствовать; впечатлѣніе рѣшаетъ у него философскіе вопросы, а мыслящія его силы состоятъ лишь на службѣ у его нервовъ: имъ предоставлена только роль исполнительная; законодательствовать онѣ не могутъ. Вдуматься въ какое-нибудь явленіе, остановиться мыслию и поработать ею въ продолженіи получаса надъ однимъ предметомъ, обследовать его со всѣхъ сторонъ, уяснить себѣ вопросъ и выразить его отчетливымъ словомъ,—всего этого не дала ему школа, а еще менѣе та среда гдѣ онъ обращается. Его даже удивляетъ что находятся люди которые требуютъ отъ него отчета въ томъ что онъ хочетъ сказать, которые желали бы чтобы онъ объяснилъ за что именно, за какія заслуги и ошибки, перебирая людей давно минувшаго времени, онъ рукоплещетъ од-

нимъ и осмистываетъ другихъ? Знаетъ ли онъ хорошенько тѣ дѣла и тѣхъ людей о коихъ судить? Все это, по его мнѣнію, придирки, ретроградство, консерватизмъ, инсинуація. Онъ дѣлаетъ видъ что статья моя чрезвычайно встревожила его съ точки зрѣнія личной его безопасности, что вотъ-вотъ у дверей его раздастся звонъ шпоръ и звяканье жандармской сабли.... Можетъ-быть онъ и въ самомъ дѣлѣ тревожится и труситъ: мысль его слаба, а воображеніе игриво!

Повторяю, вникать, вдумываться, изучать предметы съ разныхъ сторонъ—трудъ для г. Пыпина непривычный, нестерпимый, да и бесполезный. У него есть фортель съ помощью котораго рѣшаются все вопросы безъ всякаго труда, мѣрка которая можетъ быть прикинута къ каждому человѣку; на этой мѣркѣ написано съ одной стороны „консерваторъ“, съ другой „либералъ“, и г. Пыпину стоитъ только прикинуть ее къ человѣку чтобы положить о немъ окончательный приговоръ. Вы можете быть великимъ астрономомъ, образцовымъ судьей, монахомъ и въ этомъ качествѣ примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей—до всего этого нѣтъ дѣла г. Пыпину. Монахъ, судья или астрономъ, отъ васъ требуется отвѣта: либералъ ли вы или консерваторъ? Г. Пыпинъ настойчиво требуетъ чтобы я сказалъ ему признаю ли я Наполеона III консерваторомъ.... *C'est une rage!*

Слабость мысли при болѣе или менѣе сильномъ воображеніи, поверхностность въ знаніяхъ и сужденіяхъ соединенная съ заносчивостью, способность увлекаться словами не вникая въ ихъ значеніе—вотъ отличительныя черты того типа который началъ развиваться у насъ съ первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка и который мы постараемся изобразить когда-нибудь въ лицѣ болѣе яркаго его представителя чѣмъ г. Пыпинъ. Впрочемъ и этотъ послѣдній, какъ мы отчасти уже видѣли, есть довольно любопытный въ своемъ родѣ экземпляръ. Онъ издаетъ исторію *Общественнаго движенія* въ Россіи въ такую-то эпоху, но не въ состояніи объяснить что разумѣетъ подъ этимъ эффектнымъ заглавіемъ. Если вы, говорятъ ему, разумѣете подъ эпитетомъ „общественный“ понятіе противоположное эпитету „правительственный“, то заглавіе вашей книги неправильно, потому что движеніе, или попытка движенія совершалась въ описываемое вами время именно въ правительственной сферѣ, тогда какъ

собственно общественныя сферы оставались довольно равнодушны къ этимъ попыткамъ. Притомъ, говорили ему, едва ли можно провести хоть сколько-нибудь опредѣленную демаркаціонную черту между правительственною и неправительственною частію образованныхъ людей въ Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка. Далѣе, говорили ему, если вы задались мыслию изслѣдовать развитіе общественной мысли въ Россіи, включая сюда лицъ правительственныхъ и неправительственныхъ, то почему же вы не касаетесь вопросовъ науки, литературы, художества, религіи, народного богатства: вѣдь это все факторы общественнаго развитія, и устранивъ ихъ вы рисковали представить дѣло въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Если бы кто вздумалъ изслѣдовать развитіе общественной мысли въ Германіи въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго вѣка и устранилъ бы то что совершалось тамъ въ области мысли и знанія, ограничился бы изученіемъ лишь политической литературы—вѣрны были бы заключенія такого изслѣдователя? Наконецъ, если какъ видно изъ содержанія вашей книги, говорили ему, васъ болѣе всего занимало развитіе собственно политическихъ мыслей въ нашемъ отечествѣ, то это могло бы быть предметомъ очень любопытнаго изслѣдованія; но въ такомъ случаѣ по какому же праву вы требуете къ отвѣту лицъ которыхъ спеціальностью вовсе не была политика?

Вопросы были поставлены ясно и категорически; посмотрите же какъ на нихъ отвѣчаетъ г. Пылинъ. „Г. Щебальскій недоумѣваетъ что собственно я разумѣю подъ *общественнымъ* движеніемъ и *общественными* понятіями, когда между прочимъ въ это движеніе я иногда включаю и правительственныя лица и правительственныя мѣры. Странно не догадаться объ этомъ по всему содержанію книги которую читалъ г. Щебальскій! Это то движеніе которое вело общество къ сознанію его собственнаго значенія въ національной жизни, выводя его изъ чисто-пассивнаго отношенія къ вопросамъ этой жизни, внушая ему стремленіе къ самодѣятельности и въ концѣ концовъ къ извѣстной стелени самоуправленія. Мысль о необходимости этой общественной самодѣятельности раждалась изъ общихъ обстоятельствъ времени, являлась и у отдѣльныхъ лицъ или въ цѣлыхъ кругахъ самого общества, и у лицъ правительственной сферы; поэтому въ

„исторію этого движенія могло одинаково входить и то, и другое по отношенію къ этой общественной идеѣ“, и т. д. Мы все находимъ тутъ: и вопросы жизни, и общественную самодѣятельность, но не находимъ разъясненія нашихъ недоумѣній. Мы просили провести демаркаціонную черту между эпитетами „правительственный“ и „общественный“, — но эта черта не проведена; мы просили опредѣлить что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „общественныя движенія“ и видимъ что это то движеніе „которое вело общество къ сознанію его собственнаго значенія въ національной жизни“: но развѣ на развитіе этого сознанія не вліяютъ степень и характеръ развитія науки, искусства, религіозныхъ понятій, народнаго богатства и т. д., о чемъ не упоминаетъ г. Пыпинъ въ своей книгѣ? Развѣ не изъ совокупности этихъ великихъ факторовъ исторіи вырабатываются, развѣ не ими разрѣшаются „вопросы жизни“?... Прочтя объясненія г. Пыпина еще болѣе убѣждаешься что онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своей задачѣ. Толковать о самодѣятельности и самоуправленіи и оставлять безъ вниманія то именно что возбуждаетъ и развиваетъ внутреннія силы какъ человѣка такъ и общества, что составляетъ элементы саморазвитія, что единственно дѣлаетъ слособнымъ къ самоуправленію, и что придаетъ неотразимую силу требованію самоуправления когда оно будетъ заявлено народомъ—какъ угодно, но это не выдерживаетъ критики....

Конечно, г. Пыпинъ никогда не сознается что въ его глазахъ никакого значенія не имѣетъ все то что составляетъ внутреннее развитіе человѣка, что укрѣпляетъ его духовныя силы, но посмотрите какъ это просвѣчиваетъ въ каждой его строкѣ: „Понятно“, говоритъ онъ въ своемъ объясненіи, „если мы хотимъ слѣдить за внутренней исторіей общества отражающей собою и движеніе цѣлой націи, то въ этой исторіи должна занять важное мѣсто и исторія того сознанія которое выросло постепенно въ обществѣ и указывало истинные пути его дальнѣйшаго развитія. Для нея, конечно, не можетъ быть индифферентнымъ вопросъ насколько дѣятельность тѣхъ или другихъ направленій и людей помогала или прелятствовала развитію въ обществѣ этого „сознанія“. Казалось бы какое широкое мѣсто долженъ на этомъ основаніи г. Пыпинъ отвести Карамзину, по прочтеніи

первыхъ томовъ исторіи котораго говорили что онъ открылъ Россію! Съ какимъ сочувствіемъ слѣдовало бы, кажется, распространиться г. Пылину о тѣхъ поэтахъ, журналистахъ и переводчикахъ, которые, раскрывая предъ нашимъ обществомъ міръ идей цивилизованнаго человѣчества, содѣйствовали нашему развитію; съ какимъ уваженіемъ слѣдовало бы ему отнестись о тѣхъ ученыхъ которые раскапывали нашу старину или переносили общественную мысль въ малоизвѣстныя страны... Но ничего этого не находимъ мы въ исторіи нашего *Общественнаго движенія*, — ничего кромѣ классификаціи на либераловъ и консерваторовъ. Оказывается что г. Пылинъ даже и не подозреваетъ что дѣло могло бы быть поставлено иначе; онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „Какимъ же образомъ... писатель, историкъ, ученый можетъ стать общественнымъ дѣятелемъ, притомъ крупнымъ, какъ онъ можетъ получить вліяніе на общество если его дѣятельность не касается этого общества?“ И такъ бывший профессоръ, — ибо г. Пылинъ былъ профессоромъ, — подвергаетъ вопросу, имѣли ль вліяніе на развитіе человѣчества Беконъ, Кеплеръ, Кантъ, Шекспиръ,...

Посмотримъ далѣе. Говоря о его книгѣ, я привелъ много фактическихъ промаховъ, обличалъ его въ незнакомствѣ какъ съ исторіей, такъ и съ политической литературой эпохи къ которой относится его монографія; не полагаете ли вы что онъ далъ хоть сколько-нибудь удовлетворительныя объясненія? Ни чуть. Его объясненія, когда онъ даетъ ихъ, похожи по своей ясности и опредѣленности на вышеприведенныя его фразы, но чаще онъ говоритъ: посмотрите на такую-то страницу — тамъ найдется совсѣмъ иначе. И что вы привязываетесь, продолжаетъ онъ: ну, если планъ преобразованій Сперанскаго написанъ былъ не въ „одно и то же время“ съ запиской Карамзина *О Древней и Новой Россіи*, то онъ написанъ полтора года раньше, — не все ли равно? Пусть Екатерина не воевала съ Франціей, пусть Александръ I не наследовалъ ей, и его войны не были слѣдовательно „продолженіемъ ея политики“, — но вѣдь вы понимаете что я хочу сказать?... Понять-то понимаемъ, и даже промолчали бы, еслибы на основаніи этихъ и многихъ другихъ извращенныхъ фактовъ нашъ изслѣдователь не клалъ самые фантастическіе приговоры и не приходилъ къ самымъ ложнымъ заключеніямъ.

Ни точности касательно фактовъ, ни серьезной оцѣнки способностей, заслугъ и ошибокъ государственныхъ лицъ о которыхъ говоритъ г. Пылинъ, ни обдуманнаго сужденія о цитируемыхъ имъ законодательныхъ мѣрахъ, ни мнѣнія объ удобопримѣнимости ихъ или хотя о степени ихъ разработанности—ничего этого онъ не хочетъ знать; онъ не отдаетъ себѣ отчета даже въ томъ какая разница между „des idées“ наскоро набросанными, общимъ планомъ всесторонняго преобразованія цѣлой государственной машины, и подробнымъ проектомъ вносимымъ на обсужденіе высшихъ государственныхъ учреждений по поводу учрежденія напримѣръ государственнаго совѣта.... Да и то сказать, откуда же ему знать это? Исторіей онъ никогда не занимался и сдѣлался историкомъ экспромтомъ. Можно бы думать что онъ болѣе знакомъ съ беллетристикой; но въ этой сферѣ его занимаетъ вопросъ о томъ единственно кто „либераль“ и кто „консерваторъ“, да и эта узенькая задача, далеко не оправдывающая заглавія, крайне не полно имъ разработана; онъ не обращаетъ вовсе вниманія на журналистику первой четверти нашего вѣка, хотя *Сынъ Отечества*, тогдашній *Русскій Вѣстникъ* и особенно *Духъ Журналовъ* Яценкова представляютъ любопытныя данныя для изслѣдованія о развитіи собственно политическихъ понятій въ Россіи. Впрочемъ.... Справедливы ли всѣ эти требованія въ отношеніи къ г. Пылину? Въ объясненіи своемъ онъ говоритъ что журнальныя статьи пишутся на-скоро, и что книга его это тѣ же журнальныя статьи только сброшюрованныя вмѣстѣ.... Вотъ это другое дѣло. Тутъ критикъ точно нечего дѣлать. Но если такъ, то неужели справедливо что г. Пылинъ, на основаніи этихъ наскоро набросанныхъ статей, предъявляетъ претензію проникнуть въ Академію и притомъ по отдѣлу исторіи? Если это такъ, то черезъ годъ или два мы вѣроятно увидимъ г. Мордовцева въ креслахъ Миллера и Шлецера или преемникомъ Карамзина въ званіи исторіографа.

Еще два слова. Г. Пылинъ не только отвѣчаетъ на мой разборъ его сброшюрованныхъ статей, не только возражаетъ на нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній: онъ бранится, хотя, — и въ этомъ я ссылаюсь на всѣхъ читателей *Русскаго Вѣстника*, — я соблюлъ въ отношеніи къ нему всѣ литературныя приличія. И такъ г. Пылину предоставлено трепать имя Карамзина, а въ отношеніи къ самому г. Пылину не будетъ допу-

цена обыкновенная, не выходящая изъ строгихъ границъ критика? Или это тоже „либерализмъ?“ Или одно изъ отличій „либераловъ“ состоитъ въ сходствѣ съ ломовыми извозчиками? По крайней мѣрѣ это послѣднее качество фаланги „либераловъ“ къ которой принадлежитъ г. Пылинъ отличаетъ ихъ отъ ихъ дѣдовъ. Либералы Александровскихъ временъ были слабы мыслию, но оставались джентльменами. Тилъ идеалистовъ въ области знаніи и мысли, тилъ либеральныхъ болтуновъ видоизмѣнился слѣдовательно не къ лучшему!

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.